

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный институт

Проблемы толерантности: история и современность

*Материалы Международной научной конференции
(г. Череповец, 16 – 18 апреля 2015 г.)*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект №15-01-14059 «Международная научная конференция
“Проблемы толерантности: история и современность”»*

Череповец
2015

УДК 316
ББК 60.5
П78

Рассмотрено на заседании кафедры истории и философии, протокол № 8 от 15.04.15 г.
Одобрено НТС ЧГУ, протокол № 7 от 16.04.15 г.

Редакционная коллегия:

Л.Е. Беженару, канд. филол. наук, доцент (г. Яссы, Румыния)
А.Н. Егоров, д-р ист. наук, проф. – отв. редактор (г. Череповец, Россия)
С.С. Касаткина, канд. филос. наук, доцент (г. Череповец, Россия)
О.В. Козлова, канд. филос. наук, доцент (г. Череповец, Россия)
Т.Л. Лабутина, д-р ист. наук, проф. (г. Москва, Россия)
А.Е. Новиков, канд. филол. наук, доцент – отв. редактор (г. Череповец, Россия)
Б.В. Петелин, д-р ист. наук, проф. (г. Череповец, Россия)
О.Ю. Солодянкина, д-р ист. наук, проф. – отв. редактор (г. Череповец, Россия)

Рецензенты: Н.В. Косорукова, канд. ист. наук, доцент (г. Череповец, Россия)
А.В. Камкин, д-р ист. наук, проф. (г. Вологда, Россия)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект №15-01-14059 «Международная научная конференция
“Проблемы толерантности: история и современность”»*

П78 Проблемы толерантности: история и современность: Материалы Международной научной конференции (г. Череповец, 16 – 18 апреля 2015 г.): Сборник научных работ / Отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. – Череповец: ЧГУ, 2015. – 150 с.

ISBN 978-5-85341-654 -3

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Проблемы толерантности: история и современность» (г. Череповец, 16 –18 апреля 2015 г.), включающие доклады ученых, аспирантов, магистрантов, студентов российских и зарубежных вузов, в которых анализируются исторические, политико-правовые, культурно-философские, религиозные, этнические, литературно-художественные, социальные, воспитательно-образовательные аспекты проявлений толерантности/нетолерантности в жизни общества.

Издание предназначено для преподавателей, аспирантов, студентов различных специальностей, всех интересующихся проблемами толерантности/нетолерантности в общественных отношениях.

ISBN 978-5-85341-654 -3

© Авторы, 2015

© ФГБОУ ВПО «Череповецкий
государственный университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

<i>Кузьмина М.В. (г. Москва)</i> Пределы толерантности (терпимости) во французском обществе XIV–XV веков	5
<i>Алексеев С.А. (г. Череповец)</i> Взаимоотношения в среде служилых людей Белозерского уезда в первой половине XVII века (русские дворяне и иноземцы)	7
<i>Мауль В.Я. (г. Нижневартовск)</i> Толерантность русского бунта (по материалам пугачевского восстания)	10
<i>Тихомиров С.А. (г. Вологда)</i> Отношение к военнопленным армии Наполеона как зеркало русской толерантности (на материалах Европейского Севера России)	12
<i>Егорова Ю.С. (г. Вологда)</i> Письма Анны Фуругельм как источник по изучению проблем толерантности в российских колониях на Аляске (вторая половина XIX века)	15
<i>Хайлова Н.Б. (г. Москва)</i> «Терпимость – религия будущего»: взгляд русских либералов-центристов начала XX века	17
<i>Вострикова В.В. (г. Орел)</i> Российские либералы начала XX века о толерантности как основе межнациональных отношений	19
<i>Егоров А.Н. (г. Череповец)</i> Толерантность и национализм (на материалах полемики по «украинскому вопросу» в России начала XX века)	21
<i>Гайкин В.А. (г. Владивосток)</i> Массовые убийства гастарбайтеров в Японии в сентябре 1923 года	24
<i>Пахолкова Т.В. (г. Череповец)</i> Враги народа 1930-х годов: региональный контекст	25
<i>Тумаков Д. В. (г. Ярославль)</i> От жесткого неприятия к относительной толерантности: криминальные отклонения в СССР в 1940-е годы в официальном и народном восприятии	27
<i>Петелин Б.В. (г. Череповец)</i> Толерантность в контексте современной истории: между идеологией и политикой	29

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

<i>Прохоров Д.А. (г. Симферополь)</i> Законодательные аспекты восприятия «иностранцев» после присоединения Крыма к России (конец XVIII – вторая половина XIX века)	32
<i>Булдаков В.Е. (г. Киров)</i> Нетолерантность нацистской пропаганды	34
<i>Марков Е.А. (г. Череповец)</i> Пропаганда как информационное оружие в годы Великой Отечественной войны	36
<i>Христенко Д.Н. (г. Ярославль)</i> Мальком Х и борьба за гражданские права в США: эволюция афроамериканского радикала	38
<i>Князева С.Е. (г. Москва)</i> Политическое завещание Пальмиро Тольятти как модель толерантности во внешней политике	40
<i>Добровольский Е.С. (г. Череповец)</i> Биконфессионализм и толерантность: роль ХДС в послевоенной политической истории Германии	42
<i>Эванс Э. (Калифорния, США)</i> Демократизация Г. Волжского, Россия	44
<i>Клименко Е. В. (г. Санкт-Петербург)</i> Государственные программы формирования толерантности: эффективная стратегия борьбы с ксенофобией или (вос)производство расизма?	49
<i>Тотмянин Н.Д. (г. Череповец)</i> Толерантность в системе ценностей американской политической культуры	51
<i>Аронов Д.В. (г. Орел)</i> Толерантность в международном публичном праве – проблемы и перспективы конвергенции	54
<i>Андроуцук В.А. (г. Череповец)</i> Современная модель взаимодействия права и справедливости в обществе	56

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

<i>Исаков А.А. (г. Арзамас)</i> Толерантность и просветительские концепции морали	58
<i>Амброзьяк Д. (г. Опале, Польша)</i> Культурные феномены женского отличия в России XIX века и проблема толерантности	60
<i>Седов А.В. (г. Череповец)</i> Проблема толерантности в «Розе мира» Д. Андреева	63
<i>Ермаков А.М. (г. Ярославль)</i> Пропаганда антисемитизма в детских книгах издательства «Штурмер»	65
<i>Виноградова М.П. (г. Ярославль)</i> Апология нордической расы в философии Гюнтера	67
<i>Клитцинг Е. (г. Ахен, Германия)</i> Недопустимая толерантность: опыт взаимодействия представителей российской и немецкой культур в условиях принудительного труда на территории нацистской Германии, 1941–1945	69
<i>Колокольчикова Р.С. (г. Череповец)</i> Толерантность как фактор повседневности в условиях трудовых миграций на новостройки промышленных городов Европейского Севера России в 1970-е годы	72
<i>Яо Чуньюй (г. Шанхай, Китай)</i> Толерантность культур в свете глобализации	74
<i>Мухина И.Н. (г. Череповец)</i> Шопинг в системе современных европейских ценностей	76
<i>Даренина М.С. (г. Череповец)</i> Проблематика межкультурного взаимодействия мигрантов и коренного населения России	78

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

<i>Прохорова Т.А. (г. Севастополь)</i> Межэтнические коммуникации в Крыму в первой половине XIX века глазами английского путешественника Э. Спенсера	81
<i>Стрелец М.В. (г. Брест, Республика Беларусь)</i> Отношение Максима Горького к евреям как образец толерантного отношения титульного этноса к нетитульному	83
<i>Сорвина М.Ю. (г. Москва)</i> Современная мирная инициатива по урегулированию межэтнической проблемы Южного Тироля	85

<i>Янь Кай (г. Шанхай, Китай)</i> Толерантность/нетолерантность как черта китайского менталитета	87
<i>Хисматуллин И.Р. (г. Уфа)</i> О некоторых проблемах этнополитических процессов в Республике Башкортостан	90

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ КОНТЕКСТЕ

<i>Федорович М.Ю. (г. Москва)</i> Императоры Священной Римской империи и религиозная толерантность в середине XVI века	93
<i>Алексеева Н.В. (г. Череповец)</i> Изменения государственной политики в отношении исполнения таинства исповеди в России в начале XVIII века	95
<i>Лабутина Т.Л. (г. Москва)</i> Концепция веротерпимости в идеологии английского Просвещения	97
<i>Глотова С.Н. (г. Борисоглебск)</i> Терпимость и толерантность в православном понимании	99
<i>Гончарова Е.Н. (г. Белгород)</i> Феномен новой религиозности в условиях формирования современного общества	101

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

<i>Новиков А.Е. (г. Череповец)</i> Ф.М. Достоевский о проявлениях терпимости русского народа по отношению к преступникам	103
<i>Антонова З.В. (г. Череповец)</i> Толерантность в творчестве Уилки Коллинза	104
<i>Козловская Н.В. (г. Санкт-Петербург)</i> Терпимость и нетерпимость в «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова: лингвистический аспект	105
<i>Лаврова С.Ю., Рыбакова Н.А. (г. Череповец)</i> «На твой безумный мир / Ответ один – отказ...»: Марина Цветаева в контексте мирового протеста	107
<i>Беженару Л. (г. Яссы, Румыния)</i> «Лад» В.И. Белова как русская модель мира	110
<i>Сухарева Н.П. (г. Череповец)</i> К определению понятия толерантности в межкультурной коммуникации: валентностные свойства (на материале немецкого языка)	113
<i>Жэнь Гуансюань (г. Пекин, Китай)</i> О толерантности китайских переводчиков	114

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Макаров Ю.А. (г. Санкт-Петербург)</i> Толерантность и общество: истоки и перспективы	117
<i>Козлова О.В. (г. Череповец)</i> Проблемы толерантности и ее границ в современном мире	118
<i>Арпентьева М.Р. (г. Калуга)</i> Толерантность и мультикультурализм в общественных отношениях	120
<i>Балюшина Ю.Л. (г. Череповец)</i> Толерантность как фактор развития социального государства	122
<i>Солодянкина О.Ю. (г. Череповец)</i> Толерантность/нетерпимость в сфере домашнего образования и воспитания: опыт дворянских семей Российской империи	124
<i>Фафурдинова Е.В. (г. Архангельск)</i> «Исключительные дети». Проблема толерантности в практике интегрированного и инклюзивного образования	126
<i>Смирнова О.В. (г. Череповец)</i> Проблемы толерантности в современном образовательном процессе	128
<i>Лин Денг (г. Шанхай, Китай)</i> Толерантность в вузовском преподавании	129
<i>Самойличенко Н.В. (г. Вологда), Серебрякова С.Г. (Санкт-Петербург)</i> Толерантность и молодежь	131
<i>Мальшева М.М. (г. Москва)</i> Толерантность в современной семье	133
<i>Мишарева Т.Ф., Воронина Л.В. (г. Череповец)</i> Толерантность и справедливость в современном российском обществе	136
<i>Касаткина С.С. (г. Череповец)</i> Город как контекст проблем толерантности современного общества	137
<i>Ковалева Г. А. (г. Череповец)</i> Методы изучения толерантности по отношению к представителям квир-сообществ	139
<i>Никитинская А.А. (г. Череповец)</i> Физиологическая толерантность как фактор снижения суицидального риска у подростков с ограниченными возможностями здоровья	141
<i>Воробьева И.Н., Бабаева Н.Б. (г. Череповец)</i> Формирование толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями как социальная проблема	143
<i>Мартюшова Е.Д. (г. Череповец)</i> Толерантность как одно из базовых качеств социального работника	145

Сведения об авторах

Толерантность в исторической ретроспективе

М.В. Кузьмина
г. Москва

ПРЕДЕЛЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ (ТЕРПИМОСТИ) ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIV–XV ВЕКОВ

Одно из многочисленных определений понятия «толерантность» – уважительное отношение к «Другому», и как к другому человеку, и как к другой культуре, т.е. признание за «Другим» ценности, равной себе, благожелательное отношение к присутствию «Другого», его мнению, признанию того, что существуют различные пути, ведущие к истине [1, 4–5]. Современная семантика этого понятия сформировалась довольно поздно и не вполне совпадает с тем, что понималось под «толерантностью» в Средневековье. Более того, средневековый человек, если он не был богословом, практически не использовал слово «толерантность» в повседневной жизни. Поэтому «толерантность» применительно к этой эпохе должна больше ассоциироваться с понятием терпимости в религиозном смысле, которое подразумевает также смирение и терпение. И хотя терпимость была неотъемлемой частью христианского нравственного закона, выраженного в Нагорной проповеди, она, являясь основой христианского воспитания, в условиях реальной жизненной ситуации имела свои пределы, которые определялись многими факторами.

Действительно, вся жизнь средневековой цивилизации (и культурная, и социальная) была пронизана христианской этикой, находила в ней свое оправдание и целеполагание. Высшей ценностью являлась любовь к Богу, она была основой спасения христианина. И поскольку все люди созданы Богом по своему образу и подобию, то это уже предполагало необходимость терпимого отношения друг к другу. Любовь здесь является проявлением и необходимым условием терпимости, причем проявлением такой любви к Богу будет и любовь к ближним. Однако то, что положено как идеал, в жизни, оставаясь путеводным принципом, неизбежно приобретает иные формы или вовсе может отходить от него. И тогда мы можем говорить о нетерпимости. В конечном

итоге, степень терпимости и нетерпимости к другим оказывается вопросом собственной идентификации.

Тесно связанным с понятием любви к ближнему оказывается и понятие «терпение», правда, оно, включая в себя и религиозную составляющую, несет, как нам кажется, более личностные коннотации, указывающие на поведенческие формы эмоциональных переживаний отдельно взятого человека, внешне имеющих выражение в смирении и послушании.

Однако, помимо ведущей роли христианской этики, в Средние века совершенно необходимо учитывать и то, что каждый человек был связан профессиональными, семейными узами, которые также определяли его жизненные приоритеты и сам *opus vivendi*. Его принадлежность к определенному социальному кругу, линьяжу (семье), корпорации, церковному приходу – все это в конечном итоге и влияло на формирование понимания того, что допустимо и недопустимо в поведении и взаимоотношениях с другими людьми.

Можно было бы выделить несколько основных уровней выражения терпимости к «Другому», «Чужому», в рамках которых терпимость (толерантность) варьировалась, и где индикатором является степень враждебного отношения. Другими словами, говоря о «других» или «чужих», мы подразумеваем «иных» по вере, этнически, социально, гендерно и даже географически. Пределы терпимости в этом смысле не были жестко определенными, они могли меняться.

Источники, на основе которых сделан предварительный анализ проблемы терпимости, – это как анонимные, так и имеющие авторов, «дневники», хроники и сочинения, принадлежащие людям разного происхождения, положения и пола. Важно также отметить, что, если влияние христианских моральных норм действительно невозможно отрицать, то о реальном претворении их в жизнь или, скорее, о

формах их усвоения и выражения можно спорить.

Социальные границы толерантности были, пожалуй, одними из самых труднопреодолимых. Огромную роль во французском обществе XIV–XV вв. играли семья или в расширительном смысле – род (*lig-nage*) и сословие. Вот как определяет границы уважительного отношения к родственникам и другим людям автор известного сочинения “*Le Ménagier de Paris*” – иногда называемого «Парижский домохозяин» или «Парижский Домострой», написанный в самом конце XIV в. Супруга должна прежде всего уважать: своих отца и мать, своих предков, родных братьев и сестер, мужа и только затем уже – прочих благодетелей и господ, братьев и сестер по Адаму и Еве [7, с. 77–78]. Принадлежность к определенному сословию – “*estat*”, а также к какой-либо корпорации – один из важнейших критериев для определения «своих» и «чужих». Автор предостерегает супругу от общения с людьми не их сословия. Ему вторит и Кристина Пизанская, поучающая дочерей и жен буржуа не ходить туда, где будет нанесен ущерб их сословной чести [3, с. 181]. Сохранение социального мира и более узко – мира в семье – это залог сохранения своей идентичности. Иметь порядок и мир для человека XIV–XV вв. – это значит жить в обществе, в котором каждый занимает место, ему предназначенное, и делает свое дело. Другими словами, терпимость к «чужим» по социальному статусу, возможна тогда, когда соблюдается правило: «каждое сословие делает свое дело». Это и определяет структуру сословного мышления, обоснование специфического образа жизни, особый стиль воспитания, в котором вопросы терпимости также приобретали специфическую окраску.

В этом смысле этнически чужие люди вызывают недоверие и отчужденность. Автор «Дневника Парижского горожанина» – “*Journal d’un bourgeois de Paris*” (1405–1449), – описывая встречу с цыганами, впервые появившимися в Париже в 1427 г., удивлен как их внешнему виду (женщины чересчур черные), так и образу жизни, отличному от образа жизни парижан [4, с. 237–238]. Вспомним в этой связи образы врагов-мусульман, лица которых в миниатюрах окрашивали черным цветом, в средневековой символике имеющем негативные коннотации. Бродяжничество вообще не поощрялось, если только это не было паломничество. Склонность чужаков к обману и воровству вызывала недоверие и отчужденность, хотя они и представлялись христианами. Отношение к иностранцам-христианам было более дружественное, даже если они были чужаками и врагами (как англичане времен Столетней войны, например), чего не скажешь о сарацинах – так называли всех мусульман, которых всегда ассоциировали с врагами. О евреях (инаких и этнически, и конфессионально) не говорили как о врагах, но их презирали, поскольку они выполняли хотя и необходимую в обществе функцию ростовщиков, но греховную, с точки зрения христианской этики. К концу XIV в. евреи во Франции подвергались не раз изгнанию и погромам. Автор анонимной парижской хроники первой половины XIV в. ассоциирует всех евреев с ростовщиками (коиими и были многие из них) и «другими зло-

вредными людьми» – “*mauvaises gens*” [4, с. 106], исключая из этой категории англичан, к которым власти применили некие репрессивные меры, вполне понятные по отношению к евреям, но не к англичанам, что и удивляет хрониста. Правда, упомянутый выше «Парижский Домохозяин» приводил с некоторой долей одобрения в пример еврейский закон о побитии камнями неверных жен, при этом все-таки оговариваясь, что он против такой жестокости.

Если говорить о внутрисословных и гендерных связях, то и тут мы можем наблюдать непростые отношения, основанные на сословных представлениях, когда даже любви, по мнению рыцаря де Ла Тур Ландри, достойны лишь славные рыцари и оруженосцы [2, с. 199–200]. Терпимость к другим сословиям в этом смысле вряд ли возможна, поскольку речь шла о чести линияжа. Другое дело – при осуждении и четком очерчивании возможных границ существования – вынужденного признания такого явления как проституция. В XIV веке во Франции было узаконено существование публичных домов и проституток, поскольку они приносили пользу, умеряя пыл холостяков и женатых отцов семейств. Общество принимало их существование, поскольку они способствовали социальному миру: каждый выполняет предназначенное ему и потому принимается окружающими людьми. Но как только те же проститутки позволяли себе одеться несообразно со своим статусом, их ждало наказание. У них конфисковывали серебряные и золотые изделия, меха, а жить и работать они могли только на определенных улицах.

Широко распространенный в Средневековье обычай шаривари – «кошачьего концерта» – являлся проявлением нетерпимости к нарушению общепринятых матримониальных норм, сохраняя социальный порядок и семейный мир. Плата, которую получали организаторы этих концертов, фривольных или открыто непристойных, для прекращения насмешек над новобрачными, предназначалась для того, чтобы показать, что нарушение норм преодолено. Нетерпимость переходила в признание. Поводом для шаривари могли быть: разница в возрасте супругов; разница в их социальном положении; предсудительное поведение одного из молодоженов; присутствие в одежде беременной невесты атрибутов девственности; свадьба вдовы или вдовца после непродолжительного траура по умершему супругу. Обычай шаривари, таким образом, в качестве формы нетерпимого отношения к нарушению привычных норм в условиях нехватки невест и женихов служил регулятором матримониальных отношений [6, с. 18–20, 35–36].

Кристина Пизанская полностью подтверждает необходимость сословной градации и связанной с этим этики, замечая, что: «*Определенно, это доброе правило, что каждая женщина имеет ту одежду и то положение, которые соответствуют ей и ее мужу... так пристало поступать любой женщине, которая желает сохранить доброе имя (bonne reputation)... И поэтому во Франции, которая является самым благородным королевством в мире, и где все должно быть устроено согласно старинным обычаям ..., не подобает, чтобы жена крестьянина*

занимала то же положение, что и жена городского ремесленника, а жена ремесленника была похожа на жену буржуа, жена буржуа – на демазель, демазель же была как дама, дама – как графиня или герцогиня, графиня или герцогиня – как королева; таким образом, каждая должна занимать свое собственное положение, и так же, как существует разница в образе жизни людей, такая же разница есть и в их положении. Но эти правила не соблюдаются хорошо в наши дни во Франции...» [3, с. 178–184].

Войны, болезни, эпидемии, голод являлись неотъемлемой частью жизни средневекового человека, постоянно ставя его на грань жизни и смерти, а насилие было каждодневной практикой. Человек руководствовался принципом выживания, поэтому принцип терпимости постоянно подвергался коррекции. Особенно когда речь идет о самоидентификации человека в процессе формирования национального самосознания, что происходило и благодаря войне, и благодаря тем кошмарам, которые сопровождают любую войну.

Терпимое отношение к тем, кого мы могли бы определить в терминах нашего дня как «сограждане», а уж тем более к врагам (роли при этом врагов и друзей могли меняться), во время войн не было постоянным, вплоть до полного неприятия и открытой враждебности. Терпимость – непостоянная величина. Англичане и французы периода Столетней войны – хороший пример в этом смысле. Автор «Дневника Парижского горожанина» порой склонен терпимее относиться к англичанам, уж коль скоро они далеко от Парижа, а вот сторонников графа Арманьяка – французов – сравнивать с сарацинами, т.е. врагами.

Приходится констатировать, что вопрос о толерантности, или, в нашем контексте, терпимости, сложен и неоднозначен. Христианство этого периода еще не знало в подлинном смысле, что такое толе-

рантность, которая, как представляется, имеет и свои пределы, и свои негативные стороны.

Французское общество XIV–XV веков – это общество на переломе, период начала формирования наций, зарождения иных, нежели феодальные отношения, это зарождение индивидуализма, но это все еще общество, в котором христианская этика, тесно переплетенная с сословной и корпоративной этикой, способствовала цементированию общества. Индивид еще пока не ощущал себя личностью, независимой и отдельной от других. Его семья, сословие, корпорация, религиозное братство и соседские связи позволяли ощущать себя социально защищенным, поэтому терпимость была естественной именно в этих границах. Однако экономические, политические изменения, в том числе грядущий раскол на католиков и протестантов и религиозные войны, поставят вопрос веротерпимости и в целом толерантности на новый уровень.

Литература

1. Баева, Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии / Л.В. Баева. – Астрахань, 2009.
2. Из книги рыцаря Делатур Ландри, написанной в назидание его дочерям // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. – М., 1991.
3. Christine de Pisan. Le livre des trois vertus. – P., 1989.
4. Chronique parisienne anonyme du XIVe siècle. – Publ. par A. Hellot. – Nogent-Le-Rotrou, 1884.
5. Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449. – Ed. A. Tuetey. – P., 1881.
6. Le Charivari. Actes de la table ronde organisée à Paris, 25–27 avril 1977. – Éd. Jacques Le Goff, Jean-Claude Schmitt. – P., 1981.
7. Le Ménagier de Paris. – Éd. par Georgina E. Brereton et Janet M. Ferrier. – P., 1994.

С.А. Алексеев
г. Череповец

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СРЕДЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ БЕЛОЗЕРСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА (РУССКИЕ ДВОРЯНЕ И ИНОЗЕМЦЫ)

Тема толерантности в историческом процессе требует изучения конкретных примеров. Таким уникальным случаем предстают взаимоотношения землевладельцев Белозерья в первой половине XVII века.

Развитие светского феодального землевладения в Белозерском уезде в XVII в. было связано с массовым испомещением служилых людей на его территории начиная с 1612 г., предпринятое руководством Второго ополчения [2, с. 282]. Вокруг земли в прямом, да и переносном смысле вращалась жизнь Русского государства и общества XVII века, как и всей эпохи Средневековья. Смутное время обострило проблему подтверждения прав на поместную и вотчинную землю [6, с. 184].

Процесс массового отдела земли служилым людям на протяжении 1613–1615 гг. шел постоянно, имел пульсирующий характер. Группами и индивидуально они получали в Белозерском уезде земли и, судя хотя бы по приведенным данным Печатного приказа, этот поток новых помещиков был интенсивным. Разумеется, получение запечатанной грамоты не означало автоматическое получение поместья, особенно во время ведения военных действий на территории самого уезда, где происходили столкновения с казаками.

Раздача дворцовых и черных земель в Белозерском уезде совпала с всплеском в развитии правительственного законодательства, посвященного вопросам поместного землевладения. Практически все

царские указы и боярские приговоры напрямую имели отношение к белозерским помещикам.

Кто же стал помещиком? По платежнице 1615–1616 гг. определено наличие представителей 11 служилых «городов», включавших в себя 224 чел. Следующая группа, четко определяющаяся – иноземцы. Сначала рассмотрим ее по национальному составу. В документах не всегда четко определялась национальная принадлежность. По нашим данным, к иноземцам относятся 82 чел., из них: волошенин – 1 чел., гречанин – 2 чел., литвин – 21 чел., немчин – 20 чел., поляк – 1 чел., угренин – 1 чел., черкашенин – 3 чел., названы просто иноземцами – 33 чел. Кроме того, определяется офицерский состав из 6 чел.: прапорщики Арт Артов, Юрий Арцыбашев, ротмистр капитан Петр Гамильтон, капитан Яков Иванов, поручики Яков Рогановский, Денис Финс.

Следующей группой испомещенных служилых людей стали дворцовые служители. Удалось определить 17 чел. То, что она должна быть больше, не подлежит сомнению, ведь 2 декабря 1614 г. по челобитью кречетников, сокольников и ястребников Федора Стогова с 16 товарищами им была запечатана грамота на Белоозеро [5, с. 396–397].

Княжеская аристократия представлена 8 князьями. Немногочисленной группой выделяются трое стрелецких сотников. Необходимо выделить в отдельную группу поместных атаманов и казаков. С атаманами Яковом Ивановым сыном Шетыревым их было 9 чел.

Последняя группа состоит из 8 вдов, из них выделяются только вдовы кн. Щербатова и литовка Кристина с дочерью Анницей.

У 194 чел. упомянутых в платежнице определить городскую принадлежность или место в системе чинов, их социальный статус на данный момент невозможно. Учитывая, что помещиков было 544 чел. и 2 вотчинника, мы не смогли определить городскую принадлежность, социальный статус 35,5 % служилых людей землевладельцев

Доминируют две группы служилых людей: городские дворяне и дети боярские разных городов и служилые иноземцы. Первые составляли 41 %, вторые – 15 % от всех землевладельцев. Среди городских корпораций выделяется Смоленская. Смоленяне составляли 26 % всех новых землевладельцев [9, оп. 1, д. 115].

Рассмотрим социальную и городскую структуру землевладельцев по писцовой книге 1626–1627 гг. Иноземцы представлены достаточно широко. Национальный состав землевладельцев и упомянутых в писцовой книге, а затем утративших свои владения следующий: волошанин – 1 чел., еще 1 чел. упомянут, гречанин – 2 чел., литва – 22 чел., еще 17 чел. упомянуты, немчины – 26 чел., еще 29 чел. упомянуты, сербин – 1 чел., угренин – 1 чел., 2 черкашенина, 2 чел. упомянуты, поляков нет, но 2 поляка упомянуты как бывшие владельцы поместий, просто иноземцы – 36 чел., упомянуты 22 чел. Необходимо отметить 5 офицеров иноземцев, из которых только ротмистр капитан Петр Гаментон продолжал владеть помещьем в Заягорбье. Часть их земель отошла иноземцу Томасу Крову, это заставляет задуматься, не

имел он какой-либо командной должности. Таким образом, писцовая книга сообщает о землевладении 93 иноземцами, еще о 73 чел. мы находим упоминание. Различное написание имен и фамилий иноземцев затрудняет их подсчет. Кроме того, их могли записывать без указания, что он иноземец с именами и фамилиями на русский манер. Можно предположить, что их число было больше.

По писцовой книге 1626–1627 г. в Белозерском уезде, учитывая все совместные владения, всех детей, которые указаны вместе с матерями насчитывается 532 чел. Удалось установить городскую принадлежность к служилым «городам» у 250 чел. или 47 % всех землевладельцев уезда. Из них самая большая смоленская корпорация, 146 чел. или 27,4 %.

Казаки составляют 10 чел. или 1,9 %. Иноземцы составляют 93 чел. или 17,5 %. Дворцовых служителей 13 чел. с подьячим конюшого приказа или 2,4 %. В списке 11 представителей с княжеским титулом или 2 %. Учитывая, что они относятся или к уездному дворянству или к Государеву двору, целесообразно объединить всех в одну группу, где будут стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы. Она состоит из 19 чел. или 3,6 %, полагая, что 3-х учитывали по городской принадлежности, получим 3 %. Из двух стрелецких сотников, или 0,4 % один учтен в смоленской корпорации, получается 0,2 %. Столько же будет у новокрещена – 0,2 %. Приказные составляют 1,1 %. Вдовы и недоросли, за которыми записаны поместья и вотчины, составляют 23 чел. или 4,3 %. Мы видим, что преобладают две группы: представители смоленской корпорации и иноземцы, число которых может быть больше [10, кн. 591, 592].

Выясним социальную структуру по переписной книге 1646 г. Иноземцев в переписной книге 44 чел., еще 5 упоминаний о прежних владельцах: из них 6 литвинов, 12 немчинов, 28 названы просто как иноземцы, есть упоминания о владениях 1 гречанина, 1 немчина и 2 иноземцев.

Есть сведения о новокрещене Шваковском, чье поместье перешло в другие руки. Другой новокрещен продолжал владеть помещьем в Надпорожском стане Мотомской волости.

Итак, всего в Белозерском уезде с учетом совместного владения, вдов с детьми, учтено 490 землевладельцев. Установлена городская принадлежность у 216 чел., или у 44,1 % всех землевладельцев уезда. Из них господствующее место занимает смоляне, их 128 чел. или 26,1 % от всего количества. Казаки составляли 1,2 %. Иноземцы составляли 9 %. Новокрещенов было 0,2 %. Представители приказной бюрократии составили 1,2 % [10, кн. 48, 12760].

Таким образом, материалы податного обложения четко выявляют присутствие группы иноземцев в первой половине века. В целом документов об иноземцах в Белозерской приказной избе содержится очень мало. Еще Т.А. Лаптева писала о сложностях изучения иноземцев на материалах Иноземного приказа [7, с. 108–110]. Тем не менее их присутствие оставило след в приказной документации. В июне 1626 г. белозерскому воеводе предписывалось выслать иноземцев белозерских помещиков, которые «на Тулу не бывали» с мая месяца. По списку, вы-

сланному, по всей видимости, из Иноземного приказа, воевода должен был их сыскать, и «учинив наказание... бив батоги нещадно» «за порукой» выслать на службу, отправив список сысканных в Москву главе Иноземного приказа кн. И.Б. Черкасскому. Сохранился отрывок выселочной памяти служилых иноземцев на Тулу в 1630 г. Пушкарь Василий Попов в Чужбойкой волости должен был выслать на службу иноземцев «литву» 5 чел., роты Якова Рогановского [9, д. 517, л. 1]. Надо отметить, что испомещались иноземцы целыми подразделениями.

Конфликтность в среде новых землевладельцев не вызывает сомнения. Представители разных служилых городов, перетасованные Смутой и потерявшие свои владения, как смоляне, частично жогаитяне, привыкшие решать споры силой, были характерны для этой среды. Что и вызывало в 20-х годах XVII в. проведение губных полицейских мероприятий, о которых писал Глазьев. Борьба за земли, луга, убранный хлеб, рабочие руки, личные оскорбления, которые задевали честь служилых людей, становились поводом судебных разбирательств. Споры, челобитий, касающихся служилых людей, в фондах Белозерской приказной избы мы не находим. В чем причина такого толерантного отношения к иноземцам, которые отличались по вере, языку, даже военной организации? Хотелось выделить несколько моментов, которые делали ситуацию понятной.

Во-первых, правительство делало все возможное, чтобы решить земельный вопрос на законодательном уровне. Боярский приговор ноября 1613 г. касался иноземцев. В нем говорилось, чтобы «старые поместья в роздачу... опричь иноземцев, никому не отдавать б». После смерти иноземца, его близких или опалы его владения отписывались на имя государя и шли в раздачу именно иноземцам после их челобитья (вообще, как нам представляется, им было труднее приискывать земли, чем русским) [3, с. 82]. В комментариях к Законодательным актам Русского государства А.И. Копанев отмечал, что так создавался особый круг земель, которые могли обращаться лишь среди иноземцев [4, с. 120]. В качестве карательной меры указ 1613–1614 г. предписывал брать у служилых людей, не бывших под Смоленском, половину поместья, а у имевших вотчину – все поместье. Те, кто сбежал, теряли треть своих поместных владений [3, с. 82]. Закон, по мнению А.И. Копанева, касался не «всех» служилых людей, а тех, кто был отправлен под Смоленск [4, с. 121].

В 1615–1616 гг. боярский приговор подтверждал запрет не отнимать у иноземцев поместья и передавать их «мимо иноземцев», которые были получены «за службу и кровь» при царе Василии Шуйском и «при боярех» [4, с. 85]. Напрямую приговор не имеет отношения к белозерским помещикам-иноземцам, но подтверждает внимание власти к этой группе служилых людей. По мнению А.И. Копанева, сохранение дач времени Василия Шуйского объясняется, вероятно, исключительностью обстановки, в которой они проводились [4, с. 125].

Во-вторых, иноземцы были относительно компактно размещены на территории уезда.

Так, по платежнице 1615 г. в Надпорожском ста-

не 11 чел. располагались компактно в Заягорбской вол., из них четверо были офицерами, 4 чел. в Мотомкой вол. и 3 получили владения в Волотцкой и Ворбоземской вол., что выглядит как случайность. В Заозерском стане иноземцы находились четкими группами: в Палшеозерской вол. – 25 чел., в Игнатовской вол. – 7 чел. в Шубаче – 4 чел. В Судском стане не видно четкой системы испомещения по волостям: в Андополе – 4 чел., в Вадболе – 2 чел., в Воскресенском приходе – 2 чел., в Сухоче – 1 чел., в Урозерской вол. – 2 чел. Исключение составляет Чужбой, там находились 16 поместий иноземцев. Но в каждом из станов была волость, где испомещались, в первую очередь и преимущественно, иноземцы: Заягорбье, Палшеозеро, Чужбой. Допускаем, что часть испомещенных служилых людей рядом с этими волостями могли быть иноземцами, но четкой системы не просматривается.

Необходимо отметить, что рядом с иноземцами в Игнатовской вол. получил поместье мурза кн. Кузьма Маментян Темиров. Налицо его принадлежность к служилым татарам, но каким образом он получил здесь поместье, неизвестно. Указаний на то, что он новокрещен, нет [9, оп. 1, д. 115].

По материалам 1626–1627 гг. иноземцы продолжали владеть землями в 3 станах. В Надпорожском стане иноземцы были в Волотцкой, Ворбоземской, Заягорбской, Мор (Ирме), Мотомской, Череповецкой вол. В Заозерском стане они находились в Бадого, Палшеозере, Игнатовской и Шубацкой вол., причем в Палшеозере находим упоминание о 28 иноземцах, в Игнатовской – 12 чел. В Судском стане больше всего иноземцев упомянуто в Судской вол. (36 фамилий), кроме того, они находились в Андополе, Вадболе, Команево, Робозеро, Сухоче, Урозеро, Чужбое.

В писцовой книге содержится упоминание о землевладении 2 мурз кн. Кузьмы Хотеева и кн. Штемира Хотеева в Заозерском стане Игнатовской вол., характерно, что их земли перешли в поместье иноземца Якова Станицкого.

Присутствуют 2 новокрещена: Василий Юрьев сын Еланов владел поместьем в Надпорожском стане Мотомской вол., а упомянутый как литвин Иван Шваковский был вотчинником в Судском стана Чужбойской вол., получив земли «за осадное сидение в королевич приход». Таким образом, перед нами небольшая группа, обладающая совсем другим статусом, чем иноземцы [9, кн. 591, 592].

Третьим фактором было совместное участие в боях. Так, за Московское осадное сидение 1618 г. служилые люди по указу Михаила Федоровича получали вотчины, т.е. определенная часть поместных земель переводилась в категорию вотчин. Они в осаде были в Москве и бились «с литовскими и немецкими людьми» у Арбатских ворот и по стене [1, с. 153]. Среди получивших вотчины – подключник Кормового дворца И.М. Болкунов, стремянной конюх жогаитин Г.К. Булгаков, сытники Б.С. Десятой, Г.А. Ларионов, конюх С. Лопотов (указан как участник боев конюх стремянной пеший, в другом случае как конюх задворный), кормового дворца стряпчий С. Протасов. Кроме них были подразделения ино-

земцев, среди которых получили вотчины Томас Кров, Анца Анцов Обрамов, Анца Юрьев сын Обрамов, Юрий Юрьев сын Обрамов, новокрещен Иван Шваковский [8, с. 150, 79, 78].

Четвертый момент – совместное противостояние сопротивлению крестьян, которые всячески противились передаче черных и дворцовых земель в категорию поместных, отказывались выполнять феодальные повинности. Такой случай был связан с Савой Афонасьевым. Этот крестьянин был доставлен белозерскому воеводе, при котором было зафиксировано, что тот был «ссечен в тия двою удареи» и верх головы был «высечен». 10 июля 1619 г. помещик Шужбольской волости, иноземец Самуил Голетцкий, объяснял белозерскому воеводе, что Савка, которого он зарубил, «на него похвалялся убить за то, что он в преже сего на него, Савку, бил челом в резаных мужиках». При крестном целовании Голетцкий показал, что тот крестьянин «меня хотел ножом поколоту у меня в помистье» при крестьянах.

Таким образом, толерантное отношение к иноземцам было вызвано рядом серьезных причин, среди которых желание правительства не допустить столкновений было одним из главных, на наш взгляд. Несмотря на неприятие Запада, которое вынесли русские люди из Смутного времени, общее положение, статус, участие в боях, несение службы, одинаковое материальное положение делали иноземцев и русских дворян похожими. Эта схожесть в отношении иноземцев становилась значимой причи-

ной для терпимости, которую мы находим в Белозерском уезде.

Литература

1. Акты Московского государства. Т. 1. – СПб., 1890.
2. *Веселовский, С.Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты / С.Б. Веселовский // Архив русской истории. Вып. 7. – М., 2002.
3. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. – Л., 1986.
4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарий. – Л., 1987.
5. Записная беспошлинная книга (12 августа 1613 – позднее 19 августа 1615 г.) // Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). – М., 1994.
6. *Козляков, В.Н.* Михаил Федорович / В.Н. Козляков. – М., 2004.
7. *Лаптева, Т.А.* Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII в. / Т.А. Лаптева // Архив Русской истории. Научный исторический журнал. Вып. 5. – М., 1994. – С. 108–127.
8. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Осадный список 1618 г. Т. 8. – М.; Варшава, 2009.
9. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1107.
10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1290.

В.Я. Мауль

г. Нижневартовск

ТОЛЕРАНТНОСТЬ РУССКОГО БУНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ)

С давних пор в историографии Пугачевского бунта утвердилось преобладающее убеждение в его разрушительной и насильственной природе. С этой точки зрения, выраженной еще официальными источниками, в ходе бунта «составленные от злодея бунтовщицы скопища» будто бы без конца только тем и занимались, что производили «мучительныя убийства над своими начальниками, помещиками и над пребывающими в верности подданными» [2, с. 29]. Такого мнения придерживались практически все до революционные исследователи от П.К. Щербальского и Д.Л. Мордовцева до Н.Ф. Дубровина и А.И. Дмитриева-Мамонова, а quintэссенцию их взглядов можно выразить знаменитой пушкинской фразой о «бессмысленном» и «беспощадном» русском бунте.

С принципиальными уточнениями и с иных идейно-теоретических позиций о непримиримости восставших писали советские историки: «От одной [крестьянской] войны к другой росла ненависть к угнетателям», – полагали они и добавляли, что «крестьянским войнам» в России «не свойственны ни компромиссы, ни переговоры восставших с феода-

лами по поводу содержания и форм уступок» [5, с. 12, 36]. Иначе говоря, Пугачевщина, хотя и в разных аксиологических регистрах, всегда воспринималась как проявление культурного раскола и антагонистических противоречий внутри общественного организма, поляризованного по сословному («классовому») признаку. По одну сторону баррикад истории размещали «нижайших из нижайших», которые в безудержном порыве бунтарской страсти изливали гнев на своих исконных врагов, стоявших по другую сторону гражданского размежевания. Настроения первых были пропитаны «ненавистью к помещикам-крепостникам, воеводам, судьям и другим представителям царской администрации, к попам, чиновникам и всем, кто олицетворял для них усиление крепостнического гнета» [1, с. 37].

Но в «дворянской среде» Пугачевский бунт также вызвал «бурю ненависти и негодования... Свирепо и беспощадно преследовалось все, что имело хоть какое-либо касательство к Пугачеву и возглавленному им движению» [6, с. 9]. В сознании дворян «в ходе этих кровавых событий доминировало чувство оз-

лобления на невежественную чернь, забывшую о предназначенном ей состоянии и дерзнувшую взбунтоваться против императорской власти и правящего сословия» [7, с. 228].

Иными словами, в рамках дихотомии «стихия – цивилизация» бунту отводилось место в ряду, иллюстрирующем первую часть социокультурной оппозиции. Такими на протяжении около двух веков были историографические доминанты оценивания русского бунта XVIII в. Однако недавно появились работы, предлагающие взглянуть на проблему под иным углом зрения: увидеть в поведении и мышлении бунтовщиков элементы, так сказать, толерантного отношения не только к соратникам по борьбе (об их «классовой солидарности» писали еще советские историки), но и к представителям враждебного лагеря.

Подобную трактовку, в частности, предложил Е.Н. Трефилов, изучивший восприятие пугачевцами «немцев» вообще и непосредственно Екатерины II – тоже немки, к тому же еще и женщины на троне. Ученый пришел к выводу, что ко времени восстания отношение простолюдинов к «немцам» стало более терпимым в сравнении с началом века. Причины он видит в плодах модернизации, затронувшей все сферы жизни и в ценностном плане устремленной в сторону Запада. В результате проникновения инноваций в традиции пугачевцами «начинает осознаваться (пускай лишь в утилитарных целях) необходимость существования культуры образованного меньшинства» [11, с. 529]. Кроме того, Е.Н. Трефилов считает, что «для участников Пугачевского бунта, казалось бы, напрямую направленного против Екатерины II, императрица не являлась главным врагом», и источники, дескать, фиксируют «известную сдержанность в выражении негативных чувств» к ней [10, с. 160].

Не вступая в полемику по поводу социальной, политической, национальной, конфессиональной и гендерной позиции бунтовщиков, заметим, что предложенный ракурс в□дения русского бунтарства побуждает к выяснению вопроса о степени его толерантности. При этом необходимо учитывать несколько принципиальных положений.

Во-первых, привычную для нас маркировку связей внутри социума нельзя проецировать на мировоззренческие стереотипы людей минувших времен. Для них толерантность могла представлять в существенно ином облики, нежели в новейшую эпоху. Не случайно в лексиконе XVIII в. это понятие не было распространенным даже в форме «терпимость» или «терпение» к «иному», «чужому», т.е. так, как оно определяется сегодня [12, с. 680]. В далекие от нас годы «терпеть» употреблялось только в смысле «переносить» [8, с. 351] страдания, боль и т.д.

Термин «толерантность» отсутствует и в словаре В.И. Даля, а глагол «терпеть» он определяет как «терпеливать что, выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; || крепиться, об(пере)могаться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая; || ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; || снисходить, допускать, послаблять, потакать, понаравливать, давать поведку; || не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать» [3, с. 367].

Можно полагать, что в российской действительности XVIII в. явления, квалифицируемые как толерантные / нетолерантные, не рефлексировались общественным сознанием в таковом содержательном наполнении. В этой связи показательно, что, несмотря на всю свою ненависть к бунтовщикам, дворянство в годы пугачевского лихолетья «так и не увидело в низшем сословии противостоящую ему силу» [7, с. 229].

И хотя того же самого нельзя сказать о пугачевцах, намеревавшихся «боярам всем» отплатить «их хлеб и соль» [9, с. 188], индикаторы повстанческих оценок происходившего также не могут быть соотнесены с нашим пониманием толерантности. Например, исторические предания о Пугачеве не отрицают, что он и его соратники отнюдь не миндальничали со своими противниками. Однако «царь-батюшка» все равно позиционируется в них человеком «добрым»: «Разобидел ты его, пошел против него баталией... на баталии тебя в полон взяли; поклонился ты ему, Пугачеву, все вины тебе отпущены, и помину нет! ... и стал ты им за товарища. Добрый был человек: видит, кому нужда, сейчас из казны своей денег велит выдать, а едет по улице – и направо, и налево пригоршнями деньги в народ бросает» [13, с. 317].

Во-вторых, надо понимать, что толерантность – это психологический феномен. Применительно к русскому бунту – социально-психологический, отражающий не только вербальные проекции (что говорили), но и поведенческие коммуникации (что делали). Здесь акцентируются особенности «картины мира» простолюдинов, волей обстоятельств вовлеченных в пучину бунтарских страстей. Через аксиологическую «призму» присущей им традиционной культуры пугачевцы воспринимали окружающую действительность и осмысливали свое место в ней.

В рамках характерного для традиционализма народного монархизма априорно признавалось, что царь – добрый, в отличие от бояр/дворян, нарушающих верноподданнический долг. Непримириемость по отношению к ним ставилась не в вину, а в заслугу «надеже-государю», т.е. оценивалась в позитивной тональности. Потому Пугачев, нещадно карая противников в своей «императорской» ипостаси, имел основания утверждать: «сам я столько жесток отнюдь не был» [4, с. 103].

Пугачевцы также нередко акцентировали внимание на примерах лояльности к представителям враждебного лагеря, вспоминая, как Пугачев неоднократно повелевал «дворян и офицеров... кои сами к нему явятся и принесут повинную, таковых прощать и писать в казаки... Грабительства безвинных людей он не любил» [9, с. 111].

Наличие соответствующих фактов, однако, не означало преодоления в сознании повстанцев сословных барьеров, национальных, вероисповедных и иных различий между участниками конфликта, однако свидетельствовало о сглаживании их непримиримого отношения друг к другу. Нельзя, конечно, утверждать, что Пугачевский бунт манифестировал торжество социальной толерантности, хотя дворяне, в принципе, могли стать для бунтовщиков уже не врагами, а, как минимум, попутчиками, если под-

держивали «истинного ампиатора» Пугачева / Петра III. Иначе они идентифицировались как «чужаки», заслуживающие сурового наказания. Но «чужими» пугачевцам оказывались и их социальные «родственники», оспаривавшие законность прав «царя-батюшки» и остававшиеся на стороне Екатерины II.

Литература

1. *Белявский, М.Т.* Некоторые итоги изучения идеологии участников крестьянской войны 1773–1775 гг. в России / М.Т. Белявский // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 1978. – № 3. – С. 34–46.
2. *Грот, Я.К.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Переписка императрицы Екатерины II с графом П.И. Паниным / Я.К. Грот // Приложение к III т. Записок Импер. Акад. наук. – СПб.: В типогр. Импер. Акад. наук, 1863.
3. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Типогр. РИСТЪ, 1866. – Ч. 4.
4. Емельян Пугачев на следствии: Сб. документов и матер. – М., 1997.
5. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. – М., 1974.

6. *Мавродин, В.В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева / В.В. Мавродин. – Л., 1961. – Т. 1.

7. *Марасинова, Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века / Е.Н. Марасинова. – М., 1999.

8. *Отин, Е.С.* Словарь русского языка X–XVIII веков / Е.С. Отин. – Донецк, 2014.

9. Пугачевщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки. – М.; Л., 1929.

10. *Трефилов, Е.Н.* Еще раз о «бабах» на русском престоле, или Несколько слов о том, как пугачевцы относились к Екатерине II / Е.Н. Трефилов // Гиштории российские или Опыты и разыскания. – М., 2014. – С. 144–160.

11. *Трефилов, Е.Н.* Элементы традиционного и нового в мышлении простолюдина XVIII в. (по материалам Пугачевского бунта) / Е.Н. Трефилов // Человек в культуре русского барокко. – М., 2007. – С. 519–530.

12. *Ушаков, Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М., 2013.

13. *Якушкин, П.И.* Сочинения / П.И. Якушкин. – М., 1986.

С.А. Тихомиров
г. Вологда

ОТНОШЕНИЕ К ВОЕННОПЛЕННЫМ АРМИИ НАПОЛЕОНА КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Проблемы войны и мира в истории цивилизаций всегда были предметом политических дискуссий. К сожалению, вплоть до настоящего времени война не изжита как способ решения межгосударственных противоречий. Военные конфликты в различных регионах мира всегда приводили к человеческим жертвам. И это относилось не только к убитым и раненым... Гуманитарной трагедии подвергались люди, взятые в плен на территории государства-противника. По определению В.А. Бессонова, применительно к началу XIX в., к военнопленным относились «генералы, штаб- и обер-офицеры, нижние и нестроевые чины, а также их жены и дети, оказавшиеся в ходе боевых действий в ведении военного командования и гражданской администрации противника». В России в эпоху 1812 г. зачастую использовали слово «пленные» – синоним этого выражения, использовавшийся для обозначения лиц, оказавшихся в руках противника во время боевых действий [6, с. 69].

По подсчетам ученых, за последние пять тысяч лет в мире произошло 14,5 тыс. войн, в ходе которых погибли 3,5 млрд человек [7, с. 12]. Многие из подданных иноземных государств попадали в плен. Обмена пленными, как правило, на практике не было, в древности их попросту продавали, женщин использовали в качестве наложниц...

Начиная с XV в., Русский Север знал примеры нахождения в границах этой территории, как и всего

Русского государства, татар, литовцев, шведов, турок, французов, немцев, австрийцев... Милосердное отношение к взятому в плен врагу издавна было присуще русскому человеку. Пленных не убивали, им даровали жизнь. Доброта и сердечность, как черта национального характера, отмечались иностранными путешественниками с давних пор.

Ситуация в Европе с повседневной практикой военных кампаний в начале XIX в. резко изменилась. Опыт ведения захватнических войн к началу наполеоновской эпохи (1792–1815 гг.) получил надежный фундамент традиции обращения с военнопленными. Осмысливая противоречивость и историческую масштабность этой эпохи В.М. Безотосный отметил «и интернациональный характер наполеоновских войн. По сути, – подчеркнул он, – этот период можно назвать первой мировой войной, в орбиту которой оказались втянуты все государства Европы, а через колониальные владения почти все территории земного шара, исключая Китай и Японию. Поэтому нужно учитывать и международный аспект, и интерес к данной проблематике не только российских, но и зарубежных исследователей» [2, с. 3].

Если пристально всмотреться в начало XIX в., по крайней мере, в первые два ее десятилетия, окажется, что на европейском континенте пламя войны полыхало в пятидесяти случаях, а количество участников вооруженных конфликтов приближалось к нескольким миллионам человек. Поколение людей,

живших в первой четверти XIX в., запомнило это время как период череды кровопролитных войн, сменявших друг друга, возникавших в различных уголках мира. И если взглянуть на наполеоновское время глазами исследователя, будет видна правота английского историка Д. Чандлера, высказавшегося о поколении людей – современников Наполеона: «За исключением случаев с Португалией (1807), Испанией (1808) и Россией (1812), обычно вначале на него (Наполеона. – С.Т.) нападали. Однако нельзя отрицать, что многие из этих нападений, в конечном счете, были спровоцированы самим императором в военных и пропагандистских целях»; «столь же справедливо можно утверждать, что Наполеон был жертвой поколения, стремившегося к войнам, и то, что он был “человеком крови”, ответственным за огромный пожар войны, пылавшей в Европе так много лет» [16, с. 12–13]. И действительно, в 1792–1815 гг. такие государства, как Швеция и Испания, участвовали в войнах по 3,2 года каждое, Россия и Пруссия – по 5,5 лет, Австрия – 13,5 лет, Великобритания – 21,5 года [17, с. 43].

Примеры человеческого отношения русских военнопленных многочисленны. Они, например, нашли отражение в мемуарах участников 1806–1815 [6] и нормативных документах, касательно их пребывания на территории противника [4], [12]. Применительно к наполеоновской эпохе вопросы пребывания представителей армии Наполеона в России в последние годы разрабатывает большой коллектив историков-исследователей [5]. Особенно в историографии выделяются работы В.А. Бессонова [3], Б.П. Миловидова [8], [9], [10], А. В. Тихоновой [14], С.Н. Хомченко [15].

Истоки традиции содержания наполеоновских военнопленных были заложены еще во время войны с Францией 1806–1807 гг. Современники отмечали, что кроме эвакуированного населения через губернские города на протяжении 1812–1814 гг. немало следовало, а затем и оседало, приняв российское подданство, солдат и офицеров армии противника. За время Отечественной войны и заграничных походов 1812–1815 гг. в вологодских землях находилось около двух тысяч военнопленных различных национальностей [13]. Пребывание их в губернском городе для властей создавало сложности как материального, так и морального характера.

Перемещения и содержание представителей наполеоновской армии осуществлялось в строгом соответствии с законами военного времени [4], [12]. Транспортировка военнопленных вглубь страны контролировалась военными конвоями. При доставке в пункт назначения дальнейшее конвоирование разрешалось командам внутренней стражи. При прохождении через населенные пункты городничим вменялось в обязанность выдавать свидетельства о «мирном» и «добропорядочном» следовании партии противника, поскольку бытовали «частые слухи, что партии французских военнопленных на пути чрез места, которые провожаются, чинят разные обиды обывателям, оказывают неповиновение к конвойным командам, самовольно отлучаются и разными буйствами и неистовыми поступками вселяют страх в по-

селян и возмущают их спокойствие» [13, с. 50]. Губернаторам при наличии нарушений предписывалось «употребить все зависящие меры к прекращению подобных беспорядков, отдавая под стражу первого нарушителя порядка или ослушника...» [13, с. 50].

Обмундирование для пленных выдавалось в строгом соответствии со временем года. Требовалось, чтобы «одежда им доставляема была прочная и от стужи сберегающая...» [13, с. 50]. Существовало положение о зимней одежде для пленных нижних чинов, которое предусматривало наличие крестьянских шапки из простого сермяжного сукна, полушубка овчинного, кафтана сермяжного или армяка, сермяжных штанов или онучей, рубашек, рукавиц, лаптей. Офицерам выдавались овчинные тулупы, сермяжные шинели [13, с. 50].

Тщательно следили власти за здоровьем французских военнопленных. В случае болезни во время следования пленные отдавались для излечения в городские больницы, для них создавались специальные лазареты. «Больных от здоровых, – писалось в инструкции, – тотчас отделить и выдворить в госпиталь... и содержать в особом доме...» [13, с. 50]. По выздоровлении пленных отправляли за счет земской полиции в пункт приписки. Необходимость открытия госпиталей диктовали природные условия 1812–1813 гг. Из донесения никольского городничего известно, что в феврале 1813 г. при проведении военнопленные получили разные степени обморожения: отмороженные пальцы рук и ног «отваливались сами», лица большинства пленных изуродовались обмороженными носами и щеками, почти у всех пленников были красные, распухшие и гноившиеся глаза [13, с. 51].

Постоянное жительство французов контролировалось гражданскими губернаторами. Существовало правило о расселении их в губернские и уездные города. Из числа местных чиновников назначались ответственные, которые осуществляли контроль над пленными в соответствии с инструкциями о соблюдении правил поведения, призражения французов, взаимоотношений с населением. Настоятельно соблюдалось требование своевременного снабжения пленников пособиями, порциями, одеждой.

Категорически запрещалось по политическим мотивам отправлять неприятелю корреспонденцию на родину [10]. Современники вспоминали, что военнопленные, находясь в Вологде в полном неведении об обстановке на фронтах, «с лихорадочным нетерпением ожидали все получения газет и вестей из Петербурга». Окоченевшие от мороза, они собирались у городского почтамта и слушали переводы газетных известий о бегстве Наполеона из России [13, с. 51].

Пристальное внимание правительство оказывало военнопленным, имевшим какую-либо рабочую квалификацию [13, с. 51]. Губернаторам вменялось в обязанность «осведомиться, не знает ли кто из них суконного мастерства». Интерес к таким иностранцам возник в связи с предложением привлечь заграничных мастеров для развития отечественной промышленности и сельского хозяйства. Наполеоновским военнопленным предлагалось в течение двух месяцев вступить в одно из российских сословий,

избрать род занятий. Мастерским правительство гарантировало ряд льгот (освобождение от податей, рекрутских повинностей, свободу вероисповедания). При найме на работу у вновь принятых в российское подданство существовало право заключения трудового договора, в котором оговаривались условия работы. Контракт предписывал соблюдать обязательства сторон, он подписывался в присутствии представителя местных властей и имел характеристики юридического документа [13, с. 51].

Победоносное завершение заграничного похода русской армии означало окончание войны с Францией. Пребывание военнопленных в пределах страны являлось теперь нецелесообразным и слишком дорогим удовольствием для государства. Начался процесс репатриации подданных наполеоновской коалиции. Последние военнопленные из губерний Европейского севера отбыли к себе на родину в конце 1814 г.

Следует отметить, что впервые юридический статус военнопленного был определен Женевской конвенцией 1864 г. Представители нескольких государств – участников международного форума – заложили в основу подписанных документов законодательные традиции гуманного обращения с иностранными военнослужащими, оказавшимися во власти неприятеля. Принципиально важное положение при разработке правовых актов занимал опыт наполеоновских кампаний начала XIX столетия.

Литература

1. Артамонова, Л.М. Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество: проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов / Л.М. Артамонова // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. – 2013. – №1(14). – С. 159–164.
2. Безотосный, В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.М. Безотосный. – М., 2013.
3. Бессонов, В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России: по материалам Калужской губернии: дис. ... канд. ист. наук / В.А. Бессонов. – Самара, 2001.
4. Бессонов, В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. / В.А. Бессонов // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IV: Сб. матер.: К 200-летию Отечественной войны 1812 г. – М., 2005. – С. 49–80. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 147).
5. Бессонов, В.А. Библиография работ, опубликованных в СССР и России о военнопленных Великой армии 1812–1815 гг. 1974–2010 / В.А. Бессонов, Б.П. Миловидов // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. – СПб., 2012. – С. 581–593.
6. Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б.П. Миловидов. – СПб., 2012.
7. Капустинский, Г.П. СССР в условиях начала Второй мировой войны (1939–1941 гг.) / Г.П. Капустинский // Идет война народная: Мат-лы Всерос. науч. конф. «СССР во Второй мировой войне и Великой Отечественной войнах, 1939–1945 гг.», посв. 70-летию начала Великой Отечественной войны и Московской битве. – Красноярск, 2011. – С. 10–17.
8. Миловидов, Б.П. Пленные Великой армии, оставшиеся в России: К постановке проблемы / Б.П. Миловидов // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сб. мат. Всерос. науч. конф. Вып. XVII. – Малоярославец, 2009. – С. 79–126.
9. Миловидов, Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики / Б.П. Миловидов // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: матер. XVI Междунар. науч. конф. / сост. А.В. Горбунов. – Можайск, 2011. – С. 163–190.
10. Миловидов, Б.П. Переписка иностранных военнопленных в России: законодательное регулирование и практика в эпоху наполеоновских войн / Б.П. Миловидов // Военная история России XIX–XX веков: Матер. VI Междунар. воен.-истор. конф. – СПб., 2012. – С. 99–124.
11. Симович, А.Л. Деятельность российского государства в отношении иностранных военнопленных, (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.Л. Симович. – М., 2011.
12. Тихомиров, С.А. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи / С.А. Тихомиров // Проблемы военного плена: история и современность: Матер. междунар. научн.-практ. конф. Ч. 1. – Вологда, 1997. – С. 162–165.
13. Тихомиров, С.А. Время Наполеона. Европа. Русский Север. Вологда / С.А. Тихомиров // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 7. – Сыктывкар, 2009. – С. 40–53.
14. Тихонова, А.В. Надзор за иностранцами в Российской империи, (1801–1861): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.В. Тихонова. – Брянск, 2015.
15. Хомченко, С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.Н. Хомченко. – Самара, 2007.
16. Чандлер, Д. Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедия завоевателя / Д. Чандлер. – М., 1999.
17. Chandler, D.G. The Origins of the Revolutionary and Napoleonic Wars // Chandler D.G. On the Napoleonic Wars. Collected Essays. – L., 1994.

**ПИСЬМА АННЫ ФУРУГЕЛЬМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКИХ КОЛОНИЯХ НА АЛЯСКЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

Письма Анны Фуругельм к матери впервые были введены в научный оборот и опубликованы датской исследовательницей Анни Констанс Кристенсен – преподавателем из университета г. Орхус (Дания) [3]. Книга увидела свет в 2005 году, и в ней Анни Кристенсен упомянула, что является правнучкой Анны Фуругельм. В настоящее время письма хранятся в архиве библиотеки университета г. Турку (Або) в Финляндии.

Проблема присутствия и деятельности женщин, преимущественно жен главных правителей, в российских колониях уже являлась предметом исследования некоторых отечественных и зарубежных ученых [4], [6], [10]. Вместе с тем пока не существует монографического исследования, посвященного жизненному пути Анны Фуругельм – супруги предпоследнего Главного правителя российских колоний на Аляске Йохана Хампуса Фуругельма. Кроме того, ее путешествию и деятельности в российских колониях на Аляске посвящено всего лишь 1–2 статьи.

Между тем письма Анны Николаевны Фуругельм к матери А. фон Шульц могут служить источником не только о ее деятельности в колониях, но также представлять интерес для изучения проблемы толерантности.

Впервые Анна фон Шульц увидела будущего мужа на балу в Хельсинки 24 декабря 1858 года. Главным гостем бала являлся Йохан Хампус Фуругельм, или, как к нему обращались в России, – Иван Васильевич Фуругельм, капитан I ранга. 13 декабря этого же года он был назначен Главным правителем Русской Америки. Вскоре после встречи с Анной Иван Васильевич сделал ей предложение, и она его приняла. Шведская исследовательница Сусанна Рабов-Эдлинг отмечает, что семья Анны была небогата, поэтому такое выгодное замужество для нее было похоже сказку [6]. На наш взгляд, встреча Анны фон Шульц и Йохана Хампуса Фуругельма не была случайным событием. В Санкт-Петербурге Анна и Хампус Фуругельм посетили Адольфа и Маргарет Этолиных. Этот визит означал не только соблюдение правил хорошего тона, дружеский ужин знакомых друг с другом людей, но и деловой разговор. Адольф Карлович Этолин давно находился на службе Российско-американской компании и занимал пост Главного правителя российских колоний с 1840 по 1845 г. В нескольких письмах, направленных к матери из Санкт-Петербурга, Анна называет Маргарет и Адольфа Этолиных тетей и дядей [5, р. 27]. Скорее всего, семьи Этолиных и Шульц состояли в родстве. В свое время Маргарет и Адольф Этолины могли быть в курсе, что И.Х. Фуругельм хочет жениться для того, чтобы направиться на службу в колонии

женатым человеком, и представили ему на балу в Хельсинки свою родственницу Анну фон Шульц, поскольку та отвечала «необходимым требованиям».

По мнению Сусанны Рабов-Эдлинг, «Анна была типичной представительницей слабого пола своего времени. Она хотела быть идеальной женой и матерью. Она воплощала в себе такие добродетели, как благочестие, чистота, уют и зависимость, что является ключевым для понимания того, что собой представляла “настоящая женщина” того времени» [6]. Путешествие на Аляску длилось больше года, и маршрут пролегал через Европу. 18 мая 1859 г. супругам довелось отобедать с американцами в Сан-Франциско. Граждане США произвели на Анну самое неблагоприятное впечатление: «Я не могу ничего хорошего сказать об американцах. Я их терпеть не могу – большинство из них не деликатны, вульгарны, и как мне показалось являются необразованными людьми...» [9, р. 69–70].

В июле 1859 года Анна впервые увидела столицу Русской Америки – Ситку, где ей предстояло прожить более 5 лет и родить пятерых детей. На некоторые факты из колониального периода жизни Анны Фуругельм обратила внимание исследователь А. Кристенсен. Так, она отмечает, что «на Ситке Анна занимается домом, присматривает за садом и готовится к рождению первенца. У Анны как хозяйки большого дома много забот. Это не только заботы о доме главного правителя, в котором ежедневно кормят человек до 20, а это еще и заботы о школе, о необходимости периодически выходить в свет и др. Досуг оба супруга посвящают чтению и музыке. Еще в Дрездене Анна купила ноты симфонии Бетховена, три симфонии Моцарта, Шопена и Шумана. Супруги читают книги по истории, вопросам брака и воспитанию детей. Анна дружит с княгиней А.И. Максutowой, женой будущего последнего главного правителя Русской Америки Ивана Васильевича Максutowа» [2, с. 197].

Одно обстоятельство, сильно взволновавшее Анну Николаевну, мы обнаруживаем на страницах нескольких ее писем. Связано оно было с приездом на Аляску государственной инспекции, возглавляемой действительным статским советником С.А. Костливым и капитаном П.Н. Головинным. 9 октября 1860 г. Анна написала матери письмо, в котором с тревогой сообщала о предстоящем визите в колонии государственных инспекторов. Их приезд не только означал, что Анна Николаевна вскоре будет совсем редко видеть своего мужа дома, но и способствовал наступлению изменений в привычном образе жизни.

Так, изменения должны были коснуться бытовых условий жизни семьи Фуругельмов. Анна сообщает

матери, что статскому советнику в их доме придется выделить 2 комнаты [1, с. 345]. «Голубая гостиная должна будет служить ему кабинетом, а кабинет Хампуса спальней» [1, с. 345]. Из писем также узнаем, что кабинет требовал косметического ремонта и Анна делится с матерью своими тревогами по поводу возможных материальных расходов: «мы должны были оклеить его обоями, покрасить и отремонтировать. Шьются шторы для семи окон, на пол будет сделан темно-синий ковер из ткани и с нижнего этажа будет поднята наверх часть нашей мебели» [1, с. 345]. Несмотря на то, что инспекторы в целом остались довольны деятельностью И.В. Фуругельма на посту Главного правителя, письма его жены свидетельствуют о том, что присутствие инспекторов в колониях сильно нервировало супругов и вносило дополнительные неудобства в ставший уже привычным образ жизни.

Интересно отношение Анны Николаевны к проблеме взяточничества и другим явлениям российской бюрократической системы второй половины XIX века. Анна Фуругельм, конечно, не знала ничего о механизме российской бюрократической машины, так как Россия для нее ограничивалась лишь несколькими городами, в которых она была проездом и Ситкой, где эта система проявилась в весьма причудливом виде. Между тем некоторые колониальные порядки ей совсем не нравились, о чем она спешит написать матери: «...зерно, которое мы получаем на корм курам, и испорченную муку на корм свиньям заносили в бухгалтерские книги как предназначенные работникам и т.д. и т.п. Но мой Хампус не мог выносить обмана и написал домой Этолину с просьбой сообщить ему, какие вещи он имеет право приобретать за счет Компании» [1, с. 362]. С сожалением Анна Николаевна упоминает о своем дяде Константине, который «брал везде, где только мог, так как все знают, что он не смог бы прожить на одну зарплату» [1, с. 362].

Еще одна проблема, которая заслуживает внимания, – это отношение Анны Николаевны к православным священникам и православной вере. Супруги Фуругельм исповедовали лютеранскую веру, причем Анна Николаевна была очень набожной. Видимо, поэтому она обращала внимание на особенности православной обрядности. Так, она делится с матерью впечатлениями о том, как все православное население Ситки устремляется в храмы с наступлением Пасхи. «Этот день, – пишет она, – состоящий из беспорядков, шума, еды и напитков, излишней помпезности и показухи и суеты в церкви! Звона и перезвона колоколов... О!!! как я хочу, тихий, спокойный день Пасхи, где эта внешняя суета и сумятица не побеспокоит и не отвлекает от собственных мыслей» [8, р. 239]. Особое отношение у Анны Николаевны сложилось к православным священникам. Так, она отмечает, что местное население Аляски, несмотря на большое число православных священников, пребывает в язычестве. Она отмечает, что многие туземцы ходят на причастие лишь для проформы и не понимают смысла Евангелия [1, с. 363].

Анна Николаевна Фуругельм не оставила замет-

ного следа в российской колониальной жизни. Она не любила светские мероприятия, была стеснительна и предпочитала активной деятельности в колониях заниматься своей семьей. Вместе с тем ее письма, которые отчасти напоминают личный дневник, позволяют взглянуть на происходящие в российских колониях события глазами европейской глубоко религиозной женщины. Ее замечания об американцах, православных священниках и Аляске в целом говорят о том, что образованной девушке, до замужества не выезжавшей никуда за пределы Европы, было непросто понять образ жизни других людей. Письма Анны Фуругельм являются ценным источником, позволяющим отчасти реконструировать элементы быта и повседневной практики российских колонистов на Аляске второй половины XIX века, их взаимоотношение с местным населением, проявлений в них толерантности.

Литература

1. Из письма А.Н. Фуругельм матери А.К. фон Шульц об ожидаемом приезде в Ново-Архангельск ревизоров С.А. Костливецова и П.Н. Головина. [Перевод] // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841 – 1867: Сб. док. / [сост. Т.С. Федорова, А.Ю. Петров, А.В. Гринев; отв. ред. А.Ю. Петров]; Отд-ние ист.-филол. Наук РАН; Рос. гос. архив военно-морского флота. – М., 2010. – С. 345.
2. *Кристенсен, А.* Анна Николаевна и Иван Васильевич Фуругельм в Русской Америке // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). К 200-летию образования Российско-Американской компании: Материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 октября 1999 г.) / отв. ред. А.Р. Артемьев / А. Кристенсен. – Владивосток, 2001. – С. 197.
3. Letters from the Governor's Wife: A View of Russian Alaska 1859–1862./ ed. by Annie Christensen. [pdf] 2006.
4. Maria Enckell, “Four North European Female Educators’ Toil in Russian Alaska, 1805–1849” // FEEFHS Journal. – 2003. – Vol. XI. – P. 88–103.
5. №3 Petersburg. Sunday Ev[en]ing Februar 6. 1859 // Letters from the Governor's Wife: A View of Russian Alaska 1859–1862 / ed. by Annie Christensen. [pdf] 2006. – P. 27.
6. Susanna Rabow-Edling From one imperial periphery to another: The experiences of a governor's wife in Russian Alaska [text of the paper] / Susanna Rabow-Edling. – URL: [http://www.academia.edu/3453950/From one imperial periphery to another The experiences of a governors wife in Russian Alaska](http://www.academia.edu/3453950/From_one_imperial_periphery_to_another_The_experiences_of_a_governors_wife_in-Russian_Alaska).
7. № 6 S[ain]t Petersburg. Feb[ruary] 13th 1859 Sunday night 11. o'clock // Letters from the Governor's Wife: A View of Russian Alaska 1859–1862/ ed. by Annie Christensen. [pdf] 2006. – P. 33.
8. № 49. Sitka. March 14/26 1862 // Letters from the Governor's Wife: A View of Russian Alaska 1859–1862/ ed. by Annie Christensen. [pdf] 2006. – P. 239.
9. №23 San Fransisco. California. Wednesday. May 18th 1859 // Letters from the Governor's Wife: A View of Russian Alaska 1859–1862 / ed. by Annie Christensen. [pdf] 2006. – P. 69–70.
10. *Федорова, Т.С.* Роль женщин в развитии культуры в Русской Америке / Т.С. Федорова. – URL: http://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_25.html

**«ТЕРПИМОСТЬ – ЭТО РЕЛИГИЯ БУДУЩЕГО»: ВЗГЛЯД
РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ-ЦЕНТРИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА**

Распространенное представление о русском либерализме начала XX в. сводится к тому, что в раскладе политических сил (на правых, левых и центр) роль центристов как бы «по определению» играли кадеты и октябристы. Однако на самом деле либеральный спектр был шире, а потому не вполне корректно судить об отечественном либерализме только по тем партиям, память о которых оказалась наиболее живучей. Примечательны в связи с этим и суждения современников. Например, известный кадет В.А. Маклаков, отвечая, по сути, на вопрос «а кто же у нас был настоящим либералом в I Думе?», весьма самокритично по отношению к своей партии заявил, что выразителями «подлинно либерального направления» являлись вовсе не кадеты (и тем более не октябристы), а основатели Партии мирного обновления (ПМО): граф П.А. Гейден, М.А. Стахович. Именно с этими людьми, которые боролись за конституцию «без оглядки налево», Маклаков связывал шанс России на «безболезненное укрепление конституционного порядка» [7]. Но, упомянув здесь мирнообновленцев, надо отдать должное, с одной стороны, их предшественнице – Партии демократических реформ (ПДР), а с другой – Партии прогрессистов, немалую лепту в создание которой в 1912 г. внесли бывшие демреформаторы и мирнообновленцы. В общем можно сказать, что названные здесь три партии как раз и обозначали основные вехи развития центристского (прогрессистского) течения в либерализме. Место данных политических организаций в многоцветье российской многопартийности можно (правда, достаточно условно) определить как «центр центра», т.е. между крайними флангами в стане либералов – кадетами и октябристами. А потому закономерно, что толерантность как один из ключевых признаков либерального мироощущения и поведения наиболее ярко проявилась во взглядах и деятельности именно либералов-центристов.

Это особенно заметно на примере «отцов-основателей» данного течения и деятелей их круга. Среди них – идеологи старейших и авторитетных либеральных изданий («Вестник Европы», «Русские ведомости»), крупные ученые, деятели земского и городского самоуправления, лидеры конституционного движения рубежа XIX–XX вв. (М.М. Стасюлевич, К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский, А.С. Посников, И.И. Иванюков, Д.Н. Шипов, В.Ю. Скалон, кн. В.М. Голицын, кн. Е.Н. Трубецкой и др.), совместными усилиями которых в России нарождался новый тип политика.

Задумываясь над путями преобразования России, они придавали особое значение такой «тонкой материи», как доверие, рассматривали его как одну из ключевых характеристик гражданского общества, как общественный капитал, без которого невозможен

прогресс. Программой-максимум для либералов-центристов являлось формирование в России культуры толерантности взамен традиционных жестко конфронтационных методов решения проблем. Каким путем предлагали они выстраивать новые отношения в самом обществе и во взаимодействии общества с властью? Либералы-центристы полагали основой всего правду и нравственность. «Краеугольный камень – правда, правда во всем ... Искать ее, добиваться ее, вносить ее с собою, выражать и проводить ее – вот истинная цель всех деяний наших, нашего труда» (кн. В.М. Голицын) [9]. Они постоянно предупреждали о том, что отсутствие политической нравственности влечет за собой отсутствие нравственности общественной, что, в свою очередь, создает серьезную угрозу для развития страны. Данный принцип прогрессистов напрямую связан с их убежденностью в том, что всегда надо стремиться к единству слова и дела. «Либерализм истинный, непоколебимый, покупается дорогою ценою учения и трудов, а не за стаканом вина» [6], – подтверждением этих слов Стасюлевича была не только его жизнь, но и судьбы всех его соратников. Каждый из них на протяжении многих лет доказывал собственным примером возможность «переделки» русской жизни, преодоления традиционной для России антитезы, выраженной в популярных строках Н.Ф. Щербины (1860): «У нас чужая голова, // А убежденья сердца хрупки... // Мы – европейские слова // И – азиатские поступки».

Либералов-центристов можно определить как «партию культуры», поскольку главным приоритетом государственной политики и первостепенной заботой всего общества они считали развитие образования, науки. При этом важно заметить, что идеологи прогрессистов первыми среди деятелей освободительного движения поставили в повестку дня вопрос о важной роли религии в общественном развитии. В своей частной жизни они, как правило, не склонны были придавать слишком большого значения строгому исполнению церковных обрядов и правил. Однако, воспитанные в традициях Русской православной церкви, многие из них ощущали себя ее «сопричастниками». Им были близки идеи Владимира Соловьева о христианском единстве. Размышляя о путях сближения православной церкви с католической, некоторые из них (например, кн. С.Д. Урусов, кн. В.М. Голицын) участвовали в религиозном движении, преследовавшем эти цели. Они всегда осуждали правительственные гонения на приверженцев той или иной религии.

Идейная открытость, терпимость к разным взглядам и мнениям, недогматическое мышление – данной настрой лидеров прогрессистов проявлялся в их научных трудах, а также повседневной жизни, быту,

пронизывал общественную, политическую деятельность. «Терпимость – это религия будущего. Терпимость основана на уважении к ближнему, как к равному себе. Без терпимости нет свободы» [1], – этими словами немецкого философа Г. Гауптмана М.М. Ковалевский выразил собственное жизненное кредо. «Всякое бывает», – так характеризовал политик свой способ суждения о людях и вещах, не приемля слишком категорических убеждений [2]. Ковалевский как-то сказал, что всегда старался следовать наставлению Иоанна Златоуста: «Убеждай с кротостью». На собственном опыте он пришел к выводу о том, что «можно ненавидеть ложное учение, но не человека, его исповедующего. Любовь – высшая учительница; она одна может содействовать освобождению людей от заблуждения» [5].

Идейная открытость, терпимость помогала видеть «зерно истины» в разных направлениях (научных, политических, религиозных и т.д.), стремиться к их гармоничному сочетанию. К примеру, М.М. Ковалевский так писал о двух, как принято считать, «антиподах» – Спенсере и Марксе: «Один стоял на страже индивидуальности, другой поднимал голос в защиту прав трудящихся масс... Оба были наиболее последовательными и резкими выразителями тех двух направлений, гармоническое сочетание которых лишь одно может обеспечить счастливое развитие человечества» [3], – приходил Ковалевский к собственному выводу. П.Н. Милюков, соратник-оппонент Ковалевского, откликаясь на его смерть в 1915 г., высоко оценил эту черту ученого, называл его «вождем-знаменосцем» русского освободительного движения: «Если Ковалевский не отрицал ни социалистического, ни “буржуазного” взгляда на задачи настоящего и будущего, то это потому, что, оставляя будущему решение принципиального спора между обоими мировоззрениями, он в настоящем объединял их в общем “западническом” взгляде на сущность и направление нашей общественной эволюции. <...> Смотри на меняющийся калейдоскоп жизни поверх текущего момента, Ковалевский мог не отождествлять себя с той или другой политической программой. Но он твердо держал общее направление, зная, куда идет дальнейшая дорога. Не всем дано стоять на той высоте, с которой видно, куда ведут события. Большинство из нас копошится в злобах дня, на них тратя все свои душевные силы. Но, как отдельные работники оркестра, мы все смотрим на то высокое место, где стоит дирижер. Он знает темп, и оркестр идет дружно... Ковалевский есть наше общее национальное богатство, которым мы горды, которого у нас никому не отнять» [8].

Идеологи либерального центризма полагали, что будущее – «открытая книга», а потому необходимо учитывать не только закономерность, но и многовариантность, непредсказуемость исторического процесса, а значит, не «рубить сплеча», решая ту или иную проблему. Показательный пример – отношение к общине. Вовсе не идеализируя ее, либералы-центристы были категорическими противниками насильственного разрушения общинных порядков. «Пусть жизнь сама решит ее судьбу», – считали они, отмечая целый ряд положительных сторон общины,

в т.ч. ее потенциал как базы для развития кооперации.

Принципы идейной открытости с самого начала определяли характер программы русских либералов. Знаменательно, что впервые основы этой программы были сформулированы в 1880-е гг. именно на страницах «Вестника Европы». А потому можно считать в определенной степени закономерным тот факт, что в начале XX в., в период нарастания Смуты и разбегания общественных сил по партийным «квартирам», Стасюлевич и его соратники взяли на себя роль «скрепы» русского либерального движения, хранителей его основ, которые есть не что иное, как «краеугольный камень» толерантного взгляда на решение проблем. Это – права и свободы человека, верховенство закона, ценности демократии и мира (как внешнего, так и внутреннего).

Главным способом решения проблем прогрессисты считали общественную солидарность («в единении – сила!»). В период выборов в Государственную думу М.М. Ковалевский неизменно призывал «развернуть над знаменами отдельных партий одно великое знамя русской свободы и законности» [4]. По существу, прогрессизм был шире либерализма, так как объединял всех, кто, не приемля косность и застой, считал главной силой общественного развития умственное и нравственное совершенствование личности, выступал за развитие просвещения и образования, гражданских свобод, шел в ногу со временем, ратуя за демократические реформы. В этой связи характерны многообразные связи и сотрудничество либералов-центристов с умеренными социалистами, а также их контакты со здравомыслящими бюрократами – «разумными консерваторами» типа С.Ю. Витте. Еще в 1906 г. демреформаторы и мирнообновленцы пропагандировали идею образования конституционного центра, а создание в августе 1915 г. Прогрессивного блока в 4-й Государственной думе фактически было реализацией именно их инициативы.

Терпимость к разным мнениям прогрессисты сочетали с последовательным, бескомпромиссным отстаиванием убеждений и принципов. Это касалось, прежде всего, категорического неприятия ими всех разновидностей террора, а также деспотизма. Отличительной чертой либералов-центристов являлась принципиальная «непартийность». Обосновывая данную позицию, их идеологи, во-первых, указывали на непригодность западного опыта партийного строительства для России, причем не только из-за отсутствия в стране предпосылок для этого (в виде должного уровня общей культуры, политического и гражданского воспитания), но и в силу объективной причины – очевидного, по их мнению, кризиса партий как политического института. В данной ситуации они считали целесообразным заниматься поиском внепартийных форм объединения соратников (клубы, союзы, масонские ложи). В то же время прогрессисты не исключали возможности того, что феномен политической партии может обрести «второе дыхание». Как нам представляется, именно их идеологи первыми в нашей стране (а, может быть, и не только в нашей) поставили в повестку дня и провели

эксперимент по созданию массовой партии нового типа как своего рода «сетевой» структуры – с гибкой системой членства, без строгой партийной дисциплины, жесткой иерархии.

«Тени грядущего» – так называли идеологов либерального центризма некоторые современники. Сила и значение партий, созданных в русле данного течения общественной мысли и практики, – вовсе не в формальной численности рядов этих организаций (которую трудно определить, учитывая, прежде всего, особое устройство этих партий). Ценно, во-первых, то, что они являлись отражателями и ретрансляторами определенного («умеренно-прогрессивного») настроения в обществе, возникшего как реакция самосохранения в условиях революционной Смуты и достаточно распространенного уже в период революции 1905–1907 гг. Надо отдать должное лидерам либералов-центристов и как генераторам идей. Являясь хранителями главного завета всех поколений русского освободительного движения, начиная с Радищева (особый акцент на защите интересов трудового населения, прежде всего – крестьянства), они в то же время поставили в повестку дня «изобретение традиций» (Э. Хобсбаум) для новой России (традиций самоуправления, свободного, идейного труда, доверия, толерантности) и, таким образом, сыграли роль своего рода «закваски», необходимой для роста общественного организма. На наш взгляд, актуальность «прогрессивной» альтер-

нативы модернизации России очевидна и спустя более века. Опыт либералов-центристов важен и для реабилитации идеи либерализма в современной России.

Литература

1. Запросы жизни. – 1912. – № 45. – Стлб. 2579.
2. Запросы жизни. – 1912. – № 5. – С. 284.
3. *Ковалевский, М.М.* Две жизни / М.М. Ковалевский // Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. – М., 1969. – С. 77.
4. *Ковалевский, М.М.* Под общим знаменем / М.М. Ковалевский // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. – М., 2002. – С. 79.
5. *Ковалевский, М.М.* Русская конституция / М.М. Ковалевский. – СПб., 1906. – Вып. 5. – С. 10.
6. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. – СПб., 1911. – Т. I. – С. 283.
7. *Маклаков, В.А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. / В.А. Маклаков. – М., 2006.
8. *Милюков, П.Н.* М.М. Ковалевский как социолог и как гражданин / П.Н. Милюков // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб.ст. – Пг., 1917. – С. 137–143.
9. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). – Ф. 75. – Д. 25. – Л. 104–104 об.

В.В. Вострикова
г. Орел

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ НАЧАЛА XX ВЕКА О ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ОСНОВЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Практическая актуальность проблемы толерантности не вызывает сомнений. На фоне множественных разноуровневых и разноплановых конфликтов в современном мире толерантность выступает в качестве важнейшего средства их предотвращения, сглаживания либо разрешения. При этом нельзя недооценивать значимости исследования проблемы толерантности в теоретической плоскости. Учеными-гуманитариями много сделано для прояснения трактовки понятия «толерантность» в различные исторические эпохи, а также в разных областях современной науки [3].

Вместе с тем, еще имеется достаточно широкое поле для анализа понимания толерантности представителями общественно-политической мысли предшествующих эпох. В частности, одним из объектов исследования могут стать взгляды российских либералов начала XX в. Данная проблематика интересна, с одной стороны, ввиду общего высокого научно-теоретического уровня либерального сегмента отечественной общественно-политической мысли, а с другой стороны, тем, что либералам начала XX в. «почастливилось» жить в одну из самых конфликтных эпох в истории Российского государства.

Задачей настоящей работы является рассмотрение представлений идеологов отечественного либерализма начала прошлого века о толерантности применительно к области межнациональных отношений.

Ввиду существования в современной науке различных мнений по поводу времени введения в научный оборот термина «толерантность» [3, с. 179], следует уточнить, что российскими либералами он не использовался. У них речь шла о «терпимости». Рассматривая проблему взаимоотношения представителей различных этносов в рамках одного государства, либералы отмечали, что серьезную значимость она приобрела с образованием наций. Ранее, как указывал Н.А. Гредескул, данный вопрос разрешался, как правило, посредством ассимиляции мелких этносов более могущественным этносом, путем переделывания чужих в своих – усвоения первыми социальных и культурных форм хозяев государства. Ход истории показал, что ассимиляция шла практически во всех существовавших государствах, приводя либо к формированию однородного по составу населения, либо значительно сглаживая остававшуюся этническую неоднородность [2, с. 22].

«Однако, – отмечал Н.А. Гредескул, – со време-

нем данная практика перестала давать позитивный эффект, что было обусловлено образованием новых этнических общностей – наций, настойчиво заявивших о себе в государственной жизни с XIX в.». Национальное самосознание, отличающее нацию от прочих этнических образований, требовало уважения к ней со стороны других этносов и государства, создания условий для национального самоопределения и развития. Стремление наций добиться этого спровоцировало в XIX веке серию национально-освободительных восстаний и войн, часть из которых завершилась образованием национальных государств [2, с. 27].

В результате сложилось мнение, что образование национального государства – универсальный способ обеспечения нации условий для свободного развития. Однако, с точки зрения Н.А. Гредескула, для малочисленных наций это утверждение вряд ли справедливо ввиду необходимости весьма значительных затрат для отстаивания своей независимости [2, с. 27]. По убеждению либералов, гораздо более эффективным способом национальной самореализации является удовлетворение потребностей этносов в развитии в рамках многонациональных государств [2, с. 29]. При этом либералы особо подчеркивали, что попытки насильственной ассимиляции наций обречены на провал. «"Обезличить" национальность – настоящую, развитую национальность – также невозможно никакими принудительными мерами, как и обезличить индивидуальную личность», – настаивал Н.А. Гредескул [2, с. 31–32]. Аналогична позиция В.М. Гессена. «У национальности, достигшей значительного культурного уровня, никакие гонения не способны уничтожить чувство самосознания и заставить перенять язык и нравы чужеземцев», – писал он [1, с. 6].

«"Насилие" над национальностью, – предупреждал Н.А. Гредескул, – не уничтожает ее национальных свойств – оно только их обостряет...» [2, с. 32]. Унижаемая национальность сосредотачивается на противостоянии внешнему давлению, ее собственное развитие замедляется, а в государстве в целом растет социальная напряженность. По мнению П.Б. Струве, «насильнический национализм» загоняет национальные «чувства внутрь, и они могут тогда вырываться наружу ... в искаженном и изуродованном виде и производить настоящие опустошения» [5, с. 210]. «Насильнический национализм» «создает и вырашивает силы сопротивления самому себе. ...является либо творцом, либо пестуном национальных сознаний и притязаний угнетаемых народностей» [4, с. 168].

Существенно иной эффект, по мнению либералов, имеет предоставление «недержавным» нациям условий для свободного развития. Помимо «внутреннего умиротворения» государственной жизни появляется возможность культурного сотрудничества разных наций. «Государство становится внутренне более однородным, но без насильствования и уничтожения того, чего нельзя уничтожить; с сохранением национальностей, но без их вражды между собою; с новыми сближениями самих национальных личностей между собою» [2, с. 34–35]. В результате госу-

дарство становится для национальностей не только господством и властвованием, но и Отечеством.

Анализируя исторический опыт, либеральные деятели отмечали, что мысль о несомненной целесообразности установления терпимых, уважительных отношений между представителями различных этносов с позиции укрепления многонационального государства не сразу была осознана как на государственном уровне, так и на уровне массового сознания [2, с. 21]. Важнейшим препятствием в этом плане стала, по выражению Н.А. Гредескула, некая «иррациональная составляющая социальной психологии», состоящая в убеждении, что покоренные этносы не могут быть равны коренному народу по своему положению [2, с. 25]. Либералы ясно осознавали, что установление терпимости как основы межэтнических отношений предполагает избавление от данного стереотипа, значительную корректировку общественного сознания, а потому потребует достаточного количества времени и усилий, прежде всего, со стороны власти.

В качестве первого шага в этом направлении со стороны государства В.М. Гессен рассматривал установление равенства граждан перед законом [1, с. 3]. Вместе с тем, он предупреждал, что данная законодательная реформа не способна в одночасье искоренить ментальные предрассудки, приводя в пример положение негров в США. Установление равноправия предоставляет «возможность бороться с укorenившимся общественным предрассудком» и в будущем его преодолеть, – указывал В.М. Гессен [1, с. 4].

Однако, по убеждению либералов, равенства перед законом не достаточно, ибо «это только узда, налагаемая в интересах народов на произвол господствующей нации» [1, с. 4]. «Недостаточно развязать руки, – надо дать возможность действовать ими», – писал В.М. Гессен, – а для этого каждой национальности должно быть предоставлено право «на самоопределение в вопросах культуры», практическая реализацией которого является «полная свобода национального культа», беспрепятственное употребление родного языка «в общественной жизни, публичных собраниях, в печати, в содержимых на частные средства школах и пр.», «возможность свободного основания обществ, преследующих просветительные цели, учебных заведений, устройств собраний, вообще всякого рода учреждений, имеющих целью развитие и поддержание национальной культуры» [1, с. 4, 6–7].

Таким образом, российские либералы начала XX в. считали терпимость основой модели межнациональных отношений, призванной обеспечить социальный мир внутри многонационального государства, превратить его из некоего механического соединения различных этносов в гармоничное целое, предполагающее сохранение «всего богатства и разнообразия культурных сил» [2, с. 35]. А это, в свою очередь, является важным фактором могущества государства на международной арене. Практическая значимость данного утверждения несомненна и сегодня. Актуальным также остается наблюдение либеральных деятелей о бесперспективности политики насильственной ассимиляции в отношении наций.

Литература

1. Гессен, В.М. Автономия, федерация и национальный вопрос / В.М. Гессен. – СПб.: Типогр. товарищ. «Общественная польза», 1906.

2. Гредескул, Н.А. Россия и ее народы. «Великая Россия» как программа разрешения национального вопроса в России / Н.А. Гредескул. – Пг.: Тип.-лит. Акц. О.-ва «Самообразование», 1916.

3. Сольнин, Н.Э. Основные подходы к определению понятия «толерантность» / Н.Э. Сольнин // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 4. – С. 178–181.

4. Струве, П.Б. Два национализма / П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. – М., 1997. – С. 164–172.

5. Струве, П.Б. Полемические зигзаги и несвоевременная правда / П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. – М., 1997. – С. 208–210.

А.Н. Егоров
г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЛЕМИКИ ПО «УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ» В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Зарождение украинского национального движения относится к началу XIX века. Сначала оно было совершенно аполитичным и выражалось в исторических, фольклорных, филологических исследованиях, связанных с историей и культурой Украины. Политизация украинского движения началась в 40-е гг. XIX в. в связи с деятельностью Кирилло-Мефодиевского братства, членом которого был Тарас Шевченко, ставший символом украинского национального движения.

Главным принципом политики Российской империи относительно Украины было отрицание самого факта существования украинской национальности. Царское правительство защищало доктрину «триединой» нации (русско-украинской-белорусской). Украинский народ считался «малороссийской» племенной ветвью единой русской нации. Из-за этого серьезным преследованиям подвергались все личности и общества, которые стремились утвердить украинскую национальную самобытность в сфере политики или культуры. Это касалось даже украинского языка, который властями официально не признавался, постоянно сводился к уровню крестьянского диалекта, к вульгарному наречию русского языка. Считалось, что поднятие этого наречия до уровня языка культуры и науки представляет опасность для российского единства. Поэтому власти препятствовали административными мерами развитию украинского языка.

Первая российская революция не имела на Украине яркой национальной окраски. В ходе революции были отменены языковые ограничения (Академией наук в Санкт-Петербурге был признан украинский язык, как отличный от русского) и стали выходить газеты, журналы, книги на украинском языке. Стали создаваться культурные и просветительские общества. В I и II Государственных думах имелись украинские фракции по 40–50 человек. Украинские депутаты II Думы даже подготовили законопроект об автономии Украины, но его не успели обсудить.

Однако, начиная с 1907 г. вместе с подавлением революции, преследования украинской прессы возобновились. Правительство жестко выступало про-

тив самых скромных украинских национально-культурных требований. Например, не разрешалось обучение на украинском языке даже в начальных школах. Власти взяли курс на агрессивный национализм – закрывались украинские газеты, общества, черносотенцы вели антиукраинскую пропаганду. Основанием такой политики являлась угроза украинского сепаратизма (в начале XX в. его называли термин «мазепинство»).

Один из лидеров Союза русского народа – В.М. Пуришкевич – предупреждал власти, что малороссийское литературное движение, первоначально претендовавшее лишь на развитие украинской культуры, может превратиться в политическое течение сепаратистского толка. «Украина, – писал он, – средняя Россия и Россия западная, населенная белорусами, силою исторических событий и естественного тяготения окраин к соплеменному им великорусскому центру составляет одно неразрывное и единое тело, а потому поощрять или хотя бы только равнодушно относиться к попыткам известной политической группы, берущей на себя смелость быть представительницей якобы только духовных интересов Украины, но способной сеять в ней лишь рознь и смуту, было бы величайшей политической неосторожностью. И правительство, и Гос. Дума должны твердо усвоить себе эту точку зрения» [9, с. 9].

Нетерпимости правых сил к украинскому движению российские либералы в лице кадетской партии противопоставили толерантный подход к решению «украинского вопроса». Отстаивая унитарный принцип государственного устройства России, кадеты тем не менее в своей национальной программе выступали за культурно-национальное самоопределение (культурную автономию): использование национальных языков в школе, вузах, суде. Лишь в отдельных случаях они допускали введение областной автономии.

В годы Первой российской революции кадеты выступали за культурную автономию на Украине, в Прибалтике, в мусульманских регионах. Эта политика опиралась на либеральную концепцию отношений

между различными национальностями внутри империи. Кадетская партия боролась за равенство гражданских и политических прав для всех национальностей империи, а также за реальное право на культурное самоопределение. Именно это позволило представителю польской группы Коло в I Государственной думе А.Р. Ледницкому сказать, что лишь в партии кадетов «все нерусские народности могут найти действительную опору и поддержку» [4, с. 369]. Вследствие этого различные национальности были представлены в Первой Думе именно кадетской партией, так как они видели в ней адвоката своих национальных интересов.

Лидер кадетов – П.Н. Милюков – постоянно размышлял над национальным вопросом. В эмиграции он подчеркивал, что в противовес господствующему мнению, Россия до 1917 г. не была «торьмой народов», а русский народ никогда не был заражен агрессивным национализмом правящей «расы». «"Русификация" окраин и инородцев была делом правительственной политики и чиновников, а отнюдь не народа. Воинствующий национализм в России был всегда орудием политической реакции» [6, с. 208]. Согласно взглядам Милюкова, в России существовало два типа национальностей: те, которые избежали ассимиляции, развивая собственное национальное сознание, и те, которые, оказавшись только в политическом подчинении у России, сохранили как этническую чистоту, так и национальное самосознание – Финляндия, Польша, прибалтийские государства (эстонцы, литовцы и латыши), народы Кавказа (грузины, армяне) и народы Средней Азии.

П.Н. Милюков рассматривал «русское племя» как состоящее из трех народов: великороссов, украинцев и белорусов. Не без оттенка иронии он писал о проблеме украинского языка, который стал поздно складываться, так же как и белорусский, который еще долго не имел статуса языка литературного. С другой стороны, он признавал: «Конечно, само русское население не составляет единого целого; антагонизм украинцев и белорусов с великороссами чрезвычайно усилился именно в последнее время» [6, с. 206].

Кадеты ставили на первое место политическую свободу, а не национальные стремления. Они полагали, что у них и у национальных движений один общий враг – самодержавие, и одна общая цель – права и свободы. Если Россия станет свободным правовым государством, все народности смогут реализовать свои устремления в рамках единой России. Кадеты не поддерживали политическую федерацию, а говорили о культурной автономии. Как подчеркивал П.Н. Милюков, «слово "федерализм" было откинуто: остался "союз автономистов"» [6, с. 213].

Правые постоянно упрекали кадетов в том, что они идут на поводу национальных движений и тем самым разрушают единство страны. В ответ либералы не раз подчеркивали, что стоят за единство государства. Чтобы понять политику кадетов в национальном вопросе, необходимо помнить, что она основывалась на либеральной концепции государства и на идее защиты индивидуальных прав человека.

Главная цель кадетов заключалась в том, чтобы, уважая специфику каждой национальности, создать общество свободных и равноправных граждан единого государства. Эта политика противоречила взглядам Союза русского народа, члены которого считали, что «единство государства находит свое преимущественное выражение в господствующей народности и проявляется в государственном языке, на котором говорит эта господствующая народность» [цит. по 1, с. 93].

Руководствуясь идеей единства государства и равноправного гражданства, П.Н. Милюков защищал право каждой национальности использовать свой родной язык в суде, школе и т.п. Это было, по его мнению, лучшим средством поддержания связи центра с национальными окраинами. П.Н. Милюков выступал против лозунга ультраправых «Россия для русских», который вел лишь к увеличению пропасти между различными национальностями России и русскими, т.е. был фактором развала единства России.

В Думе П.Н. Милюков выступал за открытие школ на украинском языке для 25 миллионов украинцев. Он отбрасывал аргумент, что белорусский и украинский языки никогда не станут языками культуры, считая это вопросом времени: «Мы считаем, что нет такого языка, который не мог сделаться языком культурным, если на нем будет говорить, мыслить и чувствовать интеллигенция» [10, с. 1269].

В ту эпоху идея независимой Украины еще не внедрилась в сознание: «Мы не руководствуемся, – говорил в 1912 г. М.С. Грушевский, – стремлениями агрессивного национализма, не думаем, что украинская народность займет господствующее положение» [3, л. 2]. П.Н. Милюков вспомнит об этом в 1939 г. в эмиграции, подчеркивая двусмысленность выступлений М.С. Грушевского: «Вот в чем мы тогда были согласны. Вопрос о "сепаратизме" считался между нами (если игнорировать некоторые умалчивания Грушевского) совершенно исключенным. Да и он исключался и всей предыдущей традицией». И для подтверждения своих мыслей Милюков ссылался на Н.И. Костомарова и особенно на М.П. Драгоманова, который в 1882 г. заявлял: «У малороссов с русскими одни исторические традиции, одна вера, во многом один склад понятий, языки близки ..., ни малейшего подобия естественных границ... Всякая речь о сепаратизме просто смешна» [7, с. 2].

В феврале 1914 г. на заседании ЦК кадетской партии П.Н. Милюков говорил, что кадетская партия «не только отрицает возможность федерации в ближайшем будущем, но и будет бороться против принципа федерации как утопического». Рассказывая о своей поездке в Киев, он подчеркивал, что эти идеи не были враждебно встречены украинцами, «взаимное понимание в известной мере было достигнуто, и на вечернем банкете говорилось уже не о федерации, а о культурном самоопределении и об автономии в условиях текущей российской действительности...» [8, с. 268]. Таким образом, кадеты добились того, чтобы украинцы довольствовались требованием автономии.

В марте 1914 г. российские власти запретили публично отмечать столетие со дня рождения Тараса Шевченко из-за опасения демонстрации сепаратистских чувств населения «Малороссии». Это дало повод для широких дискуссий в прессе и для споров в Думе. Все оппозиционные фракции выступили с протестом, что им позволило более широко высказаться по поводу украинского вопроса. Кадеты и особенно П.Н. Милюков воспользовались этим моментом, чтобы обозначить принципы своей украинской политики. Милюков говорил в Думе, что Шевченко настоящий национальный поэт, а не поэт только простого народа. Как поэта его можно рассматривать наравне с Лермонтовым и Пушкиным. Он имеет те же заслуги перед своим народом. Милюков отдал дань Шевченко как поэту и как общественному деятелю. Он успокоил Думу, указав на то, что «украинцы в настоящее время ограничивают свои стремления, свою программу-минимум только культурным самоопределением», и заявил, что эти требования «могут признать радикальными только те, кто отрицает само существование украинского народа и считает, что один факт существования его равносителен уже сепаратизму» [11, с. 908]. Он предупредил Думу, что бороться против культурных устремлений украинцев политически опасно, так как отрицанием самостоятельного существования украинского языка и культуры правые силы восстанавливают украинцев против России.

Однако даже такая толерантная позиция не устраивала украинское национальное движение. В письме П.Н. Милюкову М.С. Грушевский, с одной стороны благодарил его за поддержку празднования юбилея Шевченко, но, с другой стороны, осуждал Милюкова за отказ от принципов федерализма. Он писал: «Нас удивило, что Вы выступили так решительно принципиально против автономно-федеративного постулата. Выступая так резко по этому вопросу, Вы словно хотите отрезать путь для дальнейших переговоров и соглашений на этой почве» [2, л. 4].

Тем самым пути М.С. Грушевского и П.Н. Милюкова стали все больше расходиться. Украинское движение взяло курс на федерализм и далее – на сепаратизм, в то время как кадеты остались верны лозунгу единой России. Позднее, в эмиграции, Милюков назовет Грушевского фанатиком украинского движения, чьи действия в 1917 г. были направлены против интересов России [5, с. 336]. Видный русский религиозный философ Г.П. Федотов писал в эмиграции: «Пробуждение Украины, а особенно сепаратистский характер украинофильства, изумил русскую интеллигенцию и до конца остался ей непонятным.

Прежде всего потому, что мы любили Украину, ее земли, ее народ, ее песни, считали все это своим, родным» [12, с. 320].

Таким образом, толерантная позиция кадетов оказалась непонятой как правыми партиями, которые отрицали сам факт существования украинской культуры и языка и тем самым отталкивали от России украинцев и поощряли украинский национализм, так и растущим украинским национальным движением, которое постепенно перешло на позиции сепаратизма. Кадеты, с одной стороны, защищали украинскую культуру и язык, а с другой – отстаивали принцип единства России. Поэтому в глазах правых (таких как В.М. Пуришкевич) они были врагами русского народа, людьми, выступавшими за распад России. А в глазах украинских националистов (таких как М.С. Грушевский) они были противниками украинского национального движения, людьми, выступавшими против интересов «самостийной» Украины. Многие современные историки рассматривают толерантную альтернативу решения национального вопроса, предложенную либералами, как вполне обоснованную и разумную, возлагая ответственность за ее провал на радикальных националистов всех мастей.

Источники и литература

1. Брейяр, С. Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) / С. Брейяр // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1 / отв. ред. М.В. Дмитриев. – М., 1995. – С. 89–110.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1879.
3. ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 2. – Д. 26.
4. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М., 1990. – Т. 1.
5. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М., 1990. – Т. 2.
6. Милюков, П.Н. Россия на переломе / П.Н. Милюков. – Париж, 1927. – Т. 1.
7. Милюков, П.Н. Тактика и действительность / П.Н. Милюков // Последние новости. – 1939. – 19 марта.
8. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. – М., 1997. – Т. 2.
9. Пуришкевич, В.М. Растаскивание России. Самоопределяющаяся украинская интеллигенция / В.М. Пуришкевич // Прямой путь. – 1910. – 20 января.
10. Стенографические отчеты / Гос. дума, III созыв, сессия V. – СПб., 1910.
11. Стенографические отчеты / Гос. дума, IV созыв, сессия II. – СПб., 1914.
12. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. / Г.П. Федотов. – СПб., 1992. – Т. 2.

**МАССОВЫЕ УБИЙСТВА КОРЕЙСКИХ ГАСТАРБАЙТЕРОВ
В ЯПОНИИ В СЕНТЯБРЕ 1923 ГОДА**

Аннексия Кореи Японией в 1910 г. стала точкой отсчета создания в Японии самой большой за пределами Кореи корейской диаспоры. В 1925 г. в Японии насчитывалось 103 тыс. гастарбайтеров [5, с. 9]. По мнению авторов выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в 1925 г.» (Тайсе дзюэнэн тю ни окэру дзайрю те-сэндзин но дзэке) «японцы рассматривали корейцев как низшую расу» [9, с. 34].

1 сентября 1923 г. серия подземных толчков встряхнула восточную часть региона Канто. Только в Токио и Иокогама погибли 80 тыс. чел. Начальник Токийского управления полиции Акаикэ Ацуси, участвовавший в усмирении «Рисовых бунтов» 1918 г. (массовые волнения населения из-за повышения цен на рис), считал, что нехватка продовольствия может снова стать причиной антиправительственных выступлений [1, с. 211]. Акаикэ на совещании рекомендовал ввести в Токио военное положение [3, с. 17].

Уже после полудня 1 сентября в г. Иокогама и Кавасаки начали циркулировать слухи о появлении групп взбунтовавшихся корейцев (позже они были признаны ложными). Министр внутренних дел Японии Мидзуно Рэнтаро и Акаикэ Ацуси вошли в историю как «усмирители» национально-освободительной борьбы корейцев в 1919 г.¹ Опыт «зачистки» Корейского полуострова после восстания сформировал у них отношение к корейскому народу и корейской диаспоре в Японии как к этносу, потенциально склонному к вооруженному мятежу. Поэтому их реакция на слухи об антиобщественном поведении корейцев во время землетрясения была предсказуемой.

Как вспоминал Мидзуно Рэнтаро: «После обдумывания ситуации... я пришел к выводу, что единственно правильным решением будет введение военного положения» [5, с. 11]. 2 сентября во второй половине дня военное положение было объявлено в Токио и пяти прилегающих к нему районах. К 10 сентября численность сосредоточенных в Канто войск достигла почти 50000 чел. [2, с. 388].

По мнению психологов, «индукции идей способствует ситуация религиозной секты, закрытого тоталитарного общества, ... географической или культуральной (в том числе языковой) изоляции» [6, с. 13]. В контексте этой концепции можно предположить, что введение военного положения усилило антикорейские настроения, повысило «градус» кореанофобии, а последующие действия полиции и армии не

оставили у населения сомнений в истинности распространявшихся о корейцах слухов.

Морияма Санэеси – командир дивизии «Нарасино» – 2 сентября в директиве для полиции назвал корейцев людьми, совершающими антиобщественные действия. «Позвольте напомнить о необходимости соблюдать бдительность и принимать решительные меры против этих корейцев», – указывалось в директиве [4, с. 48].

Поскольку из-за стихийного бедствия распространение тиражей газет стало невозможным, «Токио нити нити симбун» и другие издания уже со 2 сентября начали печатать настенные газет-листовки (плакаты), содержащие официальные уведомления государственных органов для населения. В одной из таких первых газет-плакатов содержался призыв создавать отряды самообороны для защиты от социалистов и корейских инсургентов [3, с. 92].

Американский социолог Стэнли Коэн в 1972 г. опубликовал книгу «Народные беды и моральные паники: возникновение Модов и Рокеров». По мнению ученого, отдельные лица или группы могут в какие-то периоды в глазах народа воплощать образ врага. В общественном сознании они становятся, по выражению Коэна, «народными бесами»: «... группы индивидов могут быть определены как угроза социальным ценностям и интересам. Медиа выступают в роли агента морального возмущения (нравственного негодования). Их способ предоставления определенных фактов может быть достаточен для возникновения негодования или паники» [8, с. 1]. В атмосфере антикорейской истерии началось создание отрядов самообороны (дзикэйдан). К середине сентября в Японии насчитывалось около 3700 таких отрядов самообороны, жертвами которых стали тысячи корейцев [11, с. 174]. Число корейцев, убитых в регионе Канто в течение первой недели сентября, составляло около 6000 чел. [7, с. 205–213].

Феномен антикорейских погромов состоял из двух компонентов:

1. Действий разных ветвей власти программного характера с заданными целями и средствами для их достижения.

2. Как бы стихийной, массовой антикорейской истерии населения, которая на самом деле была индуктивно наведенной волей институтов власти. Руководство страны помнило Рисовые бунты 1918 г. (массовые беспорядки, вызванные повышением цен на рис, сопровождавшиеся нападением на полицейские участки, рисовые склады, антиправительственными демонстрациями и т.д.) и, чтобы исключить их повторение, выбрало корейскую диаспору для переноса на иммигрантов вектора массового недовольства людей, потерявших дома, имущество, родственников во время страшного природного катаклизма.

Прямых приказов об убийствах корейцев не бы-

¹ Подробнее см. *Frank Prentiss Baldwin Jr. The March first movement: Korean challenge and Japanese response, unpublished doctoral dissertation. – Columbia university, 1969. P. 186–213.*

ло, но были многочисленные директивы и инструкции о необходимости контроля, наблюдения, бдительности в отношении иммигрантов, закладывающие в массовое сознание почти аксиоматическое отождествление корейцев с врагами японского общества и государства. Инстинкт классового самосохранения правящей страты выражался в многочисленных, не обязательно управляемых из единого центра, не обязательно координированных акциях информационного (или скорее дезинформационного) характера, формирующих у японского общества образ врага, говорящего на корейском языке.

Антияпонские выступления 1919 г. в Корею нарушали привычный для японцев установленный порядок. В этом плане убийства корейцев носили для японцев (приверженцев консервируемой языческой религии Синто) в какой-то степени характер религиозно-кровавого обряда восстановления нормы, возврата к стабильности бытия, которую пытались нарушить иноземцы, посягнувшие Первомартовским восстанием на право японского императора управлять «неразумными детьми» (корейским народом). Обряды в язычестве призваны «исправить реальность» (например, вызвать выпадение осадков в засуху), преодолеть беспомощность человека перед непознаваемым миром, взять у природы реванш с помощью невидимых духов. В этом плане массовые убийства корейцев в чем-то были похожи на ритуальные человеческие жертвоприношения в империях Мезоамерики (ацтеки, майя). На уровне подсознания язычниками-японцами двигало в том числе и неосознанное желание кровавыми жертвами умиловать неподвластную стихию, предотвратить повторение ужасов землетрясения, страшных пожаров, напавших Апокалипсис.

В газете «Осака майнити» было помещено мнение «известного юриста», который утверждал, что было бы неправильным считать антикорейские действия членов дзикэйдан обычными преступлениями, поскольку это были действия не «здоровомыслящих людей», а толпы в состоянии «временного помешательства». (Osaka Mainichi (английская редакция), 25 октября 1923). Задача адвоката выгородить подсудимого, «объяснить» мотивы его преступления, представив злодея жертвой обстоятельств или некоего кукловода. Но в этом случае довольно здравая аргументация «известного юриста» естественным образом порождает новые вопросы: кто инициатор, индуктор этого массового истероидного действия. «Индуктированный психоз» – термин, введенный в оборот психиатрами конца XIX века, которые установили, что психические расстройства могут быть

«заразными», передаваться во время обмена информацией. Подобно компьютерному вирусу, массовый параноидный психоз может охватить большие группы населения.

Уэсуги Синкити, профессор права Токийского университета, в статье, опубликованной в «Кокумин симбун» 14 октября 1923 г., утверждал, что:

- а) полиция распространяла слухи;
- б) членам дзикэйдан было разрешено носить оружие и были основания полагать, что убийство корейцев было санкционировано;
- в) никаких попыток подавить насилие не предпринималось;
- г) сами полицейские незаконно арестовали и убили многих людей [3, с. 148].

Литература

1. *Акаиэ, Ацуси* Дайсинсай тодзи ни окэру сёкан (Мои мысли во время землетрясения в Канто) / Акаиэ Ацуси // Дзикэй (Муниципальная полиция). – 1923. – № 51. – Ноябрь. – С. 201–234.
2. *Имаи, Сэйити* Нихон но рэкиси (История Японии). № 23: Тайсе демокрасии (Эпоха демократии Тайсе) / Имаи Сэйити. – Токио, 1978.
3. *Кан, Ток Сан* Гэндэйси сире б. (Материалы по новейшей истории). Т. 6: Канто дай синсай то тесэндзин. (Великое землетрясение в Канто и корейцы) / Кан Ток Сан. – Токио, 1963.
4. *Мацуо, Такаеси* Канто Дайсинсай ка но тесэндзин гякусацу дзикэн. дзе (Массовые убийства корейцев во время Великого землетрясения Канто. Ч. 1) / Мацуо Такаеси // Сисо (Идеология). – 1963. – № 471. – Сентябрь. – С. 30–48.
5. *Пак, Кэн Сик* Дзайнити тесэндзин ундоси (Социально-политическая история корейцев в Японии) / Пак Кэн Сик. – Токио, 1979.
6. Психиатрия: Учебное пособие для студентов медицинских вузов / под ред. В.П. Самохвалова. — Ростов н/Д., 2002.
7. *Такахаси, Синъити* Рэкиси но синдзицу: Канто дай синсай то тесэндзин гякусацу (Правда истории: землетрясение в Канто и убийства корейцев) / [Такахаси Синъити и др.]. – Токио, 1975.
8. *Cohen, Stanley*. Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers / Stanley Cohen. – Oxford, 1972.
9. *Mitchell, Richard* The Korean minority in Japan. University of California press / Richard Mitchell. – Berkeley ; Los Angeles, 1967.
10. Osaka Mainichi (английская редакция). – 1923. – 25 октября.
11. *Weiner, Michael* The Origins of the Korean Community in Japan, 1910–1923 / Michael Weiner. – Humanities Press International, Atlantic Highlands, New Jersey, 1989.

Т.В. Пахолкова
г. Череповец

«ВРАГИ НАРОДА» 1930-Х ГОДОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Наше исследование посвящено изучению судеб репрессированных уроженцев села Гришкино Улом-

ского района Ленинградской (сегодня Вологодской) области. Материал обобщен на основе архивных

сведений Череповецкого центра хранения документации (ЧЦХД). Это протоколы заседаний президиума Гришкинского сельсовета и личные дела лишенных избирательных прав. Насколько толерантны были местные жители к репрессированным? Были ли они защитниками своих односельчан или, напротив, способствовали проведению политики уничтожения так называемого зажиточного слоя деревни?

Время конца 20-х – конца 30-х гг. прошлого столетия перевернуло жизнь многих сельских семей больше даже, чем Первая мировая война и революция 1917 года. Если во время войны крестьяне выполняли священный долг защиты своего Отечества и если революцию в деревне переживали не так бурно, как в столицах, то так называемое раскулачивание превратилось в самый настоящий террор.

Власть использовала единую схему борьбы с «кулаками»: любое крепкое хозяйство объявлялось зажиточным. Собирались в первую очередь доказательства по использованию наемного труда и ведению торговли, далее – по наличию живности на дворе и техники. Главе хозяйства вменялось налогообложение в индивидуальном, т.е. повышенном, размере. Как правило, это были неподъемные суммы. За неплату налогов в срок назначалась как минимум конфискация имущества и выселение всей семьи либо ссылка в лагерь.

Карательная система обрела прочную законодательную и организационную основу. В 1932 г. вышел закон, согласно которому даже за незначительные хищения полагался расстрел. В 1934 г. при Наркоме внутренних дел было образовано Особое совещание, которое наделялось правом рассматривать дела без прокурора, адвоката и свидетелей и отправлять «врагов народа» в ссылку и исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет [1].

Так, по Гришкинскому сельсовету были объявлены кулацкими в первую очередь хуторские хозяйства на выселках в Бекетово, Еловой Гриве и Федоровском. Семьи Осарковых и Левиных: Максима Григорьевича Осаркова и Левина Владимира Кузьмича – на выселках в Лопатино пострадали в первую очередь. Не помогли и служба в Красной армии, и наличие пятерых малолетних детей, и то, что земля и инвентарь были сданы в колхоз. Все имущество было описано и конфисковано. Обе семьи были выселены в неизвестном направлении.

В течение нескольких лет на повестке дня заседаний сельсовета были вопросы об одних и тех же «эксплуататорах» и о необходимости принятия к ним мер. Дегтярев Николай Перфильевич, Лебедев Степан Степанович, Яшуков Степан Алексеевич, Романов Гаврил Стратонникович, Митин Кирилл Иванович, Макаров Петр Степанович, Тюликов Василий Дмитриевич были объявлены «врагами» как бывшие торговцы. Причем они торговали до 1927 г. на вполне законных основаниях [3]. В протоколах нет ни одной более-менее веской причины для таких жестких мер, как выселение или отправка в ссылку. И это по отношению к людям 60–70 лет, предки которых освоили эту землю, как известно, еще в XVI веке.

Местная власть, разумеется, проводила линию партии. Из протокола заседаний президиума Гриш-

кинского сельского совета: «28.07.1932. *Задолженность по селу у... (фамилии виновников указаны выше); 15.08.1932. О невыполнении плана по хлебозаготовкам и льнозаготовкам. (те же лица).* 24.08.1932. *Выявлено 4 кулака. Надо сейчас же распродать все имущество, повисить культовый сбор до 3000 руб.; 31.08.1932. Недопоставки по маслозаготовкам. Решение: сделать контрольную дойку и отдать всех под суд! Все молоко нести на сливной пункт!*». Когда на заседания приезжало начальство из района, звучали такие речи: «*Нечего членам сельсовета заступаться за единоличников!*» [4].

Власть пыталась выдвинуть обвинение от имени односельчан. Но это чаще всего не получалось. 3 августа 1932 г., например, состоялось общее собрание членов колхоза «Красный октябрь» Гришкинского сельсовета. Присутствовали 26 человек. Заслушали заявление члена колхоза Тюликова Василия Дмитриевича о его работе. Постановили: «*Одобрить работу Тюликова В.Д. К обязанностям относится добросовестно, ни разу от работы не отказывался. Хозяйство его среднее, а главное, к бедноте относится лучше других колхозников*». Тем не менее, Тюликов В.Д. был приговорен тройкой ПП ОГПУ в ЛВО в 1932 г. к выселению в Мурманскую область, Кировский район [3].

Односельчане довольно сдержанно относились к призывам писать заявления на «врагов народа». Если и встречались какие-либо строки в допросах, они были слишком неубедительны для таких жестоких наказаний единоличников. Некоторых членов семей, в основном жен и детей, удавалось спасти от выселения. Мужчины же все были высланы.

Романов Гаврил Стратонникович и Петров Николай Павлович не выдержали, умерли в 1934 г. Всего с 1928 по 1934 гг. были высланы из Гришкина и ближайших хуторов более 40 человек, не считая людей с такой же участью из других деревень сельсовета [3].

Еще более беспощадно местная власть по указке сверху боролась с духовенством. 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает приказ Наркома внутренних дел № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Эта была самая масштабная акция периода «большого террора». Операцию предписывалось начать 5 августа 1937 г. и завершить в течение четырех месяцев. Была составлена разнарядка о количестве будущих преступников [1]. Под эту статистику истории и попала Орлова Анна Авенировна [2].

Самым жестоким образом власть расправилась с семьей священника Н.Н. Орлова, отправив его в ссылку, где он и был убит. Соседи всячески поддерживали матушку Анну, подкармливая ее детей, когда сослали ее мужа. Анну Авенировну Орлову расстреляли в 1937 г. за «антисоветскую пропаганду», которая выражалась в том, что она писала письма и просьбы о судьбе мужа и умоляла власть не лишать ее семерых детей последнего куса хлеба. Дьякону Семенову Никанору удалось вывезти свою семью в Вельегонск, дальнейшая судьба их неизвестна [3]. Жену псаломщика Агрипину Львовну Георгиевскую и старосту религиозной общины

Акулину Мартирьевну Завьялову увезли в «черном вороне».

Борьба с вредителями из среды научно-технической интеллигенции в 1937 г. принесла односельчанам новые жертвы: *Тюлюков Александр Николаевич. Родился в 1898 г., с. Гришкино Череповецкого уезда Новгородской губернии. Образование высшее; б/п; технический директор НИИ №26. Проживал: Москва, ул. 25-го Октября, д. 8, кв. 277. Арестован 10 марта 1937 г. Приговорен: ВКВС СССР 17 июня 1937 г., обвиняется в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 17 июня 1937 г.* [2]. Александр Николаевич в революцию был в Санкт-Петербурге, учился на курсах «красных командиров», затем переехал в Тверь, а впоследствии – в Москву. В 1937 г. его репрессировали, а в качестве доказательства, по семейным легендам, была предъявлена фотография отца, Николая Гордиевича, в военной форме. Николай Гордиевич в молодости служил в охране Охтенского порохового завода, и это было сочтено доказательством «неревлюционного происхождения».

Таким образом, хоть и утверждается, что «репрессии сверху дополнялись массовым, доносительством снизу, и что 80 % репрессированных в 30-е

годы погибли по доносам соседей и коллег по службе» [1], мы не нашли в архивных документах исследуемой территории серьезных доказательств пособничества односельчан репрессиям. Напротив, были попытки защитить или хотя бы промолчать в ответ на открытые призывы к наказанию среднего класса. А вот местная и вышестоящая власть активно стремилась выполнить разнарядку по количеству осужденных.

Источники

1. *Конасов, В.Б.* История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953) / В.Б. Конасов. – URL: http://site.vologda-oblast.ru/ru/documents/database/?id_15=6162
2. Ленинградский мартиролог: 1937–1938. – URL: <http://lists.memo.ru/index15.htm>
3. Личные дела лишенных избирательных прав по Гришкинскому сельсовету // Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 2–22.
4. Протоколы заседаний пленумов и заседаний президиума исполнительного комитета Гришкинского сельсовета // ЧЦХД. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 1, 15, 25–26, 32–34, 38, 45–46.

Д.В. Тумаков
г. Ярославль

ОТ ЖЕСТКОГО НЕПРИЯТИЯ К ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ: КРИМИНАЛЬНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ В СССР В 1940-Е ГОДЫ В ОФИЦИАЛЬНОМ И НАРОДНОМ ВОСПРИЯТИИ

Сороковые годы XX в. поэт-фронтовик Д.С. Самойлов заслуженно назвал «роковыми» и «пороховыми»: именно на эту декаду пришлась Великая Отечественная война – самый страшный вооруженный конфликт в мировой истории. Жизнь в советском тылу оставалась чрезвычайно сложной. Важную угрозу представляли уголовная преступность и иные криминальные отклонения. Только в 1941–1945 гг., по неполным официальным данным, советские граждане совершили свыше 2,8 млн преступлений всех видов, а за 1946–1949 гг. – еще более 1,5 млн [8, с. 175]. В этой связи будет интересно сравнить официальное и народное восприятие проблемы уголовной преступности в Советском Союзе тех лет.

Высшее политическое руководство страны регулярно давало уголовным преступникам резкие оценки. Еще до войны И.В. Сталин утверждал, что «вор, расхищающий народное добро, есть тот же шпион и предатель, если не хуже» [3, с. 145]. Вслед за ним юристы и работники органов правопорядка предлагали рассматривать уголовников в качестве классовых врагов и контрреволюционеров, так как они «подрывают социалистическое строительство» [3, с. 145]. Подобного рода сравнение следует считать

очень серьезным: классовая борьба в стране, согласно мнению «вождя народов», должна была обостряться по мере строительства социализма, а потому именно затаившийся «контрреволюционер» расценивался в качестве главного врага нового общества. В 1940-е гг. уголовное законодательство в СССР постоянно ужесточалось: возникли военные трибуналы (ВТ), рассматривавшие дела об убийствах, разбоях, крупных хищениях, побегах из заключения, вооруженном сопротивлении властям, нелегальном хранении и торговле оружием. В прифронтовой полосе ВТ рассматривали все уголовные дела. Трибунал выносил решение в упрощенном порядке, его решение вступало в силу в течение 72 часов, без права кассации. Изменилась и трактовка многих преступлений. Так, любое хищение общественного или государственного имущества стало квалифицироваться как опасное преступление, которое «непосредственно подрывает снабжение фронта и тыла всем необходимым для разгрома врага» [3, с. 147]. В некоторых союзных республиках принимались крайне жесткие меры по борьбе с «хищениями социалистической собственности»: в 1943 г. Политбюро ЦК ВКП (б) предоставило «чрезвычайным тройкам» право приговорить к расстрелу в Киргизской и Узбекской ССР

соответственно 150 и 50 человек [4, с. 32–33].

Поэтому не случайно в 1941 г. многим сотрудникам столичной милиции, подававшим заявления с просьбой об отправке на фронт, командование отказывало с мотивировкой «здесь наш фронт, на Петровке» или «напряженная, с утроенной энергией работа по охране порядка ... и есть реальная помощь фронту» [11, с. 165–166]. Не менее ярко и в то же время категорично выражались и ярославские милиционеры. На закрытом партсобрании 4 июля 1941 г. в Ярославском районном отделении (РО) НКВД сотрудники органов внутренних дел были названы «первыми помощниками нашей родной Красной Армии». На аналогичном мероприятии 2 декабря 1941 г. в прениях также звучал призыв к «беспощадной борьбе с хулиганами, спекулянтами, ворами и их всякого рода пособниками» [13, ф. 274, оп. 2, д. 136, л. 1]. Этот процесс характеризовался как «большая помощь в разгроме немецкого фашизма» [13, ф. 274, оп. 2, д. 136, л. 5]. Таким образом, уголовно-преступные элементы официально воспринимались не как сбившиеся с пути собственные граждане, а как «внутренний враг» и пособник внешнего врага. Борьба с ними должна была стать непримиримой, примером для подражания в ней должен был стать старший лейтенант Вершинин. С фронта офицер писал, что за 9 лет службы в милиции он «беспощадно боролся с уголовными преступниками, в рядах вашей парторганизации научился ненавидеть врага» [6, с. 64].

Однако бандитизм в Советском Союзе в 1940-е гг. достиг высокого уровня, что подтверждает официальная статистика. За три года войны лишь усилиями Отдела по борьбе с бандитизмом была ликвидирована 7161 уголовная банда общей численностью 54130 человек [2, с. 137], в 1945–1946 гг. силы правопорядка уничтожили еще 1329 бандитов, арестовали 57503, а 67201 бандит сдался властям [1, с. 177–178]. При этом названные цифры не были полными. Только в маленькой Мордовии в 1943–1945 гг. были ликвидированы 62 банды общей численностью 229 человек, совершавшие грабежи, убийства и разбои [9, с. 236].

Как сообщают документы периферийных партийных конференций, в различных районах Ярославской области также были распространены хулиганские явления. В Ростовском районе на деревенских вечеринках «процветает хулиганство, драки, кончающиеся человеческими жертвами», в Рыбинском районе говорили о «неправильном поведении молодежи в быту», «явлении разболтанности и хулиганства», в Гаврилов-Ямском районе «молодежь хулиганит, в клубе драки» [13, ф. 242, оп. 1п, д. 907, л. 6-об.; ф. 264, оп. 39, д. 76, л. 4; ф. 265, оп. 14, д. 3, л. 19]. По воспоминаниям старожилов, в военные и первые послевоенные годы даже столицы были поделены на сферы влияния между молодежными бандами, уголовная мода была очень популярна среди школьников, равно как и азартные игры или ножи-«финки» [7, с. 21, 32, 37]; [12, с. 270]. Уголовный мир пользовался уважением, ибо его представители якобы не трогали известных людей и стремились не убивать без надобности обычных обывателей. На-

пример, зимой 1945 г. в Ярославле избежал ограбления на улице сын известного военного хирурга Е.А. Кройчика Лев [10, с. 235]. Однако идеализировать уголовников также будет неверным: незнакомых им людей они нередко грабили. Так, 17 августа 1944 г. в центре Ярославля неизвестные выхватили сумку с деньгами и документами у Е.А. Мервольфа, приехавшей из поселка Поречье на съезд сельских врачей [5, л. 49]. Работница облздравотдела Лебедева, также подвергшаяся ограблению в трамвае, даже воскликнула на партсобрании в 1945 г. что, «по приезде из Армии в Ярославль ... не знала, что здесь такое хулиганство» [13, ф. 3813, оп. 1, д. 17, л. 8].

Несмотря на общий патриотический подъем советского народа в годы Великой Отечественной войны, были люди, любым способом стремившиеся избежать фронта. Помощь им оказывала часть местного населения, чаще всего близкие родственники. При этом степень близости к власти не играла роли. В специальном сообщении от 8 мая 1942 г. командование Гаврилов-Ямского РО НКВД привело несколько фактов укрытия дезертиров со стороны членов ВКП(б), ВЛКСМ или активистов сельсоветов. Суду ВТ были преданы почтовый агент Мирославского сельсовета Шешнина, счетовод Гаврилов-Ямской типографии Малышева, депутат Шопшинского сельсовета А.С. Бобкова и работница льнокомбината «Заря социализма» и член уличного комитета Е.П. Чуркина. Все эти женщины скрывали своих сыновей или мужей, дезертировавших из армии во время войны [13, ф. 242, оп. 1п, д. 842, л. 23–24-об.]. Были распространены такие факты и в дальнейшем. На XII Гаврилов-Ямской районной партийной конференции 4 апреля 1943 г. районный военный комиссар майор Г.Ф. Косарев сообщил, что за взятку от призыва хотели освободиться граждане Ларионов и Крейнен, причем последний был коммунистом. Оба были своевременно выявлены военкоматом, Косарев публично назвал их «трусами, предателями Родины» и призвал районных коммунистов к большей бдительности в разоблачении и предании суду других дезертиров [1, ф. 242, оп. 1п, д. 852, л. 2]. Даже коренной перелом в ходе войны не привел к полному исчезновению дезертирства в СССР. На XIII Гаврилов-Ямской районной партийной конференции 4–5 февраля 1945 г. начальник РО НКВД А.И. Белов сообщал об освобождении некоторых жителей Стогинского сельсовета от мобилизации в армию за взятки, а также свободном проживании дезертиров в деревнях Плотинского и Мирославского сельсоветов. Похожие факты привел и член президиума конференции, директор льнокомбината «Заря социализма» А.Н. Цыганов [13, ф. 242, оп. 1п, д. 907, л. 6–6-об.]. Такого рода случаи имели место по всей стране.

Официальное и народное восприятие преступности в 1940-е гг. заметно различались. Если государство считало нарушителей едва ли не пособниками германского нацизма и «внутренним врагом», то в народной среде к ним относились более терпимо. Низкий уровень жизни и определенное падение уровня морали вследствие жестокой войны обусловили некоторую популярность криминальной субкультуры среди обывателей. Рассматривая ее как

альтернативу официальной культуре, тоталитарное государство вело жесткую борьбу с ней.

Литература

1. Бурдс, Д. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944–1953 гг. / Д. Бурдс // Социальная история. Ежегодник. – 2000. – С. 169–190.
2. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт. – М., 2010.
3. Говоров, И. Советское государство и преступный мир (1920-е–1940-е гг.) / И. Говоров // Вопросы истории. – 2003. – №11. – С. 143–152.
4. Говоров, И. Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930–1940-х гг. / И. Говоров, С. Кокуев // Вопросы истории. – 2008. – №12. – С. 24–35.
5. Государственный архив Ярославской области. – Ф. Р-2223. – Оп. 2. – Д. 24.
6. Грачев, А.Ф. Объявлен розыск...: Краткий очерк истории ярославской милиции / А.Ф. Грачев. – Ярославль, 1988.

7. Козлов, А.С. «Козел на саксе». И так всю жизнь... / А.С. Козлов. – М., 1998.

8. На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. – М., 2010.

9. Надькин, Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии / Т.Д. Надькин. – М., 2010.

10. Озерова, Д.Е. Война и мир доктора Кройчика / Д.Е. Озерова // 4 года из 1000. Ярославцы в Великой Отечественной войне. Вып. 2. – Ярославль, 2011. – С. 222–235.

11. Полубинский, В.И. Знакомьтесь: МУР. Документальная повесть / В.И. Полубинский. – М., 1988.

12. Рейн, Е.Б. Мне скучно без Довлатова. Новые сцены из жизни московской богемы. Поэмы и рассказы / Е.Б. Рейн. – СПб., 1997.

13. Центр документации новейшей истории Ярославской области. – Ф. 242, Оп. 1п.; Ф. 264. – Оп. 39; Ф. 265. – Оп. 14; Ф. 3813. – Оп. 1.

Б.В. Петелин
г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

В истории человечества нетерпимость присутствовала всегда, порождая войны, религиозные преследования и идеологические противостояния. В повседневной жизни она выражалась и выражается в фанатизме, стереотипах, оскорблениях, а в государственном масштабе – в расовой дискриминации, преследовании по национальному, религиозному признаку, в нарушении важнейших демократических свобод. Сама идея толерантности восходит к истории философской мысли. О толерантности в условиях сильной церковной цензуры писали Джон Локк в «Очерках о терпимости» и «Письмах о терпимости», Пьер Бейль в своих философских сочинениях. Как философская категория толерантность была сформулирована в связи с проблемой нетерпимости и первоначально воспринята как осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга.

Как представляется, адекватное толкование толерантности возможно лишь в том случае, если принимается во внимание ее конкретное содержание. Одно дело – толерантность в структуре межрелигиозных отношений, другое – толерантность в идеологической сфере. Но в том и другом случае это находит свое выражение в политике. Особая проблема – толерантности в структуре научного мышления. Смешение различных видов ментальности может иметь поистине трагические последствия. Если религии и идеологии дают свои ответы на вопросы, которые не имеют однозначных решений, то в науке два взаимоисключающих ответа на один вопрос представляются несовместимыми.

Отсутствие четко понимаемого определения исключает возможность научного исследования,

оставляя его на уровне рядовой публикации. Она может быть яркой для текущей повседневности, но резонанс от нее быстро угасает под валом новых подобных вещей. Постмодернизм, о желательности ухода которого уже давно говорят историки и политологи, уходить никуда не собирается, ибо искаженная, виртуальная «действительность» остается востребованной в человеческом обществе. С этих позиций перелицовывается, как говорится, на ходу современная история.

И все же мы должны отталкиваться от терминологии. Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами – членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности». Данное определение в лексике мирового сообщества подразумевает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, формам собственности и т.д.

В марксизме тоже была своя «толерантность»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Она имела сугубо классовую основу. Реальным воплощением этой «толерантности» была классовая борьба, по искоренению не только эксплуататорских классов, но и иной культуры, по сути всего того богатства, что накопило человечество в своем развитии. В реальности «победивший пролетариат» этого все же не сделал. Сегодня свою непримиримость к культурному наследию человечества де-

монстративно проявляют исламские экстремисты, уничтожая древние памятники, которые якобы «недостойны» для правоверных мусульман.

Можно ли ввести толерантность в историческую методологию? Насколько тем самым возрастет объективность ее познания? Профессор Александр Репинецкий, например, считает, что в школе надо на уроках проводить идеи терпимости, устойчивости, допуска и компромисса. То есть преподаватель призван решать две задачи: одна – формировать чувство толерантности, другая – с позиций толерантности раскрывать суть самой истории [4].

Римская империя, оказывается, рухнула от отсутствия «толерантности» и кто оказался менее толерантен: варвары или римляне – не важно, главное порассуждать о «терпимости» или об отсутствии таковой. Массу примеров можно черпать из истории Средних веков, отечественной истории. Подчеркивая ужасы монгольского нашествия и системы управления баскаков, преподаватель отмечает, что Русь сохранила себя как государство во многом благодаря политике толерантности, проводимой русскими князьями по отношению к монгольским захватчикам.

Можно и далее трактовать отечественную историю исходя из «толерантности», хотя правители и князья, крестьяне и служилый люд и слова такого не знали, и никакого толерантного сознания за ними не числилось, а поступали по-божески, не смешивая добро со злом. Говорить о том, что в современной жизни якобы только толерантность приведет к гармонии человеческое общество, конечно, можно. Но реальная действительность оказывается иной. Совокупный Запад, кстати, никогда не был терпимым к иному образу жизни, верованиям, идеям и мнениям. Разве не «просвещенные» люди Запада устраивали многочисленные крестовые походы, имеющие целью массовые убийства людей, верующих иначе? И разве не люди Запада массово убивали собственных граждан, заподозренных в «неправильной» вере, и там же сжигали человека, посмеявшегося утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца, а не – наоборот. Не в «диких» странах Востока, не в России, а в «просвещенных» странах Запада (Италия, Германия, Испания, Венгрия, Румыния, Португалия) зародился и пришел к власти фашизм – человеконенавистническая и нетерпимая идеология XX века.

Говорят, что эта история уже в прошлом. Запад, Европа, мол, давно отказались от тоталитаризма, ксенофобии, расизма, антисемитизма, христианской ортодоксии, пекутся только о правах человека, свободе, демократии, особенно, когда речь идет о разного рода меньшинствах... Но почему в современной истории демократия и свобода все больше связываются с войнами, конфликтами, кровью? Почему Нобелевская премия мира, вручаемая ежегодно, не способствует установлению мира? В 1990 г. подобную премию получил М.С. Горбачев – но во сколько жертв обошелся распад Союза, когда кровь льется до сих пор?

Особую «толерантность» мы можем наблюдать сейчас на Украине, когда в «героях» ходят пособники германского фашизма. Именно под нее уже не переписывается, а закрепляется «новый» подход к

Великой Отечественной войне. Потому их президент и говорит, что Сталин и Гитлер развязали мировую войну. В реальности Порошенко отлично знает, кто с кем и как воевал, но толерантность поменялась. Точнее, политика требует сегодня иной толерантности. Кстати, в самой Европе вовсе не в восторге от восхвалений нацизма и фашизма. Она – Европа – немало потратила сил на преодоление своего тоталитарного прошлого. Впрочем, наивно представлять фашизм в коричневой или черной униформе. Он давно марширует в гражданских одеждах и свастика ему ни к чему.

В 2014 г. исполнилось 70-лет выселению в годы Великой Отечественной пяти народов Кавказа и крымских татар, которые собирались отметить эту дату. Но новые крымские власти их уведомили, пишет российский академик А.Б. Дэвидсон, что в настоящее время устраивать «торжество» нецелесообразно (Крым теперь наш!) [1]. Но давайте подойдем к данной проблеме с позиции той же толерантности. Говорить о несправедливом выселении народов – можно, ругать Сталина – тоже, но вот говорить о причинах того выселения, причем с фактами – не толерантно. При захвате Крыма немцами было сформировано 9 татарских батальонов, которые отличались особой жестокостью. Директор музея в Симферополе говорит, что при облавах особенно выслуживались татары (в городе было 2 батальона). Местное население боялось именно их. Расправы с крымскими партизанами, в том числе и в каменоломнях Аджимушкай – их дело [3].

Почему говорить о предателе генерале Власове, русском по национальности, можно и надо: предателей среди русских было немало (РОА со всей обслугой насчитывала до миллиона человек, хотя в ней далеко не все были предателями, многие, оказавшиеся в плену, полагали, что через нее они быстрее попадут к своим, т.е. в Красную Армию, как только начнутся бои) [2]. Но как в советском плену оказалось более 10 тыс. евреев? Однако рассуждать на эту тему – не толерантно. Получается, что толерантность вовсе не исключает умалчивание – не будем это обсуждать и говорить – поступим толерантно. Израиль, кстати, решил поставлять оружие Киеву. Можно, конечно, заявить – это его дело. Мы же тоже решили поставить наконец обещанные комплексы С-300 Ирану. А Израилю разве нельзя? В свое время, и не такое уж далекое, Израиль сделал немало в перевооружении Грузии, которая решилась на войну в 2008 г. Нельзя не согласиться с политологом В. Третьяковым, что утаивание исторической правды лишь способствует розни между народами [5].

Подобных примеров в современной истории много. И в большинстве из них, когда начинают призывать к толерантности, происходит подавление одних другими, навязывание чужого, неприемлемого, несвойственного данному народу. Потому борьба за толерантность ведет к той же борьбе. Появившись как стремление к веротерпимости, разве она привела к этому? В советские годы церковь, религия уходили из общественного сознания,

и вместе с этим уходили религиозные распри. И кстати, мораль и нравственность в обществе были куда выше, чем в нынешнее время.

Мы в своей истории в угоду толерантности, в желании «понравиться» Западу, или кому-то еще, дров, как говорится, наломали много. Не все в прошлом и настоящем было героическим, есть, за что стыдиться, как и другим странам и народам, но превращать российский народ в постоянно кающегося за «мифические грехи» – значит лишать его будущего.

Литература

1. *Дэвидсон, А.Б.* История – поле битв. И примирений / А.Б. Дэвидсон // Новая и новейшая история. – 2015. – №2. – С. 50–51.
2. *Квицинский, Ю. А.* Генерал Власов: путь предательства / Ю. А. Квицинский. – М., 1999.
3. *Культура.* – 2015. – № 12. – 3–9 апреля.
4. *Репинецкий, А.И.* Толерантность на уроках истории / А.И. Репинецкий. – URL: his.1september.ru/2002/07/4
5. *Третьяков, В.* День в истории. Историческая правда Парада Победы / Виталий Третьяков. – URL: <http://svpressa.ru/politic/article/118602/>

Политико-правовые аспекты толерантности

Д.А. Прохоров
г. Симферополь

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ «ИНОРОДЦЕВ» ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ (КОНЕЦ XVIII – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКОВ)

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ 15-31-10112 а

Манифестом императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г., по которому Крымский полуостров провозглашался частью Российской империи, определялся также и статус старожильского населения. В документе, в частности, сообщалось, что его местные жители будут находиться под защитой правительства; им будут предоставлены те же права, что и «природным подданным» Российской империи – императрица обещала «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру <...> позволять каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется» [1, с. 898]. Именным указом № 15.798 от 28 июля 1783 г. «О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство» Новороссийскому генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину предписывалось следить за соблюдением ранее обещанных прав и свобод; жителям гарантировалась и свобода религиозная – «при соблюдении неприкосновенности их природной веры». Помимо этого, указом устанавливался ряд налогов и сборов (были перечислены доходы «таможенные, с соли с озер продаваемые, с земли вместо поголовных и десятинные с произрастаний»), причем предписывалось, чтобы налогообложение «не было в тягость народную». К тому же, часть доходов предполагалось отпускать на «надлежащее и нескучное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела». Дальновидной мерой правительства стало и специально оговоренное право не призывать на воинскую службу представителей старожильского населения (и пре-

жде всего, крымских татар), без их «собственной доброй воли и желания» [2, с. 986].

Закрепить ранее полученные права и привилегии предполагалось указом № 15.936 от 22 февраля 1784 г. «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского Дворянства», в соответствии с которым представители крымскотатарской знати (после надлежащего подтверждения «жалованных предкам их Государевых грамот») приравнивались к дворянству российскому, за исключением права «приобретать, покупать и иметь крепостных или подданных Христианского исповедания» [3, с. 51].

В соответствии с сенатским указом от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими имениями с распространением права сего на их наследников», лицам из числа крымских татар был дарован ряд льгот – в том числе представителям мусульманского духовенства, кадиям, мурзам, ранее владевшим собственностью («землями, деревнями, садами и прочими угодьями»), а также их наследникам, подтверждалось ранее данные права и привилегии; однако дальнейшие продажа и приобретение такового имущества могла осуществляться исключительно теми, кто имел на это право в рамках российского законодательства, т.е. лицами дворянского происхождения [4, с. 585, 586].

23 июня 1794 г., согласно новому указу Екатерины II, евреи, проживавшие в Минской, Изяславской, Браславской, Полоцкой, Могилевской, Киевской,

Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губернии, а также в Таврической области, имевшие «купеческие и мещанские промыслы», с 1 июля 1794 г. должны были платить двойной промысловый налог [5, с. 532]. Вскоре к правителю Новороссии и Бессарабии графу П.А. Зубову с ходатайством об освобождении их от уплаты указанного налога обратились крымские караимы в связи с тем, как указывалось в прошении, что для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно» [7, с. 20, 21]. С этой целью в 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация, уполномоченная представлять интересы караимов (в ее состав вошли такие влиятельные члены караимской общины, как Шломо «Чабак» Бабович, бывший управляющим финансами и заведующий монетным двором последнего крымского хана Шагин-Герая Биньямин бен Шмуэль Ага, а также караимский гахам Чуфут-Кале Исаак бен Шломо).

Визит этот закончился, по всей видимости, для караимов вполне успешно, так как заключение, представленное П.А. Зубовым (в котором, в частности, утверждалось, что караимы, в отличие от евреев-раввинистов, «живут на местах пребывания своего мирно и постоянно, упражняются в разных рукоделиях трудолюбиво, поведением своим, тишиною и доставляемою пользою всей Тавриде со стороны распространения полезных рукоделий и торговли, заслужили от начальства особливую похвалу и уважение», а также «отправляют по выборам службу и должности с возможным усердием»), было рассмотрено Екатериной II, подписавшей специальные рескрипты и указы, на основании которых члены крымских караимских общин получили ряд прав и привилегий.

В частности, 8 июня 1795 г., в соответствии с высочайшим рескриптом императрицы, крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты так называемых «рекрутских» денег и солдатского постоя. «Всемилоостивейше повелеваем не брать с них [караимов] двойных податей, каковые положены на всех вообще евреев, – говорилось в документе, – а взыскивать оные по-прежнему наравне с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, предоставляя вашему распоряжению об оказании им по возможности и других выгод и облегчений с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о которых изданные от Нас высочайшие узаконения должны исполняемы быть во всей точности» [6, с. 705]. Таким образом, караимы были освобождены от уплаты дискриминационного налога, установленного для российских евреев; караимам также было разрешено приобретение земельной собственности. В разъяснении, направленном графом П.А. Зубовым правителю Таврической области генерал-майору С.С. Жегулину, речь шла о том, что караимы имеют право владеть и наследовать недвижимое имущество, а также о равных с «прочими обывателями повинностях по расположению постоя в домах»; что касалось «платежу рекрутских денег», П.А. Зубовым было сделано разъяснение, что «через таковое их облегчение не

могло быть обременения прочим обывателям, с которыми они по законам должны нести равные повинности» [7, с. 21–23].

Конец XVIII – первая половина XIX вв. ознаменовались для крымских татар, евреев-раввинистов и караимов существенными изменениями в их социально-экономическом и правовом статусе. Шел процесс укрепления российской правовой базы в отношении крымскотатарского населения. Однако, несмотря на ряд принятых правительством законов, администрация на местах вскоре стала испытывать определенные проблемы не только в сфере инкорпорации крымскотатарских мурз в российское общество (вызванные, прежде всего, отсутствием необходимых документов, подтверждающих их статус), но и в отношении урегулирования вопросов землевладения. Фактически бесконтрольная и бессистемная раздача земель полусторова российским вельможам и помещикам вскоре привела к тому, что даже созданная в 1798 г. «Комиссия для разбора поземельных споров» в Крыму ничего существенного в деле урегулирования этого вопроса не сделала [8, с. 627–635]. Ключевым фактором, вызвавшим последующие волны эмиграции крымских татар, стало возрастающее малоземелье и прямое обезземеливание крымских татар в результате недальновидной политики русских властей.

Напротив, караимы, приобретая ранее брошенные и пустующие земельные участки, а также скупая их у крымских татар, смогли значительно укрепить свое материальное положение. В 1804 г. в Таврической губернии была проведена перепись еврейского населения, которая караимов не затронула, хотя в официальных документах они продолжали именоваться не иначе, как «евреи-караимы». Главным доводом в борьбе караимов за свои гражданские права на фоне проводившегося антиеврейского внутривосточного курса был тезис о непризнании ими Талмудического учения. В итоге российское правительство в первой половине XIX в. принимает ряд законов и постановлений, в которых закреплялись права караимского населения, что привело к созданию в 1837 г. Таврического и Одесского караимского духовного правления – центрального органа конфессионального самоуправления караимов середины XIX – начала XX вв. А в 1863 г. караимы были полностью уравнены в правах с христианским населением России.

Литература

1. № 15.708. Апреля 8 1783 г. Манифест. О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую державу // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXI, с 1781 по 1783 гг. – СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXI. – С. 897–898.
2. № 15.798. Июля 28 1783 г. Именной, данный Новороссийскому Генерал-Губернатору Князю Потемкину. – О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXI, с 1781 по 1783 гг. – СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXI. – С. 985–986.
3. № 15.936. Февраля 22 1783 г. Именной, данный Сенату. – О позволении Князьям и Мурзам Татарским поль-

зоваться всеми преимуществами Российского Дворянства // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXI, с 1781 по 1783 гг. – СПб.: Тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXII. – С. 51–52.

4. № 17.265. Ноября 9. Сенатский, по Высочайше утвержденному докладу. – Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и том подобными дворянскими именными с распространением права сего и на их наследников // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. – СПб.: тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, с 1789 по 6 ноября 1796. – Т. XXIII, Отд. I. 1830. – С. 585–589.

5. № 17.224. Июня 23. Именной, данный Сенату. – О сборе с Евреев, записавшихся по городам в мещанство и купечество, установленных податей вдвое противу положенных с мещан и купцов Христианского закона разных исповеданий // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. – СПб.: тип. II Отд-я Собствен-

ной Е.И.В. Канцелярии, с 1789 по 6 ноября 1796. – Т. XXIII, Отд. I. 1830. – С. 532.

6. № 17.339. Июня 8. Именной, данный Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому Генерал-Губернатору Графу Зубову. – Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных на всех вообще Евреев двойных податей // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. – СПб.: тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, с 1789 по 6 ноября 1796. – Т. XXIII, Отд. I. 1830. – С. 705–706.

7. [Кириенко, Г.К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области / Г.К. Кириенко // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губернского правления, 1895. – № 23. – С. 1–23.

8. Конкин, Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) / Д.В. Конкин // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. – Вып. XII. Т. 2. – С. 627–640.

В.Е. Булдаков
г. Киров

НЕТОЛЕРАНТНОСТЬ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Сегодня, накануне победы над фашистской Германией, как никогда остро встал вопрос об активизации таких негативных явлений, как неофашизм, ксенофобия и шовинизм. Дух неприятия чужого мнения, проповедь национального превосходства, деление людей на «своих» и «чужих» заповолонили международное общественное пространство, создавая реальную угрозу таким базовым европейским ценностям как демократия и толерантность. «Терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам» [5], «уважение, принятие и правильное понимание других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности» [4, с. 182] – неперемные составляющие любого цивилизованного государства, тогда как «создание культа ненависти к внутреннему либо внешнему врагу, создаваемому мощным пропагандистским аппаратом, не гнушающимся ложью для создания нужного эффекта» [2] – признаки идеологии фашистского государства.

Таким государством стала Германия, когда после прихода к власти национал-социалистической партии А. Гитлера изменилась не только система управления, но и система взглядов и ценностных установок, базирующихся на идее расового неравенства, превосходства одной нации над другой, деления людей на «чистокровных арийцев» и неполноценных «недочеловеков». По мнению известного болгарского общественного деятеля Георгия Димитрова, «фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов» [6]. Культивирование ненависти к «красным дьяволам» и «варварам», изготовление клеветнических фальшивок о СССР и ее лидерах с целью создания негативного образа советского государства стали приоритетными направлениями антисоветской пропаганды в годы Второй мировой войны. На протяжении не-

скольких лет идеологи Третьего рейха формировали у сограждан стойкое представление о СССР как «империи зла», внушали немецкому обществу ужас и отвращение к стране победившего социализма.

В борьбе с «большевистской заразой» были активно задействованы все инструменты нацистского агитпрома: радио, газеты, журналы, не скупившиеся на обнародование разоблачительных материалов о «советском рае», в котором под неусыпным оком «большевистских комиссаров» в грязи и нищете живут «неполноценные в расовом отношении», необразованные «недочеловеки», «бестии», «зверье».

Весомый вклад в дискредитацию советского государства внес нацистский кинематограф. Еще до нападения на Советский Союз в Германии снимались киноленты о культурной России царских времен, о интеллигентных русских эмигрантах, покинувших «большевистский ад» («Фаворит императрицы», «Эта упоительная бальная ночь», «С полночи»), и фильмы, рисующие отвратительный образ пришедших к власти большевиков («Броненосец «Севастополь», «Белые рабы»), агрессивных и беспощадных. После начала Великой Отечественной войны акцент немецкой кинопропаганды сместился на изображение в художественных фильмах «большевистских» шпионов («ГПУ») и на штамповку оперативной военной кинохроники, построенной по принципу контраста: непобедимая и стремительно наступающая немецкая армия на фоне разбитой советской техники и колонн плохо одетых пленных красноармейцев, чистых немецких городов с богатой старинной архитектурой и грязных городских советских окраин, застроенных однотипными домами. Пропагандистский нацистский медиатекст как будто иллюстрировал высказывание У. Черчилля: «Россия низведена большевиками до животного состояния, до варварства. Большевики поддерживают себя кро-

вавыми убийствами... Цивилизация полностью уничтожена на гигантских территориях, а большевики ведут себя подобно кровожадным бабуинам среди руин городов и трупов своих жертв» [3, с. 46].

Эти слова британского лидера могли бы стать подписью к многочисленным антисоветским плакатам и карикатурам Третьего рейха, центральным образом которых был И. Сталин. Кровожадный палач с усами в военном френче на фоне уходящих вдаль пирамид из человеческих черепов («Достопримечательности СССР»), он же, захвативший окровавленным серпом советских детей, и вот уже серп в его руках превращен в арку, через которую идут люди, обреченные на гибель, и надпись на плакате гласит: «Это «большевистская триумфальная арка» Сталина, воздвигнутая красным диктатором. Это знаменитый серп, отделивший уже тысячи голов от туловищ». Тот же персонаж держит в руках два пистолета, направленных в спины красных командиров, в свою очередь, направивших оружие в спину тех, кто идет перед ними, подпись под карикатурой поясняет: «Сталинская «новая организация Красной армии». Ужас и отвращение вызывает у зрителей страшное существо красного цвета с двумя туловищами и головами вождя, пытающегося серпом и молотом убить самого себя, красный паук с головой лидера СССР и мохнатыми щупальцами, огромный кабан с кровавой слюной и головой И. Сталина, от которого в панике убегают люди, – это лишь некоторые образы лидера Советского государства, тиражируемые нацистскими работниками черного пиара с помощью политического плаката и карикатур.

Сатира – мощное орудие в борьбе с врагом: однажды увиденный образ, вызвавший сильные негативные эмоции, может запомниться лучше, чем много раз услышанное слово. На что и была рассчитана пропаганда Третьего рейха, одним из постулатов которой было высказывание А. Гитлера о том, что «пропаганда должна воздействовать больше на чувство и лишь в очень небольшой степени на так называемый разум». Чувство страха и ненависти не только к советскому лидеру, но и ко всему партийному руководству СССР должны были вызвать карикатуры, изображающие Сталина, подписывающего очередной приказ о расстреле, и его поделника-военкома, который просит: «Товарищ Сталин, не мог бы ты оставить парочку старых большевиков на случай, если новый пятилетний план не будет выполнен?»; разгневанного Сталина на фоне строя красноармейцев с подписью к карикатуре: «Сталин: «Почему приговор не был приведен в исполнение?» Один из товарищей: «Мы не можем вспомнить, или Вы приказали нам их расстрелять, или им – расстрелять нас» [1].

Тема смерти от рук большевиков и голода в советской стране – ведущие темы политических антисоветских плакатов и карикатур гитлеровской Германии, на которых и советские люди, и их палачи изображались то как скелеты, одетые в шинели, френчи, то как дошедшие до полного истощения мирные граждане, которых взвешивает на весах упитанный красноармеец. Не обошлось и без кровавой

красной руки, тянущейся к Европе, и красного комиссара, тянущего руки к немецкой женщине с ребенком, и «большевистского жида», стоящего за кулисами всех событий, и красного медведя, обхватившего лапами территорию Германии, красной головы с черными усами, сломавшей зубы о немецкую каску со свастики. И все это на фоне пропагандистских плакатов, изображающих благородного немецкого солдата, искореняющего мировое зло в лице «красного варвара», стоящего на посту среди снежной русской зимы, охраняющего мирную жизнь немецких граждан. И чем ближе было окончание Второй мировой войны, чем страшнее и инферальнее становились гротескные черты советского лидера и «большевистских комиссаров», тем больше нагнеталась обстановка ненависти немецкого народа по отношению к советскому народу, намеренно создавалась ситуация неприятия гражданами Германии другого мировоззрения, чужого им образа жизни, поведения, традиций.

Приходится констатировать тот факт, что процессы нетерпимого отношения одной нации по отношению к другой, попирающие естественное право каждого народа жить в соответствии с собственным мировоззрением, запущенные нацистскими пропагандистами 70 лет назад, живы до сих пор, свидетельством чему является широкомасштабная война, развернувшаяся против нашей страны в мировом информационном пространстве. В век глобализации и высоких технологий средства электронных коммуникаций являются мощным оружием в руках идеологов нетолерантного отношения к чужой культуре и образу жизни, к праву другого народа на собственное мнение, на собственную историю и традиционные устои. Тенденции нагнетания вокруг России негативного информационного поля подрывают сложившуюся после Второй мировой войны систему безопасности в мире, препятствуют добрососедским отношениям и взаимовыгодному сотрудничеству государств с разной политической системой, разными представлениями о мироустройстве, разрушают веками сложившиеся отношения представителей разных конфессий, основанные на взаимном уважении всех представителей человеческой цивилизации.

Литература

1. Гогун, А. СССР в зеркале нацистской пропаганды. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы / А. Гогун. – URL:<http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения 09.03.2015).
2. Истоки тоталитаризма / под ред. М. С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М., 1996.
3. Кукленко, Д.В. Уинстон Черчилль / Д.В. Кукленко. – М., 2010.
4. Рамазан, Г.А. Этнополитология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.А. Рамазан. – СПб., 2004.
5. Философский энциклопедический словарь / под ред. А.Б. Васильева. – М., 2011.
6. Фостер, У.З. История трех интернационалов / У.З. Фостер. – М., 1951.

**ПРОПАГАНДА КАК ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Военная пропаганда – это использование информационных возможностей в интересах политической поддержки ведущихся военных действий и других целей, поставленных перед собою сторонами-противниками. С помощью средств и методов пропаганды реализуется стремление руководства воюющей страны повлиять на противника, подорвать его моральное состояние, обеспечить психологическое воздействие с целью реализации стремления подрыва идейных ценностей и веры в победу. Способы морального разложения противника средствами пропаганды, дезинформации, запугивания известны с древнейших времен и являются особым оружием в арсенале всех войн.

К примеру, в сочинении Геродота «История» отмечено, что во время греко-персидских войн Персия, подавив восстание в ионических городах, расположенных в Малой Азии, намеревалась нанести удар по Афинам и Спарте, которые отказались покориться Персидскому царю Ксерксу. Ксеркс собрал многочисленную армию, в которую включил в том числе и греков из полисов в Малой Азии. Афиняне высекли на скалах надписи следующего содержания: «Ионяне! Вы поступаете несправедливо, идя войной на своих предков и помогая варварам поработить Элладу. Переходите скорей на нашу сторону!» [3].

Если вспомнить русский опыт ведения военных действий, то великий полководец Александр Суворов активно использовал навыки психологической войны для поднятия морального духа своих воинов. Вот лишь одно из его высказываний из книги «Наука побеждать!»: «В последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто тысяч. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение!» [3].

В рамках данной работы нет возможности описывать историю использования средств пропаганды и противодействия ей во время тех многочисленных войн, что вели разные страны по отношению друг к другу. Отметим только, что стремление повлиять на противника средствами пропаганды, дезинформации, запугивания и т.д. является неизменным спутником всех войн.

Основным органом, отвечавшим за оказание информационно-психологического воздействия на вооруженные силы и гражданское население противника во время Великой Отечественной войны, стало Бюро военно-политической пропаганды, которое было создано в первые же дни войны, 25 июня. Возглавил бюро член ЦК ВКП(б), заместитель наркома обороны, начальник Главного политического управления Красной Армии Л.З. Мехлис. Этот факт говорит о том, что общий вектор пропагандистской работы формировался на самом высоком уровне, а зна-

чит, ему придавалось очень серьезное значение. Это доказывает выдержка из журнала записи лиц, принятых И.В. Сталиным 22 июня 1941 г., из которой можно установить, что в числе первых визитеров (в 5 час. 45 мин. утра) вместе с Г.К. Жуковым, Л.П. Берией, В.М. Молотовым и С.К. Тимошенко был и начальник Главного политического управления Красной армии Л.З. Мехлис [2].

Управляющий делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаев позднее вспоминал, что на заседании у Сталина членов Политбюро и ряда заместителей председателя СНК СССР 18 июля 1941 г. секретарь ЦК партии А.С. Щербаков заявил о необходимости «повысить внимание к проведению политической пропаганды, особенно на фронте», включая расширение армейской печати и заброску политической литературы в немецкий тыл [2].

Организацией пропагандистской деятельности занимались и другие органы, которые или уже имели опыт такой работы, или осваивали новые формы и методы информационного воздействия: Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Отделение по работе с войсками противника РККА, наконец, созданное 24 июня 1941 г. Совинформбюро стало ответственным за пропаганду на радио и в печати.

Наиболее эффективными формами пропагандистского воздействия в ходе Великой Отечественной войны явились печатная и радиопропаганда. В нескольких меньших масштабах были представлены устная пропаганда и наглядная агитация.

Качество пропагандистских усилий со стороны СССР было высоким и эффективным, что признавали и сами сотрудники немецкой контрразведки, отмечавшие, что советская сторона владела всем арсеналом методов идеологической борьбы. Так, в ноябре 1942 г. штаб 2-й немецкой армии отмечал систематичность, продуманность и целеустремленность работы советской пропаганды на немецких солдат и население. Пропагандисты не спекулировали коммунистической риторикой, щадили церковь, не затрагивали крестьянство и среднее сословие Германии [1].

Какие же образы, символы, методы и способы использовали советские пропагандисты в годы Великой Отечественной войны, направляя свои действия на противника и гражданское население Германии? Основной удар советской пропаганды направлялся против Гитлера и руководимой им партии НСДАП с целью отрыва нацистской верхушки от самого немецкого народа, для чего использовались утверждения о привилегиях членам нацистской партии. Илья Эренбург точно сформулировал задачу пропагандистам: «Мы должны неустанно видеть перед собой облик гитлеровца: это та мишень, в которую нужно стрелять без промаха, это – олицетворе-

ние ненавистного нам фашизма. Наш долг – разжигать ненависть к злу и укреплять жажду прекрасного, доброго, справедливого». Термин «фашист» стал синонимом «нелюдя», человека-оборотня, порожденного преступным экономическим и политическим строем и идеологией фашистской Германии. Фашисты изображались методичными убийцами, эксплуататорами, насильниками, а главари рейха представлялись профессиональными неудачниками в мирной жизни, половыми извращенцами, убийцами и современными рабовладельцами [1].

В противоположность фашистам советские солдаты представлялись как простые, скромные и мирные люди, которые взялись за оружие, чтобы отразить нападение врага. После перелома в войне, последовавшего после разгрома немецких войск под Сталинградом и на Курской дуге, когда уже стало ясно, что наступил перелом в войне и Красная Армия намерена дойти до Берлина и разгромить врага в его логове, советские пропагандисты стали рисовать красноармейцев и краснофлотцев как былинных героев, освобождающих все человечество от всемирного зла [6, с. 14–17].

Пропагандистский аппарат не забывал формировать и особый образ солдат, представлявших страны-союзницы Германии. Если мужество и сила советских бойцов превозносились, то союзников Германии презрительно критиковали. К примеру, можно привести такой текст: «В Донбассе итальянцы сдаются в плен – им не нужны листовки, их сводит с ума запах наших походных кухонь» [4].

Немецкое командование следило за советской пропагандой и видело, что та была прекрасно дифференцированной: «она говорит народными, солдатскими и специфически-местными выражениями, вызывает к первоначальным человеческим чувствам, как страх смерти, боязнь боя и опасности, тоска по жене и ребенку, ревность, тоска по родине. Все этому противопоставляется переход на сторону Красной Армии...» [4].

Ведущее место в ряду пропагандистских ресурсов занимала печатная пропаганда, на службу которой были поставлены газеты всех уровней, боевые листки, плакаты и др. Несмотря на то, что в стране наблюдался недостаток бумажной продукции, тиражи центральных изданий были не только сохранены, но и увеличены. Так, уже 26 июня 1941 г. известный кинорежиссер Г.Ф. Александров в записке на имя секретаря ЦК ВКП (б) А.С. Щербакова предложил «в связи с необходимостью обеспечить бесперебойный выпуск центральных общеполитических газет («Правда», «Известия», «Красная звезда») временно сократить периодичность или тиражи ряда ведомственных и иных газет, включая «Пионерскую правду» и «Безбожник» [2].

Одним из наиболее эффективных и мощнейших средств информационно-психологического воздействия стали плакаты военного времени. Они выполняли две важных функции: информировать и создавать четкий негативный образ врага у населения, а также способствовали настрою на уничтожение противника и помощь всеми силами своему государству.

Широкую популярность получили периодические плакатные серии: «Слава героям Великой Отечественной войны», «Боевые эпизоды», «Герои и подвиги» и др. [1].

Большое значение отводилось выпуску различных листовок, которые печатались, чтобы воздействовать как на поведение собственного населения, военных, партизан, так и оказывать психологическое давление на войска противника, население Германии и других освобождаемых стран. Листовки были различные по функциям: информирующие и дезинформирующие, призывающие к действиям и вызывающие депрессивное настроение, создающие смысл и лишаящие смысла.

Важным средством пропагандистского воздействия в годы войны было радио. По радио передавались не только фронтовые новости, но и активно создавались героические образы собственной армии и образ ненавистного врага.

В качестве мощного средства воздействия на патристическое сознание советских людей была задействована и церковь, подвергавшаяся разрушению и репрессиям после установления советского строя. В 1943 г. Сталин разрешил избрание нового Московского патриарха, и церковь стала еще одним патристическим орудием пропаганды. Именно в то время патристизм стал сочетаться с панславянской тематикой и мотивами помощи братьям-славянам. «Изменением политической и идеологической линии и лозунгом «Изгоните немецких оккупантов с родной земли и спасите Отечество!» Сталин добился успеха», – писали немцы [4].

Военная пропаганда Советского Союза не забывала и о странах-союзниках, отношения с которыми были не всегда идиллическими. В первую очередь союзники выступали в пропагандистских материалах в качестве друзей советских людей, такими же веселыми и самоотверженными бойцами. Восхвалялась и материальная поддержка, которая оказывалась союзными войсками СССР: американская тушенка, яичный порошок и английские летчики в Мурманске. Писатель Борис Полевой так писал о союзных войсках: «Русские, англичане, американцы – это гора. Кто пытается головой разбить гору, тот разбивает голову...» [4].

А вот что писал, обращаясь к американским союзникам, еще один известный советский писатель, мобилизованный в качестве пропагандиста, Константин Федин: «Бой за Волгу – бой за Миссисипи. Все ли ты сделал, чтобы защитить свою родную, свою чудесную реку, американец!» [4].

Усилия пропагандистского аппарата показали в годы войны свою высочайшую эффективность. Уже после разгрома фашистских войск под Москвой зимой 1942 года советская контрпропаганда приняла активный наступательный характер. Этому способствовало и поведение самих немцев, жестоко обращавшихся и с советскими военнопленными, и с мирным населением оккупированных областей. По мере того, как среди красноармейцев стала распространяться информация об истинном положении совет-

ских военнопленных в немецком плену, действенность нацистской «пропаганды разложения» значительно ослабла, а после 1943 г., с завершением коренного перелома в войне и массовым отступлением частей германской армии по всему фронту, эффективность ее стала мизерной. Советская пропаганда перехватила инициативу.

Идеологическое противостояние наряду с вооруженной борьбой, политическим и экономическим противоборством является важнейшей составляющей во время любой войны. А основой идеологической борьбы является пропаганда, которая играет свою особую роль в достижении победы над противником. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны доказала свою эффективность и стала информационным оружием Великой Победы.

1. Военная пропаганда во время Великой Отечественной войны. – URL: <http://www.otvoyna.ru/statya44.htm>

2. Горлов, А.С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: дис. ... канд. ист. наук / А.С. Горлов. – М., 2009.

3. Данилин, П. Пропаганда с древнейших времен до наших дней / П. Данилин. – URL: <http://www.liberty.ru/columns/Professiya-propagandist/Propaganda-s-drevnejshih-vremen-do-Pervoj-mirovoj-vojny.-CHast-I>

4. Как работала советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. – URL: <http://sks-42.ru/kak-rabotala-sovetskaya-propaganda-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/>

5. Сороченко, В. Принципы военной пропаганды / В. Сороченко. – URL: <http://fish12a.livejournal.com/711021.html>

6. Фатеев, А. Образ врага в советской пропаганде / А. Фатеев. – М., 1999.

Д.Н. Христенко
г. Ярославль

МАЛЬКОМ Х И БОРЬБА ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В США: ЭВОЛЮЦИЯ АФРОАМЕРИКАНСКОГО РАДИКАЛА

В этом году исполнилось ровно полвека с момента убийства в 1965 г. в Нью-Йорке Малькольма Х, одного из самых великих деятелей эпохи борьбы за гражданские права. Практически не известный за пределами Соединенных Штатов, он до сих пор пользуется в афроамериканском сообществе необычайным уважением и почетом. Не случайно первый темнокожий президент Америки Б. Обама всегда подчеркивал то огромное влияние, которое оказала на него личность Малькольма. «Меня потрясло, – признавался он, – как этот человек строил себя, зачаровывала грубоватая поэзия его слов, его неприкрашенное стремление к уважению, обещания нового и бескомпромиссного порядка, основанного на боевой дисциплине и непоколебимой силе воли» [4, р. 86].

Действительно, именно этот радикальный лидер эпохи 1960-х гг. во многом определил всю повестку межэтнических отношений в США, заложил основы современного афроамериканского самосознания. Вполне типичным является объяснение одного темнокожего школьника, сказавшего: «Малькольм больше, чем кто-либо другой, помог негритянской расе поднять свое мнение о себе, помог неграм проникнуться чувством гордости за то, что они негры» [1, с. 108].

Понять жизнь и взгляды Малькольма невозможно без обращения к временам детства. Его отец – баптистский проповедник – постоянно подвергался преследованиям белых расистов: сначала подожгли дом, где он жил, а спустя два года его убили. После смерти отца семья распалась, и Малькольм был помещен в общественный приют-школу, где ему последовательно внушалась мысль о его неполноценности как афроамериканцу. Так, перед окончанием восьмого

класса на вопрос учителя о его планах на будущее, Мальком ответил, что хотел бы стать адвокатом. Удивленный учитель разъяснил юноше: «Мальком, жизнь требует от нас, чтобы мы были реалистами... Мы все здесь любим тебя, и ты это знаешь. Но ты должен реалистично подходить к тому, что ты... сможешь делать... Почему бы тебе не стать плотником?» [5, р. 38]. Мальком понял, что хотя он был способнее, чем почти все его белые одноклассники, расистское общество отказывает ему в возможности реализации. Вскоре после этого он бросает школу и оказывается на самом дне американского общества. Попавшись на мелкой краже, он в двадцатилетнем возрасте оказывается в тюрьме.

Находясь в заключении, Мальком много читает, занимается самообразованием и одновременно знакомится с учением религиозной организации «Нация ислама», которую возглавлял радикальный проповедник Э. Мухаммед. Его учение существенно отличалось от ортодоксального мусульманства и провозглашало превосходство чернокожей расы над белыми людьми.

Отторгнутый американским обществом и возмущенный несправедливостью в отношении темнокожего населения США, Малькольм сразу после освобождения, в августе 1952 г., вступает в ряды черных мусульман. Он сменил свою настоящую фамилию Литгл на символ «икс» (X), который в «Нации ислама» символизировал первоначальное африканское имя, утраченное потомками рабов, и вскоре стал ближайшим помощником Э. Мухаммеда. Разделяя в этот период жизни все идеи своего религиозного наставника, Малькольм поддерживал сепарацию афроамериканцев и жестко критиковал движение за

гражданские права, иронически именуя его движением за «совместные туалеты».

При этом Мальком всегда обращал внимание на принципиальное различие сепарации и сегрегации, подчеркивая, что «сегрегация навязывается нижестоящим теми, кто стоит выше их, а отделение – это то, что совершается добровольно, двумя равноправными сторонами для их обоюдного благополучия... пока наш народ здесь в Америке зависит от белого человека, мы все время будем умолять его о работе, пище, одежде и жилье. А он будет по-прежнему контролировать и регулировать наши жизни...» [5, p. 251].

Его также не удовлетворяла тактика ненасильственных действий, применявшаяся движением за гражданские права во главе с М.Л. Кингом. Отвергая мирный протест и отстаивая моральное право черных граждан на вооруженную самооборону, Мальком руководствовался своим опытом жизни на Севере, где расизм имел гораздо более выраженный характер, чем на Юге. Как вспоминала участница одного из мирных маршей протеста в Чикаго, атмосфера ненависти там превосходила все виденное ею в южных штатах США. «На Юге я ни разу не встречала таких белых... [Они] швыряли кирпичи, бутылки, вообще все, что под руку попадет. Ну, то есть вы понимаете, это был другой уровень расизма», – отмечала она [2, с. 177].

В этих условиях радикальные призывы Малькольма быстро находили своих сторонников. По его собственным словам он основал или помог создать более 100 отделений «Нации ислама» во всех 50 штатах США, увеличив число членов организаций с нескольких сот до десятков тысяч человек. Малькольму даже удалось завербовать в ряды «Нации ислама» Кассиуса Клея, будущего знаменитого боксера Мухаммеда Али.

Его деятельность не осталась незамеченной: Малькольм стал одним из главных героев знаменитого пятисерийного фильма «Ненависть, которая порождает ненависть», снятого в 1959 г. о «Нации ислама» американскими журналистами М. Уоллосом и Л. Ломаксом [6]. Фильм принес Малькольму широкую известность, его посмотрели сотни тысяч человек, но одновременно вызвал настоящий шок в американском обществе. Как вспоминал сам Малькольм, американская печать обрушилась на него с гневными обвинениями в «черном расизме» и разжигании ненависти [4, p. 243].

Необходимо отметить, что сам Малькольм выступал даже с более радикальной программой, чем Э. Мухаммед и его приближенные, которые старались придерживаться принципа невмешательства в политическую жизнь американского общества. Поводом к открытому конфликту внутри «Нации ислама» стало нарушение Малькольмом распоряжения главы организации не делать каких-либо публичных заявлений по поводу убийства Дж. Кеннеди. Ослушавшись, Мальком 1 декабря 1963 г. резко прокомментировал смерть американского президента идиомой: «Цыплята возвращаются домой», что в вольном переводе на русский соответствует пословице: «что посеешь, то и пожнешь». Стало очевидно, что глу-

бина разногласий лежащих между ним и Э. Мухаммедом непреодолима.

В марте 1964 г. Мальком после двенадцатилетнего пребывания порвал с «Нацией ислама» и объявил о создании новой организации – «Маслим моск». Идеологической основой им был объявлен «черный национализм», согласно которому афроамериканцы должны осуществить консолидацию своих собственных рядов и устранить зло и пороки (алкоголизм, наркоманию и др.), разрушающие моральный дух своей общины [7, p. 71]. Одновременно Малькольм направил свои усилия на развитие тесных связей с государствами «третьего мира», недавно освободившимися от колониальной зависимости. Всего за полгода он совершил несколько поездок по странам Африки, которые оказали на мировоззрение Малькольма огромное влияние. Особенно глубокое впечатление на него произвело посещение Мекки. Увидев, по его собственным словам, паломников всех цветов кожи, он заявил, что ислам может объединить в себе как белых, так и черных людей, и избавить мир от расизма. Вернувшись в Америку, Малькольм вновь меняет свое имя на Малик-аль-Шабаз. Он полностью отказывается от идеологии сепарации и вместо своих прежних призывов к созданию отдельного государства афроамериканцев начинает говорить об обществе, в котором все люди могут жить на основе равенства.

Эволюции радикальных взглядов Малькольма способствовало и постепенное изменение ситуации в США, выразившееся в принятии Закона (Акта) о гражданских правах 1964 г., юридически покончившего с сегрегацией темнокожего населения в стране [3]. В то же время в последний год своей жизни Малькольм, наряду с религией, начинает все больше интересоваться марксизмом, подчеркивая, что до окончательной победы в борьбе за гражданские права еще очень далеко. 29 мая 1964 г. после возвращения из очередной поездки в Африку Малькольм заявил, что американская общественно-политическая система порочна сама по себе. «Капитализм, – отметил он, – не может быть без расизма». Таким образом, корни дискриминации темнокожего населения США Малькольм стал видеть уже не в сугубо расовых, но социально-экономических причинах.

Осознав это, он 28 июня 1964 г. основал Организацию афроамериканского единства, которая не только была полностью светской, но и заявляла о своей готовности взаимодействовать в борьбе за гражданские права со своими сторонниками среди белого населения США. В ее программе говорилось: «Мы не против мультиэтнических ассоциаций в любых областях. Наш опыт позволяет нам понять, как печально, когда люди разделяются по расовым признакам» [1, с. 107]. Можно было бы ожидать, что Малькольму удастся создать на этой основе широкую коалицию в борьбе за гражданские права, но 21 февраля 1965 г. Малькольм был убит своими бывшими соратниками из «Нации ислама».

Подводя итоги, можно констатировать, что эволюция мировоззрения и политической деятельности Малькольма X шла на протяжении всей его жизни. Прославившись в качестве одного из наиболее ярких

лидеров радикально настроенной группы черных мусульман, он сумел отказаться от крайних позиций и стать великим борцом за гражданские права всего афроамериканского сообщества, требовавшего устранить дискриминацию и относиться к темнокожему гражданину как к суверенной человеческой личности.

Литература

1. *Геевский, И.А.* Малькольм Икс / И.А. Геевский, С.А. Червонная // Новая и новейшая история. – 1972. – № 2. – С. 92–108.

2. *Ремник, Д.* Мост: жизнь и карьера Барака Обамы / Д. Ремник. – М., 2011.

3. Civil Rights Act 1964. – URL: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=97> (Дата обращения 8.04.2015).

4. *Obama, B.* Dreams from my father: a story of race and inheritance / B. Obama. – N.Y., 2004.

5. The Autobiography of Malcom X: As Told to Alex Haley. – N.Y., 1999.

6. The Hate that Hate Produced. – URL: <https://archive.org/details/PBSTheHateThatHateProduced> (Дата обращения 7.04.2015).

7. *Sales, Jr.* From Civil Rights to Black Liberation: Malcom X and the Organization of Afro-American Unity / Jr. Sales, W. William. – Boston, 1994.

С.Е. Князева

г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ПАЛЬМИРО ТОЛЬЯТТИ КАК МОДЕЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

В наши дни интерес аналитика к «Памятной записке» – этому сегодня почти забытому документу – обусловлен рядом обстоятельств. Это политическое завещание, оставленное Генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти (самой массовой партии за пределами социалистического содружества), стало, в современных терминах, ярким выражением публичной дипломатии. В далеком 1964 г. коммунистический лидер разработал стратегию *компромисса* и «золотой середины» в межгосударственных отношениях (*juste milieu* – политика компромисса, апробированная французскими доктринерами Ф. Гизо и П.-П. Руайе-Колларом в середине XIX в.). В ряде случаев эта стратегия представляет собой единственно возможный путь преодоления острых геополитических конфликтов, отягощенных противостоянием великих держав, связанный с использованием политики мягкой силы в качестве решающего инструмента.

Изложив свою концепцию преодоления одного из самых сложных в истории второй половины XX в. кризисов, Тольятти неожиданно скончался несколько дней спустя, 21 августа 1964 г.

В начале 60-х гг. XX в. итальянский политик и дипломат попытался предложить советскому руководству всесторонний анализ международной ситуации; обратить внимание на серьезные осложнения в мире вследствие геополитического противостояния сверхдержав после Ракетного кризиса 1962 г., фактически начавшуюся войну во Вьетнаме, жесткие разногласия, даже фактически раскол в международном коммунистическом и рабочем движении. Приехав с этой целью в Москву 11 августа 1964 г., Пальмиро Тольятти выразил намерение при первой же возможности встретиться с Н.С. Хрущевым: этой *аудиенции* лидер итальянских коммунистов безуспешно добивался уже не впервые, поскольку в последние месяцы советский руководитель, очевидно,

избегал контактов. Рассчитывая увидеться с советским лидером в Крыму, Тольятти отправился в Ялту, где 13 августа написал *Памятную записку (Promemoria)* и намеревался изложить ее содержание первому лицу Советского государства. Но, уехав в пионерский лагерь «Артек», почувствовал себя плохо – произошло кровоизлияние в мозг – и 21 августа Пальмиро Тольятти скончался, не приходя в сознание [18, р. 1], [1, с. 566].

После избрания Луиджи Лонго новым генеральным секретарем ИКП Н. С. Хрущеву стало известно о существовании этого документа. В начале сентября «Памятная записка» была напечатана в органах ИКП – журнале “*Rinascita*” и газете “*L’Unità*”. А 10 сентября «неудобный» для Советского руководства текст был опубликован без каких-либо купюр в главном органе партии и правительства – в «Правде», скорее всего, чтобы опровергнуть слухи об обстоятельствах, сопровождавших этот не вполне объяснимый уход: всего лишь месяцем ранее на пути в СССР умер лидер Французской компартии, также достаточно влиятельной и массовой.

Лидер итальянских коммунистов выражал обеспокоенность тем, что, наряду с конфликтом интересов сверхдержав, хотя и ставшим менее напряженным после Ракетного кризиса, к 1963–1964 гг. резко ухудшились отношения двух крупнейших стран коммунистического блока – СССР и КНР. Мировая цивилизация начинала тяготеть к трехполюсной модели противостояния ядерных держав, тем самым ломая биполярную Ялтинско-Потсдамскую конструкцию, а возможность блокирования двух из них против третьей (по формуле 2–1) на том историческом этапе была абсолютно исключена. Мир на планете становился все менее предсказуемым. В разгоравшемся советско-китайском конфликте просматривались, безусловно, идеологические разногласия, но на первый план выходило уже столкновение гео-

политических интересов Советского Союза и Китая в борьбе за мировое лидерство. Этого практически и не скрывало руководство китайской компартии [2], хотя в дискурсе коммунистического государства подобная постановка вопроса в неприкрытых терминах была невозможной. Развитие этого геополитического конфликта уже неоднократно выражалось в формах, недопустимых в отношениях дружественных государств, в *навешивании* штампов и ярлыков: руководство КПК обвиняло советских лидеров в «*обуржуазивании*» и «*ревизионизме*», а те упрекали «китайских товарищей» в «*догматизме*» и «*сектантстве*». Как следствие, обострилась полемика и в европейском коммунистическом движении.

Политическое завещание Тольятти содержало анализ поворотных моментов назревшего кризиса в коммунистическом движении, противоречий внутри социалистической системы, определенных деформаций в практике строительства социализма. Главный вопрос, занимавший Тольятти, – это идеологическое и геополитическое противостояние КПСС и Компартии Китайской Народной Республики [4, с. 25–57, 186], [10, р. 70–71]. Квалифицируя политику КПК в отношении «братских компартий» как «*ошибочную*» и «*раскольническую*», он дал глубокий анализ ситуации в этой «*экономически отсталой великой державе*» (курсив здесь и далее наш. – С. К.) [6, с. 3], [14, р. 1], [15, р. 10, 154].

Выдвинутая Тольятти программа преодоления советско-китайского конфликта состояла в следующем. Во-первых, по его убеждению, следовало «*не прекращать полемику* против принципиальных... позиций китайцев»; во-вторых, необходимо осуществлять ее «*без словесных крайностей и без осуждений общего характера*, на конкретные темы, объективным и убедительным образом и проявляя уважение к противнику» – т.е. в минимально корректных формах, присущих современной дипломатии [3, с. 1, 29]. Далее предлагалось проработать возможности и «*организовать серию встреч*», поскольку «*без тщательного подготовленного коллективного обсуждения невозможно прийти к правильным формулировкам задач*». Кроме того, необходимо было «*изолировать* китайских коммунистов и *противопоставить* им *сплоченный фронт*» и, наконец, «*подумать о посылке делегации, состоящей ... из нескольких партий*, которая поставила бы перед... китайскими товарищами вопрос о *поисках путей и конкретной формы сотрудничества*» [6, с. 3], [14, р. 3].

Безусловно, этот пакет предложений является образцом толерантности, ярким проявлением мягкой силы во внешней политике – и, вероятно, в принципе единственно возможным средством постепенного, поэтапного преодоления жестких межгосударственных конфликтов.

Тольятти поставил под сомнение требование Хрущева о *немедленном* созыве международного совещания коммунистических и рабочих партий (такие совещания были уже проведены в Москве в 1957 и 1960 гг.): он просчитывал, что в ходе такой встречи советское руководство выдвинет в качестве единственной цели демонстрацию «*торжественного отлу-*

чения китайской компартии как «*догматиков*» и «*раскольников*». Итогом совещания стал бы, во-первых, полный и длительный разрыв отношений двух находящихся у власти компартий и, во-вторых, раскол в коммунистическом движении. Этого необходимо было избежать, по мнению Тольятти, любой ценой, направив усилия на борьбу против «*разнузданной*» кампании, развернутой руководством Китая против Советского Союза и поддержавшей Мао Дзедуну и поддержавшего компартию Китая в Европе руководства Албании. Тольятти был убежден в необходимости возобновления взаимовыгодного сотрудничества не только социалистических стран, но и государств с различными социально-политическими системами, основанного «*на согласии, исключая ядерную войну*» [6, с. 3], [14, р. 1, 3], и на отказе от силовых приемов, т.е. от применения *жесткой силы*, военного превосходства и ядерного устарения.

Пальмиро Тольятти был мастером дипломатической интриги, компромисса, владел приемами политической игры в лучших традициях *juste milieu*: не случайно в 30–40-х гг. несгибаемый коммунист стал «*правой рукой*» Сталина в Коминтерне, а после Второй мировой войны создал массовую и *независимую* от Москвы компартию в *капиталистической* стране. По его мнению, международное коммунистическое движение должно было порвать со схемами и искать новые пути» [7, Т. 1. С. 290, 378, 817; Т. 2. С. 83, 106, 821; 12, С. 12–15], [15, р. 10, 154], [16, р. 27].

Лучший (так называли его соратники по партии) делал все возможное для того, чтобы любой ценой воспрепятствовать расколу в мировом коммунистическом и рабочем движении, в том числе и замалчиванием событий, происходивших в СССР после XX съезда [9, р. 118–119], [10, р. 72]. Он был убежден: коммунистическая идея в обновленном варианте окажется силой, способствующей усилению влияния коммунистического движения в мире, обозначив «*третий путь*», станет реальной альтернативой блоковому противостоянию сверхдержав и приведет к постепенному смягчению конфронтации СССР и США. Наконец, появится возможность урегулировать геополитический конфликт двух социалистических стран [6, с. 3], [14, р. 1, 3].

Автор «Памятки» настаивал на достижении компромисса в борьбе против «*самых реакционных группировок империализма, централизации руководства экономикой... антидемократических тенденций в экономике и политике*» США и западноевропейских стран [6, с. 3], [14, р. 1]. Подчеркнем: во многом этот анализ сохраняет актуальность – сегодня многие из этих явлений остаются реальностью, проявляясь в тенденциях к усложнению глобализации. Что касается компромисса (это слово он часто заменял словом «единство»), то его необходимо достигать через «*многообразие позиций*, а не воссоздавая *централизованную организацию коммунистов*» [6, с. 3], [14, р. 3], [7, р. 15–17].

«Записка» проникнута недоумением в связи с откатом от решений XX съезда, хотя и в очень мягких терминах. Объяснение причин возникновения культа

личности «персональными пороками» Сталина Тольятти считал недостаточным: необходимо проанализировать глубинные причины сталинского режима [6, с. 3], [14, р. 1, 3]. Наконец, итальянский коммунист выступил с критикой Хрущева, пусть и в достаточно корректной форме: к руководителю Советского Союза он, по ряду свидетельств, испытывал недоверие и даже неприязнь [11, р. 99]. Но главное – в конце жизни итальянский коммунистический лидер осознал, наконец, что коммунистическая идея в том виде, в котором она осуществлена в СССР, – утопия. Л. Колосов, в те годы специальный корреспондент газеты «Известия» в Риме, позднее свидетельствовал, что итальянский лидер, вероятно, именно в те годы осознал, что коммунизм в том виде, в котором он существовал в Советском Союзе, – утопия и нужен иной путь [5, с. 213].

Европейский третий путь, многообразие позиций, плюрализм взглядов, толерантность, политика компромисса, juste milieu, отсутствие признанного мирового коммунистического Центра, чьи директивы являются непререкаемыми, моральная сила и убеждение – таков «сухой остаток» политики мягкой силы, предложенной Пальмиро Тольятти. И именно на нее стали опираться его наследники – адепты еврокоммунизма.

Смерть лидера итальянских коммунистов повергла Италию в траур. В похоронной процессии только в Риме приняли участие около полутора миллионов человек [19, р. 1], [20, р. 25], и не все они были коммунистами. Спустя месяц состоялся октябрьский пленум ЦК КПСС, отправивший на заслуженный отдых Хрущева, уклонявшегося от контактов с итальянским лидером. Все же, по-видимому, он был заинтересован в сохранении такого союзника, каким был Тольятти. Но новый генеральный секретарь ЦК КПСС, почти сразу выдвинувший доктрину «ограниченного суверенитета в отношении стран советского блока и братских компартий, и стоявшие за ним политические и социальные группы не были заинтересованы в расширении влияния итальянской компартии [8] – независимой и массовой. Отдельные детали кончины Пальмиро Тольятти остаются неясными: эту тему обходят молчанием и в Италии, и в России.

Источники и литература

1. Бокка, Дж. Пальмиро Тольятти / Дж. Бокка. – М., 1977.
2. Боффа, Дж. Столкновение с Китаем / Дж. Боффа. – URL: http://scepis.net/library/id_3230.html (дата обращения: 25.03.2014)
3. Венская конвенция о дипломатических сношениях. – 1961. – 18 апреля.
4. Еще раз о разногласиях товарища Тольятти с нами. К некоторым важнейшим вопросам ленинизма в нашу эпоху. – Пекин, 1963. – С. 25–57, 186 (ред. статья журнала «Хунци», № 3–4, 1963).
5. Колосов, Л.С. Собкор КГБ. Записки разведчика и журналиста / Л.С. Колосов. – М., 2001.
6. Памятная записка // Правда. – 1964. – 10 сентября.
7. Тольятти, П. Избранные статьи и речи / П. Тольятти. – М., 1965. – Т. 1–2.
8. Хронографъ. 278. Историческое обозрение. Известные страницы. ГКЧП-64: классика жанра. Политический журнал № 37 (40) от 11 октября 2004 года. – URL: <http://hronograf.narod.ru/12/64gk.htm> (дата обращения 31.03.2014)
9. Бокка, G. Storia della Repubblica italiana / G. Bocca. – Milano: Rizz. Editore, 1982.
10. Macaluso, E. Comunisti e riformisti / E. Macaluso. – Milano: Serie Bianca. 2014.
11. Napolitano, G. Dal PCI al socialismo europeo. Un'autobiografia politica / G. Napolitano. – Roma-Bari: Laterza, 2005.
12. Natta, A. Togliatti e il "Partito nuovo" / A. Natta. – Roma: Ed. Riuniti, 1974.
13. Partito comunista italiano. Conferenza nazionale, 5. Napoli, 1964. Atti e risoluzioni. Il dibattito dei comunisti sui problemi di organizzazione del partito. – Roma: Ed. Riuniti, 1964.
14. Il Promemoria di Yalta. L'Unità'. – 1964. – 5 sett.
15. Togliatti, P. Il dibattito dei comunisti sui problemi di organizzazione del partito / P. Togliatti. – Roma: Ed. Riuniti, 1964.
16. Togliatti, P. Il Partito / P. Togliatti. – Roma: Ed. Riuniti, 1964.
17. Togliatti, P. L'ultimo discorso di Togliatti alla Camera dei deputati. Agosto 1964 / P. Togliatti. – Roma: Ed. Riuniti, 1964.
18. L'Unità. – 1964. – 22 agosto.
19. L'Unità. – 1964. – 26 agosto.
20. L'Unità. – 2014. – 16 febb.

Е. С. Добровольский
г. Череповец

**БИКОНФЕССИОНАЛИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ:
РОЛЬ ХДС В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ**

В условиях новых вызовов и угроз второй половины XX – начала XXI вв. человечество все чаще прибегало к поиску разнообразных путей мирного сосуществования. Вторая мировая, холодная войны, региональные политические и религиозные конфликты, терроризм являются теми императивами, которые заставляли людей задумываться о сущности и природе всяких

противоречий и войн. Мысль о том, что все люди разные, обладающие политическими, религиозными, этническими и культурными особенностями, лежит в основе феноменов толерантности и биконфессионализма. В послевоенной истории Германии два этих определения не стоит разграничивать. В политической системе этой страны, учитывая уроки прошлого,

была создана новая партия на принципах как толерантности, так и биконфессионализма.

Христианско-демократический союз выстроил свою идеологию на основе политического союза католиков и протестантов с уважением и принятием религиозных особенностей и вероучений обеих ветвей христианства. Союз стал настоящей народной партией, объединившей проигравший народ и дававшей надежду на светлое будущее. Так какую же роль играла и играет веротерпимость и уважение интересов другой религии в условиях межконфессиональной партии в новейшей истории Германии?

Идея биконфессионализма впервые появилась в немецкой истории еще в конце XIX в. За нее ратовал представитель «социального католицизма» епископ В.Э. фон Кеттелер, который демонстративно отдал в рейхстаге свой мандат протестанту. Кроме этого, в 1906 г. была опубликована статья известного католического публициста Ю. Бахема. В ней он выступил с призывом к католикам выйти из «католического гетто» и объединиться с протестантами в единой христианской партии. Необходимо также упомянуть лидеров христианских профсоюзов Веймарской республики А. Штегервальда, а также канцлеров Й. Вирта и Г. Брюнинга, которые также призывали к созданию межконфессиональной партии. Однако их усилия в то время были напрасны и обречены на провал, так как капиталистические элементы ни до, ни после Первой мировой войны не нуждались в подобной партии.

В истории Германии оба вероисповедания – католицизм и протестантизм – играли разные роли и по многим вопросам занимали отличные позиции. Послевоенный период истории страны привел к значительным изменениям во взглядах католиков и протестантов. Христианско-демократический союз был создан в 1945 г. в результате объединения большей части приверженцев политического католицизма и либералов и консерваторов протестантского вероисповедания. Преследование церквей, особенно католической, в период нацизма, неприятие церковными деятелями коммунизма, опасения, что новая Германия может стать социалистической, сблизил представителей обоих вероисповеданий и создали предпосылки политического союза между ними, что привело к их объединению в ХДС [1].

Подобная стратегия была одобрена большинством католического епископата, который считал, что с помощью общей католическо-протестантской партии можно оказать самое эффективное политическое влияние, при условии, что политический католицизм не расколется на межконфессионально-христианскую и традиционно-католическую партии. Все же, с точки зрения некоторых католиков, межконфессиональная партия таила в себе риск (выхолащивание католических целей), но за ее создание говорили возможности получения большинства голосов избирателей, а также интеграция консервативного и либерального протестантизма, что имело важное значение для одного из основателей союза – Конрада Аденауэра.

Биконфессионализм ХДС как новое явление базировался на использовании христианской религии в

политических целях. К религиозным мотивам, сыгравшим важную роль в формировании Союза, необходимо добавить также консервативные и либерально-буржуазные устремления различного характера. Так, по мнению профессора политических наук Петера Хаунгса, «привлекательность новой концепции партии базировалась на широкой готовности к сглаживающей традиции общности. А сотрудничество политиков различных духовных и политических профилей должно было повлиять и на структуру новой партии, так как общего понимания партии не было» [4, с. 183].

ХДС с момента своего основания привлек на свою сторону бывших сторонников консервативных и либеральных партий (Немецкой национальной народной партии, Немецкой демократической партии, Христианско-социально народной службы, Немецкой народной партии). При этом Союз поглотил консервативное крыло политических объединений. Он отверг возврат к старой партийной системе и сделал ставку на создание новой партии как «союза всех сословий и всех конфессий» [2, с. 165], а затем превращения ее в народную партию – новое явление в политической жизни Германии.

Другой немецкий политолог – Х. Майер – отмечает, что Союз объединил своих сторонников «не столько консервативными или реформаторскими программами, сколько артикуляцией христианских принципов, мыслью о политическом и конфессиональном союзе и ясной дистанцией к социализму и национализму третьего рейха, что, возможно, являлось самым важным элементом в послевоенное время [2, с. 165]. Союз начал свой путь как народная партия – «интеграционная партия середины». Он сохранил центристскую роль в партийно-политической системе, которую в свое время играл Центр.

Взаимоотношения между католиками и протестантами в Союзе не всегда складывались. Зависело это не от религиозных различий, а от политической конкуренции. В период своего создания ХДС опирался прежде всего на католическую среду, которая хоть и была ослаблена еще со времен Веймарской республики, но тем не менее пережила нацистский режим. Поэтому даже в таких регионах, где большинство населения составляли приверженцы евангелического вероисповедания, среди членов ХДС большую часть составляли католики. Подобный перевес удалось постепенно сократить, но он существует и по настоящее время.

Несмотря на это, ХДС никогда не характеризовался как партия католического мировоззрения или партия христианских убеждений. В этом проявляются партийная толерантность и религиозная веротерпимость Союза. Но, как известно, взгляды на политику расходятся не только у католической и евангелической церкви. На картине общей партии отразились также и убеждения либеральных и консервативных политиков, для которых религиозные связи или конфессиональные доктрины не имели первостепенного значения. Поэтому определение «христианская партия» так и осталось спорным.

Однако в условиях столь разнообразной социаль-

ной среды духовно-религиозные, политические, экономические, социальные и прочие различия и противоречия интересов внутри ХДС вынуждали его к более прагматичному стилю деятельности и в определенной мере к отказу от строгого следования христианским принципам. Со временем это не могло не привести к тому, что прагматизм стал характерной чертой политической практики ХДС, а христианские социальные идеи стали отходить на второй план.

60-е гг. XX в. можно назвать переходным периодом в истории Союза. В связи с тем, что авторитет Аденауэра был подорван и ресурс партии казался исчерпан, ускоряется процесс распада католической среды. Так как в это время важные руководящие политические должности были заняты протестантскими политиками ХДС, казалось, что происходил процесс преобразования Союза в партию протестантов. Но этого не произошло. Паритет конфессий сохранился не в последнюю очередь из-за политической и духовной толерантности.

Таким образом, христианские представления о ценностях, идеалах немецкого гуманизма, об основах католического социального учения и евангелистской социальной этики с возвышением человеческого достоинства, и личности человека в рамках социально справедливого общества стали прочным фундаментом для нового политического начала. Соединение христианских и демократических представлений о ценностях соответствовало широко распространенной потребности того времени в этической и моральной основе политики. Христианская демократия,

таким образом, начала развиваться на основе своеобразного симбиоза идеологий.

Все же основатели ХДС сумели заполнить «этический вакуум», возникший в Германии, христианским нравственным законом и сделать последний основной мерой всякого общественно-политического действия. «Секретом успеха христианских демократов как раз и оказалась расплывчатость их идейно-политических устоев, создававшая образ объединяющей, народной партии» [3, с. 252].

Литература

1. Амплеева, А.А. Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России / А.А. Амплеева. – М., 2002.
2. Некрылова, О.Г. Идеино-политические основы формирования Христианско-демократического союза (ХДС) британской оккупационной зоны (1945–1947 гг.) / О.Г. Некрылова // Управление мегаполисом. – 2011. – №3. – С. 163–167.
3. Некрылова, О.Г. Немецкий Христианско-демократический союз: биконфессионализм и концепция социально-экономического развития в 1945 – 1947 гг. / О.Г. Некрылова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №4. – С. 250–253.
4. Хаунгс, П. Христианско-демократический союз Германии (ХДС): прототип народной партии / П. Хаунгс // Политические партии в условиях демократии. Роль и функции партий в политической системе Федеративной Республлик Германия. – Санкт Аугустин, 1995.

Э. Эванс

Пенсильвания (США)

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ Г. ВОЛЖСКОГО, РОССИЯ

Автор данной статьи на основе проведенного контент-исследования публикаций в местной прессе анализирует демократические процессы, проходившие в одном из регионов России в 1990-х годах, а именно, – в городе Вожский Волгоградской области. Используя описание демократических процессов в г. Волжском в качестве некоего слежка тех общих процессов, что проходили и в других малых городах России, автор приходит к выводу, что характер политических преобразований, проходивших в такого рода городах, заметно отличался от характера процессов, проходивших в столичных городах России. Как отмечает автор, в г. Волжском органы власти проводили более активную политику экономического плюрализма, чему способствовала и деятельность пользующейся активной поддержкой населения оппозиционной партии КПРФ. В результате, в городе сформировались более благоприятные условия для развития демократических процессов, что способствовало политическому и социально-экономическому развитию данного региона. Автор, таким образом, отмечает необходимость более глубокого изучения субнациональной политики (термин автора) в рамках

общего гибридного режима, существующего в России. В частности, автор приводит в качестве подтверждения результаты исследования, сосредоточенного на более авторитарных аспектах субнациональных политик в посткоммунистическом мире [3], [23]. Это исследование, по мнению автора, имея высокое качество и описание многих тревожных аспектов гибридных режимов, все же не позволяет получить более полное представление о тех особенностях субнациональных политических процессов, которые составляют суть местных результатов демократизации. Используя богатый фактологический материал, основанный на анализе публикаций местных печатных изданий, выходящих в 90-е гг. XX века, автор приходит к выводу, что локальные акторы играли значительную роль в политических процессах и во многом определяли характер политической, социальной и экономической жизни индустриального города.

During the 1990s, a weakened central state, the failure to create a stable party system, and President Boris Yeltsin's initial commitment to local self-governance

combined to create conditions for municipalities to develop their own distinctive practices of local politics. In the process, local political machines were established in many cities, which were then co-opted during President Vladimir Putin’s recentralization policies [7]. However, some cities came to be characterized by a surprisingly high degree of pluralism and democracy that continues to be in evidence in the “hybrid” regime associated with Putin. Overall, the stories of these cities have been washed out in studies using aggregate data and generalized images of creeping authoritarianism in national politics.

This paper offers a case study of the industrial city of Volzhskiy which is an especially puzzling case because it was controlled by the *Kommunisticheskaya Partiya Rossiskoi Federatsii* (KPRF) and was resistant to liberalizing reforms through most of the 1990s. Volzhskiy has evolved into a highly pluralistic system, which is most clearly evident in the patterns of electoral politics over time. Drawing upon archival research, a close reading of the local newspaper, *Volzhskaya Pravda* (VP), and interviews with local politicians, this paper traces the interplay of formal electoral institutions and informal political processes in the making of Volzhskiy’s local-level transition to democracy. Volzhskiy’s experience points to the possibility of vibrant local politics that is not captured in aggregate data and rarely explored in postcommunist hybrid or authoritarian regimes.

I argue that the explanation for Volzhskiy’s local democracy begins with the recognition of the level of diversity in economic production and the workforce, which produced a degree of contending interests not seen in cities that were organized around a single industry or factory. However, this economic diversity does not guarantee pluralism in politics; there is more to the story. Volzhskiy’s pluralism and local democratic outcome can largely be explained by a) the emergence of a more diverse set of economic interests and constituencies and b) a KPRF organization that was strong, but rather than prevent or delay postcommunist political transformation, it unintentionally helped create the conditions for decisions, rules, and governance structures that would facilitate an open political process that is now proving to be durable even after a decade of Putinism (Путинизм).

Rather than a tale of sub-national authoritarianism, entrenched interests, and machine politics [9], Volzhskiy’s is a story of democratic transition and formal institution building. In some ways, this story is similar to one anticipated in Anna Grzymała-Busse’s finding about how a reinvented Communist Party provided the necessary robust competition for democratic institution building in East European democracies after 1989 [12]. Indeed, *because* Volzhskiy’s chapter of the Communist Party was able to advocate a plausible alternative to the pro-reform and pro-Yeltsin movement, various local economic elites backed different political parties, resulting in robust electoral competition and a need to create transparent and democratic local institutions.

The puzzle here is *why* did the city keep moving in a democratic direction and become even *more* democratic after Putin’s verticalization of power reforms (Table)? This was a city where many of its factories were all but destroyed by Yeltsin’s economic reforms, where hun-

dreds – sometimes thousands – of people would show up to protest their worsening socio-economic conditions, where residents voted for leftist parties and candidates in higher numbers than Russians in general, and much of the democratizing was done by a group, the Communist Party, which would not be identified as or identify themselves as “democrats,” in the Western-liberal sense of the word. However, such democrats were not necessary, what was necessary was that a significant opposition that could mobilize residents existed. This opposition was possible because the city’s diverse economic structure and open, transparent politicians created the opportunity for groups to mobilize against Yeltsin’s economic, social, and political reforms and the disastrous local effects of those reforms. This democratic outcome on the municipal level mirrors the relationship that robust competition has to democratic outcomes in postcommunist transitions at the national level [12], [3].

Table

Volzhskiy’s municipal institutions and changes 1989 – Present

	1989-1993	1993-1996	1996-1998	1998-2005	2005-Present
Representative Branch	City Soviet of People’s Deputies	None (abolished by Executive Order, October 1993)	City Soviet of People’s Deputies of Volzhskiy	Volzhskiy City Duma (Changed from City Soviet in 2000s)	Volzhskiy City Duma
Electoral system and size	Single Member Districts (SMD), 200 deputies. They then elected a “Small Soviet” for everyday business		SMD, 15 deputies	SMD, 15 deputies	Proportional Representation (PR), 30 deputies
Executive Branch	Head of City Administration ¹	Head of City Administration	Head of City Administration	Head of City Administration	Head of City Administration
Electoral system	Elected by RSFSR Soviet of People’s Deputies	Appointed by Oblast leaders	Directly elected by Volzhskiy voters	Directly elected by majority, requires 25% turnout	Direct, majority election

Volzhskiy’s pluralistic society: elections

One of the easiest ways to observe Volzhskiy’s pluralism is through election results. Even though a plurali-

¹ Colloquially, the phrase “Head of City Administration” is used interchangeably with the term “mayor”. I continue this for writing efficiency and to use a term more familiar.

ty (if not majority) voted for government parties in seven of the thirteen postcommunist elections, a significant opposition supported leftist opposition parties in the “socialist family” [5], primarily KPRF. Furthermore, Volzhskiy’s population has supported socialist parties more than Russia’s general population in national elections since 1995 (see Figure 1). This suggests that Volzhskiy is both more socialist than average and has more pluralism due in large part to the robust competition that the re-formed local KPRF provided.

Pluralism is also seen in local elections. Figure 2 shows the election results of the two most recent City Duma elections, since the introduction of their PR electoral system. While support for United Russia increased, the locally competitive political parties consolidated between 2005 and 2009 and support for left-opposition parties, KPRF and A Just Russia, reached about 52 % in 2009. Furthermore, City Duma deputies from KPRF and A Just Russia view their positions as opposition. On separate occasions and in different interviews, deputies reported that they will not work with United Russia, they are fighting for more local autonomy and control over tax revenue, and that they believe they were elected to act as opposition to United Russia [13], [14], [34]. Figure 2 also shows that parties consolidated and/or that voters learned which parties would be viable, leading to

strategic voting and a lower share of votes going to parties that did not receive enough votes to win from 29,5 % in 2005 to 2 % in 2009.

Local elections also demonstrate that residents “punished” local politicians using the ballot box and mayors have been elected from different parties (see Figure 3). After years of disappointment with “reformers”, residents elected a communist – Anatolii Shiryaev – at the end of 1996 in the first mayoral election. However, after not seeing an improvement in their quality of life, he was promptly voted out in 2000. Another communist and director of Energotekhmash, Igor Voronin, was elected [24]. Although backed by KPRF, he took a more managerial perspective and decided that it would be prudent to join United Russia during his second term. Some perceived this as a betrayal, or that he had sold-out [37], which resulted in a surprise victory of A Just Russia candidate, Marina Afanas’eva, over Voronin by just over 100 votes in the 2009 mayoral election. Similarly, *Liberal’no-Demokraticeskaya Partiya Rossii* (LDPR) was only able to win two seats in the 2009 City Duma election after the mass defection of LDPR candidates shortly after the 2005 City Duma election. These election results show that power has shifted in several configurations in and among the mayor and City Duma, residents vote out of office those that defect or do not perform well. These

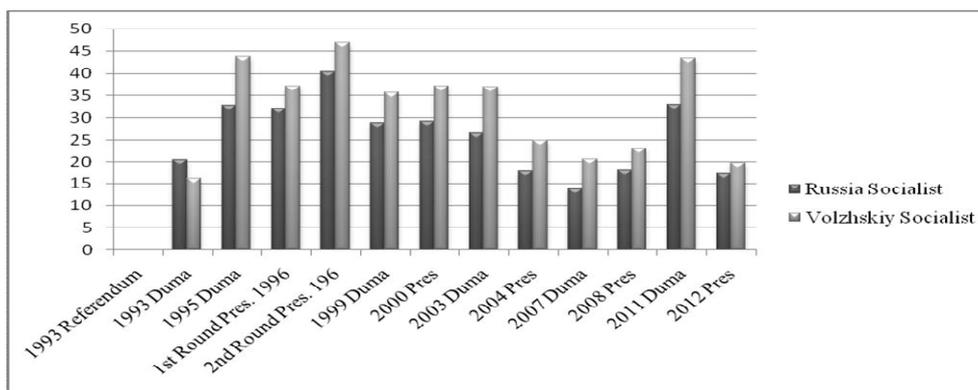

Figure 1. Percentage of popular vote to parties in the Socialist family, 1993–2012.¹

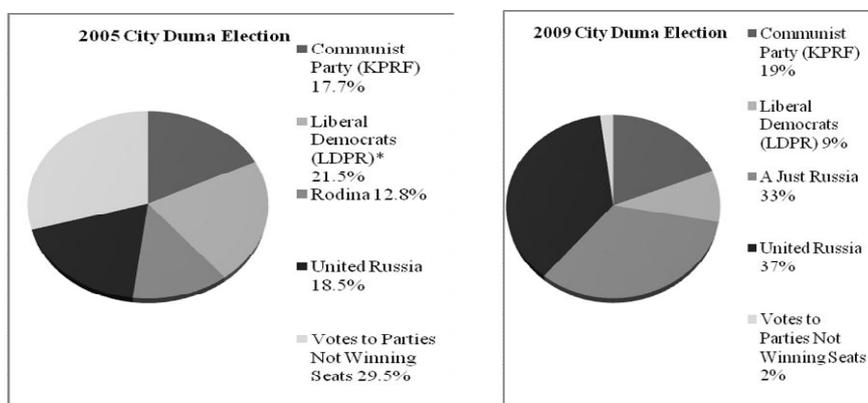

Figure 2. Municipal election results since the introduction of Proportional Representation in the City

¹ Sources for Figures 1&2: Central Election Commission of the Russian Federation online archive cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ and Election Commission of Volgograd Oblast ikvo.ru/page/Arh/. Party families have been used to simplify the large number of changing parties, creating a shorthand for understanding electoral politics (Colton 2000, Colton & McFaul 2003).

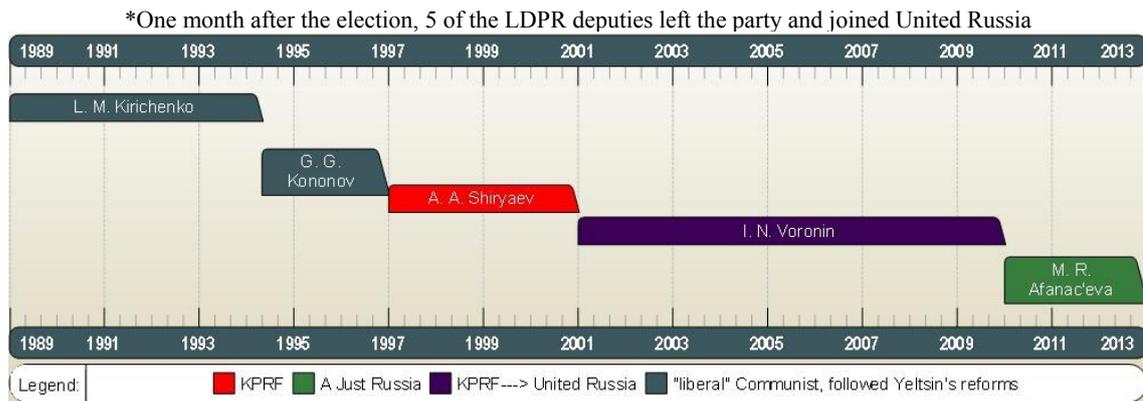

Figure 3. Mayoral history of Volzhskiy, 1989–2012

election results provide evidence for the success of opposition parties in Volzhskiy's national and local elections and demonstrate the pluralism within Volzhskiy. This pluralism created a need for transparent and democratic electoral and institutional arrangements, which were amended in the City Charter as the post-communist period progressed.

Economic pluralism

At least one part of the explanation for this outcome of pluralism in elections lies in the diverse base of Volzhskiy's economy. Unlike the hundreds of Soviet cities that grew up around a single industry or even a single massive industrial project, Volzhskiy ended up with a number of factories from various industrial sectors that created a diversity of economic interests. This diversity left an opening for pluralism "from below" because economic elites were not as inherently tied to local politics, as is very typical in areas with concentrated economies [31]. This section briefly charts Volzhskiy's economic development and the opportunity for pluralism that its economic structure provided in the early post-communist years.

By the end of the Soviet period, Volzhskiy was an industrial center with factories representing the machine building, chemical, and metallurgical industries. Today, the city's population is roughly 314,000 and industrial producers represent rubber and tire production, bearings, steel, and chemical industries. Volzhskiy is also home to large food production facilities, such as the brewery *Povol'zhe*, which accounted for about 10 % of the city's production in the mid-2000s [24]. With such a diverse economy, various industries were impacted differently and at different times by the economic reforms of the 1990s and privatization. While some factories sat almost idle, others began making international connections and producing for export markets. For example, Volzhskiy Pipe Plant (VTZ) was hit very hard in the early 1990s. Pipe production fell 55 % in 1992, and by the end of 1993, VTZ produced just 27,5 % of the 1991 level of pipes [10], [11]. Yet by 1999, VTZ reorganized and began winning international contracts and contracts for the construction of major oil and gas pipelines [32], [36]. On the other hand, Volzhskiy GES produced slightly less electricity in 1992, but rebounded to over 1991 levels in 1993. However, it became mired in controversy when scandal erupted over its "privatization," which resulted in major cost increases for residents and local companies and pleas to have the plant transferred from federal to

municipal property [4], [17], [22], [28]. While most industries were negatively affected by the economic depression and various crises over the 1990s, the economy was pluralistic and no one director, company, or industry could exert a dominant force over local or regional officials.

This is not to say that economic elites were silent or wholly disorganized; during the first years of the Russian Federation, the *Soviet Direktorov* (Council of Directors), a group of economic elites from the local factories, was created to represent their interests to the government and as a way to coordinate their activities and propose policies during the transition to a market economy [2]. The Council of Directors met with the mayor frequently and participated in other meetings geared towards Volzhskiy's development [2], [18], [6]. In effect, the Council of Directors behaved as a civil society organization, albeit with a high profile and access to local government. Compared to the overwhelming role that the largest producers can play in company towns like Cherepovets and Komsomolsk-na-Amure¹, where the fate of the primary enterprise is inextricably linked with the fate of the city, even the largest enterprise in Volzhskiy – VTZ – cannot play a dominant role in local politics, try as they might [37]. Furthermore, local enterprise directors tend to back various parties in the hopes of advancing their particular interests. In the 2005 local elections, VTZ supported United Russia, while the brewery supported the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) [20]. This economic structure left an opening for an active civil society, protest activity, and the pluralism of ordinary citizens to leave a mark on Volzhskiy politics.

Opposition politics and institutional change

Economic pluralism only goes part of the way to explaining the unusual degree of political participation and protest in Volzhskiy, especially since other similarly diversified cities – such as Biysk – did not fare as well. The other part of the explanation relates to unexpected consequences from having a well-organized KPRF entrenched in Volzhskiy in the 1990s. Rather than prevent political change, KPRF's presence and its opposition to Yeltsin ended up triggering a sequence of events and

¹ Cherepovets and Komsomolsk-na-Amure are also of similar size to Volzhskiy; however this phenomenon is well known in both larger company towns like Magnitogorsk, and smaller company towns, such as Vorkuta and Norilsk.

decisions that led to a more open and transparent polity by 2000. And this openness and transparency proved to be robust enough to endure Putin's efforts to establish a more centralized "vertical of power."

From *Perestroika* through today, Volzhskiy's municipal government has gone through five distinct phases of institutional change. The institutional structure opened slightly in 1989 by a Federal reform that introduced a directly elected City Soviet of People's Deputies, which began drafting a City Charter in 1992 [33]. The process was reported on frequently in the local newspaper, *Volzhskaya Pravda*, which indicated that the form local government would take was hotly debated and citizen input was sought [26], [27]. The draft called for a directly elected Head of City Administration (mayor) and City Soviet. Unfortunately, the City Soviet was disbanded by one of Yeltsin's Executive Orders in the wake of the October 1993 Constitutional Crisis [21]. From 1993–1996, Volzhskiy was profoundly undemocratic. Despite the illusion of Russia's democratic transition, Volzhskiy residents were left with no representational branch and a mayor who was not elected.

After years of Volgograd Oblast officials calling local elections and promising to recreate a municipal representational branch, only to cancel and postpone them, Volzhskiy was allowed to elect a representational branch and, for the first time, a mayor in 1996 [16]. The unexpected results revealed the level of discontent in the population [24]. Anatolii A. Shiryayev, a hardline communist, was elected with the support of the strong local KPRF chapter [24], [30]. He received a plurality (40,29 %) of the vote; incumbent Mayor Kononov received 36,37 % [24]. Shiryayev found himself in good company with the representative branch, which was composed of seven deputies from KPRF and eight who ran as part of the *Blok Narodno-patrioticheskikh Sil* (some of those deputies overlap) out of the 15 total deputies [24], [1]. This structure was institutionalized in Volzhskiy's City Charter, passed in 1998 [35]. This democratization was done by an overwhelmingly communist local government during a deep economic depression. From there, the city took its final step, increasing the size of the City Duma and introducing a PR electoral system in a new City Charter, passed in 2005. Unfortunately, there is no "smoking gun", which explains the shift to a PR elected City Duma, but it seems likely that this decision was a win-win for the local United Russia, KPRF, and LDPR chapters.

While United Russia might have had the potential and desire to serve as "change agents," delivering a Kremlin-favored city manager structure [8], they also had to consider the electoral uncertainty of such a move given Volzhskiy voter preferences. Similar to the national-level decisions by postcommunist governments to use PR paradoxically, choosing the "guarantee" of representation over the uncertainty of being left with few seats in a majoritarian system [29], [3], parties like KPRF and LDPR could be relatively certain they would get some seats and United Russia would be sure to get a significant number of seats. Furthermore, because United Russia was not the dominant party in Volzhskiy, they could not be certain of getting the majority that would be needed to either hire a favorable city manager or appoint a chief executive. Given local circumstances, an elected

mayor may have been the "safest" bet for United Russia, to the extent that they could influence the drafting process of the 2005 City Charter.

Unfortunately for the local United Russia chapter, this also paved the way for A Just Russia, which was formed by consolidating a number of parties in 2006 (at the national level). Nationally, many initially suspected that A Just Russia was a Kremlin-backed, fake opposition party; but in Volzhskiy, it is the leftist, social-democrat alternative to KPRF. Although the first PR election yielded a dismal turnout (28,62 %), with about 30 % of the vote split among parties unable to pass the threshold (which is roughly 3,33 % of the vote), and most of the LDPR representatives changing parties, by the 2009 City Duma election, turnout improved, local parties consolidated, and LDPR's "betrayal" was punished. The PR electoral system has allowed a significant role for opposition parties and a space for Volzhskiy's pluralism and democracy within a hybrid regime.

Throughout the process, a strong KPRF provided plausible opposition and local leadership. Ivan Kurilla has demonstrated the monopolistic civil society organizing potential of KPRF in the small city of Uryupinsk in the Volgograd region [15]. But in Volzhskiy, KPRF, government parties, and LDPR competed for power and influence, which created the need for transparent electoral rules, elections, and institutions. KPRF and United Russia would have been unable to ensure a monopoly on power because Volzhskiy's population is too pluralistic, a local democracy was the best way to ensure the strong parties remained represented in the local government.

Conclusion

This paper is a call for a more nuanced understanding of sub-national politics within hybrid regimes. Particularly, recent scholarship has focused on the more authoritarian aspects of sub-national politics in the postcommunist world [9], [19], [23], [25]. While this research is of high quality and highlights many of the worrisome aspects of hybrid regimes, we risk missing a more complete understanding of how sub-national politics works and possibilities for encouraging local democratic outcomes. Using Volzhskiy as a case study, we see that cities that have economic pluralism and strong opposition (such as KPRF) can create democracy friendly environments that can and do exist within hybrid regimes. By following the economic and political dynamics of Volzhskiy's postcommunist history, it becomes obvious that local power configurations and actors actually can play significant roles in local political outcomes. In short, local level politics matters in ways that aggregate data and national politics fail to capture.

Bibliography

1. *Afanaseva, M.R.* Obrashchenie / [M.R. Afanaseva et otc.] // *Volzhskaya Pravda*. – 1997. – 1/10. – P. 1.
2. *Antonova, L.* Sovet direktorov: za edinstvo deistvii / L. Antonova // *Volzhskaya Pravda*. – 1992. – 8/6. – P. 1.
3. *Bielasiak, J.* Regime Diversity and Electoral Systems in Post-Communism / J. Bielasiak // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2006. – 22. – P. 407–430.
4. *Blagodarov, S.* Korruptsiya krasneet... / S. Blagodarov

// Volzhskaya Pravda. – 1999. – 6/3. – P. 2.

5. Colton, T. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia* / T. Colton. – Cambridge: MA, Harvard University Press, 2000.

6. Direktoram o S"ezde // Volzhskaya Pravda. – 1992. – 26/12. – P. 1.

7. Gel'man, V. *The Dynamics of Sub-Naitonal Authoritarianism: Russia in Comparative Perspective* / V. Gel'man // Gel'man, V. & Ross, C. (eds.) *The Politics of Sub-Naitonal Authoritarianism in Russia*. – Brulington, VT: Ashgate Publishing Company, 2010.

8. Gel'man, V. *Authoritarian Versus Democratic Diffusions: Explaining Institutional Choices in Russia's Local Government* / V. Gel'man & T. Lankina // *Post-Soviet Affairs*, 24. – 2008.

9. Gel'man, V. *The Politics of Sub-Naitonal Authoritarianism in Russia* / V. Gel'man & C. Ross (eds.). – Burlington, VT: Ashgate Publishing Company, 2010.

10. Gorodskoi otdel statistiki. 1993. Vse nizhe i nizhe // *Volzhskaya Pravda*. – 1993. – 2/20–2/24. – P. 2.

11. Gorodskoi otdel statistiki. V usloviakh inflatsii // *Volzhskaya Pravda*. – 1994. – 2/9. – P. 2.

12. Grzymala-busse, A. *Rebuilding Leviathan: Party Competition and State Exploitation in Post-Communist Democracies* / A. Grzymala-busse. – N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

13. Kirichenko, L. RE: Interview / L. Kirichenko. – 2011.

14. Kokshilov, V.A. RE: Interview / V.A. Kokshilov. – 2011.

15. Kurilla, I. *Civil Activism without NGOs: The Communist Party as a Civil Society Substitute*. *Demokratizatsiya*, 10 / I. Kurilla. – 2002.

16. Martynova, E. *Kakovo mera khotyat volzhane?* / E. Martynova // *Volzhskaya Pravda*. – 1996. – 8/16. – P. 1.

17. Martynova, E. *Menyaem status GES?* / E. Martynova // *Volzhskaya Pravda*. – 1998. – 9/22. – P. 1.

18. Martynova, E. *Gorod zhivet blagodarya proizvodstvennikam* / E. Martynova // *Volzhskaya Pravda*. – 2000. – 3/21. – P. 1.

19. Mcmann, K. *Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan* / K. Mcmann. – Cambridge: UK, Cambridge University Press, 2006.

20. Mikhailovskii, I.I. RE: Personal interview / I.I. Mikhailovskii. – 2011.

21. Nash korrespondent. *Proshchanie s Sovetom* // *Volzhskaya Pravda*. – 1993. – 11/2. – P. 1.

22. Nekrasov, A. *Eletronakhlebniki* / A. Nekrasov // *Volzhskaya Pravda*. – 1998. – 8/4. – P. 1.

23. Radnitz, S. *Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia* / S. Radnitz. – Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2010.

24. Ramazanov, S.P. *Istoriya goroda Volzhskovo* / S.P. Ramazanov & O.N. Myasnikova (eds.). – Volgograd, 2009.

25. Robertson, G.B. *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia* / G.B. Robertson. – N.Y.: Cambridge University Press, 2011.

26. Sherbanya, A.A. *Ustav Samoupravleniya: Priglashaem k obsuzhdeniyu* / A.A. Sherbanya // *Volzhskaya Pravda*. – 1992. – 5/13. – P. 2.

27. Sherbanya, A.A. *Ustav Samoupravleniya: Priglashaem k obsuzhdeniyu* / A.A. Sherbanya // *Volzhskaya Pravda*. – 1992. – 5/19. – P. 2.

28. Shiryayev, A.A. *Chinovnik ot partii – eshche ne vsya partiya* / A.A. Sherbanya // *Volzhskaya Pravda*. – 1999. – 6/3. – P. 2.

29. Smyth, R. *Engineering Victory: Institutional Reform, Informal Institutions, and the Formation of a Hegemonic Party Regime in the Russian Federation* / R. Smyth, A. Lowry & B. Wilkening // *Post-Soviet Affairs*. – 2007. – 23. – P. 118–137.

30. Soyuz otchityvaetsya // *Volzhskaya Pravda*. – 1996. – 12/15. – P. 1.

31. Stoner-weiss, K. *Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance* / K. Stoner-weiss. – Princeton; NJ: Princeton University Press. – 1997.

32. Truby poedut v Indiyu // *Volzhskaya Pravda*. – 1999. – 10/5. – P. 1.

33. Ustav o samoupravlenii // *Volzhskaya Pravda*. – 1992. – 3/26. – P. 1.

34. *Volzhskii city дума deputies from a just russia faction*. 2011. – RE: Round Table Discussion.

35. *Volzhskii gorodskii sovet narodnykh deputatov. Ustav goroda Volzhskovo Volgogradskoi oblasti* // *Volzhskaya Pravda*. – 1998. – 7/14. – P. 1.

36. *Volzhskii trubniy – pobeditel' tendera* // *Volzhskaya Pravda*. – 1999. – 7/8. – P. 1.

37. Zimovets, P. RE: personal interview. – 2011.

Е.В. Клименко
г. Санкт-Петербург

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ЭФФЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С КСЕНОФОБИЕЙ ИЛИ (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО РАСИЗМА?

Ксенофобные общественные настроения¹, очевидно, несовместимы со стабильным существовани-

¹ Ксенофобия является одной из самых серьезных проблем для современной России. Так, по данным Левада-центра, число поддерживающих в той или иной степени лозунг «Россия – для русских» неизменно растет и в 2013 году составило 66 % респондентов: 23 % полагают, что эту идею «давно пора осуществить», 43 % считали, что ее «неплохо было бы осуществить в разумных пределах» и только 19 % высказались по отношению к ней отрицательно; 43 % опрошенных заявили, что ощущают межнациональную напряженность в том городе или рай-

оне, где они живут; 20 % – очень часто или довольно часто чувствуют враждебность по отношению к людям других национальностей; 62 % – считают, что в настоящее время в России возможны массовые кровопролитные столкновения на национальной почве [Общественное мнение..., 2014, Таблицы 17.16, 17.1, 17.3, 17.4]

стве основного средства было выбрано формирование толерантности. Как на федеральном, так и на региональном уровне именно с этой целью были разработаны и реализованы многочисленные программы¹. Результаты социологических опросов, тем не менее, позволяют предположить, что такие программы не выполняют возложенных на них задач. Так, доля респондентов, отвечающих отрицательно на вопрос о необходимости ограничения права на проживание на территории России людей той или иной «национальности», неизменно сокращается – с 21 % в 2004 году до 11 % в 2013 году [1, табл. 17.5]. Остальные опрошенные, очевидно, полагают возможным применение дискриминационных практик в отношении представителей тех или иных этнических общностей.

Столь низкая эффективность предпринимаемых усилий по формированию толерантности обусловлена самим их характером. Для прояснения этого тезиса нам необходимо обратиться к анализу двух концепций толерантности: «жесткой», где толерантность понимается как добродетель; «мягкой», где толерантность описывается как социальная практика.

В рамках предложенной Питером Николсоном «жесткой» концепции толерантности как морального идеала под этой последней понимается отношение к объекту, отвечающее нескольким условиям: различие, значимость, моральное неодобрение, власть, отторжение, добродетельность [4]. Толерантность здесь – морально значимый отказ от использования имеющихся в распоряжении субъекта толерантности ресурсов воздействия на отклонение, воспринимаемое им как морально неприемлемое. Более распространенной является «мягкое» понимание толерантности как отказа от попыток устранить или помешать спокойному существованию различия, которое

вызывает сильную эмоциональную реакцию непонимания, неприязни, неприятия; условиями толерантности полагаются: различие, значимость, власть, не-вмешательство [3], [5].

Граница между двумя концепциями толерантности проходит через представление об оправданности отторжения различия, о легитимности негативного суждения о нем, об обоснованности возражения против него [2]. Если в рамках «жесткой» концепции толерантности условием этой последней является наличие у субъекта не только понятного, но и морально оправданного возмущения существованием различия, то в рамках концепции «мягкой» – вопрос о моральной оправданности такого возмущения становится иррелевантным.

Два способа понимания толерантности реализуются в двух подходах к ее формированию: как добродетели – что связано с обоснованием моральной благодати отказа от использования имеющейся силы для устранения или вмешательства в спокойное существование различия при сохранении представления о нем как о морально неприемлемом и о возражениях против него как легитимных; как социальной практики – что предполагает воспитание способности сдерживать проявление собственных предубеждений и предрассудков. При этом такая сдержанность, даже если мы и будем называть ее толерантностью, никак не может рассматриваться в качестве добродетели или морального идеала; не может она и являться конечной целью. В качестве таковой цели следует полагать не сдерживание возмущения различием, но проблематизацию самих оснований этого возмущения, а значит и проблематизацию значимости различия. Преодоление интолерантности, таким образом, осуществляется двумя возможными путями: через формирование толерантности как добродетели, через формирование индифферентности в отношении тех или иных различий.

Обратимся теперь к анализу упомянутых ранее государственных программ формирования толерантности и попытаемся определить, каковы допущенные в процессе их разработки методологические ошибки, предопределившие их низкую эффективность.

Прежде всего, толерантность в рамках таких программ рассматривается как своеобразный идеал отношений между составляющими полиэтничное, поликультурное, поликонфессиональное общество индивидами, ставится в один ряд с понятиями уважения, признания, принятия. Концепция толерантности как морального блага, таким образом, оказывается ближе разработчикам таких программ, чем понимание ее в качестве (предпочтительной) социальной практики.

Целью рассматриваемых программ объявляется формирование межэтнической, межкультурной, межконфессиональной толерантности; разные «сферы» ее проявления, таким образом, упоминаются «через запятую», а граница между ними оказывается размытой. Формируется представление об этнических, культурных, конфессиональных различиях как о равным образом требующих толерантного отношения, а следовательно, об отторжении этих разных «типов» различий – как в равной степени объясни-

¹ См., например: Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», принята Постановлением Правительства РФ от 25 августа 2001 № 629. – URL: gov.cap.ru/HOME/13/gimn5/toller.doc (дата обращения 11.03.2015); Комплексная городская программа «Москва на пути к культуре мира», принята Постановлением Правительства Москвы от 19 ноября 2002 № 955, URL: https://www.mos.ru/documents/index.php?id_4=114067 (дата обращения 11.03.2015); Среднесрочная городская целевая программа «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия», принята Постановлением Правительства Москвы от 09 августа 2005 № 602-ПП. – URL: https://www.mos.ru/documents/index.php?id_4=126035 (дата обращения 11.03.2015); «Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге» на 2006–2010 годы, принята Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 11 июля 2006 года № 848. – URL: <http://gov.spb.ru/law?print&nd=8434717> (дата обращения 11.03.2015); «Программа гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге» на 2011–2015 годы, принята Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 23 сентября 2010 года № 1256. – URL: <http://gov.spb.ru/law?d&nd=891838553&prevDoc=822403529> (дата обращения 11.03.2015).

мом, обоснованном, оправданном. Так, легитимация неприязни в отношении этнических различий происходит здесь через само использование концепта «толерантность».

Неизбежный в рамках проблематики преодоления интолерантности вопрос: не стоит ли нам перестать *сдерживать* свое, кажущееся «законным», возмущение теми или иными различиями, но прекратить ими *возмущаться* – не ставится. Более того, значимость различий не проблематизируется, но систематически актуализируется. Поскольку ксенофобия воспринимается как следствие «культурной дистанции», барьера, разделяющего представителей отличающихся групп, или как результат недостатка у членов этих групп знаний о традиционной культуре друг друга, то в качестве главного инструмента формирования толерантности рассматривается «просвещение», понимаемое, в свою очередь, как информирование о традициях и обычаях тех или иных народов, регионов, стран.

Этнические, культурные, конфессиональные группы здесь предстают как неразделимые множества, в их структуре не выделяются представители разных гендерных, профессиональных, возрастных групп; социальные различия при этом нередко интерпретируются в терминах этничности, культуры, конфессии. Репрезентация социальных, экономических, политических противоречий как сложностей, связанных с «межэтническими, межкультурными, межконфессиональными отношениями», превращает

их в непреодолимые. Итогом становится фактический отказ от поиска решений институциональных проблем, в том числе – от попыток создания механизмов, позволяющих гарантировать соблюдение прав граждан вне зависимости от их групповой – этнической, культурной, конфессиональной – принадлежности.

Так замыкается порочный круг, в котором усилия по формированию толерантности оборачиваются (вос)производством логики современного расизма, а стремление к разрешению межэтнических, межкультурных, межконфессиональных противоречий приводит к искусственному их конструированию.

Литература

1. Общественное мнение – 2013. 2014. – М., 2014. – URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013> (дата обращения 20.02.2015). Таблица 17.16.
2. *Horton, J.* 1996. *Toleration as a Virtue* / J. Horton // *Toleration: An Elusive Virtue*. Ed. by D. Heyd. – Princeton: Princeton University Press. – P. 28–43.
3. *King, P.* *Toleration* / P. King. – London and Portland: Frank Cass, 1998.
4. *Nicholson, P.P.* *Toleration as a Moral Ideal* / P.P. Nicholson // *Aspects of Toleration*. Ed. By J. Horton and S. Mendus. – London ; N. Y.: Methuen, 1985. – P. 158–173.
5. *Raphael, D.D.* 1988. *The Intolerable* / D.D. Raphael // *Justifying Toleration: Conceptual and Historical Perspectives*. Ed. by S. Mendus. – Cambridge: Cambridge University Press. – P. 137–153.

Н.Д. Тотьянин
г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понимание политической культуры американскими учеными очень неоднозначно, однако почти всегда под термином «политическая культура» они понимают фундаментальные верования и предположения людей о том, какими должны быть политика, политики и граждане. Или, согласно определению, которое дал А. Пай, это «позиции, верования и мнения, которые определяют порядок и значение политического процесса и стоят в основе человеческого поведения и политической системы» [5, с. 218].

Дискутируя о содержании американской политической культуры, ученые признают, что одни политические верования укоренились в душах и умах американцев глубже, чем другие. К ним относятся следующие: народный суверенитет, обязанность участвовать в политике, индивидуальные права, индивидуализм, свобода, равенство, толерантность и патриотизм (или национализм). Эти ценностные ориентации и верования особенно сильно влияют на поведение американцев, их чаяния и оценки политики и политиков. Они также определяют границы многих политических альтернатив. Так, если политик нару-

шает какую-либо основную ценность, например, толерантность, то он не имеет шансов на получение народной поддержки. Необходимо также сказать, что сам принцип толерантности содержится во всех аспектах американской политической культуры, правда, в различной степени. Рассмотрим некоторые из них отдельно.

Особенно ярким атрибутом американской культуры является **индивидуализм**. Применительно к политике, многие исследователи считают индивидуализм базисной частью политической культуры граждан США. Это качество американцы проявляют в жизни везде и всюду, оно отражено в литературе и кино, и даже в языке американцев («я сделаю по-своему», «одинокий рейнджер», «нация робинзонов» и т.д.). Ценность отдельной личности, вера в ее силы и возможности получили отражение в произведениях талантливых литераторов и мыслителей прошлого: Ф. Купера, Г. Мелвилла, Г. Торо, Р. Эмерсона, У. Уитмена, Г. Менкена и др. Они критиковали конформистов и проповедовали принципы индивидуальной независимости, самостоятельности и духов-

ного развития. Из современных защитников и проповедников индивидуализма особенно хочется выделить Роберта Нисбета (1913–1996), которого интеллектуалы США часто называют «очень выдающимся, если не великим» неоконсервативным моралистом, социологом и политическим философом. Он, пожалуй, больше, чем кто-либо иной, повлиял на академические умы своей острейшей критикой господствующих, по его мнению, либеральных политиков, которые не понимают, каким должен быть индивид в современной Америке, а потому способствуют массовой моральной деградации. Нисбет считал, что современный гражданин США должен быть «просвещенным и образованным», а не «распущенным индивидуалом» или «гомункулусом», «целые орды которых все больше и больше заполняют страну» [4, с. 133].

Нисбет очень остро и аргументированно критиковал либералов за слишком вольную трактовку индивидуализма и толерантности. Их идеология и политика слабо препятствовали проникновению в общество различных видов личной зависимости, особенно от наркотиков, алкоголя и азартных игр. Толпы хиппи не хотели и слышать о пользе ограничений. Гомосексуалисты и лесбиянки были признаны «нормальными», и к ним стали относиться вполне терпимо.

И только когда в конце 1980-х гг. неудержимо стала расти эпидемия СПИДа, многие американцы начали осознавать, что индивидуализм имеет рамки, за которые нельзя выходить. На этот раз быстро и сильно прореагировали средства массовой информации, университеты и школы, а также ученые-обществоведы. Началась борьба за новое понимание индивидуализма. От привычного безразличия к образу жизни окружающих перешли к «установлению правильных взаимоотношений», «политической корректности», т.е. рамки толерантности для многих индивидов сузились.

В этих условиях под влиянием не только консерваторов, но и большей части либералов, государство стало более социально ответственным. Можно сказать, что неоконсерваторы, рассматривающие развитие духовной природы человека в качестве самой важной задачи политиков и склонные к меньшей толерантности, ограничению некоторых личных свобод, частично победили либералов. Отметим также, что индивидуализм в США, как и тесно связанная с ним толерантность, – это предмет непрекращающихся научных споров.

Равенство. Важнейшим условием сохранения и развития индивидуализма как основополагающего принципа межличностных отношений является равенство личностей. Этот принцип стал развиваться вместе с началом колонизации Северной Америки европейцами. Так, уже в Соглашении английских колонистов, заключенном на корабле «Мэйфлауэр» 11 ноября 1620 г., сказано: «Мы создадим и введем... справедливые и одинаковые для всех зон законы...» [2, с. 170]. В Декларации независимости говорится как о совершенно «очевидной истине», «что все люди сотворены равными» [3, с. 40]. А. де Токвиль отмечал: «У американцев имеется то огромное пре-

имущество, что они не добивались равенства, а были равными с рождения» [1, с. 375]. Хотя Токвиль и преувеличивал степень равенства американцев, а чернокожих рабов вообще игнорировал, он прав в том, что касается белых американцев: подобного примера политического равенства не знала история человечества до 30-х гг. XIX в., когда он писал свою книгу.

В мышлении американцев равенство и индивидуальные права тесно взаимосвязаны: если все люди равны, то они должны иметь одинаковые права, а для этого, конечно же, требуется очень высокий уровень толерантности граждан. Говоря о равенстве, американцы имеют в виду главным образом равенство политическое (а не экономическое и социальное), по которому граждане находятся в одинаковых условиях перед лицом закона. Особенно ярко политическое равенство выражено в избирательных правах.

В США считается, что политика привлечения всех граждан на выборы больше способствует экономическому и социальному прогрессу Америки, чем политика дискриминационных ограничений по отношению к части населения по расовому, религиозному, языковому, имущественному, образовательному признакам и т.д. Как известно, толерантность белых по отношению к афроамериканцам и другим «цветным» в США стала превалировать лишь в 60-е гг. XX века.

В связи со всем этим не будет лишним напомнить нашему читателю, особенно тому, который ждет резких перемен в стране с посттоталитарной политической культурой, что права личности и избирательное право в Соединенных Штатах не всегда были такими, а создавались на протяжении всей истории страны постепенно, и чаще всего небезболезненно.

Американцы в корне отвергают равенство экономическое и социальное, поэтому совершенно очевидно то, что и в области политической не может быть настоящего равенства, так как достигнуть политического успеха больше возможностей имеет тот, кто богаче и имеет более весомый статус в обществе. Однако абсолютное большинство американцев проявляет в этом отношении не просто толерантность, а даже защищают именно такое положение вещей, боясь того, что расширение социального и экономического равенства приведет к отрицательным последствиям для их благосостояния, как и для страны в целом. Американцы не верят в большую справедливость при большем равенстве, и это правильно. Равенство несет в себе несправедливость, прежде всего, для самых способных и талантливых.

При том, что в США свобода ценится выше, чем равенство, многие американцы считают необходимым наличие «равенства возможностей». Считается, что бедные сограждане должны иметь все необходимое для жизни, а дети из бедных семей – особенно, так как они должны иметь больше возможностей развиваться, чем взрослые. Правительство выделяет для бедных деньги, пищу, жилье, платит за образование, лечение и некоторые другие услуги. Все это делается для того, чтобы они имели шансы не только выжить, но и расти социально.

Американцы позволяют высказывать самые разные точки зрения, вплоть до тех, в которых выражается ненависть к их образу жизни. Однако, будучи достаточно терпимыми ко всякого рода чрезмерностям, на практике они чаще всего выступают против свободы для врагов свободы и против терпимости к врагам терпимости. В политике это выражается, например, в нетерпимости к террористам, нацистам и коммунистам, хотя фашистские и коммунистические организации существуют совершенно легально. Просто многие относятся к ним нетолерантно. Как индивидуализм, так и равенство, в полном их понимании, всегда содержат в себе толерантность.

Патриотизм. Граждане США очень патриотичны. Еще Токвиль писал: «Не надо говорить с американцем о Европе, в таком разговоре у него обычно проявляется предвзятость и глупая спесь. В этом отношении он довольствуется общими и неопределенными идеями, на которых строятся рассуждения невежд во всех странах. Но поговорите с ним о его собственной стране, и вы увидите, как сразу рассеется облако, которое заволакивало его ум: его язык станет таким же ясным, четким и точным, как и его мысль. Он расскажет вам о своих правах и о средствах, к которым он должен прибегать, чтобы ими пользоваться, объяснит, что определяет политическую жизнь в его стране. Вы увидите, что он знает правила управления и действия законов» [1, с. 230].

Американцы мало изменились с тех пор. Их патриотизм проявляется в том, что они чтят свою историю, гордятся своим особым национальным характером, источником политической власти в стране считают всю нацию в целом. Они рассматривают верность своему национальному государству, возможно, превыше всякой другой преданности, а также искренне считают, что глобальная гармония и свобода зависят больше от их народа, чем от какого-либо другого.

Надо признать, многое в их патриотизме правильно, и народ, развивая мощь своей страны, действительно, черпает силы в нем. Однако стоит заметить, что преследующие свои цели националистические лидеры США, опирающиеся в своей деятельности на огромную силу этой идеологии и зачастую видящие ее негативные стороны, явно недостаточно посвящают свой народ в знание ее отрицательных последствий. Р. Нисбет, например, вполне обоснованно видел «главное и частое отклонение в сознании американцев» именно в национализме и основанном на нем чувстве «особой миссии» Америки, в чрезмерном мессианстве. Он с сарказмом писал: «Опьяненный верой, что Бог хотел видеть его моральным учителем всего мира, наш гигант (США. – *H.T.*) ковыляет от народа к народу, везде демонстрируя то, что если Америка коснется чего – это становится святым» [4, с. 133]. Нисбет, подобно Токвилю, считает, что американцы зачастую плохо знают и понимают другие народы, их политическую культу-

ру и по этой причине зачастую гораздо менее толерантны, чем европейцы, по отношению к политическому строю других наций, стремясь мессиански их демократизировать по стандартам США. Самый убедительный пример – участие США в войне во Вьетнаме.

Миф о богоизбранности американского народа и его мессианской роли продолжает иметь большое значение для всех стран мира. В тех политических ситуациях, регионах и странах, где другие нации имеют только свои «интересы», американцы считают своим необходимым «долгом» или «обязанностью» вмешиваться и влиять на ход событий и т.д. В начале XXI века американцы явно вспомнили не только о той «самоочевидной истине», что Бог сотворил различные народы равными, но и о той, что он сотворил их очень разными. Политики, бизнесмены и высшие управляющие стали считать, что сегодня американцы должны быть «глобально грамотными», «чувствительными к иностранным культурам» и «умеющими говорить на разных языках» [6, с. 52]. Однако, например, до сих пор меньше половины школьников изучают иностранные языки, хотя их количество и объем часов на них в XXI веке значительно возросли, и имеется тенденция дальнейшего роста.

Аргументированная научная критика некоторых отрицательных сторон культуры США такими авторитетными мыслителями, как Нисбет, конечно, имеет какое-то влияние на политическое поведение американцев, хотя в корне ничего не меняет, ибо нет такой нации, которая могла бы резко отбросить складывавшиеся веками и прочно установившиеся верования, и народ США не является исключением.

Американский опыт становления толерантности показывает, что это долгий исторический путь. Это хорошо понимали еще «отцы-основатели» США и понимают те, кто стоит у власти сегодня. Они не считают, что толерантность и политическая культура в целом не воспроизводятся автоматически, а поэтому надо постоянно, много и серьезно учить людей этому, особое внимание уделяя политической социализации детей и молодежи.

Литература

1. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М., 1992.
2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. – М., 1984.
3. The Constitution of the United States and the Declaration of Independence. – Wash., 1991.
4. Nisbet, R. The Present Age: Progress and Anarchy in Modern America / R. Nisbet. – N.Y., 1989.
5. Pye, L. Political Culture. In: International Encyclopedia of the Social Sciences / L. Pye. – London, 1968. – Vol.12.
6. Wallis, C. and Steptoe S. How to Bring Our Schools Out of the 20th Century / C. Wallis // Time. – 2006. – December 18. – P. 50–56.

Д.В. Аронов

г. Орел

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНВЕРГЕНЦИИ

*Мудрый законодатель начинает не с издания законов,
а с изучения их пригодности для данного общества
Жан Жак Руссо*

В современном, как бы это банально ни звучало, стремительно меняющемся мире, представляется отметить ряд, как нам представляется, устойчивых тенденций общественного развития, в самом общем виде ставящих вопрос о возможности, а, может быть, и целесообразности придания самым разнообразным социальным регуляторам нормативно-обязательного характера. Типичным примером, на наш взгляд, может служить некритическое следование российского законодателя превратно понимаемой европейской традиции как в сфере заимствования институтов Болонской системы, так и в такой сфере, как ограничение потребления табачных изделий. Без учета национальных (ментальных) особенностей отечественного социума его пытаются ввести в рамки некоего усредненного (как правило, существующего лишь в некоей теории) общеевропейского тренда общественного развития. Именно в рамках данного процесса и получила развитие идея реализации принципа толерантности, понимаемой в самом общем виде как «социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям».

Увы, как показывает практика, политическая целесообразность зачастую ведет к тому, что действующие здесь правовые институты становятся не средством защиты прав и свобод индивида, а, скорее, орудием в политической борьбе в т.ч. и скорее, прежде всего, в борьбе на международной арене разнонаправленных политических сил. Типичным примером из истории международного права может служить история с таким принципом (императивной нормой) международного права, как принцип защиты прав и свобод человека. Этот конфликт в советское время описывался известным анекдотом, когда на обвинение американца в отсутствии в СССР прав и свобод человека советский человек отвечал привычным штампом о том, что у вас там – в США, негров вешают. Схожие процессы происходят сегодня и в связи с попытками ввести понятие толерантности в качестве едва ли не универсального критерия соответствия национальных норм права, правоприменительной практики, государственной

политики некоему высшему смыслу, понимание и толкование которого признается исключительной прерогативой западно-европейской и американской бюрократии.

Вопрос о взаимосвязи толерантности и институтов международного публичного права представляется более сложным уже в силу того, что международное (межгосударственное, межправительственное) право - это прежде всего результат соглашения между государствами. Соответственно, отсутствие наднационального законодателя, каковым ни в коей мере, несмотря на достаточно широкую распространенность данного тезиса в бытовом сознании, не является Организация Объединенных Наций и существующий в ее структуре Совет безопасности, не позволяет навязывать территориальным суверенам некие правила поведения, тем более выводимые из толкования терминов, имеющих среди прочих и этико-моральное содержание.

Можно говорить об использовании понятия «толерантность» в широком смысле как сущности, присущей международному праву в силу его происхождения из согласования воли государств, а также в узком смысле как критерия степени соответствия национального законодательства и межгосударственных соглашений высшему смыслу, определяемому ведущими акторами на геополитической арене.

В связи с этим нельзя не отметить, что значительная часть современного публичного международного права, т.н. «права эпохи ООН», изначально несет в себе фундаментальную основу, которая является ничем иным как обеспечением терпимости к иной самости. Термин толерантность используется в преамбуле Устава ООН. Прежде всего, это многие принципы международного права, которых в традиционной отечественной доктрине насчитывается десять, из них семь выводят из Устава ООН, а конкретизируются они в Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1975 г., а оставшиеся три сформулированы в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Существуют раз-

личные системы их классификации, но для настоящей статьи полагаем возможным абстрагироваться от этого аспекта проблемы, обратившись к их содержанию. В нем без особого труда можно увидеть базовую составляющую принципа толерантности. Начиная с типичного для послевоенных договоров закрепления принципа неприменения силы или угрозы силой, находящегося с ним в неразрывной взаимосвязи принципа мирного разрешения международных споров, и заканчивая принципом права наций и народов на самоопределение, вызывающим сегодня наибольшее количество споров в связи с толкованием о способах его реального воплощения. Естественно, в этом ряду стоят и такие принципы международного права как принцип уважения прав человека, к которому сегодня необоснованно сводят основные проблемы реализации идеи толерантности как регулятора различных типов отношений, в т.ч. и международных. Не в столь явном виде базовые концепты толерантности можно выявить в прочих принципах международного права.

Полагаем, что среди причин этой ситуации можно назвать как компромиссный характер международного права в целом, так и известную роль ООН, которой в послевоенном мире, в условиях уже начинавшегося конфликта между державами-победительницами, принадлежавшими к различным социально-политическим системам, отводилась роль дискуссионной площадки для снятия возникающих противоречий невоенным путем. Отметим, что семидесятилетний период отсутствия глобальных вооруженных конфликтов (с учетом фактора наличия у основных игроков ядерного оружия) говорит скорее в пользу сохранения ООН, чем признания целесообразности ее ликвидации.

Вместе с тем в настоящее время, когда в системе международных отношений объективно существует доминирование США, нормы международного права, равно как и ряд механизмов регулирования международных отношений в рамках системы ООН, нередко толкуются в зависимости от понимания акторами геополитических процессов их целесообразности.

Аналогичная ситуация складывается и с использованием понятия «толерантность» применительно к духу и букве современного международного права. Увы, но до сколько-нибудь приемлемого уровня беспристрастности здесь еще очень и очень далеко. Если попытаться описать сложившуюся ситуацию в форме каламбура, то получится нечто вроде «адепты толерантности внедряют ее в практику международного права самыми нетолерантными средствами» или «наиболее нетолерантны сторонники абсолютной толерантности». Под предлогом нетолерантности того или иного национального нормативного акта, международного соглашения и даже ме-

ждународного действия последние могут быть объявлены недействительными, неправовыми и послужить предлогом для введения санкций вне рамок санкционного механизма ООН. Вполне конкретным примером выступает ситуация, связанная с празднованием 70-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне, когда целый ряд руководителей стран Европы отказались приехать на это мероприятие, обосновывая это обвинением России в нарушении принципов международного права. Примером может служить и эпизод, связанный с заявлением посла США в Чехии о нецелесообразности поездки в Москву Президента Чешской республики именно под предлогом, что это нетолерантно в отношении единой политики Европы и США в отношении России.

Специфическим примером может служить и обвинение России, как государства, в нетолерантности по отношению к степени свободы пропаганды нетрадиционных типов сексуальной ориентации. Основания, проистекающие из ссылок на специфику национальной истории, ментальности, отвергались ссылками на примат общих прав и свобод человека.

Соответственно, представляется возможным говорить о том, что проблема теоретического плана, связанная с исключительной сложностью придания общеобязывающей регулятивной силы морально-этическому регулятору, такому как толерантность, отходит на задний план в связи с четко выраженной тенденцией его использования в политической борьбе, причиной которой является раскол современного мира на противостоящие друг другу группировки. По сути, попытка использования толерантности как некоего универсального критерия в международном праве и международных отношениях представляет собой ни что иное, как еще одну попытку протолкнуть в систему международных отношений принцип верховенства норм международного права (причем не общепринятых и общеобязательных – т.е. императивных) над национальным в качестве средства воздействия на государства как территориальных суверенов. Нередко приходится иметь дело и с попытками распространения норм национального законодательства за пределы государственной территории (речь не идет об общепризнанных нормах применения института экстерриториальной юрисдикции).

Вместе с тем нельзя не отметить, что международное публичное право эпохи ООН, основанное на признании принципа формально-юридического равенства государств и системе послевоенных принципов построения его институтов, имеет в своей основе именно согласование воли государств как непосредственно, так и через механизм международных организаций как источник возникновения его норм, в т.ч. и императивных. Таким образом, по

большому счету международное публичное право толерантно по своей сущности как право договорное, а не проистекающее сверху от правосоздающего субъекта. Однако сегодня толерантность в международном праве – это, скорее, второе переиздание истории, которая уже произошла во второй половине XX в. с институтом прав человека – вековой мечтой либералов, воплощенной как в Декларации прав и свобод человека (1948), так и нормативно обязывающих Пактов о гражданских и политических правах и о социально-экономических и культурных правах. Практика отношения между ведущими мировыми державами превратила его в разменную монету в идеологической борьбе. Поэтому наиболее корректным представляется вывод о том, что нормативное закрепление принципа толерантности в современном международном праве представляется и явно преждевременным, и нецелесообразным.

Литература

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право: Сб. док-в. Т. 1. – М., 1996. – С. 2–8.
2. Международное право : учебник / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М., 2011.
3. Устав ООН // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

В.А. Андрущук
г. Череповец

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Переход к новому этапу исторического развития в России вызвал к жизни радикальные преобразования, привел к смене ценностных ориентаций и предпочтений. Справедливость, подразумевавшая социальное равенство и занимавшая одно из центральных мест в социалистической идеологии, на некоторое время была вытеснена на обочину общественного прогресса. Образовавшуюся нишу не смогли заполнить никакие иные ценности. Однако по прошествии очень небольшого по историческим меркам времени справедливость вновь востребована как один из самых оптимальных показателей приемлемости проводимых преобразований по отношению и к человеку, и к социуму в целом.

Во-первых, справедливость, считающаяся в классическом варианте высшей ценностью права, рассматривается как уравнивающая, распределяющая, воздающая. Во-вторых, справедливость, непосредственно связанная с правом, концептуально воспринимается как многосторонняя, многофункциональная, многоцелевая общественная категория. В методологическом плане она может быть представлена следующим образом.

Справедливость представляет собой совокупность общеправовых принципов справедливости, юридического равенства, закрепленных Конституцией. Они обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав граждан, их отраслевых прав, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений.

Справедливость – это совокупность законодательно закрепленных норм, призванных защитить

конституционные права и свободы человека; это мера общественной пользы норм и законов, устанавливающих и поддерживающих такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и прогрессивному развитию общества.

Справедливость – понятие, определяющее, как должно быть организовано общественное распределение с точки зрения наилучшего функционирования общества; социальной кооперации; самореализации индивидов. Справедливость – это право на достойную жизнь.

Справедливость – справедливое публичное судопроизводство, осуществляемое независимым и беспристрастным судом.

Естественно, этот перечень намного шире. С одной стороны, он не исчерпывает всей многогранности категории социальной справедливости, с другой, – требует более четкой и одновременно более полной, обобщенной ее формулировки.

С учетом вышеизложенного представляется (если не полным, то достаточно конструктивным) следующее определение справедливости. Справедливость есть совокупность универсальных принципов, определяющих право граждан на общественное устройство, отвечающее стремлению к социальному идеалу и обеспечивающее всем гражданам юридическое равенство и политические свободы, высокое качество жизни, возможность самореализации, социальное партнерство.

Эта формулировка возвращает к мысли, известной еще с древности, что не может существовать знания о праве, если не раскрывать его связь со справедливостью. Модель взаимодействия права и

справедливости позволяет отдельной личности вписаться в общество, чувствовать себя гражданином. Право в этой конструкции дает нормативную меру справедливости, придавая ей свойства законности, обязательности и всеобщности, а справедливость контролирует осуществление определенных требований, предъявляемых с точки зрения установившихся оптимальных общественных критериев. Справедливость представляет собой высшую цель права, вместе они регулируют общественные отношения.

Справедливость предъявляет к праву определенные требования, которые должны найти свое выражение в самом праве; устанавливает границы допустимых отклонений в праве, нарушение которых приводит к распаду правового соответствия, извращению сущности самого права; обладает непосредственным регулятивным действием, когда право расходится с изменившейся социальной действительностью и оказывается неспособным регулировать общественные отношения, тогда конкретные случаи решаются в соответствии с принципами справедливости и по совести.

Еще в системе римского права содержались правила, позволяющие судье при неполноте и несовершенстве законов руководствоваться справедливостью. В Англии, например, эта возможность институционализирована в специальном самостоятельном Суде справедливости. Следовательно, справедливость может действовать не только через правовые нормы в качестве права, но и вместо права.

Между правом и справедливостью всегда существует определенная дистанция. Право не может достичь полной справедливости в ее общечеловеческом содержании. В свою очередь, справедливость не всегда осуществляется. Поэтому иногда оказывается, что формально справедливое с точки зрения права решение, может оказаться несправедливым как с позиции морали, так и с позиции социальных отношений и правил справедливого поведения. Последние, как свидетельствует история, развиваются непрерывно и передаются из поколения в поколение. Практически большинство правил справедливого поведения несут негативный отпечаток, они представляют собой общие запреты на несправедливое поведение.

Дистанция между правом и справедливостью способствует усилению значения справедливости как высшей цели, к которой право должно стремиться. Оба явления, с одной стороны, связаны, а с другой, в определенной степени самостоятельны. Справедливость распространяется и на другие регуляторы общественных отношений, далеко выходящие за рамки права. Иными словами, справедливость смягчает формализм права и абстрактность содержащегося в нем равенства, потому что применяемые правовые нормы обращены непосредственно к реальному индивиду и к конкретным условиям, в которые он поставлен.

Следовательно, справедливость приближает правовую форму к социальной реальности и способствует установлению объективной истины и принятию сбалансированного решения в зависимости от кон-

кретных обстоятельств. Справедливость требует, чтобы проистекающие из права преимущества или ограничения в распределении социальных благ были объективно оправданы, правильны и соразмерны.

В связи с этим представляется, что, руководствуясь критерием справедливости, право будет отдавать свои предпочтения нуждающимся и слабым. Чтобы достичь справедливости, необходимо осуществить два подхода. Во-первых, равенство, когда оно обладает положительным содержанием, и это хорошо для всех; во-вторых, неравенство, когда оно использует компенсаторные возможности, адресованные общностям и индивидам, социально ущемленным в результате противоречий самого общества.

Справедливость как общественный принцип всегда социальна. Как универсальный принцип общества социальная справедливость находится «над правом». Однако справедливость бессильна без права, потому что право через законы делает возможной реализацию социальной справедливости.

Среди основополагающих для достижения справедливости условий и факторов следует выделить справедливую деятельность власти. Для этого власть должна ставить справедливые и понятные людям цели и добиваться их справедливыми гласными методами. К сожалению, сегодня мы имеем во многом обратную картину, так как нынешняя власть руководствуется крайне правой либеральной идеологией, которая не только уводит страну от справедливости, она чужда подавляющему большинству россиян и интересам России в целом.

России необходим справедливый социально-экономический курс, в центре которого Человек, его интересы и проблемы. В основе этого курса лежит решение ключевых проблем собственности и ее приватизации, бюджета и государственных денежных накоплений, налогов и социальной сферы, всех других вопросов обеспечения достойной жизни россиян.

Таким образом, справедливость приобретает фундаментальное значение в праве и в качестве метода толкования, потому что оно является необходимой предпосылкой для реализации правовых норм. Право, как и общество, не может претендовать на справедливость, если оно не распространяется на каждого человека. Правовые нормы должны быть сформированы так, чтобы они могли с разных точек зрения рассматриваться одновременно как законы принуждения и как законы свободы. Государство должно обеспечить, с одной стороны, легитимность поведения в смысле соблюдения норм, в том числе посредством санкций, а с другой, – соответствие справедливости самих этих норм.

Литература

1. *Львов, Д.С.* Справедливость и духовный мир человека / Д.С. Львов // Политический журнал. – 2007. – №7.
2. *Нерсесянц, В.С.* Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости / В.С. Нерсесянц // Социологические исследования. – 2001. – №10.
3. *Семигин, Г.Ю.* Российские политико-правовые доктрины / Г.Ю. Семигин. – М., 2005.

Культурно-философские аспекты толерантности

А.А. Исаков
г. Арзамас

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МОРАЛИ

Категорией толерантности современная цивилизация обязана эпохе Просвещения – этот факт достаточно очевиден, поскольку не только традиционное, но и переходное к нововременному общество предполагало крайне низкую вариативность социальной нормы. Если современный человек в массе считает нормой религиозность вообще, то человек, живший до эпохи Просвещения, мог считать нормой лишь одну, совершенно определенную религиозность. Сейчас оппозиционер не считается предателем, для традиционного общества оппозиция – это измена. Толерантность по сути своей, если подыскивать ей социально-философское определение, – это институт, расширяющий границы социальной нормы, институт, предупреждающий их чрезмерное сужение, и как следствие – неоправданное применение санкционированного насилия. При этом нужно помнить, что ни в каком обществе не может быть абсолютной толерантности – социальная норма не может не иметь границ.

Философское и правовое обоснование категории толерантности впервые было дано Джоном Локком, одним из зачинателей идеологии Просвещения. В «Опыте веротерпимости» Локк впервые формулирует подход, согласно которому толерантность в области религии рассматривается как выгодная для общества в целом и каждого индивида в отдельности. Однако обоснование этого тезиса специфично. Прежде всего, Локк утверждает, что только религия может быть предметом абсолютной терпимости. Основание для этого он видит не только в избавлении общества от лишних конфликтов. Основных причины две: 1) человек не имеет власти над тем, что касается загробной жизни, следовательно, он не может эту власть никому передать, как передал политическую власть над собой правителю; 2) соответственно, заставив гражданина сменить веру, правитель может причинить ему ущерб в загробной жизни, но ни по какому суду он не сможет его возместить [3, с. 67–68]. Тем самым, попытка государства определять единственно допустимую религию для подданных противоречит, во-первых, договорной природе

власти, и, во-вторых, принципу ее ответственности перед гражданами. Однако этот вполне рациональный смысл основан на принципиальном допущении истинности и необходимости религии, причем религии христианской. Локк еще не задумывается о терпимости в отношении восточных религий или атеизма. Поэтому он и отличает толерантность в области религии от толерантности в области политики – в последней она должна иметь границы, хотя и не те, к которым обычно прибегает власть, – но на самом деле просто еще не выходит за аналогичные рамки в религиозной сфере. Локк считает религию делом настолько частным, что вмешательство в него способно повредить делу общему. Поэтому религия не может быть предметом надындивидуального регулирования, будь то право или мораль.

Мысль о внеморальности религии, о невозможности как-то влиять из внерелигиозной сферы на религиозность человека стала стандартной для эпохи Просвещения. Но ее развитие Локком оказалось не единственно возможным. Для П. Гольбаха и И. Канта проблема оставалась все той же: совпадают ли цели религии с целями общества? Новация Гольбаха заключается в том, что он добавляет на доску религиозной терпимости еще одну фигуру – атеиста. Его принципиальная позиция – признание тотального несоответствия религии и морали, целей и ценностей религии и общества. При этом Гольбах ведет себя как настоящий естествоиспытатель. Полагая, что «истинной морали не свойственно меняться» [1, с. 42], он выбирает индуктивный метод и демонстрирует: поведение индивидов, олицетворяющих религию, невозможно признать моральным, ergo религия неморальна и внеморальна. Естественно, встает вопрос о критерии соответствия, и ответ на него звучит так: «...нам надлежит в первую очередь разобраться, действительно ли соответствует поведение тех, кого церковь называет святыми и ставит нам в пример, божественным совершенствам и благодетельным целям проведения, – другими словами, является ли их поведение мудрым, справедливым, выгодным для общества. Во-вторых, надо посмотреть, было ли это поведение выгодно для самих святых, т.е. соответст-

вовало ли их поведение видам провидения, озабоченного благосостоянием и сохранением своих творений» [1, с. 30]. В этой цитате, конечно, дает знать себя буржуа, озабоченный сохранностью своей жизни и собственности, но если рассматривать предъявленное Гольбахом к морали требование служить сохранению жизни человека, нельзя не согласиться с тем, что это и есть необходимый моральный минимум. Интересно, что, как и Локк, Гольбах ссылается на провидение. Но в манере Гольбаха это уже не столько серьезное отношение к религии, сколько контрастирующий прием, способ сопоставить рядом «благодетельность» провидения и суровую реальность религиозных норм поведения. В целом Гольбах здесь скорее гуманист, чем прагматик, поскольку для прагматика признание неморальной природы религии не равноценно ее осуждению.

Развивая этот метод, Гольбах приходит к своему центральному тезису: религиозная мораль – это всегда двойная мораль, доходящая до того, что «...для оправдания святых, которые должны служить образцом, христианство клеветает на своего бога» [1, с. 33]. Религиозная сфера предстает взгляду Гольбаха как поле, разделенное разными конфессиями, монашескими корпорациями с целью наживы. Это утрированная картина для XVIII века, но верная для современной ситуации «рынка религиозных услуг». Заметим, что на этом рынке нет места для атеиста, а следовательно, – и для терпимости к атеисту. Хотя сам Гольбах неоднократно подчеркивает нетерпимость верующих по отношению друг к другу, очевидно, что относительно мирное сосуществование возможно между торговцами в храме, но невозможно для того, кто отрицает саму возможность храмовой торговли. Атеизм Гольбаха легко обвинить в нетерпимости ко всякой религии, но на самом деле она светит отраженным светом нетерпимости всякой религии к атеизму.

Кантовская концепция морали также оказывается неспособной вместить в себя неверие. Кант почти во всем – антипод Гольбаха. Прежде всего, это касается применяемого метода. Вместо индукции мы имеем дело с философской спекуляцией, во многом наследующей античной и схоластической традиции. Положение «есть Бог» Кант доказывает в примечании к «Религии в пределах только разума», но в нем хорошо видна природа кантовского сближения морали и религии. Самое интересное, что, как и Гольбах, он прибегает к телеономии, причем так же понимает ее в гуманистическом ключе. Но вслед за схоластами он утверждает наличие конечной цели, цели целей, которая и должна быть Богом. Характеризуя поведение человека, Кант справедливо указывает на его целенаправленный характер, а также на то, что человеку свойственно стремиться к отождествлению с целью: «В этой цели, хотя бы ее ставил перед ним один только разум, человек ищет что-то такое, что он может любить». Однако из опыта мы знаем, что достичь такого отождествления с целью нелегко, поэтому «для того, чтобы привести счастье в мире в полное согласие с достоинством быть счастливым, необходимо признать всемогущее моральное существо как владыку мира, промыслом которого это и совершается, т.е. мораль неизбежно ведет к религии»

[2, с. 264, 265]. Кант здесь на самом деле проговаривается. Первоначально провозгласив основанием совпадения морали с религией счастье как цель человеческой жизни, само существование бога, а значит, и основание религии, выводится им из факта наличия в мире несчастья. По сути дела кантовская мораль в данном случае действительно оказывается глубоко христианской, так как она основана на принятии страданий, а фактически – социального зла. Для Гольбаха страдания отвратительны, Канту они говорят о Боге.

Самое удивительно заключается в том, что концепции Гольбаха и Канта оказались синтезируемы. Людвиг Фейербах в «Сущности христианства» провозгласил неразрывность морали и религии и их глубокую противоположность этапами одного диалектического процесса – осознания человеком своей истинной сущности. Как и все вышеупомянутые мыслители, Фейербах почти не выходит за пределы христианской ойкумены, для него сущность религии вообще воплощена в христианстве. Истина христианства в том, что оно обращается к человеческой сущности. Однако, провозгласив конечного человека бесконечным существом, а бесконечный мир – конечным, оно пошло на подмену реальности фантазией, мысли – чувством. Истинные ценности, которые поначалу несло в себе христианство, оказались извращены, оторваны от человека и приписаны Богу [4, с. 144]. Канта сменяет Гольбах, атеистическая тенденция просветительства прорастает сквозь диалектику немецкой классической философии. При этом Фейербах в высшей степени толерантен. Он поднимает бунт не против религии, а против искаженной ее теологии, даже имени атеиста к себе он не применяет, поскольку неизбежным выводом из наличия существующего в обществе атеизма считает отрицание морали [4, с. 51–52].

Тем самым для Гольбаха и Фейербаха атеист – не игрок на поле религии, а Локк и Кант просто не рассматривают атеизм как альтернативу религии в вопросах веротерпимости. Это свидетельствует о существенном теоретическом изъяне, присущем просветительской концепции толерантности: будучи абсолютной в области религии, она может быть распространена лишь на тех, кто религию принимает. Отчасти это объясняет трудности с признанием права человека на свободу совести в форме отказа от религии: здесь изначально не закладывалось такой степени свободы. С другой стороны, подобное положение вещей подтверждает тот факт, что толерантность как институт постоянно способствует расширению границ социальной нормы. Другое дело, что это болезненный и, возможно, обратимый процесс.

Литература

1. *Гольбах, П.* Галерея святых / П. Гольбах. – М., 1937.
2. *Кант, И.* Религия в пределах только разума / И. Кант // Кант И. Трактаты. – СПб., 2006. – С. 259–424.
3. *Локк, Дж.* Опыт веротерпимости / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М., 1988. – С. 66–90.
4. *Фейербах, Л.* Сущность христианства / Л. Фейербах. – М., 1965.

Д. Амброзьяк
г. Ополе (Польша)

КУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ЖЕНСКОГО ОТЛИЧИЯ В РОССИИ XIX ВЕКА И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Основой толерантности, понимаемой как терпимость, доброжелательность по отношению к другим людям, их чувствам, поступкам, свободе жизненного выбора, является категория «отличия» («различия»). Именно благодаря толерантности существует «отличие», и поэтому в общественной жизни терпимость необходима. Исследователи утверждают, что толерантность связана не только с существованием «отличия», но и с уважением к нему [15, с. 10]. Как толерантность, так и нетолерантность непосредственно связаны с определенным поведением личности по отношению к «отличию» [13, с. 35].

Вопросом толерантности занимаются исследователи различных научных дисциплин. Ученых интересует прежде всего проявление терпимости на разных этапах развития общества. Чаще всего они рассматривают проблему толерантности с точки зрения ее существования в современном мире, но при изучении этой темы важен также и исторический подход. В XIX столетии в России господствовал патриархальный строй, вводивший в жизнь тогдашних женщин много ограничений, связанных с их участием в разных сферах жизни. Представительницы прекрасного пола не могли самостоятельно принимать решения относительно своего будущего, свободно выбирать жизненный путь. Как пишет исследовательница русской культуры Анна Белова, «(...) с точки зрения земного существования жизни многих из них [дворянок – Д.А.] сложились бы иначе и самоощущения были бы другими, если бы они были вольны всего-навсего сами принимать решения, делать собственный выбор, реализовать альтернативные модели поведения, а не следовать нормативным социокультурным предписаниям, представлениям о „должном“» [3, с. 8].

Несмотря на то, что в первой половине XIX века женщины не могли самостоятельно выбирать свою судьбу, образ жизни, способ образования, не могли свободно участвовать в культурной, научной, общественной и профессиональной жизни, среди них встречаются и такие, которые сопротивлялись общепринятым правилам поведения. Они мужественно и смело требовали толерантности для своих стремлений, образа жизни, взглядов.

Русское общество недоброжелательно относилось к тем женщинам, которые намеревались участвовать в сферах жизни, непосредственно не связанных с семейной жизнью и бытом. Многие считали, что они прежде всего должны выполнять призвание быть женой, матерью. Поэтому какие-либо проявления их активности в области науки, литературы или общественной деятельности не одобрялись. Ирина Савкина, анализируя высказывания русских критиков того

времени об участии женщин в литературе, пишет: «Ее [т.е. женщины – Д.А.] творческое начало может быть направлено на самое себя (творить из себя идеальную дочь, невесту, жену и мать) или изливаться в кругу семейства. <...> Женское писательство может существовать как саморефлексия, как фиксация ощущений, впечатлений и фантазий собственной души – но не может и не должно выходить в публичность, во внешние сферы, где происходит борьба за пространство и власть» [6, с. 46].

Кроме того, в аристократических кругах считалось, что литературная деятельность причиняет ущерб репутации молодой незамужней женщины и поэтому девушек отговаривали от такого вида деятельности. Примером тому является отношение близких Евдокии Ростопчиной к ее поэтическому дебюту в журнале «Северные цветы». Семья начинающей поэтессы восприняла это событие как скандал, который может, как считалось, угрожать ее будущей жизни. С этого момента и до самого венчания она писала только для своего удовольствия, для себя. После ее замужества все изменилось, тогда уже Ростопчина могла свободно развивать свою литературную деятельность. Она публиковала стихотворения в журналах («Московский наблюдатель», «Современник») и без всяких препятствий участвовала в литературных салонах (Екатерины Карамзиной, Василия Жуковского, Владимира Одоевского). Кроме того, Е. Ростопчина сама стала хозяйкой салона, а среди ее гостей были Александр Пушкин, Василий Жуковский, Петр Вяземский, Иван Крылов, Николай Гоголь [10, с. 72–73].

Сложность положения, в котором находились тогда женщины, подчеркивает также исследователь литературного творчества женщин в XIX столетии Михаил Файнштейн, изучавший, в частности, вопрос творческого пути писательниц пушкинской эпохи. Он замечает: «Груден был путь русской женщины в литературу. В России недоброжелательно относились к любым проявлениям социальной активности „слабого пола“, особенно в литературе. Этот взгляд разделяли и многие лучшие люди того времени. „Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью“, – писал в начале своей деятельности В.Г. Белинский, будущий страстный ревнитель женского равноправия» [7, с. 3]. Приведенные высказывания свидетельствуют о нетолерантности по отношению к женщинам, желающим заняться литературной деятельностью, а также доказывают отсутствие согласия на «отличие».

Нетолерантность по отношению к женщинам, участвующим в литературной жизни первой половины XIX века, проявлялась по-разному. К писатель-

ницам общество в основном относилось с пренебрежением, оно серьезно не воспринимало активность „слабого пола”, кроме того, время от времени такие женщины вызывали у них даже жалость. Эту проблему заметил уже Иван Киреевский, который писал: «<...> давно ли с этим словом „писательница” соединялись самые неприятные понятия: пальцы в чернилах, педанство в уме и типография в сердце!» [цит. по: 2, с. 8]. Одновременно критик утверждал, что отношение русского общества к писательницам постепенно менялось, но в основном это касалось молодого поколения, потому что пожилые люди относились к существованию женщин в литературе все еще недоброжелательно. «<...> название Литератора стало уже не странностью, но украшением женщины: оно во мнении общественном подымает ее в другую сферу, отличную от обыкновенной, так, что воображение наше создает вокруг нее другое небо, другой воздух, и ярче и теплее, чем ваш Одесский... впрочем, я говорю здесь только о новом поколении и частию о среднем: в старом поколении, которое привыкло видеть в женщине полуигрушку, – предрассудок против писательниц еще во всей силе. Он задавил, может быть, не один талант, обещавший новую красоту нашей литературе и, может быть, новую славу, – кто знает? Вследствие этого предрассудка большая часть наших дам-поэтов пишет мало и либо совсем не печатает, либо печатает без имени. Исключений немного» [цит. по: 2, с. 8].

Начинающие писательницы знали о нетолерантности к их творческой деятельности и из-за этого уклонялись от раскрытия своей настоящей фамилии перед читателями. Поэтому обычно в начале своего творческого пути чаще всего они пользовались псевдонимами, порой указывающими на мужской пол автора-писателя. Под вымышленным именем скрывалась, между прочим, и Евдокия Ростопчина, подписывающая свои стихотворения: Д...а (Додо Сушкова), или Р-на, а также Надежда Дурова — «кавалерист-Девница», употреблявшая псевдоним Александров [10, с. 41, 72–73, 96]. Так же поступали и другие писательницы того времени (например, связанные с журналом «Библиотека для чтения», издаваемым ученым, популярным беллетристом и публицистом Иосифом Сенковским). К этому кругу принадлежали Елизавета Шахова, Надежда Терюхина, Елена Ган, Мария Даргомыжская, Мария Падерная, Евпраксия Годовниченкова, Варвара Макшеева, Евгения Майкова [8, с. 101]. Скрывая свои настоящие фамилии, они хотели защитить себя от несправедливых оценок своего творчества со стороны критиков, писателей и читателей старшего поколения, относившихся к ним отрицательно, а иногда даже и враждебно. Можно заметить, что под псевдонимами женщины скрывали также свою неуверенность в себе и низкую самооценку, свойственную начинающим авторам.

С такой точки зрения можно также рассматривать распространенное в то время явление – помощь, оказываемую женщинам в начале их литературной деятельности. Обычно они вступали в литературу при профессиональной поддержке мужчин-писателей. Известно, что Надежде Дуровой покровительствовал

Александр Пушкин, Елене Ган – Иосиф Сенковский, а Елизавете Шаховой – Владимир Бенедиктов [8, с. 102]. Идеей этого своеобразного почетного покровительства была помощь будущим писательницам в карьере. Кроме того, это также один из способов выразить одобрение в случае часто проявляющейся нетолерантности по отношению к их деятельности.

В русском культурном пространстве XIX века встречаются также женщины, которые пробовали свои силы на научном поприще. Однако из-за многих ограничений, введенных в общество патриархальной системой, только немногим из них удалось осуществить планы и мечты, связанные с получением образования и с научной работой. В тогдашнем обществе господствовало убеждение, что женщина должна прежде всего знать, как организовать жизнь в семье, воспитывать детей, вести салонные разговоры. На такой подход русского общества к „слабому полу” обращают внимание некоторые исследователи истории жизни русской женщины, которые замечают, что «высочайшая культура — не знание математики или физики, но умение вести себя, понимание людей и уважение к ним, такт, способность поддерживать разговор, быть красивой, при этом остаться достойной хозяйкой и матерью, уметь осмысленно организовать свою жизнь» [5, с. 109].

Хотя во второй половине XIX века появились новые тенденции, являющиеся отражением более широкого, либерального взгляда на роль женщины в обществе, однако многие сферы жизни все-таки остались для них недоступными. Например, молодые незамужние женщины не могли тогда самостоятельно принимать решение насчет своей будущей жизни или получить университетское образование. Показательна в этом отношении сложная биография ученого-математика, талантливой писательницы, мемуаристки Софьи Ковалевской. Благодаря своим исключительным способностям, огромному трудолюбию, мужеству и стойкости она добила своей цели – окончила университет и даже вела исследования. На основе научных достижений в 1874 г. Софье Ковалевской, как первой женщине в Геттингенском университете, присвоено ученое звание доктора философии, а девять лет спустя она была назначена профессором математики Стокгольмского университета, кроме того, стала еще членом-корреспондентом Российской академии наук [14, с. 94], [12, с. 9, 18–23], [1]. Однако ее путь к успеху тернист и труден. Так как родители Софьи сопротивлялись ее желанию учиться в университете, она решила вступить в фиктивный брак, стать независимой от них и свободно реализовать свои планы. Конечно, в те годы такое поведение молодой девушки не было новым явлением. Исследователи пишут, что «фиктивные браки казались для многих выходом из неразрешимой ситуации. В фиктивные браки вступали многие девушки, впрочем, приходившие иногда к совершенно неожиданным результатам» [5, с. 159]. С того времени Ковалевская должна была постоянно жить за границей (Германия, Швеция, Франция), потому что в России не получила разрешения на работу по своей квалификации. Кстати, надо сказать, что представители власти действовали в соответствии с законом,

потому что, как известно, «(...) по законам Российской империи женщина могла преподавать математику только в начальных классах гимназии. (...) Софье Васильевне не разрешали преподавать даже на Высших женских курсах» [4].

Как своеобразный культурный феномен мы можем также рассматривать деятельность женщин-декабристок, которые своим исключительным поведением и мужественностью отличались от других благородных девиц того времени. Благодаря ответственности, высоким нравственным качествам и героизму они были способны, как считает Юрий Лотман, на такое действие, на какое не осмелились бы даже многие мужчины [11, с. 62]. Эти дворянки, аристократки, жертвуя собой, молодостью, общественным положением, будущим детей, решились уехать в Сибирь, чтобы поддерживать своих мужей, помогать им в самое тяжелое для них время. В числе женщин, которые пошли на каторгу за ссыльными, были Мария Волконская, Александра Муравьева, Елизавета Нарышкина, Александра Ентальцева, Наталия Фонвизина, Екатерина Трубецкая, Полина Анненкова (Geuble). Свои переживания, связанные с жизнью в ссылке, декабристки представили в воспоминаниях, которые чаще всего писали после возвращения из Сибири, на склоне лет. Автором одних из таких мемуаров является жена князя Сергея Волконского, – Мария. В записках она подчеркивает благородные поступки и добрый характер своих подруг, которые не только морально поддерживали ссыльных, тяжело физически работали, но даже помогали им в установлении контактов с близкими в России [9, с. 15, 19].

В России XIX века, в патриархальном обществе, в атмосфере нетолерантности для «отличия», иного мнения, для поведения, отличающегося от закрепленного традицией, жили мужественные женщины, которые ярко выделялись на фоне тогдашнего общества. Сила их характера, решительность, талант, трудолюбие, способность сопротивляться ограничениям, введенным патриархальной системой, помогли им с успехом осуществлять мечты и жизненные планы. Благодаря умению женщин не подчиняться господствующим традиционным образцам жизни, их поведение можно определить как своеобразный феномен культуры. Эти представительницы прекрасного пола своей деятельностью прокладывали дорогу к толерантности прежде всего по отношению к женщинам, к разным типам женского «отличия» того времени. Они боролись за право на свободный выбор образа жизни, способа мышления и, как оказалось в

будущем, внесли свой особый вклад в развитие женской эмансипации в России.

Литература

1. Агамова, Н.С. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) / Н.С. Агамова, А.Г. Аллахвердян. – URL: [http:// ihst.ru/projects/sohist/papers/ag-a101v.htm](http://ihst.ru/projects/sohist/papers/ag-a101v.htm) (дата обращения 07.05.2014).
2. Банников, Н.В. От составителя / Н.В. Банников // Русские поэтессы XIX века. – М., 1979.
3. Белова, А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. / А.В. Белова. – СПб., 2010.
4. Виленкин, Н.Я. Софья Васильевна Ковалевская (к 125-летию со дня рождения) / Н.Я. Виленкин, В.П. Лишевский // Квант. – 1975. – №3.
5. Пономарева, В.В. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад XVIII — начало XX века / В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. – М., 2009.
6. Савкина, И. «Поэзия — опасный дар для девы». Критическая рецепция женской литературы и женщины-писательницы в России первой половины XIX века / И. Савкина // *Piorem i wdziękiem. Kobiety w panteonie literatury rosyjskiej* / ред. W. Laszczak, D. Ambroziak. – Opole, 1999.
7. Файнштейн, М. Писательницы пушкинской поры / М. Файнштейн. – Л., 1989.
8. Ambroziak, D. «Každy baron ma swoj fantazję». Józef Sękowski: Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru / D. Ambroziak. – Opole, 2007.
9. Ambroziak, D. Życie na syberyjskim zesłaniu w świetle *Pamiętnika Marii Wołkońskiej* / D. Ambroziak // *Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 21* / ред. H. Mazurek, B. Pawletko. – Katowice, 2011.
10. Laszczak, W. Twórczość literacka kobiet w Rosji pierwszej połowy XIX wieku / W. Laszczak. – Opole, 1993.
11. Lotman, J. Rosja i znaki. Kultura szlachecka w wieku XVIII i na początku XIX. Przekład i posłowie B. Żyłko / J. Lotman. – Gdańsk, 2010.
12. Połubarinowa-Koczina, P. Zofia Kowalewska wielki matematyk rosyjski / P. Połubarinowa-Koczina; пер. J. Grylak. – Katowice, 1951.
13. Ratajczak, Z. O przyczynach nietolerancji / Z. Ratajczak // *Edukacja aksjologiczna* / t. 3 / O tolerancji ; ред. K. Olbrycht. – Katowice, 1995.
14. Sobczyńska, D. Miejsce kobiet w naukach fizykochemicznych i technice. Historia i współczesność / D. Sobczyńska // *Humanistyka i pleć II. Kobiety w poznaniu naukowym wczoraj i dziś* / ред. E. Pakszys, D. Sobczyńska. – Poznań, 1997.
15. Walzer, M. O tolerancji / M. Walzer. – Warszawa, 1999.

А.В. Седов
г. Череповец

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В «РОЗЕ МИРА» Д. АНДРЕЕВА

В настоящее время толерантность рассматривается как культурная универсалия, и подходы к ее осмыслению исследуются на материале многих социально-этических учений, включая самые ранние из них [см.: 2.]. В этот ряд можно включить и учение рассматриваемого мыслителя. Несмотря на отсутствие в «Розе Мира» лексемы «толерантность», отметим, что решение сходного круга проблем является краеугольным камнем философии культуры Д. Андреева. Представления о толерантности определяют и социально-критическое, и социально-утопическое начало «Розы Мира», представленные по преимуществу в 1-й и 12-й книге. Таким образом, рассматриваемая проблема содержательно обрамляет главный труд Д. Андреева.

Социальная критика основана на осмыслении мирового зла. Оно рассматривается как вселенское противобожеское начало, отраженное в мифе о Люцифере. Его универсальными проявлениями стало стремление к эгоистическому доминированию. Проявляющееся в установке на подавление других, мировое зло есть антоним толерантности, и для Д. Андреева его социально-антропологические проявления очевидны. Во-первых, это индивидуально-психологический фактор, связанный с самообособлением и активной нетерпимостью к окружающим: «...есть Я и есть не-Я; все не-Я должно стать мною, другими словами, все и все должны быть поглощены этим единственным, абсолютно самоутверждающимся Я» [1, с. 50]. Во-вторых, это социально-политический фактор, связанный с внеэтической и подавляющей природой государства. Изначально мобилизационный потенциал этого института был направлен на защиту от внешних угроз. Однако заложенный в государстве потенциал агрессии становился инструментом внешнего и внутреннего насилия, средством возвышения амбициозных и эгоистически ориентированных индивидов. Взаимно усиливающиеся начала индивидуальной нетерпимости и гипертрофированной подавляющей государственности не только препятствуют толерантности, но и способны привести человечество к глобальной деградации и катастрофе.

На этом основании Д. Андреев в 1-й книге подвергает критике проявления подавляющей нетерпимости в различных сферах общества. Вполне закономерно, что наиболее масштабно осуждается политическая сфера. В качестве главной угрозы Д. Андреев рассматривает возможность наступления всемирной тирании. Она нарастает в процессе формирования сверхдержав, конкурентной борьбы между ними и втягивания в эту борьбу других государств. Ее наступление, скорее всего, совпадет с победой

сильнейшей державы. При этом нетерпимостью отличаются и формы борьбы за интересы угнетенных. По мнению мыслителя, «истинная религиозная деятельность есть своего рода общественное служение» на основе высших нравственных ценностей. Те же, кто «ради борьбы за справедливое мироустройство, противопоставили себя религии вообще <...> вырвали корни своего бытия из лона мировой духовности» [1, с. 15], обрекая себя и других на бесконечную конфронтацию и кровавый хаос революций.

Будучи ареной борьбы за власть, политика в наибольшей степени стимулирует эгоистические стороны человеческой натуры и распространяет начала подавления и нетерпимости на другие сферы. С позиций религиозно ориентированной этики всеединства Д. Андреев предчувствует оформление глобальных проблем человечества и катастрофических сторон глобализации еще до того, как они стали предметом широкого обсуждения. С этих же позиций мыслитель указывает и на позитивные ориентиры, позволяющие преодолеть кризис цивилизации, и в этих указаниях одно из ведущих мест отведено мерам и принципам, сходным с идеей толерантности.

В политической сфере необходимо планомерное и поэтапное устранение насилия, которым может заняться незапятнанная, неподкупная, высокоавторитетная этическая инстанция. Ее дальнейшая деятельность должна привести к превращению мирового политикума во всемирную федерацию, а в дальнейшем в общечеловеческое братство. В экономической сфере конкуренция должна смениться равноправным сотрудничеством. В качестве первого шага к нему «наиболее богатым странам предстоит в какой-то мере поделиться своими ресурсами с народами Востока и Юга, безо всяких надежд сделать из этой помощи удачный бизнес» [1, с. 21].

В духовной сфере необходима практическая реабилитация высших нравственных ценностей под эгидой религий правой руки, преодолевающих прежде всего собственные межконфессиональные разногласия. При этом мыслителю представляется важным изменение установившихся ценностно-познавательных ориентиров, стимулирующих нетерпимость и конфронтацию. Модель такого изменения Д. Андреев формулирует, опираясь на гносеологию И. Канта. Поскольку «объекты познания познаваемы от нас, а не из себя», то «все наши "истины" суть, строго говоря, лишь приближения к истинам» [1, с. 25]. Указанное приближение – это нахождение точек соприкосновения концепций и устранение разделяющих их противоречий, либо, как минимум, отказ от категоричных формулировок.

Несмотря на слабое внимание к механизмам

столь масштабных преобразований, Д. Андреев не считает свою утопию заведомо несбыточной красивой мечтой. Неправильный путь человечества не отменяет высокого социально-нравственного потенциала человечества, в том числе и связанного с идеями толерантности. Мыслитель иллюстрирует его на конкретных исторических примерах. Так, М. Ганди, инициировав ненасильственное обретение Индией независимости, опроверг закрепившийся со времен Н. Макиавелли тезис о несовместимости политики и нравственности.

С точки зрения Д. Андреева высокое предназначение человечества заложено и в самой сущности культуры, которую он рассматривает не только в аксиологическом, но и трансцендентальном аспекте. Абсолютная ценность культуры состоит в том, что «личность содержит естественные способности творчества и любви. Относительная же ее ценность зависит <...> от того, в какой степени она эти способности богосотворчества и любви выявляет в жизни» [1, с. 21]. В контексте проблемы толерантности цель человеческих устремлений – «преодоленность в собственном существе господства местных, столь пока еще естественных, культурно-расовых привязанностей, полное национальное беспристрастие» [1, с. 20].

Эту провиденциальную задачу Д. Андреев обосновывает с идеей «метакультуры». Они охватывают не только трехмерную, физически проявленную реальность, но и тонкоматериальные слои восходящего ряда. Высшие из них воплощают в себе изначальную суть духовных ценностей, идеи безусловной любви, всеобщего братства и Высокого Долженствования. Так в сущности культуры выражается универсальный принцип всеединства. Несмотря на инерцию эгоизма и инспирацию со стороны демонических сил, метакультуры через преодоление противоречий движутся к указанному идеалу.

В связи с этим среди достижений метакультуры российского сверхнарода Д. Андреев выделяет те, которые имеют непосредственное отношение к толерантности. Он высоко оценивает А.С. Пушкина «в плане действительного, глубоко интуитивного, подлинного проникновения в дух других наций и культур» [1, с. 194]. Гений Достоевского, по мнению мыслителя, сосредоточился «преимущественно на развитии способности высшего понимания других человеческих душ» [1, с. 200], при котором происходит «просветление духовным анализом самых темных и жутких слоев психики» и тем самым закладываются высшие основы терпимости и понимания.

В 12-й книге Д. Андреев пытается дать возможную картину реализованной утопии, сосредоточивая основное внимание на формировании «человека облагороженного образа» как основы нового миропорядка.

Вследствие этого начала толерантности рассматриваются по преимуществу в педагогическом аспекте. Особенно актуальны они в сфере нравственного воспитания: «Не страх и не тщеславие будут мешать воспитаннику лгать, обижать слабейших <...> это постепенно будет становиться для него невозможным потому, что ему помогут полюбить дружелюбие, правдивость, храбрость, сострадательность» [1, с. 259]. Не менее важным является всесторонний характер образования. Для мыслителя важнее стать «человеком в полном смысле этого слова», а узкая специализация ограничивает кругозор, может приводить к комплексу исключительности и, как следствие, к нетерпимости.

В то же время в указанном проблемном контексте остается актуальным критический отзыв М.Н. Эпштейна о 12-й книге «Розы мира». По мнению исследователя, в авторском воспевании «атмосферы гармоничного спокойствия» утверждается диктат абсолютного совершенства, несовместимый с диалектической природой бытия. Его гротескным выражением является идея искусственного ускорения эволюции высших животных. Такая же тенденция подспудно проявляется и в отношении людей, которых мыслитель слишком торопится приобщить к раю. Нетерпимость к несовершенству в дальнейшем конкретизируется у Андреева в не совсем обоснованном обвинении в адрес технической интеллигенции как наиболее вероятного виновника вырождения всечеловеческого братства в царство Антихриста. В то же время, по справедливому замечанию М.Н. Эпштейна, Д. Андреев, вопреки своим рассудочным установкам, интуитивно «выводит Антихриста из самой Розы Мира, как ее закономерное, хотя и непреднамеренное порождение» [см.: 3].

Подводя итоги, отметим, что приведенный нами далеко не полный перечень примеров свидетельствует, что связанные с категорией толерантности проблемы осмысливаются широко и многоаспектно. Несмотря на указанный момент догматизма, толерантность у Д. Андреева четко обоснована необходимостью продуктивного развития человека, общества и культуры.

Литература

1. Андреев, Д.Л. Роза Мира / Д.Л. Андреев. – М., 1993.
2. Уланов, М.С. Буддийские ценности и проблема толерантности в современном мире / М.С. Уланов, В.Н. Бадмаев // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д., 2013. – №3(75). – С. 43–45.
3. Эпштейн, М.Н. Роза Мира и царство Антихриста: о парадоксах русской эсхатологии / М.Н. Эпштейн // philosophy.ru [сайт]. – URL: <http://philosophy.ru/library/epstein/andreev.html>

А.М. Ермаков
г. Ярославль

ПРОПАГАНДА АНТИСЕМИТИЗМА В ДЕТСКИХ КНИГАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ШТЮРМЕР»

Нацистский антисемитизм, соединявший религиозные и бытовые юдофобские представления с современными расово-биологическими теориями, стал идеологической основой уничтожения 6 млн евреев в годы Второй мировой войны. Сейчас большинство историков согласно с тем, что Холокост был бы невозможен без добровольного содействия сотен тысяч исполнителей, а некоторые пишут, что истребление европейских евреев было «национальным проектом» немцев. Трагедия еврейского народа дискредитировала антисемитизм, но не уничтожила, а лишь видоизменила его. В этой связи является актуальным исследование антисемитской пропаганды нацистов.

Большую роль в формировании у немецкой молодежи устойчивых юдофобских убеждений играл еженедельник «Штюрмер», издававшийся гауляйтером Франконии Юлиусом Штрейхером. Как отмечают российские и зарубежные исследователи, антисемитизм Штрейхера и его еженедельника был вульгарным, порнографическим по своей сути, основанным на средневековых предрассудках и нездоровой сексуальности. Штрейхер получал доступ к воспитанию детей по разным каналам: он выступал перед школьниками и членами нацистских молодежных организаций, добивался использования «Штюрмера» на школьных уроках и во внеурочной воспитательной работе, настаивал на преподавании расовой доктрины в процессе изучения каждой школьной дисциплины и издал книгу для учителей «Еврейский вопрос на уроках». Большую популярность в Германии и негативную известность за ее пределами получили три детские книги, опубликованные издательством «Штюрмер».

Автором текста и иллюстраций первой из них стала студентка нюрнбергской художественной школы Эльвира Бауэр. Книга вышла в свет в конце 1936 г. под названием «Не верь лисе на зеленом лугу и еврею, когда он клянется: книга с картинками для взрослых и детей». Это название восходило к пословице Мартина Лютера, появившейся в 1543 г. в памфлете «О евреях и их лжи»: «Не верь волку, когда он на свободе, / И еврею, когда он приносит клятву, / Не полагайся на совесть папы римского, / Иначе будешь обманут всеми троими». Книга Бауэр стоила недорого и была доступна каждому желающему. Только за первые три дня после поступления в продажу было реализовано 5 тыс. экземпляров, к первой декаде февраля на руках у читателей находилось уже 25 тыс. экземпляров [2], а типографские станки еще работали, доводя тираж до 60 тыс. штук [11].

Вот какой увидела продукцию «Штюрмера» немецкая писательница-эмигрантка Эрика Манн: «На ярко-красной обложке два рисунка – кровожадная

лиса, коварно подкарауливающая из-за угла, а под звездой Давида – еврей, точнее, расхожая нацистская карикатура на еврея: огромный нос, лысина, пухлые губы, глубоко посаженные глаза. Он лжесвидетельствует, подняв толстые пальцы». Характеризуя книгу, Манн опасалась, что у нее не получилось передать «тот уровень садистской грубости, демагогической лживости, безвкусицы и человеческой испорченности, который здесь достигнут», и сетовала, что не может перепечатать каждое стихотворение и каждый рисунок [7, с. 67].

Книга состоит из 21 сцены, каждая из которых раскрывается при помощи стихотворного текста и рисунка: «Отец еврея – дьявол», «Вечный жид», «Еврейские фамилии», «Жид остается жидом», «Еврей – торговец скотом», «Еврейский адвокат», «Служанка», «Еврейский врач» и т.д. Бауэр в сжатой и доступной форме воспроизводила все антисемитские предрассудки и клише, которые использовались в нацистской идеологии и пропаганде. Евреи представляли перед читателями как порождение дьявола, воплощение зла, лентяи, обманщики и лжецы, убийцы Христа, имеющие отвратительный внешний вид и страдающие плоскостопием, грязнули и похотливые «осквернители расы». Стиль рисунков и язык текстов также соответствовали принятым в Третьем рейхе нормам изображения евреев и говорения о них.

На одном из рисунков показан кривоногий похотливый еврей, обнимающий белокурую «арийскую девушку». Сцены «осквернения расы» были хорошо знакомы детям, видевшим «Штюрмер» на уличных стендах, в школах или у себя дома, поскольку являлись одним из излюбленных сюжетов карикатур этого еженедельника. Стихотворный комментарий к рисунку гласил: «Что за несчастный еврей! / Он не любит своих собственных женщин! / Он считает, что очень изворотлив, / Когда добывает немецкую женщину. – / Но посмотрите на этого еврея: / Он совершенно ей не подходит! / Рядом с этой немецкой женщиной, о ужас, / Он выглядит совершенно убого! / Этому еврею лучше было бы остановиться: / Дать этой немецкой женщине уйти / И отправляться к своей еврейской невесте» [1, с. 25].

Газета социал-демократических эмигрантов «Нойер Форвертс» перепечатала именно это изображение, выбрав его из всей книги Бауэр и снабдив заголовком «Штрейхер для детей» и комментарием: «Этот рисунок находится в несказанно грязной иллюстрированной книге для детей, изданной штрейхеровским издательством “Штюрмер”» [10]. Немецкие леволиберальные эмигранты в Париже воспроизвели в своей газете письмо школьного учителя в штрейхеровский еженедельник: «Я применяю

эту книгу «Штюрмера» в школе. Мои восьмилетние мальчики в восторге. Сегодня они знают тексты почти наизусть». Эмигранты ужасались тому, что книга Бауэр теперь «будет отравлять доверчивую детскую душу», воспитывая из подрастающего поколения немцев садистов [9]. «До слез больно и жутко думать о том, что десятки тысяч немецких детей отравляют – буквально отравляют – этим гадким продуктом мерзости и тупоумия, – говорилось в статье немецкого писателя-эмигранта Клауса Манна. – Но так как он, к сожалению, существует и находится в руках немецких малышей, то мы тоже должны его использовать – использовать как самое сильное пропагандистское средство против государства Штрейхера и Гитлера» [8].

Весной 1938 г. была издана тиражом 60 тыс. экземпляров иллюстрированная книга Эрнста Гимера и штатного художника-карикатуриста «Штюрмера» Филиппа Рупрехта «Ядовитый гриб». Антисемитский еженедельник хвалился тем, что за первые же семь дней после поступления книги в магазины было продано 10 тыс. экземпляров, и призывал каждого немца стать ее обладателем. Новинку можно было заказать по почте, заплатив за нее 2,85 марки и еще 40 пфеннигов за упаковку и пересылку [12]. В рассказе «Визит Инги к доктору-еврею» юным читателям преподносился нацистский миф об «осквернении расы». Несмотря на предостережения матери и руководительницы Союза немецких девушек, Инга приходит на прием к врачу-еврею и едва не становится жертвой изнасилования. Рассказ завершается стихотворением, «медленно и значительно» произнесенным Ингой: «Дьявол своей недоброй рукой / Направил еврея на немецкую землю. / Как дьявол он домогается / Немецкой женщины и немецкой чести. / Немцы, вы не хотите этого понять, / Но все же поймете это. / Нужно лечить немцев / Только немецкими средствами» [5, с. 33].

К моменту выхода из печати «Ядовитого гриба» представления многих немцев о нравственности и о том, что дозволено читать детям, были настолько извращены, что редакция «Штюрмера» не испытывала недостатка в восторженных письмах. Один железнодорожный чиновник рассказывал, что едва получив эту «великолепную» книгу, сразу же прочитал ее, а потом на нее буквально «набросились» его дети. «Ядовитый гриб» вызвал у чиновника «чувство светлой радости», ведь эта книга живая, наглядная и «изящно» преподносит тему «осквернения расы» [4].

Немецкие антифашисты, напротив, были возмущены. Журналист «Ежедневной парижской газеты» Бруно Фрай назвал автора и издателей книги губителями детей: «Из всех бед, в которые ввергли немецкий народ нацисты, как самая ужасная войдет в историю хладнокровное отравление детских душ». Показав, как в «Ядовитом грибе» в адаптированном для детской аудитории виде преподнесены вульгарные антисемитские идеи, в том числе бредовая фантазия об «осквернении расы», Фрай предложил: «Обожатели Гитлера в Париже и Лондоне должны как можно скорее позаботиться о переводе этой иллюстрированной книги на французский и английский языки» [3].

В 1940 г. издательство «Штюрмер» выпустило

новое произведение для детей, написанное Гимером и проиллюстрированное Вилли Гофманом, – «Пудельмопстаксапинчер и другие поучительные рассказы». Юным читателям внушалось, что евреи «ленивые, как трутни, бессовестные, как кукушка, трусливые, как гиены, изворотливые, как хамелеон, прожорливые, как саранча, кровожадные, как клопы, нахальные, как воробьи, подлые, как пудельмопстаксапинчер, лживые, как змеи, отвратительные, как ленточные черви, опасные, как бактерии». Название всей книге дал рассказ о беспородной собаке, появившейся на свет в результате скрещивания многих пород, – пудельмопстаксапинчере. Из этого рассказа дети узнавали, что евреи подобны беспородным собакам, ведь они «обнаруживают расовые признаки белых, желтых и черных народов» [6, с. 63].

Гимер воспроизводил самые нелепые юдофобские стереотипы, возникшие еще в эпоху Средневековья и взятые на вооружение теми нацистами, которые пропагандировали вульгарную версию антисемитизма: у евреев оттопыренные уши, кривые ноги, походка вперевалку и т.д. Чаще всего повторялось утверждение о том, что они любят грязь и дурно пахнут. В книге нашлось место и для антисемитских мифов, возникших в Германии уже в Новейшее время: евреи развязали Первую мировую войну, обогащались во время войны и уклонялись от службы в армии; они нанесли «удар кинжалом в спину» победоносной германской армии, совершив в 1918 г. революцию. «Просвещающая» читателей, – именно «просвещением» Гимер не раз называет распространение самых диких антисемитских предрассудков и откровенной лжи – он призывал быть бдительными, не верить евреям, не испытывать к ним жалости и сострадания.

Когда «Пудельмопстаксапинчер» попал в руки немецких детей, Гитлер уже произнес свое знаменитое «пророчество» об уничтожении еврейской расы в Европе и даже непосвященным современникам было ясно, что готовится или уже проводится в жизнь некое «решение еврейского вопроса». Если у Бауэр содержался призыв изгнать евреев в Палестину, то в «поучительных рассказах» Гимера предлагалось то «вывести» их как клопов, то «действовать безжалостно, искоренить, уничтожить» евреев «во всех странах мира» как ядовитых змей. В рассказе о трутнях пчела по имени Мелли «просвещает» своих подружек об «опасности трутней» и призывает «безжалостно уничтожить» их, иначе «они уничтожат нас и наших детей». Однажды ночью рабочие пчелы восстали, все трутни были убиты или изгнаны из улья [6, с. 9–11].

Таким образом, детские книги издательства «Штюрмер» служили распространению среди подрастающего поколения немцев вульгарных антисемитских взглядов, основанных на средневековых стереотипах, бытовых предрассудках и новейших расово-биологических теориях. Пользуясь покровительством Гитлера, которого историки считают самым радикальным антисемитом Третьего рейха, Штрейхер не был стеснен никакими нравственно-моральными рамками. Читатели детских книг «Штюрмера» погружались в мрачный мир расовой ненависти и нездоровых сексуальных фантазий. Дети

и подростки, поощряемые партийными и государственными функционерами, учителями, родителями, легко усваивали человеконенавистнические идеи, сами становились пропагандистами патологической юдофобии среди сверстников и взрослых, превращались в активных участников гонений на евреев в Германии. Предостережения немецких эмигрантов, еще в середине 1930-х гг. разглядевших в изданиях «Штюрмера» чудовищную опасность для молодежи, не были услышаны современниками. Только после Второй мировой войны, когда антифашистские силы получили первые приблизительные сведения о масштабах трагедии европейских евреев, Штрейхер понес заслуженное наказание за преступления против человечности. В корпус обвинительных документов Международного Трибунала входили книги «Не верь лисице» и «Ядовитый гриб».

Литература

1. *Bauer, E.* Trau keinem Fuchs auf grüner Heid und keinem Jud bei seinem Eid / E. Bauer. – Nürnberg: Der Stürmer-Verlag, 1936.
2. Das Bilderbuch des „Stürmer“ // Pariser Tageszeitung. – 1937. – 5 Februar. – S. 2.

3. *Frei, B.* Die Kinderverderber. Das neue Bilderbuch des „Stürmerverlages“ / B. Frei // Pariser Tageblatt. – 1938. – 22 April. – S. 2.
4. *Der Giftpilz.* Urteile über das neue Stürmerbuch / Der Giftpilz // Der Stürmer. – 1938. – April. – №16. – S. 9.
5. *Hiemer, E.* Der Giftpilz: ein Stürmerbuch für Jung und Alt / E. Hiemer. – Nürnberg: Verlag Der Stürmer, 1938.
6. *Hiemer, E.* Der Pudelmopsdackelpinscher und andere besinnliche Erzählungen / E. Hiemer. – Nürnberg: Der-Stürmer-Buchverlag, 1940.
7. *Mann, E.* Zehn Millionen Kinder. Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich / E. Mann. – Reinbeck: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2011.
8. *Mann, K.* Sehr lehrreiches Bilderbuch / K. Mann // Pariser Tageblatt. – 1937. – 13 April. – S. 2.
9. Das Nazisystem auf der Anklagebank // Pariser Tageszeitung. – 1936. – 12 Dezember. – S. 1.
10. Streicher für die Kinder // Neuer Vorwärts. – 1937. – 14 Februar. – S. 1.
11. Das „Stürmer“-Bilderbuch schon 60 000 Auflage // Pariser Tageszeitung. – 1937. – 11 Februar. – S. 2.
12. 10 000 Exemplare in 7 Tagen verkauft! // Der Stürmer. – 1938. – April. – №16. – S. 9.

М.П. Виноградова
г. Ярославль

АПОЛОГИЯ НОРДИЧЕСКОЙ РАСЫ В ФИЛОСОФИИ ГЮНТЕРА

В современном мире особенно остро стоит проблема толерантного отношения к людям другой национальности, расы. Особенно остро вопрос о терпимости к другой нации стоял в нацистской Германии. По мнению национал-социалистов, преобладающей, высокоразвитой считалась нордическая раса, для которой была характерна идея расовой чистоты.

Ганс Фридрих Карл Гюнтер – один из самых популярных немецких расовых теоретиков, евгенистов, оказавший влияние на нацистскую расовую политику Третьего Рейха. Основные идеи Гюнтера изложены в его ключевой работе «Расология немецкого народа», вышедшей в свет в 1929 году, пользовавшейся массовым спросом в послевоенный период, когда поколение европейцев оказалось лишенным ценностей белого человека и приобщилось к расовой литературе.

Гюнтером была сформулирована нордическая идея, согласно которой нордическая раса являлась доминирующей наряду с выделенными расами: динарской, западной (средиземноморской), восточной (альпийской), фальской, восточно-балтийской. Каждая раса обладала отличительными антропологическими признаками – черепным указателем, пропорциями тела, лица, психическими и умственными качествами. Нордическая раса представляла ценность, преобладала у немцев. Самой важной стратегической задачей для немцев считалось ее сохранение и ум-

ножение. С точки зрения Гюнтера, необходимо было вступить на путь нордификации, который прославил бы чистую нордическую кровь [1, с. 35]. Остальные расы рассматривались Гюнтером как низшие, менее развитые в духовном и умственном плане.

Суть немцев, по мнению Гюнтера, была обусловлена нордической кровью. Подъем или упадок немецкой цивилизации был связан с увеличением или уменьшением процента нордической крови. Это положение нашло свое подтверждение в работе «Рыцарь, Смерть, Дьявол» (1925): «Если бы люди чисто нордической крови, будь то русские или итальянцы, будь то англичане, немцы, французы, испанцы и скандинавы; если бы люди нордической расы сумели выступить сплоченно, независимо от языков, сословий, цивилизаций во всех частях света, как это умеет делать еврейская раса, то история всего Запада и Нового света была бы иной и господство нордической расы диктовало бы Земле героические законы» [1, с. 33].

Основной смысл нордической идеи состоял в творческом отборе. Она была обращена ко всем здоровым немцам нордической расы. Необходимо было контролировать отбор и число детей среди них, оказывать помощь бедным семьям, для того чтобы они могли обзавестись детьми. Формой внедрения значения расы в жизнь немцев был образ жизни сторонников нордической идеи, а не массовые митинги, пропагандистские фильмы, плакаты. Нордическая идея,

по мысли Гюнтера, – это возвышение жизни, воплощение благородного начала.

Противопоставляя нордическую расу остальным, Гюнтер указывал на рассудительность, расчетливость, предусмотрительность, холодность, умственную одаренность в отличие от представителей других рас. Нордический человек любил порядок, дисциплину, пунктуальность. Исследование цивилизаций помогло бы, как считал Гюнтер, мыслящим представителям отдельных народов понять, какое направление развития расовой души привело бы к величию, какое – к распаду нации [1, с. 371].

Нордическая идея пронизывала институт семьи, игравший важную роль в жизни немецкого народа. Одной из главных причин неудачных браков являлся неправильный выбор супружеской пары. Необходимо было осознать важность выбора супружеской пары для сохранения благородного рода, улучшения породы. Вступающие в брак должны были хорошо подходить друг к другу как носители наследственности. При выборе супружеской пары считалась целесообразной оценка средней наследственной ценности семьи, обращение внимания на здоровье и долголетие, силу воли, энергичность, приспособляемость, самообладание. Желательным был обмен свидетельствами о здоровье обрученных, о наследственных качествах их семей. В целях предотвращения вступления в брак расово неполноценных, был принят ряд мер. В 1933 году принят Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства. Введены запреты на браки для людей с заразными болезнями, угрожающими другим людям. В октябре 1935 года был принят Закон о защите наследственного здоровья немецкого народа. Согласно закону, обрученные после медицинской консультации предоставляли свидетельство о том, что они не имели наследственных болезней, опасных для потомства, психических нарушений, заразных болезней. Брак переставал быть частным делом двух лиц, он касался всего народа, включая предков и потомков [2, с. 1146].

Действия людей объяснялись не средой, а наследственными задатками. Государству следовало стремиться к увеличению наследственных задатков и к уменьшению количества неполноценных задатков в народе. Государство должно было создать в народе новое понимание сущности и значения семьи. Задачей государства являлось создание слоя таких семей, от которого оно в соответствии с законами наследственности и отбора могло ожидать, что выдвинет людей со способностями руководителей. Следовало учитывать достижения отдельных людей и характер их семей. Достижение определенным человеком многого в руководящей деятельности объяснялось удачным сочетанием наследственных задатков [1, с. 520].

Гюнтер не считал основополагающей мысль, что духовное и физическое воспитание человека формировала окружающая среда, под влиянием которой человек становился умнее, нравственнее, счастливее. На процесс воспитания влияли характерные черты его семьи, наследственность. Генофонд народа мож-

но было улучшить только путем отбора, а не воспитания. Для того чтобы достичь этой цели, людям с лучшей наследственностью необходимо иметь много детей, а неполноценным – мало или совсем не иметь. Педагогика не должна была упускать из вида наследственность. Ее задача состояла в том, чтобы установить, в первую очередь, те черты, которые относятся к неизменной наследственной сути, затем установить черты, изменяющиеся с помощью влияния среды. К неизменной наследственной сути относились черты, проявляющиеся быстро, не требующие от учителя особых усилий. Труднее обстояло дело с выявлением черт у детей-среднячков. У них невозможно было понять, какие способности являлись врожденными, какие возникли под влиянием среды. В этом случае все зависело от искусства воспитателя.

Воспитание не могло улучшить человечество, согласно взглядам Гюнтера. Человечество могло улучшиться исключительно благодаря многодетности высокоодаренных представителей и малому количеству детей у неполноценных элементов. Искусное воспитание в определенных пределах могло способствовать проявлению отдельных ценных свойств из неизменной сути человека, а остальные свойства подавить. В основном воспитатель имел дело с чертами, которые не изменялись на протяжении всей жизни человека. Воспитание не могло изменить суть человека, но оно могло изменить в лучшую сторону или худшую воздействие этой сути на окружающих. Педагог с богатым жизненным опытом мог определить у каждого человека диапазон, в котором он поддавался влиянию. Воспитание могло изменить в определенную сторону проявление сути человека. В какую именно сторону, зависело от наследственной сути.

Искусство воспитателя состояло в том, чтобы оценить процент наследственных задатков и влияний среды в поведении ученика, оценить диапазон возможного воспитательного воздействия, какие качества следовало развивать, оценить, насколько можно, не искажая характер ученика, придать его задаткам определенное направление. Именно таким образом выглядело искусство воспитания с точки зрения теории наследственности применительно к отдельному человеку. Выбор качеств учеников, нуждающихся в развитии, а также качеств, которые необходимо было подавить, зависел от национального идеала. Идеал должен был быть таким, чтобы он способствовал увеличению числа высококачественных задатков в народе [1, с. 512].

Рассуждая о вопросе подготовки кадров учителей, Гюнтер замечал, что должна исчезнуть вера в ценность научного, прежде всего, психологического, обучения будущих учителей. Учителями рождаются, наследственно лучшим желательно помогать и пораньше основывать семью. Школа должна была способствовать созданию руководящего слоя, слоя отборных семей, в которых появлялись бы высокоодаренные дети. К высшему образованию следовало допускать тех, чей ум и характер, благодаря наслед-

ственным задаткам, позволяли надеяться, что они смогут получить такое образование.

Таким образом, Гюнтер признавал неравноценность рас, выделяя превосходство нордической. Расистские идеи Гюнтера были приняты и конкретизированы НСДАП, воплотились в деятельности национал-социалистов, приведшей к катастрофическим последствиям, геноциду различных этнических и социальных групп.

Литература

1. *Авдеев, В. Б.* Ганс Ф. К. Гюнтер. Избранные работы по расологии / В. Б. Авдеев, А. М. Иванов. – М., 2005.
2. Reichgesetzblatt. – 1939. – S. 1146.

Елена фон Клицинг
г. Ахен (Германия)

НЕДОПУСТИМАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ, 1941 – 1945

В годы Второй мировой войны на территории «третьего рейха» в числе других иностранных рабочих принудительно работало несколько миллионов советских гражданских лиц, так называемых «восточных рабочих» и военнопленных, труд которых сыграл важную роль в поддержании обороноспособности нацистской Германии. Благодаря их привлечению потенциал рабочей силы немецкой военной экономики между 1939 и 1944 гг. оставался практически стабильным. Советские граждане использовались почти повсеместно, но были наиболее массово представлены в отраслях экономики, требовавших тяжелого физического труда, таких как промышленность или сельское хозяйство. Подобное отраслевое распределение было вызвано не столько экономической необходимостью, сколько отражало положения «расистского» законодательства национал-социалистов, фактически закрепившего во всех сферах жизни за «восточными рабочими» статус «недочеловека». Даже по сравнению с другими иностранными рабочими те, кто носил нашивку «Ост», указывавшую на их советское происхождение, находились в худшем положении, получая меньше продовольствия, подвергаясь более жестким наказаниям и выполняя большие объемы работы. Тяжелый физический труд, постоянное чувство голода, социальная стигматизация, каждодневная угроза наказания и низкие шансы выжить характеризовали положение «восточных рабочих» в рейхе.

Взаимоотношения с немецким населением имели большое значение для положения советских граждан, угнанных на принудительные работы в Германию. У. Херберт, размышляя об ответственности немцев за преступления нацизма, подчеркивает: «Немецкое население было не пассивным зрителем, а изначально запланированным активным участником национал-социалистической политики по отношению к иностранцам. От поведения каждого отдельного немца на рабочем месте, в лагере или в обществе зависело действительное положение ино-

странных работников принудительного труда» [7, с. 160].

Взаимодействие советских граждан, депортированных на принудительные работы в рейх, и немецкого населения в сельском хозяйстве было теснее, чем в других отраслях экономики нацистской Германии. Причиной тому являлись небольшие размеры $\frac{3}{4}$ всех крестьянских хозяйств Германии и специфика сельскохозяйственного труда, делавшие невозможным точное соблюдение предписанной нацистами дистанции между немецкими крестьянами и «восточными рабочими».

В соответствии с законодательством НСДАП немецкое крестьянство было поставлено в господствующее положение по отношению к «восточным рабочим». Полнота власти владельцев и управляющих хозяйств над «восточными рабочими» выражалась в возможности регулировать рационы питания, длительность и тяжесть работы, определять способы и жесткость дисциплинарного воздействия и относительно безнаказанно совершать сексуальное насилие [1]. Дискриминирующее законодательство, предписывавшее принудительный характер трудовой деятельности «восточных рабочих», фактически отрицало за ними всякую возможность улучшить собственное положение. «Восточные рабочие» не могли повлиять на хозяев, прибегая к помощи третьей стороны, т. е. обращаясь в полицию с жалобой на хозяина или в биржу труда с просьбой о смене работы или изменении условий труда¹. Побег как основной способ расторжения трудовых отношений имел немного шансов на успех, однако немецкие крестьяне иногда принимали бежавших из промышленности «восточных рабочих» без необходимых документов и не ставили в известность местные биржи труда

¹Лишь в исключительных случаях за обращением «восточных рабочих» к третьей стороне следовало улучшение условий содержания, а не побои. К примеру, М. вспоминает о счастливом вмешательстве немецкого чиновника. См.: [9, с. 7].

[см., например: 15].

Практика приема крестьянами сбежавших иностранных рабочих в свои хозяйства, существовавшая, несмотря на постоянную угрозу доноса и являвшаяся очевидным нарушением нацистских предписаний, свидетельствовала не только о высоком дефиците рабочих рук, но и об особой позиции немецкого крестьянства по отношению к нацистскому законодательству, регулировавшему трудовое использование иностранной рабочей силы.

Низкая заинтересованность владельцев мелких крестьянских хозяйств в соблюдении правил содержания работников из Советского Союза стала предметом многочисленных сообщений местных ячеек НСДАП и отделов жандармерии в вышестоящие инстанции. К примеру, активисты краевого бюро НСДАП г. Динкельсбюль в Баварии с беспокойством отмечали в сообщении от 18 апреля 1943 г. малую эффективность проведенных мероприятий: «Есть обстоятельства, позволяющие предположить, что сельское население не обладает необходимыми представлениями о сущности большевизма... Крестьяне не принимают всерьез опасность и не чувствуют какой-либо личной причастности [2, s. 576].

В ноябре 1943 г. служба безопасности СС изучила последствия разрешения единичного размещения военнопленных в мелких и средних сельских хозяйствах. Результаты исследования показали, что у крестьян за некоторым исключением «отсутствовало всякое понимание политической опасности» использования военнопленных. В отношении иностранцев крестьяне руководствовались прагматичными соображениями. «Тот, кто работает с ним и работает прилежно, обладает его доверием, неважно немец это или иностранец, военнопленный или гражданский», – подчеркивалось в сообщении службы безопасности СС [Цит. по: 8, s. 137]. Нацистскому руководству не удалось добиться от сельского населения твердой и «расово-ориентированной» позиции по отношению к работникам принудительного труда [12, s. 136]. Этому способствовала определенная удаленность нацистского репрессивного аппарата, невозможность осуществления полного и постоянного контроля в сельских условиях [16, s. 191]. Таким образом, немецкое крестьянство получило большую возможность самостоятельно определять трудовые взаимоотношения с их иностранными работниками.

Как справедливо утверждает немецкий исследователь М. Броскат, попытка НСДАП осуществить мировоззренческое перевоспитание немецкого сельского населения провалилась. Причиной тому было не столько отсутствие финансовых средств и подходящих помещений, но скорее тот факт, что национал-социалистическому движению, несмотря на присутствующую ему активность и динамику, не удалось политизировать и индоктринировать сельское население, которое с трудом удавалось вовлекать в любые нерелигиозные мероприятия [3, s. 572]. Таким образом, в основе амбивалентной позиции сельского населения Германии по отношению к нацистским нормам обращения с иностранной рабочей силой лежала традиционная сосредоточенность крестьян на собственных интересах, зачастую существенно снижавшая

эффективность пропаганды национал-социалистической идеологии в деревне.

Однако, как справедливо отмечает Г. Фрайтаг, позиция немецких крестьян в вопросе использования иностранной рабочей силы не была монолитной. С одной стороны, немецкие крестьяне в любой момент были готовы отказаться от строгого выполнения установленных НСДАП правил обращения с иностранными рабочими, с другой, они столь же легко принимали нацистскую доктрину «расового» превосходства и использовали ее в своих целях. Таким образом, поведение крестьян не было показателем принципиального сопротивления национал-социалистическому режиму, а скорее нежеланием жертвовать собственными интересами в угоду «идеологической фикции» [См. подробнее: 6, s. 66]. На формирование отношения немецкого населения к «восточным рабочим» наибольшее влияние оказывали следующие факторы: высокая экономическая заинтересованность в наличии и производительности труда рабочей силы, традиции сезонного труда, а также сильная роль церкви, религии и связанная с ними христианская этика.

Наибольшее значение среди вышеперечисленных факторов, безусловно, имела экономическая заинтересованность крестьян в хороших и трудолюбивых работниках. Дефицит рабочей силы привел к концу войны к высокой зависимости экономической жизнеспособности мелких и средних крестьянских хозяйств от наличия иностранных рабочих. Эта зависимость во многом детерминировала разницу условий содержания и труда иностранной рабочей силы в крупных и мелких сельских хозяйствах. Определяющую роль играла необходимость последних самостоятельно заботиться о своей рабочей силе. В отличие от крупных крестьянских хозяйств мелкие хозяйства не имели возможности приписать к себе одного или нескольких иностранцев из находившихся рядом лагерей, так как работников нужно было забирать на собственном транспорте, а для этого необходимы были оплачиваемые охранники [17, s. 346]. Многие крестьяне экономили на собственной одежде, выплачивали штрафы за рабочих, поскольку существовала вероятность при имевшемся дефиците рабочей силы не получить замену своим рабочим или получить, но хуже [17, s. 346]. Таким образом, в крестьянских хозяйствах доминировал интерес к полноценным и послушным рабочим, поэтому практиковалось тактичное отношение, стремление поощрить достижения в работе.

Необходимо отметить, что национал-социалистические нормы обращения с «восточными рабочими» регулировали и те стороны крестьянского быта, в которых существовали традиции организации трудового процесса и обращения с работниками. Строгое следование многочисленным дискриминирующим и унижающим человеческое достоинство предписаниям по обращению с «восточными рабочими» зачастую не просто затрудняло процесс производства, но и ослабляло желание иностранцев работать, и тем самым противоречило прагматичным установкам крестьян на сохранение эффективности рабочей силы [8, s. 140].

Противоречие между традициями трудового использования иностранцев и национал-социалистической идеологией особенно ярко проявлялось в частом нарушении владельцами мелких и средних крестьянских хозяйств запрета традиционного совместного приема пищи хозяевами и работниками, так называемой «общности стола» (*Tischgemeinschaft*). Листовки, распространявшиеся в округе Меркишен Крайс, разъясняли крестьянам суть этого запрета: «В противоположность немецкому члену рабочего коллектива, который без ограничения относится к нашему сообществу, иностранные рабочие из нашего сообщества исключены. Обедать они должны отдельно, за другими столами» [13, s. 99]. Комендант лагеря для военнопленных в г. Шпринге в письме в ландрат округа объяснял это меру необходимостью сохранить чистоту немецкой крови: «Я не должен напоминать, что от общности стола до общности постели только один шаг» [4].

Работавшая у владельца малого крестьянского хозяйства Вера Д. вспоминает, что хозяева выполняли это предписание даже в условиях работы в поле: «В степи никого ж нет вокруг, но, Боже упаси, сидеть рядом нельзя. Они сидят отдельно, мы сидим шагов десять отдельно. Едим то же самое, но – Боже упаси! Такой приказ, видно» [10, s. 10]. Но когда рядом не оказывалось посторонних, многие хозяева все-таки сажали «восточных рабочих» за свой стол. Александра Р., также занятая в малом хозяйстве, рассказывает: «...пришел полицай, сказал, чтобы за одним столом мы не ели, ставьте столик отдельно, чтобы она там ела. Ну, что, хозяин, правда, согласился сразу, поставили мне сразу, ну, тоже самое, что и сами ели, а потом он махнул рукой: «А, садись ты с нами. В крайности, ... так ты выскочишь уже где-нибудь из-за стола» [11, s. 30].

Предписание об отдельном приеме пищи нарушалось не только в силу традиции, но и потому, что во многих хозяйствах для этого не хватало помещений, а общий прием пищи сокращал хозяйкам объем домашней работы. К примеру, в феврале 1944 г. немецкий наемный рабочий жаловался окружному «крестьянскому фюреру» (*Kreisbauernführer*), что вынужден есть с русским работником за одним столом [14]. Для «восточных рабочих» совместный с хозяевами прием пищи означал как минимум формальное вхождение в крестьянскую семью, облегчал приспособление к условиям принудительного труда.

Последовательное претворение в жизнь постулатов «расовой» национал-социалистической идеологии наталкивалось в сельском хозяйстве на значительные препятствия, обусловленные особенностью процесса производства в аграрном секторе и высокой зависимостью от поступления рабочей силы ввиду роста дефицита трудовых ресурсов. Удаленность репрессивного аппарата оставляла больше свободы действий отдельным крестьянам, которые зачастую руководствовались в обращении с «восточными рабочими» экономической выгодой, традиционными установками и христианской этикой. Значение этих факторов существенно нивелировалось в условиях крупных поместий, условия труда и содержания иностранной рабочей силы в которых зачастую по тяжести соответствовали промышленным.

Ни в одной другой отрасли экономики нацистской Германии взаимодействие советских граждан, депортированных на принудительные работы в рейх, и немецкого населения не было так велико, как это было в сельском хозяйстве. Специфика трудовых отношений в мелких и средних хозяйствах существенно сокращала возможность влияния государственного контрольного механизма, оставляя как «восточным рабочим», так и их работодателям больше свободы действий. В этих условиях повышалась их готовность признавать право на существование других культур и сосуществовать с ними несмотря на идеологическую индоктринацию.

Литература

1. ГА РФ. – Ф. Р-7021. – Оп. 116. – Д. 385, 389.
2. Aus weltanschaulichen Bericht des Kreis-schulungsamtes Dinkelsbühl. 18 April 1943 // Bayern in der NS-Zeit: soziale Lage und politisches Verhalten der Bevölkerung im Spiegel vertraulicher Berichte / Hrsg. M. Broszat. – München, Wien, 1997.
3. Bayern in der NS-Zeit ... S. 572.
4. Brief des Kommandanten des Krg. Mansch-Stammlagers. Fallingbostal an den Herrn Landrat des Kreises Springe in Springe. 17 November 1939 // NLA-HStA Hannover. – Dep.11. – № 2897.
5. Freitag, G. Zwangsarbeit und Dorfalltag: Das Beispiel Lippe, 1939–1945 / G. Freitag // Zwangsarbeit in Ostwestfalen und Lippe 1939-1945. Stand der Forschung, Spurensuche vor Ort, Umsetzung im Unterricht / Hrsg. C. Seichter. – Essen, 2002.
6. Freitag, G. Zwangsarbeiter im Lipper Land: Der Einsatz von Arbeitskräften aus Osteuropa in der Landwirtschaft Lippes, 1939–1945 / G. Freitag. – Bochum, 1996.
7. Herbert, U. Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland: Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Flüchtlinge / U. Herbert. – Bonn, 2003.
8. Hoffmann, K. Zwangsarbeit in der Landwirtschaft / K. Hoffmann // Stiften gehen. NS-Zwangsarbeit und Entschädigungsdebatte / Hrsg. U. Winkler. – Köln, 2000. – S. 137.
9. Interview // Institut für Geschichte und Biographie / Projekt ISFLDP. Interview with Elena M. – S. 7.
10. Interview // Institut für Geschichte und Biographie. Projekt ISFLDP. Interview mit Vera D. – S. 10.
11. Interview // Institut für Geschichte und Biographie. Projekt ISFLDP. Interview mit Alexandra R. – S. 30.
12. Lehmann, J. Zwangsarbeiter in der deutschen Landwirtschaft 1939 bis 1945 / J. Lehmann // Europa und der Reichseinsatz: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938-1945 / Hrsg. U. Herbert. – Essen, 1991. – S. 136.
13. Münsterisches Flugblatt, herausgegeben von Kreisleiter Schöttler, mit dem Titel „Richtlinien über die Behandlung fremdfölkischer Arbeiter“ // Weidner M. Nur Gräber als Spuren: das Leben und Sterben von Kriegsgefangenen und Fremdarbeitern in Münster während der Kriegszeit, 1939–1945. – Münster, 1984.
14. Schreiben der Kreisleitung Hameln an den Stabsleiter des Reichsnährstandes in Hameln. 14. Februar 1944 // NLA-HStA Hannover. – Hann 331. – № 35.
15. Schreiben des Amtsbürgermeisters in Menden. 19. Juni 1944 // Kreisarchiv des Märkischen Kreises. Landratsamt Altena. N IV.
16. Spoerer, M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa, 1939 – 1945 / M. Spoerer. – Stuttgart-München, 2001.

Р.С. Колокольчикова
г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРУДОВЫХ МИГРАЦИЙ НА НОВОСТРОЙКИ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1970-Е ГОДЫ

Индустриальные города – это монопрофильные поселения, основанные на сложных, ресурсоемких градообразующих производствах, рассчитанных на межрайонные связи и международное разделение труда. Эта типологическая группа городов стала распространяться в регионе в годы первых пятилеток в связи с начавшимся промышленным освоением Европейского Севера. Большие народнохозяйственные программы общесоюзного значения, выполнявшиеся в регионе в изучаемый период, дали новый импульс процессам урбанизации: индустриальные города, являясь двигателем промышленного освоения региона, меняли картину городского расселения на Европейском Севере.

Промышленное строительство, градостроительство требовали большое количество трудовых ресурсов, прежде всего рабочих. Между тем демографическая ситуация, сложившаяся в Российской Федерации, на территориях ее Европейского Севера, с точки зрения наличия необходимого количества населения трудоспособного возраста для решения поставленных народно-хозяйственных задач, являлась неблагоприятной. Выходом из ситуации стала политика, направленная на поощрение внерегиональной миграции трудоспособного населения на новостройки индустриальных городов. Среди прочих использовались такие способы, как «общественный призыв» в союзных республиках СССР, а также покупка трудовых ресурсов за границей. Такая политика определяла многонациональный состав строителей, интернациональный характер новостроек. Поэтому важнейшим условием выполнения поставленных народно-хозяйственных задач на новостройках индустриальных городов являлся фактор толерантности в межэтнических отношениях.

Рассмотрим, как проявлялась толерантность в повседневной жизни строителей третьей очереди Архангельского ЦБК, которая выполнялась в первой половине 1970-х гг. в пос. Первомайском (с 1977 г. – г. Новодвинск).

В строительстве наряду с коллективом треста №4 «Главархангельскстрой» приняли участие рабочие и специалисты Народной Республики Болгарии (НРБ), которые стали направляться в состав треста №4 с мая 1970 г., работая по контракту по 1975 г. включительно, составляя ежегодно в среднем 2/5 (около 1750 чел.) от общего количества трудящихся треста. Болгарские работники трудились в составе смешанных советско-болгарских или в составе отдельных бол-

гарских бригад, включенных в структуры единых строительного-монтажных управлений (СМУ) треста №4, возглавляемых советскими инженерами.

В первые годы строительства профессиональная подготовка болгарских рабочих не отвечала предъявляемым требованиям на северной новостройке: многие прибывшие из НРБ не имели строительных специальностей, требуемой квалификации, многие болгарские инженерно-технические работники и рабочие не имели практики работы на строительстве крупных промышленных объектов [3, л. 55], [1, л. 29]. Все это снижало производительность труда болгар. Для оказания помощи рабочим НРБ в быстрейшем приобретении профессиональных навыков в болгарские бригады из числа передовых рабочих треста №4 стали назначаться инструкторы; часть рабочих НРБ была распределена для обучения по бригадам советских строителей [3, л. 79–80]. Кроме того, на учебном пункте треста №4 было организовано курсовое обучение болгар строительным специальностям. Только в 1970–1971 гг. было вновь обучено 678 болгарских строителей, 472 повысили квалификацию [3, л. 53].

Существовали и другие причины, снижавшие производительность труда болгарских рабочих. Старший прораб СМУ-4 болгарин Жаковский отмечал: «Ряд наших недостатков в работе можно объяснить тем, что мы не привыкли к климатическим условиям Севера» [2, л. 5]. Кроме того, стационарное проживание болгарских рабочих на северной новостройке, часто в отрыве от семьи, в условиях ненадежной телефонной связи, а также отсутствия прочных человеческих связей на новом месте, по крайней мере, первое время, неизбежные проблемы и разочарования – все это и многое другое вызывало у строителей стрессовые ситуации, желание снять стресс при помощи алкоголя. Увлечение употреблением спиртных напитков нередко являлось причиной нарушения трудовой дисциплины, прогулов и, как следствие, падения производительности труда [4, л. 30]. Производительность труда советских рабочих была выше, чем болгарских [3, л. 54]. А вот среднемесячный размер зарплаты – значительно ниже, чем у болгар [2, л. 2].

Какие же мотивы заставляли покидать солнечную Болгарию и отправляться на северную новостройку? Важнейшее место в мотивации принадлежало романтическим настроениям, любопытству: желание поехать в СССР в значительной мере определялось

стремлением больше узнать о первой стране «победившего социализма», о «советском» образе жизни, познакомиться с новыми местами, принять участие в большой международной стройке, ощутить свою причастность к общему делу. Однако, как отмечал А.А. Дергало, секретарь парткома строительного треста №4 в 1970-е гг.: «Не секрет <...> кое-кого на стройку привлек лишь меркантильный интерес» [5, с. 36]. Данное обстоятельство, излишний эмоциональный подъем в настроениях иностранных рабочих в ущерб их заблаговременной профессиональной подготовке по требуемым на новостройке специальностям и трезвой оценке всей сложности решения предстоящих задач на строительстве крупнейшего народнохозяйственного объекта в северном крае, создавали, особенно в первое время, серьезные проблемы и трудности для болгарских рабочих, а также для коллектива треста №4 «Главархангельскстрой».

Администрация и общественные организации строительного треста №4 стремились создать для болгарских строителей наилучшие условия, помогали им преодолевать трудности, быстрее адаптироваться к суровым условиям северной новостройки. С этой целью для болгар выделялись лучшие благоустроенные общежития, квартиры; в кафе и столовых, обслуживающих болгарских строителей, было организовано приготовление блюд болгарской национальной кухни; для проведения свободного времени предоставлялись помещения хорошо оборудованного клуба, спортивного комплекса. По межправительственному соглашению советская сторона должна была предоставить отдельное жилье 15 % от общего количества работающих на новостройке болгарских семей, фактически трест №4 предоставил жилье 33 % семей. Ежегодно трест №4 принимал от 800 до 1000 гостей – граждан НРБ, решая вопросы по организации оформления их документов, встречи, размещения и т.п. [4, л. 26–28]. Для детей болгарских строителей были выделены места в детских дошкольных учреждениях и школах. Так, в 1975 году все 118 болгарских детей дошкольного возраста посещали детские комбинаты пос. Первомайский, а 137 школьников обучались в школе №78, где сверх обычной программы изучали язык, литературу и историю Болгарии. Чтобы болгары могли лучше узнать СССР, в общежития выписывалась разнообразная советская пресса, организовывались многочисленные экскурсии в Ленинград, Киев, Ригу, Таллин, другие города, по достопримечательным местам Архангельской области. Многие болгарские строители совмещали работу с учебой в советских техникумах и высших учебных заведениях [4, л. 27–28].

Традицией становилось совместное проведение советских и болгарских праздников, фестивалей искусства, спортивных соревнований. Общение советских и болгарских строителей на работе и вне рабочего времени, в быту, давали возможность ближе познакомиться с другой культурой, иным образом жизни. Нередко между болгарскими и советскими строителями устанавливались неформальные отношения, перерастая в личную дружбу, а взаимная привязанность болгарских и русских юношей и девушек иногда перерастала в любовь, скрепляясь се-

мейным союзом. Так, в мае 1973 года в составе болгарских строителей трудилось 510 семей, из них 136 семей – смешанных, брак в этих семьях был зарегистрирован в СССР [3, л. 51].

Своевременная помощь международной новостройке со стороны хозяйственных, советских, профсоюзных, партийных и комсомольских органов различных уровней по решению практических задач на стройплощадках, повседневный труд в интернациональном коллективе, взаимная заинтересованность в скорейшем завершении нового производственного комплекса по выпуску целлюлозы, постоянная взаимопомощь, трудовое соперничество постепенно стали действенными моральными факторами, стимулировавшими сознательное отношение к труду со стороны участников строительства, стремление повысить производительность труда, качество работ. Все это позволило придать новостройке необходимый ритм, обеспечить хороший производственный ритм, хорошее качество работ, способствовало преодолению трудностей, которых было немало. Выполнение норм рабочими стало расти, составляя, например, за 5 месяцев 1974 года у советских рабочих 136 % к плановой норме, а у рабочих НРБ – 128 % [3, л. 14].

В течение 6 лет на строительстве третьей очереди Архангельского ЦБК трудилось около 8 тыс. болгарских строителей. Для многих из них советская новостройка стала родной. Неслучайно в 14 последних отрядах болгарских строителей, побывавших в пос. Первомайский, 30 % рабочих составляли те, кто на данной стройке уже работал в первые годы строительства, уехав после истечения срока договора в Болгарию. В результате, в конце 1975 г. 150 болгарских строителей трудилось на строительстве комбината пятый год, 320 – четвертый, 580 – третий [5, с. 36]. На завершающем этапе строительства первого пускового комплекса третьей очереди комбината в 1975 г. выполнение выработки на одного рабочего НРБ составляло 135 %, а лучшие болгарские строительные бригады выполнили годовое задание в 1975 г. на 150–180 % [4, л. 10].

В условиях характерного для СССР в 1970-е гг. повсеместного долгостроя новостройка в пос. Первомайский стала исключением, первый пусковой комплекс третьей очереди Архангельского ЦБК был сдан с опережением плановых заданий. Трест №4 «Главархангельскстрой» завершил выполнение годового плана на 1975 г. 1 декабря, годовую программу на генподряды выполнил на 105,4 %, сдал эксплуатационникам первый пусковой комплекс третьей очереди комбината мощностью 285 тыс. т целлюлозы [4, л. 10].

Литература

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 121.
2. ГААО. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 816.
3. ГААО. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 821.
4. ГААО. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 1094.
5. В рабочем родстве. О совместном труде советских и болгарских строителей третьей очереди Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. – Архангельск, 1976.

Яо Чуньюй
г. Шанхай (Китай)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КУЛЬТУР В СВЕТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Яо Чуньюй – молодой преподаватель английского языка технологического института Шанхая – утверждает, что терпимость – один из основных принципов в традиционной китайской культуре, имеющий длинную историю. В современном мире заветы Конфуция также оказываются востребованы в сфере образования, конкретно: при обучении иностранцев китайскому языку и китайцев – английскому. Яо Чуньюй предлагает разные варианты «продвижения» терпимости в сфере культур: акцент на развитии культурной эмпатии, построении вместо диалога двух культур компромиссной, «третьей», культуры и распространение эсперанто.

Tolerance is one of the basic principles in traditional Chinese culture which has a long history, which has nurtured the consistent growth of Chinese nation. It is one of the highly advocated values in Confucianism, which is looked upon as a moral principle that human being should live up to all through one's life. Zi Gong, one of Confucius students, once asked Confucius: "Is there a principle that one can live up to all through his life?" Replied Confucius, "Yes, it is tolerance. In other words, Do not do to others what you do not want others to do to you..."

As a matter of fact, tolerance plays a vital part in many fields like politics, economy and culture across the world today. Early in 1988, Hannes Alfvén (Dr. Hannes Alfvén, Swedish, 1970 Nobel Laureate in Physics) suggested "Humanity is to survive, we must go back to 25 centuries ago, to learn from the wisdom of Confucius." This writing mainly touches cultural tolerance, which will be conducive to the peaceful and multicultural course of globalization.

Cultural tolerance in Education

1. Teaching in American Classroom

"You're Asian, How Could You Fail at Math?"

An American elementary school teacher, Diane Holttam, speak about how she works with other teachers to disabuse stereotypic notions of Asian American students' abilities. Educators today hear a lot about gaps in education—achievement gaps, funding gaps, school-readiness gaps. Still, there's another gap that is often ignored: the cultural gap between students and teachers. A majority of teaching staff in education profession in the United States are white, middle-class, monolingual-English speakers. Increasingly, the same profile does not hold true for our students. Often, when American teacher stand before our classrooms, the faces looking back at them are quite diversified. Many of American teachers try to narrow the gap with an embrace of color-blindness or the Golden Rule, treating others the way we would want to be treated.

Culture isn't just a list of holidays or shared recipes, religious traditions, or language; it is a living experience unique to each individual. It is educators' job that to stimulate the intellectual development of children, and, in this era, it's simply not enough to operate on the axis of color-blindness.

To truly engage students, we must reach out to them in ways that are culturally and linguistically responsive and appropriate, and we must examine the cultural assumptions and stereotypes we bring into the classroom that may hinder successful communication.

To engage students effectively in the learning process, teachers must know their students and their academic abilities individually, rather than relying on racial or ethnic stereotypes or prior experience with other students of similar backgrounds. Many teachers, for example, admire the perceived academic prowess and motivation of Asian American students and fail to recognize how even a "positive" stereotype isn't positive if it presses students into molds not built for them individually.

2. Teaching of Chinese as a Foreign Language

Over the past four decades and more, China has witnessed profound changes both in economic growth and its involvement with globalization. There is an increasing number of overseas students coming to China leaning Chinese. As foreign students studying in China, often time, cultural clashes may occur when it comes to communication between students and their Chinese teachers in or outside classroom due to cultural variations and roots.

Since the cultural clashes can not be settled overnight, the best policy to that is to take tolerant approaches to cultural differences. Taking tolerant approaches means both students and Chinese teachers are advised to tolerate and respect the cultural disparity for the purpose of successful communication when communication breakdown occurs. As an effective means, cultural tolerance can to a great extent reduce the cultural conflicts resulting from the difference in cultural tradition, values and thought pattern. Cultural tolerance doesn't mean that we take our others' cultural values for granted, nor does it mean that we denounce that. The core of that is we need to communicate on the principle of mutual respect, equality and coexistence between different cultures. Let me give you example as followed.

Jack is an American student who came to China to learn Chinese in Shanghai. After his first final examination, Jack threw a party for pleasure as well as gratitude to his Chinese teacher Professor Wang. On that day, Professor Wang dressed him up and showed up at the party on time, while some of Jack's friends with casual clothes arrived ten minutes late, others even a quarter late. At the party, there were only simple drinks like cola

and juice and snacks served, let alone a hearty meal. After greeting professor Wang, Jack left him alone and chatted with friends. Since professor Wang knew very few people at the party, he excused himself and left the party thirty minutes later. According to Chinese cultural norm, Jack is supposed to prepare a hearty meal and drinks, what's more, he should spend much more time talking with Professor Wang out of respect and generosity. Therefore, in the eyes of Chinese, professor Wang didn't receive enough hospitality, but he didn't complain about that at all.

From the case above, we can tell that the Chinese teacher is a really successful intercultural communicator. He is invited to the party held by his American student, which is obviously an American way for get-together. Over the party, the Chinese teacher is treated the way as most Americans are instead of the Chinese way. However, the Chinese teacher does not complain anything at all about that, on the contrary, he is quite tolerant to that on the basis of mutual respect and understanding of cultural differences.

Compliments and compliments responses are an essential part of daily verbal communication. Various expressions of compliment and complement response reflect the cultural variations and different cultural roots. The two examples below are about the expression of compliment and compliment response in English and Chinese culture as followed.

Jenny (American student): *Your new dress look very good on you, especially goes with your shoes.*

Ms. Yang (Chinese teacher): *Really? It's just an ordinary dress I bought in a small shop. It is quite cheap.* (response 1: Chinese response to compliment)

Ms. Yang (Chinese teacher): *Thank you. I'm glad you like them. I like your dress, too.* (response 2: American response to compliment)

In the conversation above, Jenny feels quite shocked and puzzled at Ms. Yang's response 1 which, in American culture, could have meant that Jenny didn't know what a really good dress is, otherwise, how could Ms. Yang get so excited about an ordinary dress? The implication is that Jenny's taste in clothing is questionable. Under no circumstances like that could communication go smoothly, if Jenny and Ms. Yang communicate in their respective cultural perspective. Then what can they do to make the communication go as successfully as possible? The answer is that both of them have to know and accept the existence of cultural difference between China and America first, and then to tolerate and respect those differences. For Jenny, both responses from Ms. Yang should be acceptable to her in terms of intercultural communication. For Ms. Yang, intercultural awareness should also be raised.

All in all, being tolerant to cultural differences can be very helpful to successful communication between people from different cultural backgrounds, no matter where you are, classroom in China or in the United States.

How to promote cultural tolerance

1. Develop Awareness of "Cultural Empathy".

In intercultural communication, people need to develop their awareness of "cultural empathy". Chinese Scholar Jia Yuxin (2000) noted that communicators were

following the Platinum Rule in the practice of empathy, which means do unto others as they themselves would have done unto them. In other words, communicators try to explain and judge others' behaviors from others' cultural norms. Tolerance to "others" reflects respect to "others' culture". Each nation has its unique cultural tradition and belief, which came into being along with its history and empower its nation to grow consistently. When it comes to communication between different cultures, no one could be winners with the globalization without mutual respect and tolerance to each other. Any culture needs to accept its imperfection and try to learn what is beneficial to itself from others for its prosperity.

Cultural tolerance is essential. When dealing with people in a different culture, courtesy and goodwill can also go a long way in ensuring successful communication. Again, this should be insisted on.

2. Build a Third Culture.

Third culture kid (TCK) is a term used to refer to children who were raised in a culture outside of their parents' culture for a significant part of their development years. The definition is not constrained to describing only children, but can also be used to describe adults who have had this experience of being ATCK (referred as Adult Third Culture Kid). The experience of being a TCK is unique in that these individuals are moving between cultures before they have had the opportunity to fully develop their personal and cultural identity. The first culture of children refers to the culture of the country from which the parents originated, the second culture refers to the culture in which the family currently resides, and the third culture refers to the amalgamation of these two cultures. The third culture is further reinforced with the interaction of the third culture individual with another expatriate community one would come to encounter.

From the research that has been conducted on TCIs, it has been found that subjects are generally more tolerant of different cultures and of people of different backgrounds than subjects from the same home country who are not TCIs. In addition, TCIs generally feel that they are better able to adapt to new cultures and understand how to behave appropriately in these new environments. Researcher and teacher Wenda Sheard surveyed some of her multi-cultural students, most of whom were either fluent in two or more languages, and found that many felt that they had an increased tolerance of other cultures. However, as one student explained, part of this tolerance was out of necessity for maintaining a healthy social life in one's new environment and culture.

In a study by Dewaele and van Oudenhoven (2009), it was found that TCIs scored higher on the open-mindedness scale on the Multicultural Personality Questionnaire (MPQ). According to the study, "this dimension [of the test] evaluates for open and unprejudiced attitudes toward out-group members, as well as diverse cultural norms and values."

3. Globalize Esperanto.

Samuel Huntington pointed in *The Clash of Civilizations And the remaking of World Order*, "For the first time in history global politics is both multipolar and multicivilizational; modernization is distinct from Wes-

ternization and is producing neither a universal civilization in any meaningful sense nor the Westernization of non-Western societies.” Although what Samuel Huntington said about the clash of civilizations sounds polarized, the diversification in effect exist in terms of cultural variations and roots, which indeed has a negative impact over exchange and cooperation between nations on the planet. Thus, the best policy to promote peaceful coexistence of the globe is to take cultural tolerance seriously.

Esperanto is a constructed international auxiliary language created in the late 1870s and early 1880s by L. L. Zamenhof, a Polish-Jewish ophthalmologist from Białystok, then part of the Russian Empire. Zamenhof's goal was to create an easy-to-learn, politically neutral language that would transcend nationality and foster peace and international understanding between people with different languages. According to Zamenhof, he created the language to foster harmony between people from different countries.

Esperantists can access an international culture, including a large body of original as well as translated literature. There are more than 25,000 Esperanto books, both originals and translations, as well as several regularly distributed Esperanto magazines. In 2013 a museum about Esperanto opened in China. Every year, 1,500–3,000 Esperantists meet for the World Congress of Esperanto (*Universala Kongreso de Esperanto*).

If Esperanto could be widely used as a universal second language by people with different cultural back-

grounds from across the world, global communication, as I see it, would be much more successful and cultural clashes would be reduced to a large degree, because it does neither belong to any particular culture nor replace any ethnic languages. In doing so, people from different cultures can communicate on equal terms, which was actually the goal widely shared among Esperanto speakers in the early decades of the movement.

Reference

1. *Hendrik, W. Van Loon. Tolerance / W. Hendrik; Wang Xun, Ji Fei et al. Trans.*) – Beijing: Tsinghua University press, 2012.
2. *Locke, J. A Letter Concerning Toleration / John Locke // William Popple, Trans. – 1689.*
3. *Huntington, S. The Clash of Civilizations And the re-making of World Order / Samuel Huntington. – Simon & Schuster, 1996.*
4. *Miao, Yu Cultural Tolerance in Teaching Chinese as Foreign Language. Unpublished / Yu Miao // MA thesis. – Yangzhou University, 2013.*
5. *Zhang, Mei The Potential and Limitation of Cultural Tolerance / Mei Zhang // Shandong Social Scinces. – 2010.*
6. Net.1. Culture in the Classroom. – URL:
7. <http://www.tolerance.org/supplement/culture-classroom>
8. Net. 2. Esperanto. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Esperanto>
9. Net. 3. Third culture kid. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Third_culture_kid

И.Н. Мухина
г. Череповец

ШОПИНГ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Формирование потребительского общества в 60-е гг. XX в. в западных странах имело огромные социальные последствия. Революционные лозунги молодежных бунтарей 1968 г. вовсе не были направлены против общества массового потребления. Как подчеркивал известный английский историк Эрик Хобсбаум, «отказ от прежних ценностей происходил не во имя какой-либо другой модели общества..., а во имя неограниченной свободы индивидуальных желаний» [2, с. 357]. Дальнейшее развитие рыночной экономики, особенно в ее нынешней нелиберальной модели, основательно подорвало такие традиционные западные институты, как семья и церковь. Так, в Праге на Всемирном конгрессе семей Стокгольм был победно объявлен «первым постсемейным городом», потому что две трети его жителей не имеют семьи и не планируют ею обзаводиться [1, с. 30]. На что же сегодня ориентирована жизнь женщины, чем, кроме трудовой и общественной деятельности, занята она в свободное время?

«Главное сегодня, – как писал Артур Миллер, – это хождение по магазинам. Много лет назад человек, если он был несчастлив, не знал, что ему делать,

он шел в церковь, устраивал революцию – лишь бы делать хоть что-нибудь. А сегодня? Вы несчастны, не знаете чем заняться? Спасение – в хождении по магазинам». Это и есть «шопинг», который для определенных категорий женщин (сегодня существует и так называемый «мужской шопинг»), чуть ли не основной смысл жизни. Между тем, шопинг имеет свою историю, без которой сложно понять суть самого явления. В 1876 г. в Париже Аристид Бусико, бывший простой продавец в лавке, торжественно открывает огромный универсам «Бон Марше», архитектором здания которого выступил сам Гюстав Эйфель. Здание универмага поражало: площадь равнялась 2700 квадратным метрам, стеклянная кровля, через которую в огромные залы лился дневной свет. Однако красота здания не шла ни в какое сравнение с теми правилами торговли, которые были установлены в самом магазине. Сегодня они кажутся обычными, но 136 лет назад они произвели настоящую революцию.

Во-первых, в универмаге был представлен очень широкий ассортимент товаров: каждый отдел соответствовал отдельному специализированному мага-

зину. Под одной крышей можно было приобрести женскую одежду, товары для детей, обувь, домашнюю мебель, мелкие домашние принадлежности. Более того, в универмаге товары были в свободном доступе. Для тех времен это было огромным событием, хотя, естественно, это не было абсолютным новшеством. На ярмарках и базарах торговцы выкладывали на прилавки свои товары, чтобы продемонстрировать их толпе. Но это были обычные товары, такие как овощи и фрукты, мясо и рыба, горшки и корзины, отрезки недорогой ткани. Если у торговца и имелись дорогостоящие, эксклюзивные вещи, они не выставлялись напоказ, а предназначались для глаз только тех клиентов, которые могли себе их позволить.

Конечно, в больших городах богатые магазины вывешивали свои фирменные товары, но только для того, чтобы продемонстрировать свою исключительность. Но в основном магазины были специализированные и располагали ограниченным количеством товаров. Женщина, если она не была представительницей богатых кругов, могла за всю жизнь ни разу не увидеть дорогих вещей. С появлением универмага такие проблемы стали исчезать. Любая покупательница могла пройти между рядами разнообразных товаров, прикоснуться к ним. Тем самым стиралась грань между людьми из высшего общества и простыми обывателями. Несмотря на его достаток, каждый человек мог быть потенциальным покупателем, что возвышало его в собственных глазах, придавало уверенности в поступках.

Однако самая большая революция, которая произошла с появлением универмагов, – связана была с тем, что они изменили женщины. Изначально Бусико делал расчет на тот слой населения, который мужчины-предприниматели практически не замечали – на женщин. Это был смелый шаг: женщина в то время не являлась полноценным деловым партнером, на которого можно было рассчитывать с коммерческой точки зрения. Мужчины управляли миром, а женщины рассматривались только как их продолжение во всех смыслах: они рожали им детей и украшали их жизнь. Однако Аристид рано понял, что представительницы прекрасного пола, которые ограничены пространством дома, изнывают от скуки, поэтому, если создать для них мир ярких впечатлений, они не захотят с ним расстаться. Для этого господин Бусико создал целый дворец, который радовал не только изобилием представленных товаров, но и был приятен с эстетической точки зрения...

Товары были по максимуму предложены на выбор дам, было мало того, что оставалось на складе. Женщины спокойно ходили между прилавками, которые пестрели от изобилия товаров, могли часами смотреть, трогать, примерять. Кроме того, помещение было столь велико, что парижанки могли посещать универмаг не в одиночку, а в обществе подруг, поэтому покупки сопровождались общением. Не последнюю роль играли и услужливые продавщицы, которые потакали всем желаниям клиентки. Более того, все купленные товары можно было вернуть назад (именно «Бон Марше» ввел такое понятие, как «Гарантия качества»), бывали случаи, когда вещи

возвращали через два и даже три года, однако при этом были столь огромны, что никто не противился данным явлениям.

Тем самым универмаги и созданный ими исключительно женский мир, зародили первые зерна женской эмансипации. Теперь женщина – не предмет интерьера, который сидит дома и нужен только для воспроизводства потомства и для того, чтобы его обожали. Теперь существовал целый мир, где их ценили и уважали их решения. Более того, у женщины появились свои собственные доходы и надежда самостоятельно, без участия мужчины, улучшить свой жизненный уровень. Возможность самостоятельно распоряжаться и зарабатывать деньги позволила ей рассчитывать на вероятность принятия независимых решений, а впоследствии – на право выбора жизненного сценария. В последующем эти изменения в статусе женщины стали еще более заметными и радикальными.

«Общество потребления» – одно из самых заметных достижений западной цивилизации. Человек в таком «обществе» стремится быть «не хуже других», но с другой стороны не сливается с массой. Жан Бодрийяр – известный французский интеллектуал, – резко критиковавший постиндустриальное капиталистическое общество, объяснял его феномен следующим образом: потребности человека основываются на желании испытывать счастье – счастье обладания теми или иными предметами. Самый главный миф, который реализует данное счастье, по мнению автора, – это миф равенства людей. Политика общества потребления состоит в том, чтобы уравнивать людей за счет уравнивания количества благ. Потребление становится чем-то вроде спорта, психотерапией, пропуском в определенные социальные круги.

Значительную роль в формировании новых ценностей, к которым мы относим шопинг, играет реклама. Она оказывается весьма действенной, буквально заставляя женщину вживаться в образ преуспевающей леди, которая ездит на дорогой машине, покупает дизайнерские вещи, пользуется качественной косметикой. Ее мужчина использует хороший парфюм, а ребенок употребляет в пищу дорогое питание. И если покупать все эти товары, то она обязательно станет похожа на тех героинь, что доминируют сегодня в видео. Так же, как и эти героини, женщина пользуется гелями для душа, покупает духи, о которых рассказывают. Кроме того, женщина крайне доверчива, и этим тоже пользуются производители рекламы. Гарантами качества в роликах выступают только специалисты – лучшие стоматологи, эксперты, модельеры... Рекламодатели обещают, что покупка принесет счастье. Это приводит женщину к стремлению постоянно что-то покупать, чтобы обрести это счастье. А если оно не достигается – значит, покупок сделано мало и надо приобретать еще и еще. По существу, женщина покупает эмоции, а не сам товар. Она приобретает не шампунь, а шикарные волосы, не крем, а красивое лицо, поэтому создатели рекламных роликов превозносят качества товаров и делают упор на то, что именно их продукция поможет женщине выглядеть безупречно.

Для женщин шопинг – это развлечение, приятное проведение досуга. Исходя из специфики женских глянцевого журналов, можно сделать вывод, что женщин больше всего интересуют одежда, косметика, аксессуары, парфюм, товары для дома. Также было замечено, что продолжительность нахождения женщины в магазине зачастую зависит от того, кто ее сопровождает. Согласно одному исследованию, проведенному в сети хозяйственных магазинов, меньше всего времени женщина проводит, занимаясь покупками, находясь с мужчиной – 4 мин. 41 с., а дольше всего, если ее сопровождают другие женщины – 18 мин. 15 с., если же она одна, то на покупку в среднем уходит 5 мин. 2 с., с детьми, за которыми нужен постоянный присмотр и внимание, она потратит 7 мин. 19 с. [3]. Когда женщина в магазине одна, ей часто жалко времени, особенно, если ее где-то ждут друзья. В обществе мужчины она ощущает постоянное давление, он регулярно показывает ей, что устал и что ему надоело находиться в магазине. Когда женщина находится с подругами или другими женщинами, они общаются, советуются друг с другом, поэтому процесс шопинга затягивается надолго. По данным опроса, проведенного, на сайте интернет-сообщества Fashiony.ru в 2010 г., 26 % респонденток берут с собой на шопинг подругу, 31 % предпочитают ходить в одиночку и лишь 17 % ходят с молодым человеком [4].

Занятие шопингом имеет свои негативные последствия, прежде всего, психологического характера. Отмечается, что чрезмерное увлечение шопингом может повлиять на здоровье, разрушить семью, втянуть в долговую яму. Когда начинает доставлять удовольствие не приобретенная вещь, а процесс покупки, может возникнуть болезнь под названием «ониомания» или, проще говоря, «шопоголизм». «Ониомания (от греческих *onios* – «продаваемый» и *mania* – «безумие») – навязчивое влечение делать покупки, не сообразуясь с необходимостью и последствиями; наблюдается при маниакальных со-

стояниях» [5]. Для лечения «ониомании» используются различные психологические тренинги, психологических групп поддержки. Сегодня существует общество, напоминающее анонимных алкоголиков, – анонимные должники. Оно насчитывает около 130 филиалов в Америке и Европе. Филиал данного общества есть и в Москве. В Европе действует Общество поддержки людей, страдающих от покупательской зависимости.

В заключении следует отметить, что ценности современной женщины претерпели изменения. Семья, дети, дом по-прежнему могут считаться приоритетными у определенных категорий женщин, однако рынок, средства массовой информации и постоянная пропаганда потребительского образа жизни предстают нередко более значимыми. Молодое поколение, изначально сформировавшееся на новых жизненных стандартах, желало бы больше иметь и потреблять, чем создавать и производить. Не потому ли западное общество стремится переложить непосредственную трудовую деятельность на мигрантов, которые на самом деле едут в Европу не за работой, а за той же красивой жизнью. Полагаем, что «шопинг», превратившись в расхожую «ценность», еще доставит немало проблем современному обществу.

Литература

1. Большой медицинский словарь. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/31706> (дата обращения 20.04.2015).
2. *Лексин, В.Н.* Идеологические основы упадка современного института семьи / В.Н. Лексин // *Общественные науки и современность*. – 2011. – №2. – С. 30.
3. Сообщество Fashiony.ru. – URL: http://fashiony.ru/page.php?id_n=6737 (дата обращения 20.04.2015).
4. *Хобсбаум, Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – М., 2004.
5. Центр дистанционного обучения. – URL: http://www.elitarium.ru/2004/09/22/kak_pokupajut_muzhchiny_i_zhenshiny.html (дата обращения 20.04.2015).

М. С. Даренина
г. Череповец

ПРОБЛЕМАТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИГРАНТОВ И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Миграция населения в мире началась с появлением человечества, так как человек постоянно приспособивался к окружающей действительности. «Миграция наряду с рождаемостью и смертностью – это третий главный фактор демографической динамики, один из способов приспособления человека к меняющейся действительности, который моментально реагирует на социально-экономические, политические и другие изменения в обществе» [5].

Масштабность миграционных процессов в современном обществе и значимость тех перемен, которые ими привносятся в экономическую, политическую и

социокультурную жизнь страны, требует усиления внимания к их всестороннему исследованию. В настоящее время Россия испытывает нехватку рабочих рук в таких сферах, как строительство, транспорт, торговля. Трудовые мигранты восполняют этот дефицит кадров. Но, не зная языка и обычаев, приехавшим в Россию мигрантам трудно адаптироваться к новой для себя обстановке.

Проблема адаптации иностранных граждан в современной России представляется теоретически и практически значимой. Ее решение позволяет оптимизировать происходящие социальные процессы. В

настоящее время существуют довольно эффективные способы адаптации мигрантов к новым для них условиям жизни. С целью минимизации уровня культурной дистанции между иностранными гражданами и россиянами на территории Вологодской области был запущен проект «Школа мигранта», целевой группой которого являются мигранты, вызывающие наибольшее отторжение у граждан РФ.

К основным положительным характеристикам деятельности проекта относится следующее:

1. Обучение мигрантов русскому языку осуществляли их соотечественники. «Те учителя на территории Узбекистана, Таджикистана преподавали русский язык как иностранный. Мы их нашли и пригласили сюда. Удобно, что человек знает узбекский и русский, таджикский и русский. Так обучение будет проще и легче. Зачастую бытует мнение, что приезжают только неквалифицированные рабочие, это не так: вот, приехали учителя», – отметил заместитель начальника областного управления миграционной службы Сергей Жестяников» [1].

2. Наряду с занятиями были организованы и экскурсии в различные музеи.

3. Проект функционировал без привлечения бюджетных средств за счет финансирования со стороны работодателей, использующих иностранную рабочую силу, национальных общественных объединений и самих иностранцев, изъявивших желание учиться. «Самая главная изюминка этого проекта не только в том, что мы занимаемся интеграцией трудовых мигрантов в наше общество, но и то, что для бюджета это не стоит ни копейки. Мы занимаемся организационной поддержкой, помогаем учебной литературой», – пояснил начальник департамента внутренней политики Правительства области Алексей Макаровский» [3].

4. В проектах были созданы все условия для получения знаний, а соответственно, и успешной адаптации обучающихся. «Учебный класс оборудован современной техникой» [4].

5. Организаторы проекта считают, что «Школа мигранта» позволит иностранным гражданам, приезжающим на работу в нашу страну, лучше адаптироваться в новой для себя среде.

К характеристикам проектов, требующих изменения, можно отнести следующие:

1. Ситуации, когда обучение мигрантов становилось обязанностью российских учителей. Главная сложность при таком развитии событий заключается в существовании языкового барьера между обучающимися и педагогами.

2. В некоторых «Школах мигранта» не было возможности получить сертификат об окончании обучения. За ним приходится ехать в другой населенный пункт.

3. Время занятий было определено нерационально.

4. Отсутствовала дифференциация среди обучаемых.

5. Специфика учебной программы не соответствовала потребностям иностранных граждан и работодателей.

6. Организация финансирования происходила

полностью за счет средств работодателя.

Можно выделить ряд принципов, на основе которых функционировала «Школа мигрантов»: толерантность, доступность, гуманность, гражданственность, принцип фундаментальной и прикладной направленности обучения, индивидуальный подход к каждому гражданину, рациональное преподавание (наглядность, системность, комплексность и др.), своевременность и постепенность обучения, систематичность обучения.

Анализируя информацию по вопросу существования потребности в проведении адаптационных мероприятий мигрантов, можно сделать вывод о их необходимости, так как количество иностранных граждан, прибывающих в РФ, увеличивается с каждым днем. Но, несмотря на теоретическое признание данного факта, в ходе анализа вторичных данных было выявлено, что 87 % граждан РФ против проведения каких-либо адаптирующих мероприятий, мотивируя это тем, что в России предостаточно проблемных ситуаций, вызванных деятельностью коренного населения РФ. Они считают, что мигранты вызывают лишь негативные явления в стране и давно следует перестать выделять бюджетные деньги на трансформацию миграционной ситуации.

Сами мигранты также не планируют осуществлять межкультурное взаимодействие в полной мере, повышая свой адаптационный потенциал и уровень знания русского языка, ссылаясь на отсутствие времени и необходимости. Граждане из Таджикистана и Узбекистана оценивают свой уровень знания русского языка и развития адаптационного потенциала на среднем уровне, довольно высокий уровень самооценки можно зафиксировать у мигрантов из Белоруссии и Украины.

Примечателен тот факт, что сотрудники УФМС не считают нужным адаптировать мигрантов к новой среде, объясняя это тем, что иностранные граждане приносят слишком много проблем и не стоит облегчать им жизнь в РФ. По их мнению, следует ужесточить миграционное законодательство для снижения потока эмиграции и не нужно будет тратить финансовые, временные и кадровые ресурсы для проведения их адаптации. Экспертное сообщество показало низкую степень информированности о проекте «Школа мигранта» и особенностях его функционирования.

Работодатели оценивают уровень знания русского языка и адаптированности мигрантов как достаточный для ведения трудовой деятельности и не стараются его повысить, так как на это у них не хватает средств, а у иностранных граждан времени, и они не видят смысла в подобных мероприятиях. Еще одна из главнейших причин заключается в том, что обучение и адаптация не всегда ведет к достижению главной цели работодателя, заключающейся в повышении производительности труда работников. В ходе опроса была подтверждена уже неоднократно выдвигаемое предположение о низкой степени информированности о проекте «Школа мигранта». Но даже работодатели, информированные о подобном проекте, не организуют своим работникам обучение, несмотря на то, что считают его целесообразным.

Подводя итог, можно сказать, что работодатели определяют адаптацию мигрантов и обучение их русскому языку как необходимость, но для своих работников не делают этого, так как не видят в этом смысла. Большая часть респондентов отмечает взаимозависимость уровня культурной дистанции и процесса адаптации, что проявляется в полном нежелании работодателей адаптировать граждан из ближнего зарубежья. Гражданам с более высоким уровнем культурной дистанции, как считают опрошенные, нужно уделять больше внимания и проводить адаптационные мероприятия только для них.

Таким образом, в ходе опросов был выявлен низкий уровень потребности мигрантов, работодателей и сотрудников УФМС в адаптирующих мероприятия для иностранных граждан, но, несмотря на это, необходимо уделять большое внимание межкультурному взаимодействию и разрабатывать эффективные методики работы с иностранными гражданами, которые должны быть сформированы с учетом таких характеристик, как:

1. Наличие достаточной технической и материальной базы проектов.
2. Тщательный подбор кадрового персонала проекта. Неоспоримым фактом является то, что осуществление обучения соотечественниками иностранных граждан может существенно повысить эффективность и результативность обучения.
3. Рациональный выбор времени и места проведения обучения.
4. Организация дифференциации обучаемых. Некоторые национальности конфликтуют между собой, и для повышения эффективности обучения следует разделять их представителей в процессе обучения.
5. Налаженные коммуникативные, нормативные, мотивационные и иные каналы с внешней средой.
6. Рациональная организация учебной программы. По данным опроса профессионального и непрофессионального сообщества было выявлено, что в

процессе обучения необходимо больше внимания уделять законодательству РФ. Нужно осуществить пересмотр учебной программы с целью выделения большего количества часов, так как преподаватели школы сообщили, что для них было затруднительно выдать такой большой материал за короткий временной промежуток.

7. Организация эффективного финансового механизма. На данный момент обучение мигрантов осуществляется за счет средств работодателей, а они, ссылаясь на отсутствие денежных средств, не хотят заниматься адаптацией мигрантов и тем самым ухудшают социальную, экономическую и криминогенную ситуацию в России.

8. Учет специфики трудовой занятости иностранных граждан в определенном районе. Работодатели, чьи работники занимаются, например, строительными работами, не считают нужным адаптировать мигрантов, так как считают, что для выполнения подобных работ им это не нужно.

9. «Недопустимость дискриминации мигрантов по признакам расы, вероисповедания и принадлежности к определенным социальным и политическим группам» [2].

Литература

1. Мигрант. Фергана. Ру. – URL: <http://migrant.ferghana.ru/> (Дата обращения: 1. 05. 2014)
2. Миграционная политика // Социальная работа. – URL: <http://soc-work.ru/article/784>. (Дата обращения: 29. 05. 2014)
3. Новости Вологодской области News Vo. – URL: <http://newsvo.ru> (Дата обращения: 1. 05. 2014)
4. Череповец Online. – URL: <http://www.chere.ru> (Дата обращения: 1. 05. 2014)
5. Шурупова, А.С. Адаптация и приживаемость мигрантов / А.С. Шурупова // Социологические исследования. – 2006. – №6.

Толерантность в контексте межэтнического взаимодействия

Т.А. Прохорова
г. Севастополь

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА Э. СПЕНСЕРА

В условиях современного мира все актуальнее становятся проблемы межэтнических коммуникаций. Взаимодействия и контакты различных народов между собой во многом зависят от их этнической культуры и психологии, что влияет на способность понимать друг друга и достигать согласия. В вопросах межэтнических взаимодействий Крым, где всегда существовало множество народов и культур, был и остается особым регионом.

Став частью Российской империи в конце XVIII столетия, полуостров с его многовековой историей, живописной природой и самобытным населением, определяющими его уникальность, активно изучался. В Крым в поисках новых знаний и впечатлений приезжали талантливые ученые, чиновники, послы, торговцы, офицеры, художники, поэты – наши соотечественники и иностранцы (к слову, сказать тоже представители различных стран, народов и культур). Путешествия носили характер научных, дипломатических, миссионерских, образовательных поездок, а также этнографических экспедиций, в результате которых рождались путевые письма, мемуары, дневники. Эти документы личного происхождения составляют особый корпус источников по истории Крыма.

Описывая уникальный быт крымских жителей, путешественники первой половины XIX века играли роль наблюдателей, для них важен был опыт сравнений. В записках вояжеров того времени можно встретить различную оценку положения народов, проживавших в Крыму: крымских татар, немцев, армян, греков, цыган, иудеев.

Интересно обратиться к еще не переведенным запискам, которые позволяют ввести в научный оборот новые сведения. Именно с этой целью предпринята попытка проанализировать сочинение английского путешественника Эдмунда Спенсера. Его «Путешествие в Черкессию, Крымскую Татарию и т.д., включающее прогулку под парами вниз по

Дунаю, из Вены в Константинополь и вокруг Черного моря» трижды издавалось в Лондоне: в 1837, 1838 и 1839 годах. Часть, посвященная Крыму, включает в себя три письма из первого тома (с XXII по XXIV) и четырнадцать – из второго (с I по XIV). Письма адресованы некоему «другу Альмаруку», вероятно, сыну путешественника, о котором он упоминает в другом своем сочинении «Германия от Балтики до Адриатики» [3, preface, v].

Маршрут путешествия Э. Спенсера включал в себя речной путь на пароходе по Дунаю из Вены в Пешт и далее – до Черного моря, из Варны в Турцию; посещение Трои и гробницы Гектора, переезд в Стамбул и далее – в Одессу. Путешествие в Крым началось для Спенсера на пароходе, шедшем из Одессы в Ялту. Спенсер получил приглашение от М.С. Воронцова совершить вояж в Черкессию на пароходе «Петр Великий». Путь его лежал через Феодосию и Керчь [4, vol. 1, p. 221–250]. Путешественники побывали на приеме у генерал-губернатора, посетили музей и даже поприсутствовали на открытии гробницы в Царском кургане. Описывая сокровища, извлеченные из кургана, автор отмечает, как прах погребенного был выброшен археологами в навозную кучу. Тут Спенсер впервые замечает разницу между русскими, которые *«не были столь советливы в нарушении святости гробницы, как хотелось бы»* и татарами, которые, как и все мусульмане, *«заслуживают самого искреннего восхищения»*, поскольку *«в каждой стране и в каждой войне ученики Магомета проявляют религиозное уважение перед последним пристанищем смертного»* [4, vol. 1, p. 244–246].

В Черкессии Спенсер пробыл около двух недель, после чего путешественники вернулись в Крым. Вояжер задался целью применить новый способ изучения местности, который он открыл для себя во время поездки по Кавказу, – *«метод проникновения вглубь страны»* для того, чтобы исследовать *«некоторые*

части древних владений ханов Крымской Татариин» [4, vol. 2, p. 2].

Этнографические зарисовки были нормой для описаний путешествий того времени. Ничто так не привлекало авторов, как разнообразные человеческие типы. Крым давал для этого благодатную почву. Судя по запискам путешественников начала XIX в., население полуострова представляло пеструю картину. Как сообщает П.И. Сумароков, в 1802 г. из 188 тысяч жителей Таврической области было около 140 тысяч татар («поселян» и духовенства), цыган – около 2,5 тысяч. Помимо этого здесь проживали «малороссияне», армяне, иудеи, греки, молдаване, ногайцы... [2, с. 159]. Русских было немного. Даже Севастополь, где с самого основания города не было татарских домов, состоял практически полностью из иностранцев – русских, по свидетельству В.В. Измайлова, здесь было меньше половины [1, с.86–87].

Из описаний следует, что различные крымские национальности вели жизнь обособленную – сельские общины в условиях слабого сообщения представляли собой замкнутое культурное пространство. В городах же, особенно крупных центрах, картина была иная. Торговые интересы привлекали в город представителей различных национальностей, население было полиэтничным. В каждом городе можно было несколько кенасс, мечетей, католических и православных храмов. Бойкое общение происходило в столице Крыма Симферополе в ярмарочные дни: *«Пробивающийся сквозь тесноту народ приiskивал удовлетворить свои надобности; россиянин, не ведающий наречия продавца, объясняется с ним знаками; татары в бурках на плечах разъезжают верхами и всякий мимоходящий либо лакомятся из шляпы виноградом, грушами, сливами, либо пускал табачные облака. ... по всей площади крик, шум и беспрестанное движение»* [2, с. 181–182].

Основной канал коммуникации, который попадал в поле зрения путешественников, складывался между русскими (чиновниками, вельможами, офицерами) и крымскими татарами. Спенсер питал неприязненные чувства к русским, он отмечает зверство и жестокость администрации Потемкина по отношению к татарам, что упрочило вражду между этими двумя народами [4, vol. 2, p. 13]. Были и положительные моменты, о которых автор не мог не упомянуть: к примеру, реставрация ханского дворца была, по его мнению, проведена успешно и демонстрировала *«хороший вкус»* новых властей [4, vol. 2, p. 16]. Но какова же судьба остального Бахчисарая? *«Несчастный город»* испытал на себе всю силу *«бессмысленного варварства»* завоевателей Екатерины II, когда целые улицы были уничтожены только из-за страсти русских к разрушению – так об этом писал Э. Спенсер [4, vol. 2, p. 19].

Нелюбовь татар к русским Э. Спенсер объясняет неправильной и враждебной политикой последних в Крыму, потому и реакция мусульман на происходящие перемены была негативной [4, vol. 2, p. 20]. Русские предстают перед читателем в качестве варваров. Спенсер признает, что в России в эпоху Просвещения наметился некоторый прогресс, в страну при-

глашались иностранные ученые, заводчики, специалисты. Все это вывело Россию на новый уровень, а новые либеральные законы должны еще более освободить русских от закоренелости и ступора. Но огромные владения империи тормозили развитие наук и искусств, которые просто не успевали распространиться на всю ее территорию [4, vol. 2, p. 76–77].

Европейский читатель, знакомясь с сочинением Спенсера, рисовал в своем воображении негативный образ России – невежественной, деспотичной, грубой страны, враждебной к чужим традициям. Политический мотив в данном случае очевиден: Спенсеру нужно было во что бы то ни стало выставить Россию как недостойного претендента на владение столь важным в стратегическом отношении регионом – Крымом.

В противоположность русским Спенсер описывает крымских татар как скромный и консервативный народ. Их вековые традиции тщательно охраняются, и это сообщает татарам их лучшие национальные качества – мудрость и созидательность. Не ведая, что такое алчность, презирая все земные богатства, татарин ценит только своего скакуна. Спенсер, не стесняясь преувеличений, полагал, что гид-татарин может доставить массу неудобств своему нанимателю: ведь спать он предпочитает в открытом поле, молится по несколько раз в день и совершенно не чувствует голода, поэтому и беспокоиться за еду и ночлег не станет, оставляя эти заботы своему европейскому гостю [4, vol. 2, p. 96–97].

Свое паломничество в Бахчисарай Спенсер принял в надежде на то, что здесь можно найти национальный характер Крымской Татариин. Архитектуру, манеры, обычаи и костюмы жителей он определяет как строго восточные. Путешественник отмечает большое количество базаров, мечетей с минаретами, лавок, фонтанов. Город сохранил во многом средневековый облик: улицы узкие и плохо проложенные, прямо на них совершаются торговые сделки, процветают ремесла.

В окрестностях города Спенсера привлекла крепость Чуфут-Кале, где ему удалось познакомиться и с крымскими караимами. После обеда в доме раввина путешественники отправились в древнюю синагогу, где видели старинную рукопись Ветхого Завета. В долине Иосафат его внимание привлекли надписи на еврейском языке. Караимы, как уникальный крымский этнос, заинтересовали Спенсера, который позиционировал себя как знаток малых народов крымско-кавказского региона. Недавний опыт изучения черкесов вдохновил автора на подробное описание культуры и быта караимов, а также отдельных аспектов их истории.

Несомненно, заметки Спенсера достойны внимания, поскольку он описывает Крым двухсотлетней давности, что позволяет нам взглянуть на полуостров глазами очевидца. Политический заказ, который выполнял Спенсер, давая субъективную оценку состояния Крыма, подтверждает существование жестких стереотипов в понимании европейцами России. Об-

ращение к новым источникам позволяет вводить в научный оборот новейшие документы и материалы, особенно если это касается такого сложного в культурном и этническом разнообразии региона, как Крым.

Литература

1. *Измайлов, В.В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: новое издание, обработанное автором: в 4 ч. / В.В. Измайлов. – М., 1805. – Ч. 3.

2. *Сумароков, П.И.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. / П.И. Сумароков. – СПб., 1803. – Ч. 1.

3. *Spencer, E.* Germany, from the Baltic to the Adriatic, Or, Prussia, Austria, and Venetia from the reference to the late war / E. Spencer. – London: George Roulledge & sons; N.Y.: 416, Broom street, 1867.

4. *Spencer, E.* Travels in Circassia, Krim Tartary, etc.: Including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea, in 1836 / E. Spencer. – London: Henry Colburn, Great Marlborough Street, 1837. – Vol. 1, 2.

М.В. Стрелец
г. Брест

ОТНОШЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО К ЕВРЕЯМ КАК ОБРАЗЕЦ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ ТИТУЛЬНОГО ЭТНОСА К НЕТИТУЛЬНОМУ

Указанная тема органически вписывается в проблемное поле данной конференции. Современные реалии свидетельствуют об актуальности высказываний великого писателя Алексея Максимовича Пешкова, имевшего широкую известность под псевдонимом Максим Горький, касательно отношения титульного этноса к евреям. Цель – осуществить комплексный анализ соответствующей части публицистического и литературного наследия данного писателя.

Классик русской и мировой литературы Максим Горький рассматривал отношение к евреям сквозь призму цивилизованной модели отношения титульного этноса к нетитульному. Он был глубоко прав, считая, что без наполнения реальным содержанием именно такой модели общество никогда не будет здоровым, полноценным, по-настоящему консолидированным. Таковой никогда не была современная Горькому Российская империя, где самым слабым звеном в межэтнических отношениях было отношение русских к евреям. Поэтому он предлагал начать кардинальную перестройку российского общества с коренных изменений в этом отношении.

Указанные изменения должны были охватывать следующие проблемные поля:

- 1) отказ от возведения антисемитизма в ранг государственной политики;
- 2) доказательство несостоятельности антисемитских по своей сути теоретических построений;
- 3) демонтаж антисемитизма в массовом общественном сознании.

Классик русской и мировой литературы прекрасно понимал, что перечисленные проблемные поля взаимно пересекаются, взаимосвязаны и, естественно, нацелил себя на решение триединой задачи.

Ознакомление Горького с антисемитскими реалиями российского общества началось с третьего проблемного поля. Юноша Алеша Пешков, у которого еще окончательно не сформировалось мировоз-

зрение, в своем родном городе воочию наблюдал, к чему приводят крайности, связанные с этим полем. Опьяненная антисемитским ядом толпа нижегородцев устроила страшный погром, который юноша воспринимал тогда на уровне эмоций. Достигнув возраста Христа, зрелый инженер человеческих душ фундаментально осмысливает этот погром в одноименном очерке. Именно в очерке «Погром» великий писатель впервые убеждает читателей в том, что «антисемитизм во всех его проявлениях – от теоретического юдофобства до погромов – является наследственным грехом русского народа, порождением его истории и психологии» [1]. Через два года им для целенаправленного подкрепления данного тезиса будет активно использоваться кишиневский погром. Этот погром, датированный 1903 годом, был на много более масштабный, чем нижегородский.

Рост Горького как теоретика лагеря борцов с антисемитским злом еще больше обозначился по достижении им 40-летнего возраста. Об этом сигнализировала мощная в концептуальном отношении лекция «О евреях». Следует обратить внимание проницательного читателя на место, выбранное для чтения лекции: самый большой мегаполис главной страны Старого Света, в которой задавалась планка цивилизованного отношения к евреям. Стремление жить в условиях такого отношения привело к росту эмиграции российских евреев в США. Кстати, они составили значительный сегмент слушателей указанной лекции.

В лекции были сформулированы два ключевых момента.

1. «В продолжение всего тяжелого пути человечества к прогрессу, к свету... еврей стоял живым протестом... против всего грязного, всего низкого в человеческой жизни, против грубых актов насилия человека над человеком, против отвратительной пошлости и духовного невежества» [1].

2. Главную, а может, и единственную причину

вражды к евреям Горький усматривал в присущем им «неустанном стремлении к переустройству мира на новых началах равенства и справедливости» [1].

Классик русской и мировой литературы адекватно оценивал имевшие еврейскую этническую основу субъекты политического процесса, с пониманием относился к поискам ими путей решения еврейского вопроса. При этом он с уважением относился к еврейским партиям, которые формулировали не стыкующиеся пути его решения: Всеобщему еврейскому рабочему союзу России, Литвы, Польши, партии «Поалей сион». Он был согласен с «Поалей сион» в том, что создание еврейского национального очага в Палестине является оптимальным вариантом решения указанного вопроса.

Толерантное отношение Горького к евреям с новой силой проявилось в связи с событиями Первой мировой войны на территории Российской империи. В этот драматический период российской истории «участились погромы, которые сопровождались выселением евреев из прифронтовой полосы. Черносотенцы использовали подходящий момент и подняли вой: евреи предадут Россию. По инициативе Горького было создано «Русское общество для изучения еврейской жизни», Горький активно боролся с юдофобами и антисемитской клеветой.

С чувством глубокой обиды за евреев Максим Горький писал: «Солдату-еврею, который защищает Русь, приходится видеть, как русские люди, с которыми и для блага которых он проливает свою кровь, эти люди разоряют города и деревни его единоверцев».

Обращаясь к передовым людям России, призывая их протестовать против преследования евреев, писатель говорил: «Подумайте, что чувствует еврей-солдат, отдающий мужественно свою жизнь для блага нашего, что чувствует этот человек, защищая страну, откуда его гонят, где ему не дают свободно дышать, где так часты еврейские погромы и возможны такие преступления против духа справедливости, как процесс Бейлиса» [3].

Великий писатель осторожно отнесся к тем изменениям, которые коснулись положения евреев в весьма противоречивый отрезок российской истории, вместивший февральскую революцию 1917 года, октябрьский переворот 1917 года, начальный этап большевистской диктатуры. Конечно, Горький приветствовал тот факт, что антисемитизм перестал возводиться в ранг государственной политики. Вместе с тем он понимал, что демонтаж антисемитизма в массовом общественном сознании никак не может быть одномоментным и призывал к деятельной борьбе с антисемитизмом «в интересах скорейшего роста социальных чувств, социальной культуры» [1].

В 1920-х – первой половине 1930-х гг. Горький по-прежнему задавал планку в отношении титульного этноса к евреям. На наш взгляд, наиболее значимый тезис в публицистике Горького советского периода таков. «Еврейство, – писал он, – имеет право гордиться тем, что оно явилось первым по силе и успеху – организатором религиозно-социальной мысли, первым бродилом духа, бродилом, которое возбудило устами пророков своих мысли о социаль-

ной справедливости» [1]. Высоко оценивал Горький и вклад евреев в развитие ремесел, торговли и промышленности, которое, по его словам, полно «глубокого, объединяющего мир значения» [1].

«В интервью газете "Винер морген цайтунг" (июнь 1922 г.) он так характеризует сущность юдофобства: «Антисемитизм – это не только "социализм дураков", как его называл Бебель, но также и импотенция бездарностей, которые вымещают свой бессильный гнев побежденного соперника по отношению к более сильному противнику за неимением другого оружия посредством темного суеверия и сознательной лжи».

В статье «Об антисемитизме» Горький характеризует юдофобство как «гибельнейшее выражение человеконенавистничества» и здесь же дает краткий, но выразительный обзор истории развития этого позорного явления в царской России. В 1929 году он напоминает читателю о таких зловещих фигурах, как: Александр Третий, Шульгин, Шмаков, Дубровин, о таких трагических событиях, как погромы, дело Бейлиса [3].

В художественной прозе Горький редко касался еврейской темы. Ей посвящен один из ранних рассказов Горького «Каин и Артем» (1899), в котором еврей по прозвищу Каин изображен сочувственно, но неубедительно. Воплощение слабости и приниженности, Каин мучим безнадежной тоской по прекрасной и справедливой силе, олицетворением которой в его глазах выступает босяк Артем, красавец и силач, своеобразный нищезанец, не способный испытывать жалость. В альманахе «Щит» Горький включил краткий очерк «Мальчик», в котором с большим сочувствием изображен бедный мальчик-еврей, демонстрирующий акробатическое искусство перед недружелюбно настроенными русскими детьми, чтобы заработать на пропитание и лечение отца, циркового артиста, упавшего с трапеции. Евреи выступают в качестве эпизодических персонажей в эпопее Горького «Жизнь Клима Самгина», в которой упоминаются также споры о евреях и их роли в жизни России, характерные для интеллектуальной атмосферы изображаемой эпохи. Во второй редакции драмы Горького «Васса Железнова» (1935) фигурирует революционерка Рашель, произносящая программные политические речи. В автобиографической прозе Горького и его воспоминаниях можно встретить любопытные отзывы о еврейском вопросе некоторых деятелей русской истории и культуры (от В. Ленина до Л. Андреева) [1].

Будучи литератором, Горький профессионально оценивал еврейскую художественную литературу. Соответствующие оценки давались им в отдельных статьях, докладе на первом съезде советских писателей. Они были восторженными, касались как еврейской художественной литературы в целом, так и ее наиболее ярких представителей.

Литература

1. Горький М. // Электронная еврейская энциклопедия. КЕЭ. Т. 2. Кол. 191–193. – URL: eleven.co.il/article/11281 (дата обращения 17.12.2014).

2. Горький, М. О евреях / М. Горький. – URL: az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0290... (дата обращения 16.12.2014).

4. Тельман, И. Горький боролся с антисемитизмом / И. Тельман // канадская газета «Голос общины». – URL:

newspaper.unitedcommunityvoice... (дата обращения 22.12.2014).

М.Ю. Сорвина
г. Москва

СОВРЕМЕННАЯ МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ

1. Предпосылки межэтнического конфликта в унитарном государстве

Есть несколько причин, вызывающих проблемы этнических меньшинств на территории унитарного государства:

- 1) этнос исторически проживает на территории другого государства;
- 2) этнос аннексирован другим государством в результате войны или конфликта;
- 3) этнос включен в состав государства в результате дипломатических соглашений.

В любом из перечисленных случаев меньшинство оказывается в роли заложника, вынужденного рассчитывать на разумное и правовое отношение к нему государства и титульной нации. В числе причин притеснения меньшинства со стороны унитарного государства можно назвать:

- опасение распада государства в результате попытки введения меньшинством своих правовых, образовательных и прочих норм;
- утверждение унитарным государством своей национальной избранности;
- исторически закрепившееся мстительное чувство по отношению к национальному меньшинству;
- внутренние проблемы унитарного государства и создание образа «врага» на внутренней территории.

В числе способов избежать межнационального конфликта внутри государства можно назвать следующие:

- полную и единовременную депортацию этноса с территории, приобретенной в результате военного или мирного пересмотра границ, на территорию страны его исторических предков;
- переговоры сторон и утверждение статуса автономии;
- пересмотр дипломатических решений с последующим отказом от аннексированной территории.

Последний случай устраняет основания для внутригосударственного конфликта, но представляется в политическом отношении утопичным. Унитарное государство, отстаивающее доставшиеся ему территории, практически никогда не принимает подобных решений, если только речь не идет о его территориальном распаде в результате войны (распад Цислейтании в 1918 г.), либо – общей договоренности акторов территорий, его составляющих (распад СССР и образование СНГ в 1992 г.).

При депортации этноса с полученной государством земли конфликт ликвидируется единственно возможным способом, поскольку не устраняет сам этнос с его языком и культурой. Примером такого решения может служить образование Калининграда и Калининградской области на месте бывшего германского Кенигсберга после Второй мировой войны. Однако в случае с аннексией Южного Тироля, который мы здесь рассматриваем, эта мера в 1919 г. не была принята, что и создало проблему насильственной денационализации территории.

Единственной мерой на протяжении ста лет стали переговоры как на общеевропейском уровне (сессия ООН в 1960 г.), так и между двумя конфликтующими государствами (Парижские переговоры 1946 г.) или между представителями унитарного государства и аннексированного этноса. Путь переговоров внутри государства требует от обеих сторон готовности идти на компромисс, причем следует учитывать, что в случае переговоров меньшинство предъявляет больше требований и выступает в активной роли [2, с. 301]. При отсутствии созидательных намерений со стороны унитарного государства неизбежным становится противостояние, а притеснения, репрессии за неповиновение режиму и, соответственно, национально-освободительная борьба могут длиться неопределенный период времени, принося жертвы обеим сторонам.

Целью мирных переговоров внутри государства (либо при участии третьей стороны) обычно является закрепление за территориальным меньшинством статуса автономии, предусматривающей относительную политическую, экономическую и культурную самостоятельность.

Стремление к демократизации в современном мире создает благоприятные условия для децентрализации политической и территориальной системы унитарного государства, развития прав автономии и расширения ее возможностей. В то же время статус автономии, как целеполагающей единицы еще не решает всех проблем малой народности. Любые меры (или видимость мер) по *civilizing conflict* могут оказаться бессмысленными, если до этого момента национальное меньшинство подвергалось геноциду, унижению и жесткому ущемлению в правах со стороны унитарного государства. Кроме того, создание автономии в унитарном государстве еще не выводит такое политическое и юридическое образование за

рамки унитарного правления и не превращает унитарное государство в федерацию.

2. Немецкая проблема в Северной Италии

Учитывая, что систему государственного устройства допустимо классифицировать по принципу «унитаризм – регионализм – федерация», современное унитарное государство Италия иногда относят к среднему звену и называют «государством автономий» или «регионалистским государством». Однако этому предшествовал двадцатилетний период сверхцентрализма фашистской Италии (с 1922 по 1943 гг.), проявления которого сохранялись и в послевоенный период (особенно в 1940–1960 гг.).

Италию в XXI в. принято рассматривать как сложное государство, имеющее в составе своей территории автономные образования с разными уровнями самоопределения. Административно-территориальное деление Италии всегда относили к трехзвенному типу, поскольку ее административными единицами являются область, провинция и коммуна.

Италия состоит из двадцати провинций или автономных областей, но пять из них обладают расширенными правами, и их специальный статус закреплен в статье 116 конституции страны. Это – Трентино-Альто Адидже, Валле-Д'Аоста, Фриули-Венеция-Джулия, Сицилия и Сардиния. Последние две являются островными территориями. Валле-Д'Аоста и Фриули-Венеция-Джулия сформировались исторически в период так называемого Рисорджименто и борьбы Италии за возвращение ранее принадлежавших ей территорий. Несколько иное положение оказалось у автономной провинции Трентино-Альто Адидже, имевшей историческое название «Южный Тироль» и входившей на протяжении десяти веков в состав земель Австрийской империи.

После распада Австрии в результате Первой мировой войны и пересмотра европейских границ этнические немцы Южного Тироля на протяжении всего XX века вели постоянную борьбу за автономию, самоопределение и выход из состава Италии, которой они были переданы в 1919 г. в результате дипломатических переговоров (*Сен-Жерменское соглашение*). Численно немецкий этнос в Италии за этот период вырос и к началу XXI века по-прежнему преобладал над итальянским. По результатам переписи 2001 г. в 116 коммунах на территории Южного Тироля (из 8 тыс. коммун на территории Италии) подавляющее большинство населения считало своим родным языком немецкий. Немецкоязычных коммун насчитывалось 103, итальянских – 5, латинских – 8.

Однако в процентном соотношении немцы в течение XX в. понесли потери: ранее они составляли 90 % населения Южного Тироля по сравнению с 5 % итальянцев, теперь – 70 %. Такая демографическая катастрофа аннексированного этноса стала возможна из-за проводимой итальянским правительством миграционной политики – искусственного заселения территории региона люмпенами из центральных и южных районов (особенно в период с 1923 по 1970 гг.). В результате этой политики численность итальянского населения была искусственно увеличена с 20 000 до 120 000.

В этих условиях главным политическим дости-

жением немецкого меньшинства Южного Тироля, проживающего преимущественно на территории провинции Альто Адидже и частично в провинции Трентино, стало обретение статута автономии внутри Итальянского государства. Работа над так называемым «Пакетом Южного Тироля» велась на протяжении двадцати лет (с 1972 по 1992 гг.), закреплялась и реформировалась в последующие десятилетия и продолжается до сих пор, равно как и борьба за воссоединение Южного и Северного Тироля.

3. Пути выхода из межэтнического конфликта на современном этапе

На протяжении всего XX века южные тирольцы разными способами пытались воздействовать на европейскую демократическую общественность, побудить крупнейшие международные организации (прежде всего ООН) рассмотреть их вопрос, дипломатическими и юридическими путями закрепить за регионом особый статус. Негативным результатом этих усилий стали репрессии, аресты, ссылки, гибель множества людей. Позитивным результатом – утверждение «Статута автономии», давшего Южному Тиролю некоторые права на двуязычное образование и социальную самореализацию. Впрочем, по мнению политологов, эти права не были закреплены в международных документах, т.е. не получили официальной «интернационализации» [4, s. 16].

Кроме того, датой окончательного утверждения Статута принято считать 1992 г., когда Австрия официально отказалась от своих претензий к итальянской стороне по вопросу Южного Тироля. Однако причиной такого отказа стал политический шантаж австрийской стороны: Австрия вынужденно пошла на эту меру в обмен на членство в ЕС.

После долгих и безуспешных попыток в конце 1990-х – начале 2000 гг. кардинально решить южно-тирольскую проблему – т.е. добиться проведения официального плебисцита по вопросу независимости края и права на свободный выбор государственного самоопределения – наиболее активными партиями и партийными лидерами региона был предложен ряд оригинальных инициатив по южно-тирольской государственности. Так, в 2012 г. инсбрукским профессором Петером Пернталером был создан проект конституции «Свободного государства “Южный Тироль”», обсуждавшийся в широких кругах общественности. В октябре 2014 г. Партией STF («Свобода Южного Тироля») был предпринят неофициальный референдум о самоопределении, выявивший 92 % населения, настроенного на отделение от Италии.

Однако еще в 2009–2010 гг. появилась достаточно оригинальная идея двойного гражданства для жителей Южного Тироля. Автором этого предложения стал депутат Ландтага Южного Тироля, один из лидеров партии STF Свен Кнолль. Именно ему принадлежит высказывание: «Тому, кто хочет в Европу без границ, придется согласиться на устранение ошибочных границ и на предоставление свободы регионам» [3].

На этом предложении следует остановиться особо. Тем более, что юрист Кнолль далеко не случайно изучил множество международных прецедентов, включая – уже в последний год – вопрос о присоеди-

нении Крыма к России. По словам Кнолля, «последние события в Крыму движутся в том же направлении. Несмотря на то, что голосование в стране проходило не по всем международным стандартам проведения референдума (не было достаточной информации для населения, недостаточно представлено международное наблюдение за выборами), факт остается фактом: население Крыма имело право на самоопределение» [3].

Следует понимать, что южным тироляцам в данном случае не до споров и дискуссий о международном праве и бесчисленных резолюциях ООН, принятых в XX в., поскольку ни право, ни декларации никогда не помогали народу Южного Тироля не только обрести истинные гражданские права, но и защитить свои права человека от националистического приращения.

Пресс-секретарь STF Кристиан Колльман считает, что «двойное гражданство (Италии и Австрии) дает южным тироляцам несколько преимуществ»:

1. Австрия приобрела бы гораздо больше совещательных прав при решении южно-тирольских вопросов, поскольку речь идет об ответственности за ее полноправных граждан.

2. За границей южные тироляцы могли бы обращаться в Австрийское консульство и говорить по-немецки.

3. Спортсмены Южного Тироля получили бы право выступать за Австрию, а не за итальянский триколор.

4. Южные тироляцы имели бы возможность голосовать в Национальном совете и в Европарламенте.

5. С двойным гражданством южные тироляцы

продвинулись бы еще на один шаг к обретению независимости [1].

Остроумие идеи Кнолля заключается в том, что итальянцы не раз заявляли о своем лояльном отношении к вопросу двойного гражданства в Европе, правда – не по отношению к тирольской проблеме, а в рамках всеобщей декларативной демократии и толерантности, принятых в ЕС. К постановке этого вопроса на их собственной территории они, очевидно, готовы не были, однако отступать в данном случае некуда. Кроме того официально принятое двойное гражданство ставит жителей Южного Тироля в весьма интересное положение по отношению к их исторической родине: с этого момента Австрия обретает реальное, легитимное право на защиту своих граждан в случае угрозы по отношению к ним.

Обычно, если права не дают, их берут всеми возможными способами, вплоть до военных. Однако южные тироляцы – миролюбивый народ. Они надеются обрести долгожданное право на самоопределение, рассчитывая не на грубую силу, как их оппоненты, а на разум и знание законов.

Литература

1. Письмо от г-на К. Колльмана от 3 марта 2015 года.
2. *Ponner, H.* От разрешения к трансформации конфликтов / Норберт Ропперс // Этнополитический конфликт: пути трансформации. – М., 2007.
3. *Knoll, S.* Und plötzlich Selbstbestimmung: Europaweite Unabhängigkeitsbestrebungen auch für Süd-Tirol nutzen / Sven Knoll // *Süd-Tiroler Freiheit*. – 2014. – 17 März .
4. *Tanania, R.* Die Autonomielösung für Südtirol / Robert Tanania // Universität Augsburg. GrinVerlag. – 2006. – №V54786ю. – S. 16.

Янь Кай

г. Шанхай (Китай)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ/НЕТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЧЕРТА КИТАЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Янь Кай – преподаватель английского языка Школы иностранных языков Шанхайского технологического института – в дискуссионной статье «Толерантность/нетолерантность как черта китайского менталитета» делится своим преподавательским и личным опытом. В процессе обучения первокурсников английскому языку Кай Янь использовал книгу американки китайского происхождения Эми Чуа «Боевой гимн матери-тигрицы», которая вызвала дебаты о культурных различиях в воспитании в США и Китае сразу после первой публикации в 2011 г. Студенты Кай Яня поделились своим опытом воспитания, и оказалось, что современные китайские родители сочетают родительский контроль со значительной долей терпимости к детям, так что жесткий родительский диктат в стиле Эми Чуа перестает быть отличительной чертой китайской модели воспитания. Вспоминая собственные ощущения от пребывания

в США, Кай Янь обращает внимание на цель американской воспитательной модели – формирование ребенка, который уже в раннем детстве приучается делать самостоятельный выбор и нести ответственность за него. Американских детей не опекают, но создают им условия для проявления самостоятельности. При этом дети часто вырастают недостаточно образованными, недостаточно мотивированными, недостаточно уважительными к старшим. В материковом Китае, где давно проводится политика «одна семья – один ребенок», ребенка опекают и родители, и бабушки с дедушками, во многих случаях считая, что они лучше знают, что требуется их единственному чаду. Родители бывают излишне настойчивы и даже нетерпимы, требуя от ребенка успехов в тех или иных сферах знания или деятельности. Однако не стоит думать, что толерантность – черта американских и, в целом, западных родителей, а не-

терпимость присуща китайцам. В современном мире многое зависит от мудрости родителей. Кай Янь пишет о собственном отце-инженере, который настойчиво прививал ребенку интерес к английскому языку, требуя, чтобы каждый день мальчик не менее часа читал английские книги, не лишая его при этом счастливого детства, и добился того, что Кай Янь в совершенстве овладел английским языком, сделал его своей профессией. По мнению Кай Яня, стратегия успеха в современном мире – в соединении лучших качеств воспитательных систем, при этом доля толерантности по отношению к ребенку должна нарастать постепенно, по мере формирования его как личности и осознания ответственности за собственную судьбу.

I am a lecturer of English language and literature working at a local college in Shanghai, China. Currently I am teaching the course “Academic English” to freshmen; focusing on developing their critical thinking in English and helping them employ English language in their future engineering careers. Last semester, in one unit about cross-cultural educational ideas, my students and I worked on a book called “Battle Hymn of the Tiger Mother” by Amy Chua, which had already caused a debate about cultural differences in parenting both in the US and even back in China ever since its first publication in 2011. Ms. Chua is a professor at the Yale Law School in New Haven, Connecticut, and the mother of two daughters, both music prodigies. She was raised in the American Midwest by immigrant Chinese parents. Her book, highly controversial both from the American perspective and the Chinese, tells about her experience in how to raise her two daughters into straight-A students and excellent professionals of piano and violin through rigorous parenting, which immediately became a bestseller in the US and caused the American people to wonder at the question “Is Chinese parenting really better than American parenting?” And Amy Chua also became the most discussed and notorious mum in the world. However, when its Chinese version came into market, the reception was far from satisfactory; some uttered a supporting voice while many showed certain amount of suspicion and denial in terms of the real parenting situation in modern China, saying that rigorous parenting focusing on intolerance has long been discarded by modern Chinese parents and that Amy’s success in raising her two daughters could only be viewed as a special exception that has no merits for other parents around the world to follow suit.

During my lectures, I asked my students to discuss about this topic of tolerance and intolerance on raising children and many drew their own examples and were quite excited for this opportunity to complain to me about what their own parents did to them and what ordeal they had to suffer during their early years of home education. While quite a number of the students agree that intolerance is indeed one of the remarkable qualities of traditional Chinese parenting and is still in use today, still many recalled their childhood with smiles on their faces and thanked their parents for having the wisdom of not being like Amy Chua. When the classes were over, I could not help but wondering at this curious phenome-

non, and thinking back about my own happy childhood and my parents, I think it is time we shifted our views about Chinese education and tried to tell the world that intolerance is not what Chinese parents hold toward their kids any longer.

“A lot of people wonder how Chinese parents raise such stereo-typically successfully kids. They wonder what these parents do to produce so many math whizzes and music prodigies, what it’s like inside the family, and whether they could do it too. Well, I can tell them, because I’ve done it. Here are some things my daughters, Sophia and Louisa, were never allowed to do:

- attend a sleepover,
- have a playdate,
- be in a school play,
- complain about not being in a school play,
- watch TV or play computer games,
- choose their own extracurricular activities,
- get any grade less than an A,
- not be the No. 1 student in every subject except gym and drama,
- play any instrument other than the piano or violin,
- not play the piano or violin”¹.

That is an excerpt from the book, where Ms. Chua listed the “ten commandments” she set down for her daughters to obey. It is funny, we must admit, yet when the “Wall street Journal” published it under the title “Why Chinese Mothers are Superior” back in January, 2012, great attention was drawn. It is reported in less than a week more than 4000 comments appeared on its web site, and on Facebook up to a hundred thousand people took part in the heated debate on the tiger mum. Generally speaking, although some think what Ms. Chua did was reasonable, many American parents used the word “shocking” and “terrible” to describe their impression on the tiger mum parenting, some even claimed that this intolerable way of raising kids nearly amounted to child abuse. My students couldn’t agree more. During the session of my class, some of them recounted their parents always urged them to go to the so-called “interest development training courses” held on weekends where they were supposed to “hone their skills” in musical instruments, Chinese calligraphy, singing, dancing, math or English, without consulting their own interests in the first place. “You simply have to go, because other kids are going too, otherwise you would definitely be left behind.” Their parents would thus say to them. In the end, while other kids were out playing in the field, taking part in ball games, or catching butterflies, they had to sacrifice, as it were, their free time in going to these extra-curricular lessons even though they cost so much, and even this meant that their parents would have to struggle to make ends meet in order to pay for these expensive extra tutoring. Several even complained with bitterness that parents even chose the major for them when it was time to fill out the college entrance application forms back a year ago when they were busy preparing for the “fearsome” college entrance examination. “I have not got a say in what I wanted to do in future, my

¹ Chua, Amy. *Battle Hymn of the Tiger Mother* / Amy Chua. – N. Y.: The Penguin Press, 2011. – P. 3–4.

parents thought that I do not know how to choose and plan, and what is best for my development, so they did it for me instead. They never show any amount of tolerance towards my interests and hobbies, but in fact it is I who know what is really best for my future careers. Now I am stuck at this college with a major I do not particularly like, and I have no idea why they said this was the best choice for me.” The students’ words were like a flood, surging with angry waves towards me, overwhelming me speechless; then a girl stood up and said timidly that she had her parents to thank for her good handwriting and musical sense. “My mother chose calligraphy and music lessons for me when I was a kid. I used to be a naughty girl bent on mischievous deeds and never took a moment’s rest. She thought these lessons would calm my senses and make me behave like a girl. Of course I didn’t like to be confined indoors writing Chinese characters and listening to classical music. I rebelled against her intolerance of my natural instincts, and refused to go,” she said, “then one day my mother took me to an exhibition of ancient Chinese calligraphy and then in the evening of that same day we went to watch an opera, the experience was wonderful. I was deeply attracted by the beautifully arranged Chinese verse written in neat characters and the performance of the opera actors dazzled me, soon I became interested and I’ve been practicing handwriting and listening to classical music ever since, not by order from my parents but I do these things willingly, knowing that I could get pleasure and satisfaction at them.” I asked her if on that day after the exhibition and the opera she still showed no interest in calligraphy or music what her mother would do, surprisingly she said she asked her mother the same question, and her mother replied “I would not ask you to go any further but would try to find other interests that attracted you, and that could be improved upon. But still I would find ways to calm you down, you spend far too much time outside playing and I will not tolerate that.” How could I deny that the mother’s words are wise, however intolerant for the girl? At the same time, I also agree parents should not choose the major for their kids as they are almost adults now and should learn to be responsible for their own choices.

When I was in the US, I noticed that children are encouraged to make their own decisions and choices. They went outdoors selling lemonades to passers-by to earn some extra pocket money during the summer, they would try to practice their skills in interpersonal relations and marketing, doing all they can to persuade us foreigners to buy their drink because it would be good for our health and make us cooler in such hot weather. I began thinking that if I had a kid, I would never tolerate him/her to go outside alone selling things and talking to strangers, because it is such a dangerous world out there. Chinese parents tend to be overly protective towards their children, thus people say when it comes to parenting Chinese parents would be both intolerant and indulgent, what with the single-child policy in mainland China. I am a single child in the family too. My parents and grandparents all used to hover around me, catering to my needs and providing all that is needed for me to be happy. However, I have the fortune to have a wonderful father who exerted a little bit paternal authority to teach

me English when I was a kid of six, myself knowing nothing about the language. I still remember how each day he told me to enunciate in English a selected paragraph in *Jane Eyre* during the summertime and afterwards we would go out into the park to catch the noisy cicadas using old fishing rods with toothpaste attached to its end to glue the crying insect down from atop the high tree branches. With this attractive activity looming ahead as an boosting incentive, as a boy I settled down and read aloud the paragraphs in the novel, thinking that if I could pronounce every word perfectly I could go out and play. My father was wise, and my interest of English literature was developed without even my knowing it. “You will complain now why I should forbid you to rest and show such intolerance to your instincts to explore the world outside as normal boys do, but instead order you to sit down and read. I say that ten years later, you would definitely thank me for what I did to you today and beg for more English novels from me to read,” he jested with smiles in his eyes. After I went to go to college, he never asked me to read English to him any more, saying that I was an adult now and should make my own choices. My father is a mechanical engineer and he taught himself English when he was a young man at his twenties. When I was very young, he used to travel around the globe going to conferences and bringing back seashells from afar as my gifts. He was right, and I feel deeply indebted to him for what I have achieved now; and I left university an English Literature major postgraduate with a bookcase full of English novels I bought myself. And I am still reading to this day, never finding them boring because I am interested.

My father’s parenting style is a typical example of what modern parents nowadays are doing in China. The Americans say “you have made your bed, now you have to lie on it,” to teach children the importance of being responsible. They tolerate the children’s natural instincts and seldom intervene to help cultivate their interests. Learning should be fun and children should be allowed to express themselves more and more. Yet I find that American kids are actually more undereducated and unmotivated than the Chinese. They lack discipline and some even respect. They do not have a solid foundation in their knowledge base. What Chinese parents understand is that nothing is fun until you’re good at it. To get good at anything you have to work, and children on their own never want to work, (in Ms. Chua’s words, if you give kids total freedom, they would probably spend the whole day playing video games), which is why it is crucial to override their preferences. This often requires endurance on the part of parents because the child will refuse and resist; things are always hardest at the beginning, which is where Western parents tend to give up. But if done properly, the Chinese strategy produces a virtuous circle. Once a child excels at something—whether it’s math or piano – he/she gets praise, admiration and satisfaction, which builds confidence and makes the once not-fun activity fun. However, traditional Chinese parenting sticks to this rigorous intolerance during the entire period in a child’s education and in terms of college education, this method would soon prove to be ineffective, because the child is turning into an adult and has needs to make his/her own choices. At this time, it is

wise, like my father, to let go, trust the child's better work habits that the parents has previously cultivated, and watch them soar. Otherwise such ruthless intolerance would suffocate the child's desire to express freely and do harm rather than good. Asking questions is a good thing, but learning a little first so you are equipped to ask intelligent questions and to understand the answers is much better.

There is a Chinese story, which goes like this: a farmer once got a precious jade stone, he would very much like to carve it into an artwork of intricate beauty. Yet the only tool he possessed was a hoe, which he used and with it carved the stone smaller and smaller, never taking

any beautiful shape. In the end, the stone became more and more useless. If parents stick to either tolerance or intolerance to educate their children, there is no doubt the kids would end up like the unfortunate stone. Intolerance is not Chinese, just as tolerance is not particularly Western. Only if we combine each other's educational ideas closely and make a cross-cultural observation can we find that during the early years, structure and rote learning are essential so that later on, when the minds begin to mature and creativity is ready to bloom (at around 17, I think, when children graduate from high school), they will be prepared to exert their creativity in useful directions instead of wasting it.

И.Р. Хисматуллин
г. Уфа

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Важность проблемы межнациональных отношений для современного российского общества сложно переоценить, так как при изучении практически любых социальных проблем данный аспект имеет значение (в ряде случаев – определяющее для правильной трактовки ситуации). В последние десятилетия Россия столкнулась с новыми реалиями в области межнациональных отношений, такими как рост национализма среди отдельных народов страны, проблемы взаимоотношений «титულных» и «нетитулных» народов в регионах и т.д., которые в ряде случаев приводят к нарушению единого социокультурного пространства. Эти проблемы нуждаются в регулярном мониторинге, в т.ч. и с применением социологического инструментария [1].

Республика Башкортостан (РБ) относится к числу национальных республик со сложным этническим составом. Уже это делает регион уязвимым перед зафиксированными, а также потенциально возможными проявлениями межэтнической напряженности. РБ, наряду с Республикой Татарстан (РТ), традиционно упоминается экспертами как регион с наличием предпосылок к межнациональным конфликтам.

Значительным конфликтогенным потенциалом обладает проблема татаро-башкирских взаимоотношений. Татары, будучи, согласно официальным данным, третьим по численности – после русских и башкир – этносом республики, претендуют на расширение своих прав и периодически заявляют о притеснении башкирскими властями. Претензии татар основаны также на соседстве РБ с более сильным в политическом и экономическом плане РТ и находят свое выражение в т.ч. в требовании референдума о присоединении татарских районов РБ к РТ. Стоит отметить, что некоторые представители РТ, напротив, заявляют о стремлении РБ присоединить часть татарских земель и объявить проживающих там людей башкирами [4].

Анализ этнодемографической ситуации в РБ за

двадцатилетний период показывает, что региональная политика влияет на численное соотношение этнических групп. В условиях РБ это отразилось, прежде всего, на официально учтенных во время переписей населения цифрах численности татар и башкир, сопровождаемых острыми общественными и политическими дебатами.

Первая постсоветская перепись, проводившаяся в 2002 г., отразила резкое увеличение численности титульной этнической группы – башкир и существенное сокращение численности татар. Беспрецедентный прирост численности башкир – на 41 % объяснялся особенностями подготовки накануне переписи общественного мнения, предпринятого властями, сопровождавшимся жестким административным нажимом на исполнителей переписи и тенденциозным подсчетом итогов переписи. По итогам той переписи получалось, что за 13-летний период со времени последней советской переписи 1989 г. произошли разительные перемены этнической структуры населения. Если по данным на 1989 г. башкиры по численности занимали в РБ 3 место, составляя 21 % жителей, а русские (39 %) и татары (29 %) их «опережали», то в результате переписи 2002 г. татары стали заметно «отставать» от башкир. Притом что в стране наблюдался демографический кризис, удельный вес башкир из-за «роста» численности возрос до 29,8 % населения.

Похожие или даже еще более «патриотичные» итоги могла показать и последующая перепись 2010 г., подготовка к которой с соответствующими установками началась и набрала темп еще при прежнем руководителе РБ. Эта подготовка, как и в 2002 г., напоминала политически ангажированную избирательную кампанию и стала на тот период важнейшим фактором общественно-политической жизни в РБ. Однако завершающий ее этап проходил уже не при президенте М.Г. Рахимове. Новый президент РБ впервые же дни публично заявил: админист-

ративного нажима на перепись не будет и сама перепись пройдет без политических страстей. Впрочем, полностью обещанного достичь не удалось: слишком была велика инерция властного давления. Так или иначе, итоги переписи 2010 г. показали некоторое уменьшение численности башкир – на 4 %, и некоторый рост численности татар – на 1,9 %. Динамику численности основных этносов РБ, согласно официальным итогам переписей населения, можно проследить в таблице.

Таблица

Динамика численности трех крупнейших этносов Республики Башкортостан по переписям населения 1989 – 2010 гг. [2]

Этносы	1989 г., чел.	1989 г., %	2002 г., чел.	2002 г., %	2010 г., чел.	2010 г., %
Русские	1548291	39,3	1490715	36,4	1432906	36
Татары	1120702	28,4	990702	24,2	1009295	25,4
Башкиры	863808	21,9	1221302	29,8	1172287	29,5

При анализе представленной в таблице официальной этнодемографической статистики возникают вполне закономерные вопросы: «Куда в период 1989 – 2002 гг. могли исчезнуть 130 тыс. представителей татарского этноса?» и «Как в условиях демографического кризиса в тот же период башкиры могли прибавить в численности более 357 тыс. человек?»

Переписные кампании 2002 и 2010 гг. создавали в РБ межэтническую напряженность, причем как в республике, так и на межреспубликанском уровне. Объектом политических манипуляций была не только численность титульных и нетитульных групп населения, но и пограничные ареалы расселения этнических групп. В РБ это западные районы, где татаро-башкирское население по своим этнокультурным и языковым характеристикам и по самоидентификации занимает промежуточное положение между татарами РТ и башкирами РБ. У этого населения самосознание нередко двойственное.

Говоря о теме межнациональных отношений, следует также иметь в виду, что в РБ более 1/3 детей рождаются в этнически смешанных семьях и у большинства этих детей восприятие собственной этнической идентичности формируется на смешанной основе. В РБ формируются, например, идентичности татаро-башкир, татаро-кряшен, татаро-мишар, татаро-тептяр и т.д. Черты двойственности характерны и для языка – многие люди говорят, что их родной язык – татаро-башкирский. Власти же по старинке придерживаются советской концепции «наций», согласно которой, человек может обладать лишь одной национальностью (что в прошлом и фиксировалось в персональных документах) и лишь одним родным языком. Подобным образом, унаследованным от советских переписей, устроен и инструментарий современной переписи, требующий от населения во время процедуры фиксации националь-

ной принадлежности и родного языка «определиться» в рамках только одной этнической группы. Соответственно возникает соблазн воспользоваться в политических целях ситуацией, когда население стоит перед выбором национального самоопределения. Политизации и межнациональных разногласий во время переписи впредь можно избежать, если технология переписи изменится и статистика будет учитывать варианты двойной национальной принадлежности.

В феврале 2013 г. руководители 8 башкирских общественных организаций обратились с письмом к президенту РБ Р.З. Хамитову по кадровому вопросу, в котором выразили недовольство кадровой и образовательной политикой в РБ. Авторы письма обратили внимание на то, что башкиры «вымываются» из управленческой элиты, а в школах сокращается изучение башкирского языка.

Подписанты, среди которых были руководители исполкома Всемирного курултая башкир, Союза башкирской молодежи, «Кук буре», башкирского народного центра «Урал» и ряда других общественных организаций, подвергли критике национальную и кадровую политику нынешней власти РБ. По их мнению, в регионе идет «постепенное вымывание» башкир из управленческой элиты «практически во всех сферах управления». Башкиры, как указывается, теряют руководящие посты в результате кадровых ротаций в муниципалитетах, ВУЗах, республиканских органах власти. Заявители выразили обеспокоенность сокращением «сотен» учителей башкирского языка в школах из-за уменьшения объемов изучения этого языка.

В администрации президента РБ пообещали изучить обращение. «Президент уже неоднократно подчеркивал, что для него приоритетом в выборе кандидата на тот или иной пост являются его деловые качества, а не национальная принадлежность, – отметил замглавы администрации А.Р. Галлямов. – Если авторы обращения смогут убедить нас, что какой-нибудь уволенный сотрудник администрации башкирской национальности более эффективный, чем назначенный небашкир, мы подкорректируем свое решение». При этом чиновник подчеркнул: «Мы готовы к диалогу».

Эксперты сходятся во мнении, что коллективное заявление общественников об ущемлении титульных башкир являлось не чем иным, как подготовкой общественного мнения к выборам в Курултай РБ 8 сентября 2013 г. [3].

Тема межнациональных противоречий постоянно присутствует в публичном дискурсе. Вместе с тем большинство зарегистрированных проявлений напряженности в РБ являются ненасильственными. В целом ситуация носит условно стабильный характер, оснований для снижения уровня межэтнической напряженности нет. Усилия властей региона вкупе с работой правоохранительных органов пока позволяют не допустить широкого распространения радикального национализма и сохранить межэтническую напряженность в республике на прежнем уровне.

Литература

1. Исследование межнациональных отношений // НИИ Социологии. – URL: <http://niisocio.ru/napravleniya-deyatelnosti/mezhnatsionalnye-otnosheniya>. – (дата обращения: 12.02.2015).

2. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/1340e70

04d04b4279f9bff5b3577459f/Национальный+состав+населения+Республики+Башкортостан.pdf. – (дата обращения: 16.02.2015).

3. Размывание национального пакета // Коммерсант.ru. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss/2122398>. – (дата обращения: 18.02.2015).

4. Республика Башкортостан // Клуб Регионов: федеральная экспертная сеть. – URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/bashkortostan.html>. – (дата обращения: 15.02.2015).

Толерантность в религиозном контексте

М.Ю. Федорович
г. Москва

ИМПЕРАТОРЫ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Аугсбургский религиозный мир 1555 г. ознаменовал собой переход империи от вооруженного противостояния между католиками и лютеранами к периоду их относительно мирного сосуществования. Хотя этот период в истории Германии был очень кратким (1555–1576 гг.), он имел ключевое значение для зарождения и развития принципов религиозной и отчасти политической толерантности как в Германии, так и в Западной Европе в целом. Ключевую роль в проведении в жизнь принципов Аугсбургского мира и поддержании согласия между конфессиями сыграли два императора из дома Габсбургов: Фердинанд I и его сын Максимилиан II.

В 1531 г. эрцгерцог Фердинанд был избран римским королем, т.е. потенциальным наследником своего брата Карла V. Одновременно с этим он получил в управление наследные австрийские земли Габсбургов. Фердинанду передавалась вся полнота полномочий как правителя Австрии, хотя формально он нес ответственность за свои решения перед императором. Особо беспокоила Карла V и Фердинанда религиозно-политическая ситуация в немецкоязычных землях империи. Фердинанд, так же как и его брат, резко отрицательно относились к лютеранству, как к движению, способному подорвать не только католицизм, но и политические устои монархии Габсбургов. Но, понимая, что силовое противостояние с влиятельными сторонниками Лютера среди крупных феодалов приведет к религиозной войне в австрийских землях, он не препятствовал распространению лютеранства, если оно не посягало на имущество и доходы католической церкви. В годы правления Карла V Фердинанд играл роль посредника между императором и протестантскими князьями. Если Карл полагал, что князей можно принудить к возвращению их территорий в лоно католической церкви силой, то Фердинанд стремился к поиску компромисса. В ходе переговоров в Пассау в 1552 г. Фердинанд фактически встал на сторону противников им-

ператора, признав, что обвинения протестантов в адрес Карла V вполне оправданы.

В конце правления Карла V Фердинанд склонялся к политике, направленной на «спасение ограниченной императорской власти, основанной на компромиссах с субъектами империи» [2, с. 86]. Следование концепции «универсальной монархии» завело империю в глубокий религиозный и политический кризис. И католики, и протестанты понимали, что им необходимо заключить мир, так как дальнейшее раздувание конфликта все более негативно будет сказываться на экономическом положении как княжеств, так и империи в целом. Ключевую роль в организации рейхстага и проведении переговоров играл эрцгерцог Фердинанд. Император Карл устранился от какого-либо участия в работе рейхстага, уже решив для себя вопрос об отречении.

В результате напряженных переговоров и ряда уступок с обеих сторон было объявлено о заключении постоянного земского мира, лютеранство было признано равноправной с католицизмом конфессией, была предусмотрена амнистия всех лютеран, подвергшихся наказанию по решению католических церковных судов, тем самым юрисдикция католической церкви больше не распространялась на лютеран, рыцари были свободны в определении своей религиозной принадлежности, в имперских городах могли свободно осуществляться как католическое, так и лютеранское богослужение. Важнейшим пунктом религиозного мира стал принцип: «Чья страна, того и вера», предполагавший, что каждый князь мог установить на своей земле приоритет той или иной конфессии. Все его подданные в таком случае считались перешедшими в избранную князем веру. Но для несогласных с этим положением было предусмотрено «право эмиграции» на земли империи с иной религией. Запрещалось оказывать сопротивление таким лицам в переезде. Но существенным недостатком Аугсбургского мира стал тот факт, что кальви-

нисты не были включены в его положения, они по-прежнему считались еретиками. Это вызывало среди кальвинистов империи недоверие к политике Габсбургов. Они опасались новой волны репрессий против них.

Фердинанд I в ходе своего недолгого правления строго соблюдал условия Аугсбургского мира. В соответствии с положениями мира были проведены судебная и административная реформы. Имперский суд теперь состоял наполовину из умеренных католиков, наполовину из лютеран. Также значительное число лютеран вошло в состав органов управления имперских городов. Это были в основном представители купечества и городского патрициата. Император надеялся, что католическая церковь в империи встанет на путь обновления на основании решений Тридентского собора, но процесс католической конфессионализации растянулся почти на век вплоть до окончания Тридцатилетней войны.

Сын и наследник Фердинанда I – Максимилиан II – с детства был окружен воспитателями из числа явных или тайных лютеран. Поэтому его религиозные взгляды сближались с лютеранскими. Он редко присутствовал на католических богослужениях, исключая обязательные церемонии, с недоверием относился к иезуитам и католическим иерархам. Лояльное отношение к протестантизму вызывало недовольство при дворе Карла V и Фердинанда I. Отец пригрозил Максимилиану лишением права престолонаследия в случае перехода последнего в лютеранство. 7 февраля 1564 г. эрцгерцог Максимилиан принес присягу верности папе и был коронован как римский король и наследник Фердинанда I.

Не отказавшись от католичества вплоть до кончины и даже в своих указах называя протестантов «богохульниками», император Максимилиан II стремился быть их покровителем. Он считал себя правителем всех подданных империи, независимо от их религиозной или национальной принадлежности. Главным содержанием внутренней политики императора было поддержание политической стабильности на основе пунктов Аугсбургского мира. И если лютеране не угрожали его власти и этой стабильности, то он просто давал им полную свободу действий. Так, в 1570 г. на жалобу католических прелатов Вены о росте числа прихожан лютеранских церквей и бездействии властей император отвечал: «Во время нашего присутствия в нашем городе Вене мы не заметили какой-либо деятельности сектантских проповедников, направленных против власти» [5, с. 39]. В том же письме он отмечает: «Как только сектантские священники и проповедники будут обольщать простой бедный люд, направлять их помыслы против нашей власти, то такие их действия следует прекратить, а самих богохульников изгнать и предать их в руки светских властей» [5, с. 41].

В своей внутренней политике Максимилиан опирался на слой молодых дворян, исповедовавших лютеранство, стремясь этим укрепить авторитет Габсбургов на провинциальном уровне. Молодые люди в возрасте до 25 лет получили посты бургомистров крупных городов и министров. Многие дворяне из

окружения императоров Карла и Фердинанда были заменены умеренными католиками и протестантами, стремившимися к религиозному миру и толерантному отношению к людям другой конфессии.

Представления Максимилиана о религиозной толерантности и политике на ее основе во многом базировались на взглядах его главного советника Лазаря фон Швенди. Швенди изложил свою теорию толерантности в двух письмах императору 1574–1575 гг., получивших название «Мемуар» или «Памятная записка». Автор «Мемуара» видит корни современных ему общественных разногласий в начавшейся Реформации. Швенди отмечает, что движение за реформирование церкви, а впоследствии и протестантские учения возникли из-за коррупции и многочисленных злоупотреблений как со стороны светской, так и духовной власти. Это в свою очередь привело к политическому ослаблению империи, подрыву доверия к церкви среди населения и повсеместному нарушению законов [3, с. 60]. По его мнению, изобретение книгопечатания, распространение печатных книг и школьного образования способствовали сплочению немецкого народа. Благодаря антицерковным памфлетам, народ все больше осознавал пагубность для государства деятельности католического духовенства в Германии с его индульгенциями и тяжелыми налогами [3, с. 60]. Еще одной причиной начала Реформации стало стремление Карла V к созданию всемирной империи и засилье иностранцев в государственных структурах. Швенди явно симпатизирует позиции Фердинанда, брата императора Карла, не разделявшего направление его религиозной политики, но стремившегося к установлению всеобъемлющего религиозного и земского мира.

Протестанты полагали, что император игнорирует их позицию, а учитывает лишь интересы католиков, что якобы играет на пользу испанского и французского королей в их интригах против Германии. Католики же опасались, что члены семьи Габсбургов, а особенно сыновья императора, окружены советниками, явно или тайно исповедовавшими лютеранство. Католическая партия требовала того, чтобы Максимилиан открыто встал на их сторону. По мнению Швенди, император должен «встать над схваткой», выступив посредником между двумя конфессиями. Автор отмечает, что «папа открыто подстрекает недоверие между католиками и лютеранами и использует иезуитов как орудие для подобных действий. Рим также выступает против использования национальных языков в богослужении и молитвах. Люди должны произносить молитвы на чуждой и непонятной им латыни, поэтому Слово Божие не доходит до их сердец, а это также в свою очередь отвращает их от церкви» [3, с. 67].

Аугсбургский мир остается актуальным, так как он гарантирует права как католиков, так и протестантов. При содействии императора растет доверие конфессий друг к другу. Это достигается также благодаря доброй воле и содействию самого общества. Положительной мерой на пути межконфессионального взаимодействия стало бы создание специально-

го совета при императоре для улаживания споров. Швенди призывает Максимилиана даровать протестантам внутреннее самоуправление и судебную автономию, что постепенно приведет к росту престижа католической церкви и отходу немцев о лютеранства [1, с. 72]. Он советует уделять больше внимания достижению общего блага для немецкой нации. Ведь чем сильнее будет власть императора, опирающаяся на поддержку народа, тем слабее будут позиции папы в Германии. «Политика религиозной толерантности будет способствовать избранию на императорский престол эрцгерцога Рудольфа и сохранит власть за династией Габсбургов» [5, с. 178]. Автор полагает, что «только сохранение и поддержание религиозного мира помогло укрепить царствование самого Максимилиана. Только опора на силы собственного сплоченного народа, вне зависимости от их религиозной принадлежности, сможет предотвратить нападение врагов» [3, с. 68]. При этом Швенди отмечает, что «Реформация не мешает соблюдению законов и сохранению сильной королевской власти в таких странах как Англия, Швеция, Дания» [3, с. 69]. В заключение советник призывает созвать национальный собор католических епископов Германии для проведения реформ в церкви в духе толерантного отношения к протестантам и исправления нравов самого духовенства.

В «Мемориале» Швенди отражены основные направления религиозной политики императора Мак-

симилиана II в духе толерантного отношения к представителям конфессий, хотя некоторые его положения так и не были выполнены.

Таким образом, мы можем отметить, что в течение двадцати лет после заключения Аугсбургского мира Германия получила возможность на прочный мир между конфессиями. Несмотря на то, что существовал ряд противоречий между ними, все споры решались в судах или в рейхстаге, а престиж Габсбургов, активно способствовавших миру в империи, заметно вырос в различных слоях немецкого общества.

Литература

1. *Janko W. von Lazarus Freiherr von Schwendi, oberster Feldhauptmann und Rath Kaiser Maximilians II / W. von Janko.* – Wien, 1871.
2. *Lutz, H.* Aus der Arbeit an den Reichstagen unter Kaiser Karl V / H. Lutz, A. Kohler. – Wien, 1986.
3. *Müller, H.* Aus der Denkschrift des kaiserlichen Rats Lazarus von Schwendi / H. Müller // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. – Stuttgart, 1996. – Bd. 4. Gegenreformation und Dreißigjährige Krieg 1555–1648. – S. 60–75.
4. *Niklas, Th.* Um Macht und Einheit des Reiches. Konzeption und Wirklichkeit der Politik bei Lazarus von Schwendi (1522–1583) / Th. Niklas. – Husum, 1995.
5. *Reitzes, J.* Zur Geschichte der religiösen Wandlung Kaiser Maximilians II / J. Reitzes. – Leipzig, 1870.

Н.В. Алексеева
г. Череповец

ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ТАИНСТВА ИСПОВЕДИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Известно, что с начала XVIII века государство, поставив под свой контроль посещаемость таинства исповеди и причастия, взяло на себя в случае с «небытейщиками» финансовые меры пресечения подобных нарушений, т.е. штрафы. Можно ли подобные действия называть проявлением толерантности? Можно однозначно ответить, что нет, так как данная политика вводилась с целью выявления и учета раскола и носила фискальный характер – старообрядцы облагались двойной податью.

По указам Петра I с крестьян «небытейщиков» взимали штраф в следующем размере: в первый раз – 5 коп., во второй – гривну, а в третий – по 15 коп., да кроме того было приказано о тех, «которые в таких противностях явятся, <...> подавать ведомости в губерниях губернаторам и им, по тем ведомостям, таковым чинить наказания». Небытие на исповеди влекло за собой также ограничение некоторых прав, а именно: таких людей нельзя было избирать ни на какие должности. Для оброчных крестьян, занимавшихся торговлей, штраф был скоро значительно повышен: они должны были платить половину того,

что платят купцы, то есть 50 коп. – в первый раз, 1 руб. – во второй, и 1,5 руб. – в третий. В указе об этом от 17 февраля 1718 г. не совсем ясно: следовало ли не явившихся на исповедь отсылать для наказания к гражданскому начальству уже при первой неявке. Через четыре года это положение было разъяснено: присылать для наказания к гражданскому начальству только в третий раз, но и тут не определено было – каково должно быть это наказание [3, т. V, №3169].

Императрица Анна именным указом 1737 г. подтвердила, чтобы все православные от семилетнего возраста ежегодно исповедовались и причащались в Великом посту, в противном случае было предписано брать штрафы без послабления. Во избежание непосещения исповеди и причастия давались самые мелочные предписания: так, например, исповедаться можно было в другом приходе, но причащаться следовало обязательно в своем, представив свидетельство о бытии на исповеди от того священника, у которого исповедовался [5, с. 504]. Кстати, это указание на деле не исполнялось: причащались там, где исповедовались. Об этом свидетельствуют записи в ал-

тарных книгах, а также письма от священников других приходов, вшитые туда же. Все эти правила вызвали огромную канцелярскую переписку [5, с. 504].

В начале царствования императрицы Екатерины II снова появилась необходимость уточнений по вопросу о взыскании штрафных денег с «небытейщиков», так как встречались и такие, что не являлись на исповедь по пятнадцати лет и не потому, что были в расколе, а в следствие отлучек или даже по своей «простоте».

Нужно было уточнить два вопроса: какие штрафы брать с них и не подвергать ли их телесному наказанию [5, с. 505]. Екатерина II ответила на них именным указом от 30 сентября 1765 г., где еще раз подтвердила, какое количество денег следует брать за неявку к исповеди: с разночинцев и посадских за первый раз по рублю, за вторую неявку – по два, за третью – по три; с поселян, соответственно, по 5, 10, 15 копеек; «коим за то положенных денежных штрафов за совершенную скудность и нищетою платить будет нечем, употреблять по рассмотрению губернаторскому в работы казенные и полицейские, и в той работе содержать по две недели, и сверху того оным в работу употребляемым, доколе они в той работе будут, давать в пищу только хлеб и воду. А телесного наказания им не чинить. За помещичьих и владельческих людей и крестьян, кои за неисповедь положенных штрафов сами платить будут не в состоянии, взыскать те штрафы с помещиков их и владельцев, а в небытность оных с прикащиков и старост, а за дворцовых и экономических с управителей казначеев и старост же, в чьем ведомстве те крестьяне находятся..., с воинских, сухопутных и морских нижних чинов, с их жен и детей также, как и с поселян» [4, т. 1, с. 309–311], [1, д. 3597, л. 23].

Несмотря на все эти подтвердительные указы, количество «небытейщиков», видимо, не сокращалось. Так, по свидетельству В.И. Семевского, Архангельский архиерей сообщил Ярославскому и Вологодскому генерал-губернатору Мельгунову ведомость о не явившихся в 1783 г. на исповедь по его епархии, из которой оказалось, что при населении епархии в 215762 души обоего пола, на исповедь в Великий пост не пришло 79243 человека, т.е. более одной трети, между тем из них записанных в раскол было лишь около полутора тысяч. В. И. Семевский не уточняет, по каким причинам эти люди не явились на исповедь, но судя по тому, что архиерей требовал, чтобы со всех неявившихся не только были взяты штрафы, но и чтобы они были подвергнуты публичному покаянию, независимо от указа 1765 г., приведенного выше, по которому публичное покаяние назначалось только тем, кто не был на исповеди больше трех лет, основной причиной явилось «нерачение». Мельгунов приказал взыскать с них штраф по 5 копеек, но «отсылать такое огромное число людей на покаяние находил не только крайне затруднительным и убыточным для народа, так как это отвлекло бы его от обычных промыслов, но даже опасным, потому что вследствие этого распоряжения могло бы усилиться обращение в раскол». Это «уда-

ление от церкви» Мельгунов объяснял недостатком ученых священников, которые могли бы иметь влияние на народ, и при этом ссылаясь на то, что среди самих духовных лиц Архангельской губернии были 67 человек, которые не исповедались.

Сенат согласился с мнением губернатора и предложил Синоду подумать над возможными путями предотвращения подобных явлений и порекомендовал ему позаботиться об увеличении числа образованных священников [5, с. 505–506]. Нужно, однако, заметить, что большое количество неявившихся на исповедь было в весьма немногих уездах, главным образом в тех, где был «неучтенный раскол». По результатам явки на исповедь в Красноборском уезде Вологодской епархии, в составе которого находился 41 приход, из 43180 человек взрослого населения (т.е. старше 7 лет) в 1790 году не явилось без уважительной причины, «по нерачению», 546 человек, что составило 1,3 % [1, оп. 19, д. 390, л. 14, 29, 39, 48 об., 54 об., 81, 98, 108, 131, 154, 155, 166 об., 175 об., 199 об., 200–201, 262–278, 298, 262 об.–263, 310–340, 341–344, 346–375 об., 377–421, 448, 455, 496, 516, 525, 559, 593, 613, 633, 662, 663–675, 690, 716, 734, 779, 799, 837].

Очевидно, что строгие меры принуждения, принятые государством в столь деликатной сфере религиозной жизни, коей является покаяние, стали приводить к появлению в приходской практике таких не свойственных ей прежде явлений, как укрытие истинного положения дел, к своего рода «очковитирательству». Известно, что отдельные священники, не желая вступать в конфликт со своей паствой, подавали в епархиальные органы заведомо ложные сведения. Консистории пытались с этим бороться.

В алтарных и исповедных книгах обязательно записывались имена лиц, свидетельствовавших о приходе на исповедь в церковь или, по особым причинам, о проведении исповеди дома – «в присутствии домашних», «в прис. дьякона...», «...священника...» и проч. Делалось это, скорее всего, во избежание указанных подлогов, за которые священнослужители наказывались духовными властями путем штрафов, а иногда и «отлучением» от должности [1, оп. 1, д. 3134, л. 2, 24].

Но вообще контролировать истинность сведений, изложенных в духовных росписях, было достаточно сложно. Священники подавали исповедные ведомости раз в год в заказные правления, откуда их отправляли в консисторию. В самом заказном правлении их достоверность не проверяли, да и в консистории тоже. Случаи нарушения духовенством правил ведения отчетности выявлялись именно в процессе взыскания штрафов, когда зачисленные в списки неявившихся заявляли, что у исповеди были. Такие дела передавались в консисторию, а оттуда уже следовал указ в заказное правление провести расследование или же виновных священников забирали для разбирательства в консисторию. В процессе этих расследований требовался второй экземпляр исповедной росписи, который должен был храниться в приходской церкви. Тогда и выяснялось отсутствие или неисправное ведение таковых. За это, как уже указывалось выше, священников наказывали – нала-

гали штрафы в установленном размере, ссылали в монастыри на срок от нескольких месяцев до 2–3 лет, отлучали от должности. О подобных случаях обычно объявляли для острастки по всем церквям епархии. Однако угроза подвергнуться наказанию не всегда отвращала священников от подачи ложных сведений – перспектива получения непосредственной выгоды от взятки или нежелание портить отношения с паствой оказывались более веским доводом при этом [2, с. 416–417].

Те же требования распространялись и на ведение алтарных книг, где записывались исповедники не по сословиям и половозрастным группам, а по мере прихода их на исповедь в течение всего года. В правилах их заполнения священнику и причетникам указывалось ставить свои подписи под списком исповедавшихся ежемесячно, даже если таковых не было. В противном случае накладывался штраф «со всего клиру за каждый месяц по десяти копеек, а ежели кто один не подпишется, с того по пяти копеек за месяц...» [1, оп. 3, д. 114, л. 2].

Складывается впечатление, что практика установления «небытейщиков» была показателем своеобразного неприятия духовенством этой системы штрафных санкций. К концу века на это стали острожно, но весьма настойчиво указывать и архиереи.

Судя по «Делам о наложении епитимий», к концу XVIII столетия церковные и государственные власти приходят к убеждению, что необходимо воздейство-

вать на верующих духовными средствами, а не экономическими, для этого ставка делается на хорошую подготовку священников и повышение требований к их моральному поведению. Императорский указ 1801 года «О наказании людей Грекороссийского исповедания за уклонение от исповеди и Св. причастия вместо денежного штрафа церковным покаянием» [3, №19743] официально отменил штрафные санкции против «небытейщиков»: «яко за духовное прегрешение духовными же наказаниями привести в вящее возчувствование своего прегрешения и к истинному в том раскаянию...» [3, т. XXVI, с. 522].

Литература

1. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 496. – Документы Вологодской консистории. – Оп. 1.
 2. *Нечаева, М.Ю.* Монастыри в системе регуляции общественной и хозяйственной жизни Урало-Сибирского региона (1721–1764 гг.): дис. ... канд. ист. наук / М.Ю. Нечаева. – Екатеринбург, 1994.
 3. Полное собрание законов Российской империи. Издание первое. – СПб., 1830.
 4. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. 1762–1777. – СПб., 1910.
- Семевский, В.И.* Сельский священник во второй половине XVIII в. / В.И. Семевский // Русская старина. – 1977.

Т.Л. Лабутина
г. Москва

КОНЦЕПЦИЯ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В ИДЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Модель либеральной демократии, широко распространенная в современном мире, впервые была разработана деятелями английского Просвещения в начале XVIII в. Наряду с теориями «общественного договора», «разделения и равновесия сил», сопротивления тирании, политической оппозиции и двухпартийной системы правления, защиты гражданских и личностных свобод, важное место в либеральной демократии занимала концепция религиозной терпимости. Объяснялось это не в последнюю очередь тем, что нигде не было такого разнообразия всевозможных сект, как в Англии, и потому сама идея веротерпимости, по утверждению М.Н. Розанова, имела «чисто английское происхождение» [4].

Государственной религией в Англии являлся англиканизм. Пуританизм после Славной революции 1688–1689 гг. сохранялся, но уже в виде различных сект: пресвитериан, баптистов, квакеров и др. Помимо пуританских неконформистов (лиц, не принадлежащих к государственной церкви), в стране существовали также протестантские неконформисты (унитарии и социниане), которые исповедовали бо-

лее радикальную религию, выступая за широкую веротерпимость. Ущемлению в гражданских правах, а также открытому преследованию подвергались также приверженцы деизма. Все это наложило свой отпечаток на формирование просветительской концепции религии.

Что же представляла собой подобная концепция? Прежде всего, она включала в себя религиозную терпимость [1]. Заметим, что практически все просветители сами являлись людьми верующими, хотя и принадлежали к различным конфессиям. К примеру, Дж. Свифт был убежденным сторонником англиканства, Д. Дефо придерживался учения диссентеров, а Болингброк и Дж. Толанд примыкали к деистам. Соответственно, и отношение просветителей к вопросу о религиозной свободе было неоднозначным.

Законопроект о веротерпимости был выдвинут на обсуждение в парламенте после Славной революции одним из первых, что подтверждает то значение, которое придавали ему власти. О том, как происходило обсуждение билля, сообщал своему другу в письме от 12 марта 1689 г. Дж. Локк. Он обращал внимание

на тот факт, что обсуждение вызвало оживленную дискуссию. Одни парламентарии выступали за привлечение диссентеров в ряды государственной церкви через упразднение отдельных ее церемоний отправления культа, вызывавших особое неприятие неконформистов. Другие депутаты настаивали на предоставлении гражданских прав, в том числе свободы совести всем, кто не желает стать англиканцем. Высшее же духовенство англиканской церкви отнеслось к возможным реформам с явным неодобрением.

Свою позицию Локк выразил в «Письме о веротерпимости», изданном в 1689 г. В нем автор подчеркивал, что веротерпимость – это «главная отличительная черта истинной церкви». Он отмечал, что между государством и церковью существуют весомые различия. Если государство представляет собой организацию, управляемую законами и способную принуждать к подчинению своих подданных, то церковь, напротив, является добровольным объединением людей, собирающихся вместе с целью публичного богослужения. Поэтому государство вправе требовать подчинения граждан своим законам, церковь же ни в коей мере не может настаивать, чтобы верующие остались в ее лоне, а не присоединялись к другой конфессии. Локк не сомневался в том, что свобода совести является естественным правом каждого гражданина, вне зависимости от его принадлежности к господствующей церкви или к какой-либо неконформистской секте. Следовательно, никто, в том числе и государственные власти, не должен никого «принуждать в вопросах религии законом или силою». Локк полагал, что веротерпимость снижает напряженность в обществе, позволяя устранять многие конфликты на религиозной почве. Очень часто верующие оказываются втянутыми в различные антиправительственные выступления, однако причиной тому бывают далеко не религиозные разногласия, а «страдания» народа из-за угнетения со стороны властей [2].

В соответствии с Законом о веротерпимости пуританам не возбранялось отправление своего религиозного культа, однако, они ограничивались в гражданских правах. Так, им запрещалось занимать должности в государственном управлении. Если учесть, что пуританские секты состояли по преимуществу из представителей низших социальных слоев, то становится очевидной социальная направленность Закона о веротерпимости.

Надо отметить, что сама идея веротерпимости в просветительской концепции религии не рассматривалась как некая абстрактная категория. Напротив, она толковалась просветителями как отвечающая нуждам и запросам средних слоев общества, связавших свою судьбу с диссентерами. Хотя диссентеры составляли немногим более 4 % населения страны, однако их движение было значительным, поскольку, по утверждению Г. Кларка, его истоки находились в среде лавочников, ремесленников, йоменов – «темных, но упорных людей» [6]. Впрочем, более поздние исследования показали, что социальный состав диссентеров был более сложным. Так, Д. Харвич

подчеркивал, что наряду с мелкими торговцами и ремесленниками в рядах диссентеров можно было видеть ювелиров, аптекарей, владельцев мануфактур, стряпчих, богатых купцов [8]. Именно эти слои, тесно связанные с диссентерами, составляли, по словам Ф. Энгельса, «главные боевые силы прогрессивного среднего класса» [3].

Предоставленная диссентерам в правление короля Вильгельма Оранского (1689–1702) религиозная свобода была в значительной степени ограничена при королеве Анне (1702–1714). Парламент принял ряд законов, которые запрещали диссентерам занимать ответственные должности в законодательном учреждении и местном управлении; требовали закрытия образовательных диссентерских академий; препятствовали конфирмации к англиканской церкви «по случаю» (т.е. с целью получения выгодного места или должности). В результате подобной политики диссентеры отстранялись от всякого участия в государственной деятельности, препятствовали в отпадении их культа и преследовали уголовными законами. Многие просветители, не пожелавшие смириться с ущемлением гражданских прав и свобод диссентеров, активно выступали в их защиту. Особенно преуспел в этом литератор Д. Дефо. Он требовал прекратить преследования диссентеров, полагая, что все выдвигаемые против них обвинения являются ложными и надуманными [7].

Нельзя сказать, чтобы все просветители в равной мере защищали диссентеров. Чаще всего сторонниками религиозных сектантов являлись те просветители, которые происходили из средних слоев либо по своим религиозным убеждениям были им близки. Те же просветители, которые представляли высшие слои общества, придерживались иной позиции. Примером тому может служить маркиз Галифакс. Хотя просветитель и осуждал «жестокое репрессивные законы в отношении ко всем диссентерам», тем не менее он был твердо убежден, что их религиозные собрания «не столь безобидны», а сами диссентеры в любой момент могут нанести ущерб государству. «Для диссентера просто невозможно не быть мятежником», – заявлял Галифакс [5]. Что же касается просветителей, являвшихся наиболее стойкими приверженцами англиканства, то они и подавно выступали с осуждением диссентеров. Особенно показательна в этом отношении позиция Дж. Свифта [10].

Хотя просветители позиционировали себя как убежденные сторонники веротерпимости, их концепция религиозной свободы на деле имела ряд ограничений. Так, веротерпимость в их понимании не должна была распространяться на католиков. Напомним, что в Англии антикатолические настроения господствовали на протяжении многих десятилетий. Англичане опасались папства из-за расположения стюартовского двора к католицизму, который все больше ассоциировался со стремлением правительства к абсолютизму. Со времен гражданской войны середины XVII в. «папизм и корона рассматривались как единое зло» по отношению к протестантской нации [9]. Антикатолицизм в Англии выражал не только ненависть протестантов к католикам как послуш-

ным слугам папы римского, которым приписывалось тайное стремление к уничтожению протестантской религии, но и страх перед установлением в стране деспотического правления. Маркиз Галифакс разоблачал «опасные замыслы» католиков в отношении конституционного устройства Англии. Он подчеркивал, что в прежние времена короли Карл II и Яков II Стюарты весьма благоволили к католицизму, поскольку считали эту религию «благоприятной для расширения власти монархов». В то же время паписты, занимавшие должности в управлении, предпринимали различные шаги, чтобы нанести урон государству. И поныне, полагал Галифакс, католики продолжают чинить препятствия в управлении страной, а потому настаивал на «более строгом» отношении к ним [5].

Просветительская доктрина веротерпимости не распространялась также на атеистов, деистов и всех «свободомыслящих». Дж. Локк требовал лишить свободы совести атеистов, со всей категоричностью заявляя: «Совсем не могут быть терпимы те, кто отрицает бытие божие». Подобно всем просветителям, он усматривал в атеистах угрозу не только и не столько господствующей религии, сколько существующему строю. Критикуя атеистов, Локк заявлял, что «отказ от Бога, хотя бы даже в мысли, все раздражает» [2].

Итак, как видно, просветительская концепция веротерпимости по своему характеру была неоднозначной. Хотя большинство просветителей на словах горячо ратовали за предоставление свободы совести всем верующим, однако на деле они лишали таковой многих своих сограждан. Диссентеры, католики, атеисты и свободомыслящие оказались за пределами той свободы, которой большинство просветителей желали для верующих. Как правило, лишенными свободы совести оказывались люди «опасные» для государственной церкви и существующего режима, поскольку они чаще всего подпадали под действие репрессивного религиозного законодательства и, естественно, считались потенциальными противниками установленных порядков. Идеологи Просвещения, являясь апологетами этого режима, осуждали всех, кто хоть в какой-то мере пытался проявить недовольство им. В результате веротерпимость, в толковании просветителей, приобрела ограниченный характер. На различия в позициях отдельных просветителей в вопросе о свободе совести существен-

ное влияние оказала как их социальная принадлежность, так и политическая ориентация. Сторонниками более широкой религиозной свободы становились чаще всего представители «денежных» интересов (партия вигов), за ограниченную веротерпимость выступали «земельные люди» (партия тори). И тем не менее, несмотря на признанную ограниченность, религиозная просветительская концепция носила, безусловно, прогрессивный характер. Провозглашенное просветителями требование свободы совести позволило многочисленным сектантам включиться в борьбу за свои гражданские права против репрессивного религиозного законодательства, одновременно добиваясь устранения дискриминации в политических правах. Предложенная просветителями веротерпимость содействовала также сглаживанию социальных конфликтов, способствовала достижению гражданского мира и согласия в обществе. Таким путем интересы государства и отдельных его граждан нашли в религиозной просветительской концепции свое органичное соединение.

Литература

1. *Лабутина, Т.Л.* Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль / Т.Л. Лабутина, Д.В. Ильин. – СПб., 2012.
2. *Локк, Д.* Письмо о веротерпимости / Д. Локк // Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. – М., 1981.
3. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 22.
4. *Розанов, М.Н.* История литературы эпохи Просвещения в Англии и Германии. Ч. 1 / М.Н. Розанов. – М., 1914.
5. *The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax.* – Oxford, 1912.
6. *Clark, G.N.* The Later Stuarts. 1660–1714 / G.N. Clark. – Oxford, 1955.
7. *Defoe, D.* The Dissenter Misrepresented and Represented / D. Defoe // A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman. – L., 1705. – Vol. 2. – P. 357, 363.
8. *Hurwich, J.* «A Fanatic Town»: the Political Influence of Dissenters in Coventry. 1660–1720 / J. Hurwich // Midland History. – 1977. – Vol. 4. – № 1. – P. 34–40.
9. *Miller, J.* Popery and Politics in England. 1660–1688 / J. Miller. – Cambridge, 1973.
10. *Swift, J.* The Examiner and Other Pieces, Written in 1710–1711 / J. Swift. – Oxford, 1940.

С.Н. Глотова
г. Борисоглебск

ТЕРПИМОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПРАВОСЛАВНОМ ПОНИМАНИИ

Политические и социальные изменения в обществе часто приводят к тому, что какое-либо явление приобретает форму модной проблемы. На нее обращают внимание политики, ученые, государственные деятели. Примером такой проблемы в настоящее время выступает толерантность. Это один из самых

популярных терминов в отечественной и зарубежной социально-политической, культурологической и правоведческой литературе. Насколько популярно сегодня это понятие, говорит статистика: Интернет выдает более 1 млн ссылок на упоминание этого слова. Однако в настоящее время нельзя говорить о толе-

рантности как окончательно сформировавшемся и одинаково трактуемом термине.

Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение, терпеливость, добровольное перенесение страданий) – социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. Толерантность не равносильна безразличию. Она не означает также принятия иного мировоззрения или образа жизни, она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением [7].

Термин «толерантность» пришел к нам из Англии XVII века и первоначально был связан с терпимостью к чужому вероисповеданию. Некоторые исследователи связывают появление этого понятия с подписанием Нантского эдикта, когда протестанты и католики после ужасов Варфоломеевской ночи нашли компромисс между своими конфессиями. Этот документ предписывал населению быть более терпимыми к религиозным меньшинствам. С конца 1960-х гг. понятие толерантности было расширено и рассматривалось как отношение между расами, культурами и субкультурами, сторонниками различных сексуальных ориентаций и т.п.

В России это слово появилось во время перестройки, благодаря М.С. Горбачеву и его великой любви к иностранным словам. Простое русское слово «терпимость», которое значит совершенно то же, что и толерантность, никогда не было объектом научных или политических изысканий. А вот «толерантность» – это уже термин, предмет для научных исследований. Так что же означают эти понятия?

В русском языке существуют два слова со сходным значением – терпимость и толерантность, причем первое из них появилось в русском языке гораздо раньше второго. Слово «терпимость» или «терпение» (от глагола «терпеть») присутствует практически во всех словарях русского языка и этимологических словарях. В словаре В.И. Даля слово «терпимость» трактуется как свойство или качество, способность что-либо или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению». С.И. Ожегов приводит такое определение: «умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению» [1].

Понятие «терпение» имеет глубокие христианские корни, восходящие еще к временам Ветхого Завета. Темой терпеливого перенесения жизненных страданий пронизана вся ветхозаветная книга Иова. В Библейском понимании «терпение – добродетель, состоящая в благодушном перенесении всех бед, скорбей и несчастий, неизбежных в жизни почти каждого человека». Православные должны относиться к другим людям так же, как к ним относится Бог. Они должны терпеть несовершенство других, понимая, что и сами несовершенны. Однако терпимость предполагает активную оценку действительности: четкое разделение хорошего и плохого, терпение по отношению к тому, что еще не в силах переменить к лучшему. «Люби грешника, но ненавидь грех» – таков принцип христианской терпимости.

«Толерантность – это то, что делает возможным

достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира», – говорится в Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1995 году.

Говоря о толерантности в отношениях к человеку с позиции Православной Церкви, следует отметить ее содержательную взаимосвязь со всеми христианскими добродетелями (воздержанием, кротостью, отзывчивостью, заботливостью, бескорыстием, любовью к людям и Богу, смирением, ответственностью, состраданием и т.д.). Особенно следует отметить взаимосвязь терпимости и великодушия, которые предполагают понимание слабостей и затруднений окружающих людей, умение прощать. Все это есть проявление силы человеческого духа, вершинным уровнем чего является любовь. Следовательно, толерантность в отношении к человеку невозможна без вершинного духовного чувства любви в том понимании, содержании и форме, как это было сказано Господом Иисусом Христом в Нагорной проповеди: «Поступайте с людьми так же, как прежде хотите, чтобы они поступали с вами». Рассматривая толерантность относительно поведения человека, Христианская Церковь всегда настаивала на отсутствии терпимости к безнравственным людям, на необходимости соблюдения в обществе определенных нравственно-этических норм, без чего любое человеческое общество обречено на гибель. Развитие толерантности в российском обществе предполагает, безусловно, формирование уважительного отношения к религиозным конфессиям, и, в первую очередь, самой многочисленной из них – Русской Православной Церкви.

Но, хотя толерантность и терпимость часто считают словами-синонимами, по мнению многих служителей Православной Церкви, толерантность – это понятие не из христианской лексики. Толерантность – это форма равнодушия [4]. Забыв понятие «терпимость», люди не делаются добрее. Толерантность предполагает терпимое отношение к тяжелым формам греха. Терпимость к блуду, к половым извращениям, предательству, стяжательству, измене, растлению детей, хуле на Церковь и святых. «Уважай заблуждения и извращения окружающих, тогда и ты получишь в ответ уважение своих заблуждений и извращений» – таков принцип толерантности [5].

«Займованный у Запада термин "толерантность" имеет много значений, свои плюсы и минусы. Но не может не беспокоить, что зачастую под ним понимается нравственный нигилизм, индифферентность к различным порокам, религиозной истине, к тем ценностям, которые веками формировались в стране», – заявил корреспонденту «Интерфакс-религия» и.о. секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних церковных связей священник Георгий Рябых.

По словам отца Георгия, «безразличие, которое нередко связывается с понятием толерантности, является неприемлемым, потому что христианство говорит об активной позиции человека, в том числе гражданской, о борьбе с грехом, в отстаивании истины» [1].

По мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «толерантность не несет в себе положительного заряда. Она может предполагать безразличие по отношению друг к другу, отсутствие сотрудничества, отсутствие взаимодействия». По его словам, диалог и сотрудничество – это куда больше, чем толерантность [3].

Православная Церковь считает своей важной задачей организовать религиозное и богословское образование, чтобы предотвратить межконфессиональную агрессивность и конфликты. Сегодня одна из самых важных задач христианской миссии – воспитание терпимости.

Православное (да и в целом традиционно религиозное) понимание терпимости хорошо просматривается в работе Всемирного саммита религиозных лидеров, прошедшего в Москве в июле 2006 г. В этом форуме участвовало более ста глав и представителей религиозных общин из различных стран. Результатом деятельности саммита было составление важного документа – послания, и вот некоторые положения из него: «Мы считаем, что человек по природе своей религиозен. С самого начала истории религия играет ключевую роль в формировании мысли, культуры, нравственности, общественного уклада. При возрастающей роли веры в современном мире мы желаем, чтобы религия продолжала служить прочным основанием мира и диалога между цивилизациями, а не использовалась в качестве источника распри и конфликтов» [2].

Толерантность не предательство своих убеждений, не безразличие к чужим, но готовность жить в мире и добрососедстве с теми, кто имеет убеждения

и веру, отличные от наших. По мнению протоиерея А. Авдюгина, «уважать, находить и любить в другом человеке его неповторимость непросто, но вполне возможно. Для этого лишь терпение надобно» [5].

Литература

1. В Русской церкви призывают прививать детям в школах вместо западного понятия толерантности традиционные ценности страны // Интерфакс-религия, 11.02.2009. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=28789> (дата обращения 12.02.2015).
2. Всемирный саммит религиозных лидеров в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 2006. – №8. – С. 50–61.
3. Патриарх Кирилл Толерантность – пройденный путь в развитии межрелигиозных отношений / Патриарх Кирилл. – URL: <http://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-tolerantnost-projdenyj-put-v-razvitii-mezhreligioznyx-otnoshenij/#ixzz3RWnLhKGI> (дата обращения 11.02.2015).
4. Протоиерей Андрей Кураев Толерантность – форма равнодушия / Протоиерей Андрей Кураев. – URL: <http://www.pravmir.ru/tolerantnost-forma-ravnodushiya/#ixzz3RWmmq5on> (дата обращения 12.02.2015).
5. Протоиерей Александр Авдюгин. О христианской терпимости и либеральной толерантности: Что общего? / Протоиерей Александр Авдюгин – URL: <http://rebrik.blog.top.lg.ua/O-hristianskoj-terpimosti-i-liberalnoj-tolerantnosti-CHto-obshhego-22632> (дата обращения 12.02.2015).
6. Семашко, М.А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках / М.А. Семашко // Электронный научно-педагогический журнал. – 2007. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm> (дата обращения 12.02.2015).
7. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Толерантность> (дата обращения 11.02.2015).

Е.Н. Гончарова
г. Белгород

ФЕНОМЕН НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Вторая половина XX – начало XXI в. отмечены множеством новаций в социокультурной и духовной жизни, которые оказывают значительное влияние на картину мира и формирование мировоззренческих ориентиров в современном постиндустриальном, информационном обществе. Одним из выразительных проявлений таких культурных и духовных новаций стал феномен новой религиозности, отразивший разнообразие и неоднозначность форм возрождения религиозной жизни в западном, а затем постсоветском обществе.

Различные новые религиозные течения возникают в западных странах со второй половины XX в. как альтернативные формы духовности или проявления контркультуры; многие из них отличаются крайней спецификой религиозно-психологического воздействия и культовой практики. В 1980-х гг. феномен новой религиозности начинает проявляться на

территории СССР, а в 1990-е гг. – на постсоветском пространстве, в странах СНГ. Поиск его истоков предполагает обращение к тем процессам, что протекали в общественно-культурной и духовно-нравственной жизни во второй половине XX в. и обусловили изменения в массовом сознании, приведшие к всплеску новой религиозности.

По мнению многих западных исследователей, в разного рода социокультурных изменениях, имевших место в западном обществе начиная с 60-х гг. XX в., проявляется феномен социальной трансформации, который влечет за собой отчуждение индивида от прежних социальных структур и объединений и поиск новых, что и обусловило возникновение новых религиозных движений. Основные же причины этого явления заключаются, во-первых, в преобразовании культурных и ценностных ориентиров (поиск новых идеалов, призванных оспорить традиционное

христианство и утилитарную культуру Запада); во-вторых, в деформациях социальной структуры; в-третьих, в изменениях роли и назначения религиозных институтов (связанных с проблемой секуляризации) [2].

Весьма существенным оказалось влияние социально-психологических факторов на мировосприятие в контексте оценки глобальных общецивилизационных процессов. XX век в восприятии современников выступал не просто рубежом тысячелетий, но и эпохой природных и социальных катаклизмов, свидетельством глубокого кризиса, переживаемого человечеством и поразившего все сферы жизни общества: экологическую, социально-политическую, культурную, духовно-нравственную и религиозную. В массовом сознании это порождало острую психологическую напряженность и становилось основанием для возрождения или оживления религиозных чувств, особенно мистических и эсхатологических настроений. Таким образом, оживление религиозности и возникновение новых религиозных движений отражало реакцию людей на кризисное состояние социума, актуализировавшее компенсаторную функцию религии.

Появление новой религиозности на постсоветском пространстве было обусловлено еще и спецификой социальной и духовной ситуации, сложившейся в последнее десятилетие XX в. Наступивший после распада СССР глубокий кризис, вызванный ломкой прежних государственно-политических, социально-экономических и идеологических основ, и трансформационные процессы переходного общества создали благоприятную почву для распространения новых религиозных движений. Социальные негативы: падение жизненного уровня, безработица, рост преступности и коррупции, наркомания, алкоголизм, духовно-нравственная деградация – приобрели ранее неизвестные масштабы. Это накладывалось на атмосферу идеологического и духовно-психологического кризиса, связанного с крушением прежней системы базисных мировоззренческих ориентаций и коммунистической идеологии, формируя пессимистическое социальное мироощущение, состояние страха, тревоги, неуверенности. С другой стороны, проявления морального кризиса и бездуховности вызвали как обратную реакцию «усиленное стремление людей к восприятию духовно-моральных, особенно религиозных, ценностей» [1]. Возникшая необходимость заполнения образовавшегося мировоззренческого вакуума и поиска новых смысло-жизненных ориентиров приводила к возрождению религиозности, принимавшему разные, подчас неоднозначные, формы, одной из которых стало увлечение новыми религиями.

Фактическое же отсутствие контроля со стороны государственных властей конфессиональной ситуации в данный период способствовало активизации и неограниченной деятельности новых религиозных

организаций [3]. Таким образом, духовная свобода, преломившись сквозь призму сложившейся социокультурной ситуации, приобрела и неожиданно проблематичную форму, проявившуюся в активизации и бесконтрольной деятельности новых религиозных организаций. Этому способствовала и специфика религиозной ситуации в начале 1990-х гг., заключающаяся, во-первых, в трудностях восприятия людьми вероучения и культовой практики традиционных конфессий из-за отсутствия религиозного опыта; во-вторых, в институциональных и организационных проблемах у традиционных церквей, а также межконфессиональных противоречиях. Это объясняет легкость увлечения новой религиозностью, мистицизмом, оккультизмом и т.д., чему способствовали также массовый интерес к необычным, экзотическим духовным новациям, «мода на сакральное».

В результате возникновение новой религиозности проявилась в возрождении и распространении суеверий и паранаучных знаний (астрология, магия, экстрасенсорика, уфология и т.д.), усилении миссионерской деятельности зарубежных проповедников и религиозных центров, появлении местных неокультов, росте числа соответствующих организаций и активизации их деятельности, религиозно-мистической и оккультной пропаганде в СМИ. При этом стоит учитывать и субъективно-психологические факторы, обеспечивающие подверженность индивида манипуляциям сознанием, что активно используется в психотехниках по привлечению и обработке адептов многими некультовыми организациями, особенно так называемыми «деструктивными сектами».

Масштабы распространения новых религиозных движений в мире, трансляция ими новых религиозных ценностей и идеологических концептов, а также занятие определенной социальной, культурной и политической ниши в обществе отражают их становление в качестве влиятельного феномена в мировоззренческой системе эпохи постмодерна. В то же время неоднозначные духовно-психологические воздействия, инциденты асоциального и антисоциального характера в истории деятельности многих новых религиозных организаций позволяют отметить и деструктивный потенциал, присущий данному явлению.

Литература

1. Балагушкин, Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ / Е.Г. Балагушкин. – М., 1999. – Т. 1.
2. Григорьева, Л.И. Религии «Нового века» и современное государство: Соц.-филос. очерк / Л.И. Григорьева. – Красноярск, 2002.
3. Филимонов, Э.Г. Нетрадиционные культы тоталитарной направленности как фактор угрозы безопасности личности и общества / Э.Г. Филимонов // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 1995. – № 5.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

А.Е. Новиков
г. Череповец

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О ПРОЯВЛЕНИЯХ ТЕРПИМОСТИ РУССКОГО НАРОДА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЕСТУПНИКАМ

Переломными в жизненной и творческой судьбе Ф.М. Достоевского, несомненно, стали годы, проведенные им на каторге, куда писатель, как известно, попал за участие в кружке петрашевцев и чтение «преступного письма литератора Белинского» [5, с.173] Гоголю. Достоевский был признан виновным и приговорен к «смертной казни расстреливанием» [5, с.173], однако в последний момент казнь была заменена каторгой. 4 года он провел в омском остроге, а затем был определен в солдаты. Уже при императоре Александре I, 17 апреля 1857 г., по Высочайшему указу Правительствующему сенату [5, с. 236–237] Достоевскому была объявлена полная амнистия (ему было возвращено дворянство и разрешено публиковаться).

Во время пребывания на каторге Достоевский волею обстоятельств (петрашевцы были размещены среди обычных, уголовных преступников) оказался «лицом к лицу с народом», «соприкоснулся с ним вплотную» [7, с. 141]. Это помогло ему лучше понять русский народ, его чаяния и интересы, внутреннюю, духовную жизнь русских людей. «Вообще время для меня не потеряно, – писал Ф.М. Достоевский в своем первом по выходе из каторги письме брату М.М. Достоевскому. – Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его» [2, с. 172–173]. Свообразным откровением для писателя при этом явилось отношение простого русского народа к каторжанам, которых он называл «несчастливыми» и, соответственно, сочувствовал арестантам (не отрицая, конечно же, их вины и тяжести содеянного, но и не укоряя за преступление, «как бы ужасно оно ни было» [4,

с. 254]). Это сочувствие было действенным и выражалось в оказании помощи подаянием.

«Высший класс нашего общества не имеет понятия, как заботятся о «несчастливых» купцы, мещане и весь народ наш, – писал об этом Достоевский в «Записках из Мертвого дома», в которых описывал свое пребывание на каторге. – Подаяние бывает почти непрерывное и почти всегда хлебом, сайками и калачами, гораздо реже деньгами» [4, с. 222]. Без подаяний арестантам в жестоких условиях каторги выжить было бы намного сложнее, а в некоторых случаях (к примеру, «подсудимым, которые содержатся гораздо строже решенных» [4, с. 222]) почти невозможно. Причем отношение к подаяниям у каторжан было благоговейным: они могли спорить и ссориться из-за пустяков, воровать друг у друга деньги и все, что попадется под руку, но подаяние всегда «религиозно делилось... поровну» [4, с. 222], и, если недоставало на всех, то калачи разрезались поровну, «иногда даже на шесть частей», и каждый заключенный обязательно получал «свой кусок» [4, с. 222].

Приходилось получать подаяние и самому Достоевскому. О первом таком случае он написал в «Записках из Мертвого дома». Когда Федор Михайлович возвращался в сопровождении конвойного с утренней работы, навстречу ему «прошли мать и дочь, девочка лет десяти, хорошенькая, как ангельчик». «Увидя меня, – сообщает писатель, – девочка покраснела, пошептала что-то матери; та тотчас же остановилась, отыскала в узелке четверть копейки и дала ее девочке. Та бросилась бежать за мной... На, „несчастный“, возьми Христа ради копеечку!» – кричала она, забегая вперед и суя мне в руку монет-

ку» [4, с. 222]. Федор Михайлович долго хранил эту копеечку у себя и, по словам А.Г. Достоевской, «жалел, что не удалось ее сохранить» (цит. по: [5, с. 182]).

Особенно обильным было подаяние в праздники: оно приносилось в острог «со всех концов города... в чрезвычайном количестве в виде калачей, хлеба, ватрушек, пряжеников, шанег, блинов и прочих сдобных печений» [4, с. 330]. Подаяния были богатые и бедные, но, по словам Достоевского, «все принималось с одинаковой благодарностью, без различия даров и даривших» [4, с. 330]. Помимо того, что постоянно приносились и подавались арестантам разовые подаяния, были и не переводились в Сибирь, как отмечает писатель, «несколько лиц, которые, как назначение жизни своей поставляют себе братский уход за «несчастливыми», сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстное, святое» [4, с. 280]. Об одной из них – вдове Настасье Ивановне – Достоевский рассказывает в своих «Записках...» (см.: [4, с. 280–281]).

С чем же может быть связано такое терпимое, толерантное отношение русского народа к преступникам, людям, порой совершившим тяжкие проступки, – убийцам, насильникам, грабителям?

Прежде всего, это связывается с тяжестью понесенного наказания, которое, действительно, представляло собой нелегкое испытание для каждого, попавшего на каторгу, как прекрасно показывает это Достоевский в «Записках из Мертвого дома». Преступнику, как отмечает Федор Михайлович, прощалось все «за понесенное им наказание и вообще за несчастье» [4, с. 254]. «Недаром же весь народ во всей России называет преступление несчастьем, а преступников несчастными, – подчеркивает писатель. – Это глубоко знаменательное определение. Оно тем более важно, что сделано бессознательно, инстинктивно» [4, с. 254].

Кроме того, сама поврежденность человеческой натуры, отсутствие положительных качеств, доброты

расценивались в народной среде как несчастье и вызывали сожаление, жалость.

Он среди нас, быть может, всех несчастней.

Жить нелегко без сердца и души [1, с. 188],

- так, например, в сказке-пьесе «Бессмертный Кощей» современного русского писателя В.И. Белова (близкого по духу Ф.М. Достоевскому) в словах одной из героинь (Русалки), сказанных про Кощея, выражается народное отношение к тем, кто совершает преступные действия, в основе которых – нравственная поврежденность. Именно это на интуитивном, бессознательном уровне, как показывает это Достоевский, чувствовал и простой русский народ по отношению к арестантам.

И, наконец, третье – и, на наш взгляд, самое важное – основание такого отношения к отвергнутым от общества, преступившим законы людям было связано со стремлением русского человека (как считал Достоевский) «быть братом всех людей» [3, с. 147], возлюбить ближнего своего, «как самого себя» (Матф.22:39), выполнить христианскую заповедь любви. Ведь к этому его направляет и сама Церковь Христова, которая считает грехом, если православный человек «любви к ближнему не сохранил, не питал алчущих и жаждущих, не одевал нагих, не посещал больных и в темницах заключенных» [6, с. 123] (курсив наш – А.Н.)...

Литература

1. Белов, В.И. Три пьесы / В.И. Белов. – М., 1983.
2. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XXVIII. Кн. 1 / Ф.М. Достоевский. – Л., 1985.
3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XXVI / Ф.М. Достоевский. – Л., 1984.
4. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3 / Ф.М. Достоевский. – Л., 1988.
5. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. 1821–1881. Т.1. 1821–1864. – СПб., 1993.
6. Молитвослов. Молитвы на всякую потребу. – СПб., 1999.
7. Труайя, А. Федор Достоевский / А. Труайя. – СПб., 2015.

З.В. Антонова

г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ УИЛКИ КОЛЛИНЗА

Уилки Коллинз – популярный представитель английской литературы XIX века, чьи произведения громадными тиражами расходились не только на английском языке во всех уголках Великобритании и США, но и в виде переводов в странах Европы и за ее пределами. Этот писатель поднимал в своих книгах те темы, которые были важны и интересны для современного ему читателя. Все его сюжеты были взяты из реальной жизни. Многие из поднятых им тем остаются актуальными и по сей день.

Одной из таких тем является толерантность.

Будучи коллегой, соавтором и учеником Чарльза Диккенса, Коллинз придерживался гуманистической традиции. Толерантность понималась в книгах Коллинза в аспекте критики жесткой английской морали и давящего общественного мнения, а также с точки зрения отношения к людям с ограниченными возможностями и к людям, отличающимся от остальных (с нестандартной внешностью, к иностранцам). Глубину данной проблемы Коллинз прочувствовал на себе: он часто бросал вызов общественному мнению своим внешним видом (любил

экстравагантные жилеты и галстуки) и поведением (некоторое время одновременно жил на две семьи), за что добропорядочные англичане опасались приглашать его в гости.

Проблема пагубности для человеческой судьбы нетерпимого общественного мнения проходит через романы Уилки Коллинза «Муж и жена» (Man and Wife) [3], «Закон и жена» (The Law and the Lady), «Опавшие листья» (Fallen Leaves), «Новая Магдалина» (The New Magdalen) рассказ «Сумасшедший брак» (A Mad Marriage) [1], толкая персонажей идти на обман (смена фамилии) с целью уйти от постоянного общественного порицания и даже на бегство в другой город, в другую страну.

Причин у литературных персонажей скрываться от общественного мнения достаточно много:

– ложное обвинение в сумасшествии (как способ для родственников закрыть наследника в сумасшедшем доме и получить его наследство);

– судебный вердикт «Не доказано», который не доказывает, но и не снимает вины с подозреваемого, заставляя существовать под постоянным подозрением (в романе «Муж и жена» это обвинение в убийстве собственной жены);

– бесправное положение жены в сравнении с правами мужа-алкоголика, отнимающего у супруги весь заработок;

– запутанность брачного законодательства, согласно которому существующий уже много лет брак может быть признан недействительным.

При описании жизни людей с ограниченными возможностями У. Коллинз основывался на документальных и научных источниках. В своих книгах «Прятки» [2], «Бедная мисс Финч» [4] писатель дал реалистическое описание жизни глухой (Мадонна, главная героиня романа «Прятки») и слепой (мисс Финч, главная героиня романа «Бедная мисс Финч») девушек. Несмотря на ограниченные возможности, героини любимы, ведут активную, полную событиями жизнь и находят свое счастье.

Достаточно подробно Коллинз описал внешний вид и связанные с этим неудобства у пациентов, лечивших эпилепсию оксидом серебра (в XIX веке это было широко распространено). В результате большой извращения от приступов, но приобретал синий цвет кожи (особенно бросалось в глаза окружающим их синее лицо). И такой больной нашел свое счастье со слепой девушкой (мисс Финч), которая не может видеть его уродливого (с точки зрения общественности) лица.

Что касается иностранцев, а в романах Коллинза присутствуют французы (мадам Проталуонго, гувернантка и учитель музыки у мисс Финч из одноименного романа), итальянцы (граф Фоско и учитель музыки из романа «Женщина в белом»), немцы (хирург-окулист из «Бедной мисс Финч»), то показаны они, несмотря на комичность многих эпизодов, связанных с ними, достойно и с уважением.

Таким образом, творчество Уилки Коллинза формировало толерантное отношение к людям с ограниченными возможностями, к иностранцам, и вело к смягчению по отношению к ним общественного мнения, что во многом способствовало формированию той толерантности, которая сегодня провозглашается как основополагающий фактор современной жизни в Европе.

Литература

1. *Collins, W.* The Complete Shorter Fiction / W. Collins ; Ed. Julian Thompson. – N.Y.: Carroll and Graf Publishers, Inc., Robinson Publishing Ltd. (UK), 1995.
2. *Collins, W.* Hide and Seek or, the Mystery of Mary Grice. With a new introduction by Norman Donaldson / W. Collins. – N. Y.: Dover Publications, 1981.
3. *Collins, W.* Man and Wife; edited with an introduction and notes by Norman Page / W. Collins. – Oxford ; N. Y.: Oxford University press, 1998.
4. *Collins, W.* Poor Miss Finch; edited with an introduction and notes by Catherine Peters / W. Collins. – Berkshire: Oxford Press, 1999.

Н.В. Козловская
г. Санкт-Петербург

ТЕРПИМОСТЬ И НЕТЕРПИМОСТЬ В «ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА» Н.Ф. ФЕДОРОВА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Николай Федорович Федоров (1829–1903) – русский мыслитель, создатель философского «проекта», в котором должны соединиться «сыны» (живущие на земле люди) в общем деле воскрешения «отцов» (всех когда-либо живших на земле). Федорова принято называть философом-космистом: он считал делом ближайшего будущего освоение космических пространств для расселения на других планетах воскрешенных и живущих вечно людей, объединившихся в новой вере и в новом труде. Философ обозначил целостность своих взглядов как «учение об объеди-

нении живущих сынов для воскрешения отцов», а также как «супраморализм, или всеобщий синтез», предложив последовательно синтетический способ мышления и достижения высших целей, к которым он относил преодоление смерти как первопричины зла в человеческой природе, регуляцию природы (включающую управление погодными явлениями, победу над стихией, несущей «голод, язву и смерть», доступ к новым источникам энергии), овладение творческими возможностями Бога.

Для изложения «философии общего дела» Н.Ф.

Федоров использует не только оригинальный жанр – пасхальные вопросы – но и необычную терминологическую систему, которую в терминоведении относят к типу личностных, или авторских, и определяют как соотнесенные с личностными системами научных взглядов системы терминов в их формальном и семантически-понятийном своеобразии (см.: [1, с. 8]).

В философской картине мира Н.Ф. Федорова важную роль играет антиномия «терпимость – нетерпимость», а точнее, как будет показано ниже, «бездейственная терпимость – деятельное печалование», понятийное наполнение и ассоциативный ореол которого существенно отличаются от таковых в общезыковой картине мира.

Описание лингвоспецифичных аспектов русского понятия «терпимость» в языковой концептуализации мира подробно описано А.Д. Шмелевым. Это, во-первых, терпимость к явлениям жизни, которые не устраивают человека («примирение с действительностью»); во-вторых, терпимость к чужим мнениям, соотносимая с устойчивым сочетанием «широта взглядов», и, в-третьих, основные идеи, заложенные в русском глаголе «терпеть» и его производных (терпеливо переносить неприятное, терпеливо ждать, терпеливо относиться) [см.: 5, с. 111–125].

Создавая новое учение, философ использует собственную систему понятий, в которой каждый термин обладает свойством системности, входя в сложные отношения взаимозависимости с другими терминологическими лексемами и стоящими за ними идеями, философемами. Наша задача – проанализировать индивидуально-авторские семантические изменения лексем «терпимость» и «нетерпимость» как отражение философской картины мира и оценить степень их терминологичности в произведениях Н.Ф. Федорова.

Материалом для анализа служат произведения Н.Ф. Федорова, включенные в первый том единственного на сегодняшний день собрания сочинений философа под редакцией С.Г. Семеновы и А.Г. Гачевой: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)»; «Вопрос о восстановлении всемирного родства. Средства восстановления родства. Собор»; «Проект соединения церквей»; «Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение)».

Показатель частоты употребления слова «терпимость» в первом томе произведений Н.Ф. Федорова составляет 63, что говорит о важности этого понятия для религиозно-философского учения мыслителя. Лексема «нетерпимость» встречается только 6 раз.

Выявлению семантических изменений и места слова в лексической структуре текста и стоящей за ней системе понятий способствует анализ текстовых парадигм. Прежде всего, отметим, что лексема «терпимость» и ее производные входят в текстовое семантическое поле «религия». Это обусловлено прежде всего религиозным характером федоровского учения: сформулированный философом принцип со-

вершеннолетия в вере призывал человечество встать в отношении сознательной взаимности к Богу. По словам С.Г. Семеновы, «учение “всеобщего дела” представляло как вариант тех идей христианского активизма, богочеловечества, сотрудничества божественной и человеческой энергии в “теургическом делании”, в деле избавления мира от законов “падшего” материального естества и ввода его в эволюционно высший, бессмертный, соборно-любственный тип бытия, Царствие Божие, которое развивалось многими русскими религиозными мыслителями от В.С. Соловьева до Н.А. Бердяева» [2, с. 164].

Контекстуальный анализ всех текстовых фрагментов, в которых употребляется лексема «терпимость», выявляет довольно большое количество синонимов и аналогов: *терпимость – индифферентизм, толерантизм, равнодушие, философия равнодушия, веротерпимость, компромисс*. Лексема «нетерпимость» текстовых синонимов и аналогов не имеет, за исключением двух словосочетаний: «уступка протестантизму» и «подражание протестантизму».

Текстовая взаимозаменяемость слов «терпимость», «толерантизм», «индифферентизм», «равнодушие» и использование их в однородном ряду говорят о наличии в составе значения анализируемого слова одноименных родовых идентификаторов. Использование слов в однородном ряду можно считать своеобразным вариантом синонимического толкования. Это позволяет предположить, что терпимость в системе философских понятий Н.Ф. Федорова раскрывается через ядерную сему «равнодушие». Кроме того, наблюдения показывают, что лексемы «терпимость» и «веротерпимость» в произведениях Н.Ф. Федорова являются абсолютными синонимами, т.е., говоря о терпимости, философ имеет в виду только терпимость (равнодушие) к другой религии: католицизму, протестантизму, «западной церкви».

Текстовые гиперо-гипонимические отношения анализируемых лексем могут быть представлены в виде словосочетаний, обозначающих меру, степень и истинность анализируемого понятия: *настоящая терпимость, внешняя терпимость, внутренняя нетерпимость*. Для иллюстрации этого типа парадигматических связей в тексте приведем также фрагмент текста, в котором терпимость выступает в ряду подобных ей средств борьбы с религией: «При совершении обходного движения образовался новый взгляд, новые воззрения, т.е. философия Запада. Учение о падении заменилось учением о прогрессе, хотя этот прогресс и был падением. Языческий взгляд, происшедший из знакомства с древним миром, получил новую силу, новые орудия для борьбы с католицизмом и протестантизмом или вообще с западным христианством. <...> **Китайский деизм, индифферентизм, терпимость, индийская тримурти, аватары (воплощения), буддийская нравственность** – все это сделалось орудием для борьбы с религией и старым порядком» [4, с. 183].

Большое значение в авторской терминосистеме Н.Ф. Федорова имеют противопоставляемые друг другу понятия, выражаемые терминами-антонимами («родство – неродственность»; «идеология – идоло-

лятрия»). Если в русской языковой картине мира терпимость противопоставляется нетерпимости, бескомпромиссности, широта взглядов – узости, то в изложении философских взглядов Н.Ф. Федорова возникает совершенно иное противопоставление лексем и стоящих за ними философов: терпимость противопоставляется печалованию, точнее, «терпимость к чужим верованиям» – «печалованию о несогласии». При этом *терпимость* определяется не только как *равнодушие*, но и как *бездействие*, которое противопоставлено деятельному печалованию и совместным усилиям, направленным на «соединение церквей»: «Самое ненавистное из всех разделений есть разделение церквей. Название именно *ненавистного* должно быть дано разделению церквей, как самой глубокой розни; и православие, вопреки мнению славянофилов, вовсе не есть *терпимость* к разделению; православие, напротив, есть *печалование* о всяком разделении... Терпимость требует лишь бездействия, требует только не делать зла иноверным, инославным и, вообще, не согласным с нами; а печалование, напротив, требует, и требует повелительно, не бездействовать, печалование побуждает, нудит употребить все силы на водворение в мире мира, согласия. Вопрос о соединении церквей и может показать нашу истинную стоимость, ценность...» [4, с. 370–371].

Анализ синтагматики позволяет выявить наличие в федоровской философии «терпимость» («веротерпимость») отрицательной оценки, поскольку терпимость не уничтожает ненавистной Федорову религиозной розни, в которой выражается «религиозное несовершенство человеческого рода». Приведем ряд словосочетаний, в том числе предикативных, в которых раскрывается прагматический компонент значения лексемы «терпимость»: (*терпимость*) *выражает дряхлость, пошлая терпимость, (терпимость) служит показателем равнодушия и одряхления, бесплодность терпимости, терпимость к разделению, противоречия терпимости.*

Наличие ярко выраженной отрицательной оценки стоящего за термином понятия подтверждают и такие примеры: **«Веротерпимость – сочетание невозможное, потому что если есть вера, то не может быть терпимости, а если есть терпимость, то нет, следовательно, веры. <...> ...терпимость служит показателем равнодушия и одряхления. <...> Терпимость, эта жалкая, истасканная добродетель, порожденная отчаянием, выражает дряхлость. Что хуже: гнусный ли фанатизм или же по-**

шлая терпимость?.. <...> **Христианство никогда не было терпимостью**, оно или себя отдавало на казнь, или само казнило. Если последнее есть зло, то и первое еще не есть благо» [4, с. 386–387].

Таким образом, можно говорить о том, что лексема «терпимость» в философии Н.Ф. Федорова представляет собой авторский термин, обозначая одну из важнейших в мировоззрении автора философов. Вслед за В.Д. Табанаковой мы понимаем авторский термин как дискурсивную функцию термина: «Понятие “авторский термин” расширяется до авторского концепта... авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе. <...> Авторским станет центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект... Он выстраивает свою логико-понятийную систему» [3, с. 6].

Значение этого термина определяется только семиотической системой, задаваемой произведениями Н.Ф. Федорова, представления которого о терпимости расходятся с таковыми в русской языковой картине мира. По Н.Ф. Федорову, терпимость (веротерпимость, индифферентизм, толерантизм) есть недопустимое проявление равнодушия к другим религиям, признающее ненужность или отсутствие истинной религии. Терпимости как бездействию в философии Н.Ф. Федорова противопоставляется деятельное печалование, объединяющее людей в общем деле и общей «религии культа предков». Лексема «нетерпимость» употребляется в основном в своем общезыковом значении и признаков терминологичности не имеет.

Литература

1. Головин, Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия / Б.Н. Головин // Термин и слово: Межвузовский сборник. – Горький, 1981. – С. 3–11.
2. Семенова, С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров / С.Г. Семенова. – М., 2004.
3. Табанакова, В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу / В.Д. Табанакова. – Тюмень, 2013.
4. Федоров, Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I / Н.Ф. Федоров. – М., 1995.
5. Шмелев, А.Д. Терпимость в русской языковой картине мира / А.Д. Шмелев // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – Екатеринбург, 2003.

С.Ю. Лаврова, Н.А. Рыбакова
г. Череповец

«НА ТВОЙ БЕЗУМНЫЙ МИР / ОТВЕТ ОДИН – ОТКАЗ...»: МАРИНА ЦВЕТАЕВА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ПРОТЕСТА

Толерантность – слово-лакуна, по определению И.А. Стернина [5, с. 5], считающего, что такого по-

нятия в русской концептосфере не существовало ранее и его формирование в русском сознании нача-

лось в новом веке. И.А. Стернин объясняет это тем фактом, что ментальные установки русского национального сознания очень специфичны, в частности: 1) в них выявляется тенденция к биполярному, черно-белому мышлению; 2) нелюбовь к компромиссам; 3) нелюбовь ко всему среднему [5, с. 7].

Толерантность в современном понимании включает в объем понятия разные характеризующие признаки: это и сотрудничество, дух партнерства; это и уважение прав и достоинств других; это и признание многообразия мнений; это и терпимость к чужим мнениям; это и отказ от доминирования над кем-либо и так далее.

Существует ли в русской языковой картине мира знаковый концепт «Толерантность»? Не нужно ли при сопоставлении с аналогичным концептом рассматривать концепт «Терпимость»? Именно такие вопросы интересуют лингвистов XXI века, профессионально занимающихся проблемами исследования феномена толерантности [6].

Несомненно, что разнообразная человеческая деятельность определяет и многоаспектное понимание толерантности в языковой картине мира любого социума. Обратимся к одному из таких аспектов – этико-аксиологическому пониманию проблем толерантности, получающему наибольшее выражение в литературно-художественном дискурсе.

Вслед за исследователем Н.С. Олизко дадим определение такому типу дискурса: «Литературно-художественный дискурс представляет собой совокупность художественных произведений, выступающих результатом толерантного взаимодействия авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и текста, выводящего произведение в пространство семиосферы» [4, с. 165].

Автор самобытного литературно-художественного дискурса, поэт Марина Ивановна Цветаева, по-своему понимает проблему толерантности в соотношении трех выделенных начал: исходного авторского текста – вневременного читателя – знакового произведения семиосферы искусства.

Время поэта и время социума у Цветаевой почти никогда не совпадает: «*Разбросанным в пыли по магазинам, / Где их никто не брал и не берет, / Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед*» [7, 1980, с. 140]. Абсолютная гениальная уверенность в собственном непомерном таланте заставляет Цветаеву не дифференцировать читателя ни по годам, ни по векам: «*К тебе, имеющему быть рожденным / Столетие спустя как отдышу - / Из самых недр – как на смерть осужденный - / Своей рукой пишу...*» [7, 1982, с. 309]. Представление о том, что и как останется в художественном пространстве мира, ни на минуту не покидало поэта, знающего себе цену, даже, несмотря на то, что многие эту цену понимали: «*Друг! Все пройдет на земле, – аллилуйя! / Вы и любовь, – и ничто не воскреснет. / Но сохранит моя темная песня – / Голос и волосы: струны и струи*» [7, 1982, с. 247]. Сохранение памяти, как в частном случае по отношению к конкретному человеку, так и в глобальном понимании – памяти культуры, считается одним из принципов толерантности.

По отношению к Цветаевой возникает естественный вопрос: если художник слова знает о своей великой миссии и понимает свою значимость в вертикальном контексте литературы, то почему же так сильно стремление уйти из этого мира, не завершив, не продлив творческий процесс? Именно из-за понимания мира в координатах неординарного человека-творца и начинается конфликт между поэтом и социумом, приведший в конечном итоге к трагедии.

Несмотря на нестандартность поведенческих реакций, «мирослушанья» вместо «мировидения», честности перед «Страшным судом Слова», бескомпромиссной верности ремеслу, Цветаева являет себя как типичного представителя российского менталитета. Представителя, живущего (пишущего) на пределе сил и возможностей, но отвечающего таким параметрам оценки, как черно-белые характеристики мира («перевернутые с ног на голову», как в «Моем Пушкине»); наличие художественного конфликта как символа создаваемых текстов; нелюбовь к обычному, нечрезмерному, банальному [3, с. 17–48].

Н.А. Афанасьева отмечает в диссертационной работе, что для Цветаевой наиболее значимой оказывается славянская модель пространства (архетипы «близкий / далекий», «правый / левый», «верх / низ») [1, с. 18], что еще раз подтверждает бинарность мышления поэта, использующего жесткую ментальную оппозицию в качестве художественного метода. «Свой / чужой» в цветаевском контексте накладывается на оппозицию «мир поэта / мир прочих». Толерантность как этическая категория характеризуется полимодальностью, а в авторском тексте ее наполнение приобретает ценностные личностные смыслы, очень сложные по своей семантике. Толерантность Цветаевой – это все-таки терпимость, терпение на пределе сил. «*Творческая воля есть терпение*» [8, с. 402] – одна из базовых формул цветаевского ремесла. Ее терпение наполнено огромными семантическими объемами, характеристикой предельных состояний, в которых заключено все пространство – от жизни до смерти, от бытия – до небытия. Подтвердим сказанное строчками из поэтического текста «Терпеливо, как щепень бьют...» (цикл «Провода», посвященный Б. Пастернаку): «*Терпеливо, как щепень бьют, / Терпеливо, как смерти ждут, / Терпеливо, как вести зреют, / Терпеливо, как мечь лелеют – / Буду ждать тебя (пальцы в жгут...)*» [7, 1983, с. 62]. Терпение выступает в качестве исходного постулата как отношения к человеку, так и отношения к главному делу жизни.

Самым сложным для Цветаевой являлось терпение к земному миру с его земными приметам: не своими людьми, бытом, социальным устройством, и надежда на «тот мир» (идеальный мир неба, мир поэта, своеобразный рай). Исследователи творчества М. Цветаевой признают в качестве основной черты мировосприятия поэта – понимание реального мира как мира «тотальной дисгармонии» (определение С. Ельницкой). Цветаева всегда творит своего рода «конфликтную парадигму», текстовым инвариантом которой является оппозиция «мир поэта» / «мир прочих» как базовая оппозиция ее «модели мира».

С нашей точки зрения, цветаевский экзистенциализм

лизм (а она, несомненно, – экзистенциальный поэт) можно определить как этический, имеющий ориентацию на долг. На протяжении всей творческой жизни М.И. Цветаева выполняла свою главную задачу – занималась ремеслом (в высшем смысле этого слова). Этический экзистенциализм Цветаевой предопределяет и основные темы ее творчества: тему Творца (Поэта), тему Творения, тему природной сущности Творчества в целом, тему борьбы Социума с Творцом. Тема Творца раскрывается через философское осмысление дара как сущности, умения «обуздать» дар в словесной формуле, подчинить земное существование сверхзадаче творческого акта и постичь истинный язык – язык Природы. Уникальность бытия художника в мире и его вечный круг из Жизни – в Смерть и Бессмертие, а затем, в новом внешнем облике (при неизменной сущности Орфея) в Жизнь – такова экзистенциальная философия М.И. Цветаевой.

Разным типам людей свойственны разные способы восприятия и оценки информации, этическая «программа» каждого из нас составляет важную сторону осмысления реальности. Когда же речь идет о поэте, нельзя подходить к ценностной парадигме однозначно и стандартно. Поэт обладает собственной аксиологией, определяющей специфику нормы и аномалии. Норма человеческого поведения может не совпадать с нормой поэта, постулирующего индивидуализацию нормы в этике.

Толерантность как нравственная установка относится к сфере должного [12]. Если рассматривать с таких позиций литературно-художественный дискурс Цветаевой, можно констатировать, что главный свой долг (долг поэта) Цветаева выполнила в полной мере, создав разножанровые самобытные глубокие тексты. Оставаясь в основной своей ипостаси поэтом, Цветаева выступила и как яркий эссеист, и как создатель автобиографической прозы, и как талантливый переводчик, и как автор большого эпистолярия.

Какой ценой заплатил поэт за доведенный до философского совершенства отточенный пером текст, скажут лапидарные формульные высказывания, рассыпанные по всему пространству цветаевского дискурса. Отметим некоторые из них. «Крылья – свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они – тяжесть. Крылья – синоним не свободы, а силы, не свободы, а тяжести» [9, с. 20], – так скажет М.И. Цветаева, характеризуя по-своему общепринятое понимание образа «крылья за спиной» как творческого знака. Особенно интересны цветаевские этические формулы о поэте, например: «*Вся пресловутая фантазия поэтов – не что иное, как точность наблюдения и передачи. Все существует с начала века, но не все – так – названо. – Дело поэта – заново крестить мир*» [10, с. 159]; «*Поэт, это человек, который сбрасывает с себя – одну за другой – все тяжести. И эти тяжести, сброшенные путем слова, несут потом на себе – в виде рифмованных строчек – другие люди*» [10, с. 167].

Каждая формула поэта – тропеическое высказывание с тем или иным типом видовой конкретизации. Поэт приходит с целью – «работать»: именовать мир.

Следующая формула определяет поэта как человека, несущего в себе тяжести мира, которые сбрасываются путем строчек и награждают грузом людей, читающих эти строчки. Обратим внимание на то, что каждая данная сублогическая модель, на основе которой построена цветаевская формула, может быть рассмотрена с позиции ценностных координат «тяжело / легко». Поэту всегда тяжело, поскольку он выполняет свой эстетический и этический долг: «заново крестит мир», практически споря с самим Богом; несет на себе тяжести мира, награждая ими в конечном итоге тех, кто способен понять сущностную сторону Бытия, открытую поэтом, и постичь ее сложность.

Очень значимы у Цветаевой и этические формулы о стихах, например: «*Мои стихи, как мои платья, хороши в темной комнате. При ярком свете дня: сплошные пятна и дыры (ожоги)*» [10, с. 289]; «*Первого сорта у меня в жизни были только стихи и дети*» [10, с. 65]; «*Беззащитность рукописи. (Я.)*» [10, с. 262]. Сравнение авторских текстов с ожогами отсылает нас к пониманию цветаевской беззащитности перед миром обычных людей (образ темноты предпочтителен перед образом светлого дня – таково творческое кредо Цветаевой). Поэт ассоциирует себя с беззащитной рукописью, еще не получившей внешнее право на узаконенность. Пока рукопись не опубликована, она беззащитна от правок в прямом и переносном смысле этого слова. Однако поэт убежден в том, что творец обязан публиковать только то, что претендует по праву на первый сорт, то, что не написать невозможно по зову души. Таким образом, этический долг заставляет поэта быть предельно искренним и одновременно абсолютно беззащитным, но выхода иного нет. Прав И.А. Бродский, назвав поэзию Цветаевой кальвинистичной. Цветаева постоянно творила над собой «некий вариант Страшного Суда», сводя «жесткие счета» со своей совестью и сознанием [2, с. 24].

Эстетика мысли языковой личности автора, облеченная в афористичную формулу, позволяет читателю и прошлого, и нашего века прочесть этику понимания мира и человека в нем. Весь литературно-художественный дискурс Цветаевой пронизан верой в торжество справедливого слова, в понимание выполненного долга перед потомками: «*Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова – на нем я чиста*» [7, 1983, с. 208–209].

В конечном итоге толерантность Цветаевой как иссякнутая терпимость (начинается Вторая мировая война) приводит к страшному решению, получившему формульную характеристику в известном ее тексте: «*О слезы на глазах! / Плач гнева и любви! / О Чехия в слезах! / Испания в крови! / О черная гора, / Затмившая – весь свет! / Пора – пора – пора / Творцу вернуть билет. / Отказываюсь – быть. / В Бедламе нелюдей / Отказываюсь – жить. / С волками площадей / Отказываюсь – выть. / С акулами равнин / Отказываюсь плыть – / Вниз – по течению спин. / Не надо мне ни дыр / Ушных, ни вещей глаз. / На твой безумный мир / Ответ один – отказ*» [11, с. 374].

Литература

1. *Афанасьева, Н.А. (Рыбакова)*. Символы как семиотические концепты языковой «модели мира» М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Афанасьева (Рыбакова). – Череповец, 2001.
2. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. – М., 1997.
3. *Лаврова, С.Ю.* Формулы в текстовой парадигме (на материале идиостиля М. Цветаевой) / С.Ю. Лаврова. – М., 1998.
4. *Олизько, Н.С.* Художественный дискурс как диалог автора, читателя и текста / Н.С. Олизько // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. – Вып. 60. – С. 164–166.
5. *Стернин, И.А.* Коммуникативные аспекты толерантности / И.А. Стернин, К.М. Шилихина. – Воронеж, 2000.

6. *Сумина, Е.С.* Толерантность: от феномена к лингвокультурному концепту: дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Сумина. – Екатеринбург, 2007.
7. *Цветаева, М.И.* 1892–1941. Стихотворения и поэмы: в 5 т. / М.И. Цветаева. – N.Y., 1980–1983.
8. *Цветаева, М.* Сочинения: в 2 т. / М. Цветаева. – М., 1988. – Т. 2.
9. *Цветаева, М.* Неизданное. Сводные тетради / М. Цветаева. – М., 1997.
10. Цветаева. Неизданное. Записные книжки: в 2 т. – М., 2000. – Т. 1.
11. *Цветаева, М.* Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / М. Цветаева // М. Цветаева Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1994. – Т. 5.
12. *Юровских, Н.Г.* Толерантность как личностный и культурный феномен: дис. ... канд. филос. наук / Н.Г. Юровских. – Омск, 2004.

Л. Беженару
г. Яссы (Румыния)

«ЛАД» В.И. БЕЛОВА КАК РУССКАЯ МОДЕЛЬ МИРА

Каждый этап в развитии «деревенской прозы» отмечен наличием произведений с христианской первоосновой. Особенно остро эта тема зазвучала в прозе конца 80 – начала 90-х годов XX века. Перестройка внесла в «деревенскую прозу» новую тему: поиск своего места в жизни, осознание страданий загубленной души. Советское понимание «мы» сменилось пониманием «я», герой стоит перед неизбежностью противостоянием злу. Одной из ведущих тем в это время была тема Апокалипсиса, эсхатологической катастрофы. Литературная критика, например, недоумевала по поводу победы зла в романе Ч. Айтматова «Белый пароход». Мир произведений «деревенской прозы» стал более сложным, многослойным, расслоенным во времени и пространстве. Подобную прозу только условно стали относить к деревенской, чаще она называлась «онтологической», (по термину, введенному Г. Белой), объединяющей в своей концептосфере человеческое бытие не только в географии, в локальном пространстве. К такому произведению можно отнести и «Белый пароход» Чингиза Айтматова, в котором зло, торжествующее в финале, говорит о моральной, нравственной победе человека. Этот роман и многие другие произведения того времени все еще не исследованы с точки зрения религиозной и мифологической первоосновы текста.

Христианская и бытийная символика в «деревенской прозе» образовала сложную и отчасти неожиданную сеть смысловых ходов. Искаженный крестьянский мир начал по-новому осмыслять ценностные понятия: мир, крест, земля, дом, семья. В этих рассказах были ирония и гротеск, нескрываемая эпатажность по отношению к жанрам (Б. Екимов «Пасхальный рассказ со взрывом», «Родительская суббота», «Праздник», «Наш старый дом»). Критика отмечала недостаточную художественную глубину, очерковость, излишнюю сказовость манеры и др. Однако

разных авторов в этом новом потоке «деревенской прозы» объединял **библейский подтекст**.

Формируется новый тип писателя, интуитивно уловившего духовные запросы современников, этим объясняется обращение многих авторов к Библии. Выявленные нами тенденции и пути развития «деревенской прозы» доказывают, что это **интуитивное обращение к христианским духовным ценностям одинаково как для писателя, так и для читателя и служит выходом из духовного кризиса**.

Христианская основа произведений «деревенщиков» усложнилась, так как пути человека к вере сложны и непрямолинейны, оценка современных произведений также выходит на высокий качественный уровень. Правомерно относить прозу «деревенщиков» после 90-х годов XX века (В. Распутина, В. Белова, Е. Носова, Б. Екимова, других писателей), к жанру онтологической, так как сложившийся стереотип названия «деревенская проза» слишком локализирует и сужает проблему. Христианская первооснова получает отражение в изображении героев, описании природы, в семейных взаимоотношениях, в отношении к добру и злу.

Роман В. Белова «Год великого перелома» убеждает в спасительности слияния человека с землей. Пейзаж в «Канунах» В. Белова: «**Синие** знобящие звезды близкими гроздьями висели в **фиолетовом** небе. **Желтым нездешним светом** источались повсюду и мерцали под луною снега, далеко вокруг дымилась густо скопившиеся в деревне дома» – передает гармонию всеединства вечной красоты природы и скромного рукотворного земного мира, мифическое восприятие гармоничного существования человека. Явна ассоциация с пейзажным мастерством И. Бунина и философией В. Соловьева.

Однако обращение к декодировке цветового словесного ряда в этом отрывке указывает на более глу-

бинную связь пейзажа с раннехристианской символикой. **Фиолетовое** (небо) в раннем христианстве означало унижение, глубокую привязанность, печаль. Такие испытания выпали на долю героев Белова. **Синие** (знобящие звезды) означали сияние, но не прозрачное и даже мрачное свечение. Сравнение знобящих звезд с человеком, гроздьями скопившимися, ассоциируются с виноградной лозой – связь Христа и Церкви. В Ветхом Завете виноградная лоза обозначает символ земли обетованной, в Новом Завете – символ рая. Близкие гроздья знобящих звезд как бы посылают густо скопившимся в деревне домам (людям) веру в небесное благословение. **Желтый нездешний свет** в этом цветовом словесном ряду трактуется также в символике раннего христианства. В таком понимании он означает славу, плодородие, доброту. Эти символы соответствуют **земле**. Несомненно, символика цвета – явление многоаспектное, можно предположить и другие варианты прочтения текста, однако раннехристианская символика в данном отрывке образует единство земли и неба; гармоническое всеединство дарует деревне веру и надежду в годы тяжелых испытаний.

В романе «Годы великого перелома» обращение к христианской символике пейзажа выражено более отчетливо. Одинокая вдова собирается пахать землю: «За воротами открылась ей золотая и розовая, нет, не зоря! Подымалось с востока бесшумное **золотое зарево**, широко и властно! Бесконечная **голубизна небесная** открылась еще страшней и непостижимей... Она глубоко вздохнула этот свежий и **синий воздух**, пахнувший **водой, землей** и травяными **корнями**... Господи, **благодать**-то какая».

В данном отрывке красота природы воспринимается женщиной на интуитивном, архитепическом уровне; красота мира отождествляется ею с Божественным происхождением мира. Цвет также несет в себе христианскую символику. Голубизна небесная обладает несколькими уровнями прочтения. Павел Флоренский рассматривает символику голубого цвета в аспекте трех языков (смыслов): божественного, священного и мирского (земного). На языке божественном голубой означает воздух (**синий воздух**). **Золотое зарево** – плодородие, мир земной – **вода, земля, корни**. Вода также символизирует благодать. Уподобление духовной сущности человека, в данном случае, женщины, также связано с водой. Так, в единую картину, соответствующую христианской символике, в сознании женщины объединяется представление о божьей благодати. Христианская первооснова пейзажей в романах В. Белова включена в реалистический текст, исследователи его творчества зачастую рассматривают подобные эпизоды с точки зрения более свободного способа мировосприятия, космогонических истоков, которые свойственны прозе рубежа XX–XXI века, нового ощущения человека в меняющемся мире. Однако феномен «двоеверия» в этих описаниях указывает и на два способа мировосприятия двуединой природы Христа, в нем восстанавливается внутренняя и внешняя целостность человека и мира.

Написание Василием Ивановичем Беловым очерков по народной эстетике – «Лад» относится к концу

70-х – началу 80-х годов XX века, к периоду брежневского застоя. Претензия партии на руководящую роль в сфере литературы выражалась в идее полного контроля над интеллигенцией.

В этот сложный период кризиса литературы писатель Василий Иванович Белов нашел жанр народного очерка, в котором в непредвзятой форме описал пути выхода из духовного кризиса, написал произведение, которое до сих пор не потеряло своей актуальности, действенной силы. Писатель считал, «что никакой особой деревенской темы не может быть, есть **общечеловеческая, общенациональная тема**. Настоящий писатель, пишущий преимущественно о городе, не может не касаться деревни, и наоборот, пишущий преимущественно о деревне, не может обойтись без города»¹.

В творчестве В. Белова особое положение занимают очерки по народной эстетике – «Лад» (1979), которые перекликаются с «Письмами из деревни» (1872–1882) А.Н. Энгельгардта – содержательными очерками крестьянской и помещичьей деревни конца XIX века. В своих 12 письмах посланных в журнал «Отечественные записки» из родового имения Энгельгардтов – деревни Батищево, автор описывал сельскохозяйственные дела, домашний быт, административные структуры власти, крестьянскую психологию, нищету русской деревни.

В сборнике очерков «Лад» В. Белов противопоставил застою гибнущему тоталитарному государству Северную Атлантиду, свой город Китеж, крестьянский рай; только этот рай не основан на народной фантазии, мечте крестьянина о рае. Это почти документальный очерк о реальной вологодской северной деревне, ее недавнем прошлом, достоверно переданном в сказовой форме автором. Этот мир «малой родины» жил по законам христианским, а восходит своими корнями в дохристианскую славянскую архаику, в которой мир представлялся единой системой, одушевленным и живым космосом, распостертым на четыре стороны, разделенным на ярусы. Вселенная для славянина наполнена живыми существами. Русь сумела выстоять в годы великих испытаний, автор перечисляет эти периоды истории русской деревни, ставя ее в центр трагедии страны. Этот раннехристианский миропорядок был в легендарном городе Китеже, возрожденный Беловым, словно мираж, в его «Ладе».

Китеж Белова – исчезающий в вечность христианский мир. Слышна у Белова в этом очерке переключка и с другими произведениями древности («Слово о погибели русской земли»), в них создается образ Родины, сохранение которой есть дело чести всего народа. Такую же цель ставит в своих очерках Белов: не о разладе, а о ладе пишет автор, о сохранении и возрождении в духовной и природной чистоте крестьянского народного мира. Цикличность, последовательность беловского миража не была понята его современниками. Между тем он создал **«крестьянскую вселенную»**, нечто **подобное Фестскому диску**, оставив современникам и

¹Белов В. Кануны. Повести и рассказы. – М., 1990. – С. 258.

потомкам эту загадку и подсказку – как в миру ладно жить.

В предисловии в сжатой форме автор формирует основные координаты «крестьянского мира», крестьянской вселенной. Мир этот несоизмерим, прочесть его, как и Фестский диск, никому не удавалось, никогда не удастся. Не только о красоте народной эстетики говорит автор; он воспринимает ее как гармонию и соразмерность, основанную на ритме: «Ритм проявлялся во всем, формируя **цикличность**. Можно говорить о **дневном цикле** и о **недельном**, для отдельного человека и для целой семьи, о **летнем** или о **весеннем** цикле, о годовом, наконец, о всей жизни: от зачатия до могильной травы... Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди»¹. Такое представление о «малой родине» Белова соотносится с представлениями древних славян о космосе, космической ритмической соразмерности, календарному времени. Таким видели этот мир славяне.

Рисунок. Славянский календарь

Славяне считали время по дням, неделям, учитывали соотношенность годового цикла с астрономическими и природными явлениями, которым соответствовали славянские праздники: Масленица, Купала, Осень, Коляда (см. рисунок). Крестьянский мир состоял из времени и пространства, мир был когда-то единым целым. Главный смысл воспроизведения этого мира для автора заключается в возвращении к его истокам, отношению к нему как к точке опоры: «Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно» (Белов В. Лад.) Своеобразный жанр очерка-откровения отражает индивидуально-авторскую точку зрения на предмет изображения: микрокосмос «малой родины» Белова противостоит современному миру, дисгармонии и

хаосу. Может поэтому не удостоен этот беловский философский трактат внимания в современной критике, которая относится к нему как к отжившему рудименту, раздражающему оппонентов своей цельностью. Христианско-философский взгляд Белова как бы вступает в противоречие с «осевым временем» (К. Ясперс), согласно которому «взгляд на мир» реализуется стремлением у писателей (Т. Толстая, Е. Попов, А. Битов) воссоздать хаос жизни хаосом фрагментарного повествования. По мнению Ясперса, цель у этой философии одна – вновь преобразовать человеческую природу в соответствии с ее истоками. Пережитое человечеством две тысячи лет назад «осевое время» – это юности «честное зеркало», куда направлена энергия творческой динамики. Архетипическая формула креста приобрела новый облик: по горизонтали – цепь «осевых культурно-цивилизованных комплексов», по вертикали – связь между собой по причинно-следственным рядам к инновационному прорыву в направлении общечеловеческих ценностей. «Лад» Белова несколько расходится с этой схемой. Философия его проста: гармоничный крестьянский мир еще существует, спасите его, не дайте уйти на дно, как граду Китежу. **Русская модель мира – Лад**. Лад – это жить по правде, по совести, в добролюбии и созидании, в гармонии человека, общества и природы в едином Космосе. Может Белов – великий фантаст, и предложенная им модель Лада – утопия, но пока еще живы его герои, он как автор противостоит своей цельностью модным современным писателям «нового сознания». Каждому времени характерна своя художественная реальность, а поискам художественной истины свойственна многомерность.

Вологодский краеведческий музей создал сайт, на котором помещена «малая родина» Белова². Редактор сайта отнес эти очерки к жанру древнерусской христианской литературы, назвав их **откровением**. Даже после первого издания книги вышла новая версия в Германии, но очерки до сих пор стараются не замечать, не рекламировать, даже в обзорных работах по творчеству Белова обходят этот странный жанр стороной. (Автор этих строк перевел на румынский язык «Лад» В.И. Белова, первая публикация отдельных глав на румынском вышла в 2012 году в Германии в книге «Простые звуки родины моей. Культурологическое исследование ментальности «малой родины»). Авторы христианского сайта, на котором помещены эти очерки считают: «...в духовной сфере все создается промыслом Господа Бога нашего. И Святая Земля Вологодская только за последние десятилетия дала народу русскому великого поэта Николая Рубцова и великого прозаика Василия Белова. Так было и так будет... Вы можете спросить: а какое отношение имеет книга «Лад» к древнерусской литературе? Почитайте, и у вас никогда больше таких вопросов не появится, ибо «чтущий да разуме-

¹ Белов В. Лад – URL: <http://www.netda.ru/belka/texty/lad/lad1.htm>

² Проект литературно-туристского маршрута на малую родину писателя Василия Белова, в деревню Тимониха Харовского района Вологодчины, стал одним из победителей Всероссийского конкурса проектов «Культурная мозаика малых городов и сел» 2015 года.

ет»¹. Крестьянский уходящий мир Белова тематически и образно перекликался с крестьянской Атлантидой Распутина. В уходящих крестьянских ценностях,

в опоре на них оба художника видели основу будущего.

Н.П. Сухарева
г. Череповец

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВАЛЕНТНОСТНЫЕ СВОЙСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

К понятию толерантности обращаются сегодня в различных научных течениях и научных сферах. Безусловно, в условиях открытого мира невозможно представить себе мир без такого понятия как толерантность. Но что же понимается под этим понятием, какими валентностными характеристиками оно обладает? Рассмотрим это на материале немецкого языка в рамках межкультурной коммуникации.

Профессор доктор Х. Прантль, член редколлегии газеты "Süddeutsche Zeitung", руководитель отдела внутренней политики, отмечает, что немцы не помнят своего опыта интеграции, что является одной из причин, почему интеграционная и иммиграционная политика ориентируется скорее на страх, чем на толерантность. Когда речь заходит об иммиграции, в Германии всегда всплывает понятие «ведущей культуры», к которой следует приспосабливаться новым гражданам. Разумеется, никто толком не знает, что к ней относится: еда? какие-то привычки? Что такое ведущая культура? Ведущей культурой в лучшем смысле этого слова должна быть культура сосуществования. Она называется демократией. Она называется правовым государством. Она называется основными правами. Казалось бы, это элементарные вещи. Однако повседневная жизнь показывает, что все не так просто. Эта ведущая культура требует многого, не только толерантности, но и уважения с обеих сторон, как со стороны «старых», так и со стороны «новых» граждан – и в итоге ведет к интеграции. Слово «уважение» лучше слова «толерантность». Отношение католиков к протестантам или протестантов к католикам может послужить здесь примером: можно и нужно не только терпеть друг друга, но и уважительно относиться друг к другу. Это интеграция. Это задача, которая стоит перед Германией и Европой [1]. В данном контексте мы имеем дело с вопросами взаимодействия понятий толерантности и интеграции, что непосредственно связано с общей проблематикой межкультурной коммуникации. Х. Прантль не случайно подчеркивает важность не столько толерантности, сколько уважения представителей различных культур по отношению друг к другу. Тогда возникает логичный вопрос: а включает ли в себя понятие толерантности такую составляющую как уважение? Можно отно-

ситься к другому человеку толерантно, но одновременно не испытывать к нему чувства уважения. Х. Прантль также совершенно отчетливо акцентирует внимание на том, что слово «уважение» лучше слова «толерантность». Принимая во внимание тот факт, что слово «уважение» несет в себе исключительно положительную коннотацию, следовательно, возникает вопрос о коннотации слова «толерантность» и его валентностном потенциале. В каком окружении, т.е. какими валентностными свойствами представлено слово «толерантность»? Обратимся к словарю "Duden", одному из самых рецензированных издательств в мире.

Под толерантностью в словаре Duden online понимается совокупность значений, в частности:

1) образное значение (*bildungssprachlich*) *das Tolerantsein; Duldsamkeit* т.е. терпимость, терпимое отношение;

2) в медицине (*Medizin*) *begrenzte Widerstandsfähigkeit des Organismus gegenüber [schädlichen] äußeren Einwirkungen (besonders gegenüber Giftstoffen oder Strahlen)* ограниченная сопротивляемость организма по отношению к вредным внешним воздействиям (в особенности по отношению к ядовитым веществам и излучению);

3) в технике (*besonders Technik*) *zulässige Differenz zwischen der angestrebten Norm und den tatsächlichen Maßen, Größen, Mengen o.Ä.* допустимая разница желаемой нормы и фактической массой, размерами, количеством и т.д. [2].

Исходя из определения, мы не видим сути понятия, таким образом невозможно ответить на поставленный вопрос, какую коннотацию несет в себе слово «толерантность», содержится ли в нем положительное отношение к представителю иной культуры. На данный вопрос поможет ответить валентностная характеристика слова «толерантность», базирующаяся на полнотекстовом цифровом собрании издательства "Duden", включающем более двух миллиардов словоформ, подобранных из различных видов текстов, в частности, из художественной и специальной литературы, из газетных и журнальных статей. Частотность реализации определенных валентностных свойств отмечается визуально величиной искомого слова. Валентностные свойства приводятся отдельно по частям речи, в частности, относительно прилагательных, глаголов и существительных.

¹ URL: LAD.RU

Опираясь на валентностное окружение прилагательных слова «толерантность», можем сделать вывод о том, что наиболее частым прилагательным, встречающимся со словом «толерантность» является *religiös* (религиозный), о чем свидетельствует увеличенный размер этого прилагательного в схеме, далее следуют прилагательные *gegenseitig* (обоюдный), *repressiv* (репрессивный), *falsch* (фальшивый), *gewiss grenzenlos* (безграничный), *oral* (устный), *relativ* (относительный).

Рассматривая валентностные свойства слова «толерантность» относительно глаголов, выделим сначала самый частотный глагол *nullen* (обнулить), далее идут два глагола *üben* (проявлять) и *werben* (привлекать), менее частотными являются *predigen* проповедовать, *fordern* (требовать), *aufrufen* (взывать), *walten* (господствовать), *erziehen* (воспитывать).

Обращаясь к валентностным свойствам слова «толерантность», среди существительных, встречающихся чаще всего в сочетании с искомым словом, на первом месте видим существительное *Demokratie* (демократия), далее следуют существительные *Weltoffenheit* (открытость миру), *Respekt* (уважение), *Offenheit* (открытость), менее частотными явились существительные *Verständnis* (понимание), *Liberalität* (либеральность), *Freiheit* (свобода), *Menschlichkeit* (человечность).

Таким образом, анализируя практический материал, мы видим, что валентностные свойства слова «толерантность» относительно прилагательных и глаголов не дают четкого ответа на поставленный вопрос о толерантности как положительной по отношению к представителю другой культуры категории: в частности **толерантность** чаще всего бывает

религиозной. Если мы рассматриваем глагольную валентность относительно слова «толерантность», то толерантность чаще можно **проявлять**, реже – проповедовать. Валентностная схема слова «толерантность», репрезентированная существительными, дает интересные результаты, а именно: толерантность чаще всего встречается в контекстах различного уровня и содержания с существительным демократия, менее частотными являются существительные открытость миру, уважение, открытость, понимание, наименее частотными в валентностной характеристике слова «толерантность» проявили себя существительные либеральность, свобода, человечность. Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что понятие толерантности в межкультурной коммуникации, опираясь на валентностные свойства слова «толерантность», напрямую не ассоциируется со словом «уважение», вместе с тем в поле данного слова мы находим такие слова, как: открытость миру, уважение, открытость, хотя они не являются определяющими; самым частотным словом явилось существительное «демократия», с которым, видимо, следует ассоциировать понятие толерантности.

Литература

1. *Прантль, Х.* Ведущая культура сосуществования / Х. Прантль // Copyright: Goethe-Institut e. V., Online-Redaktion, Февраль 2011. – URL: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/bal/mig/ru7169833.htm> (дата обращения 11.04.2015).

2. Duden online. – URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Toleranz> (дата обращения 11.04.2015).

Жэнь Гуансюань
г. Пекин (Китай)

О ТОЛЕРАНТНОСТИ КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Когда речь идет о толерантности китайских переводчиков-русистов, то нужно прежде поговорить об истории перевода русской литературы на китайский язык. 1872 г. является памятным годом для китайских читателей, потому что в этом году они впервые увидели русские басни в китайском переводе, которые были напечатаны в журнале «Впечатления о Китае и Западе».

Китайцы впервые узнали имя А. Пушкина в то время, когда в газете «Новости» (в июне 1897 г.) была опубликована статья «О характере русского человека», где упоминается этот великий русский поэт. Повесть А. Пушкина «Капитанская дочка» была первым художественным произведением, переведенным на китайский язык (1903).

В 20-е гг. XX века европейски настроенные китайские литераторы начали знакомить китайцев с мировой литературой вообще, с русской литературой в особенности. В статье Тянь Хана «Взгляд на литера-

турные течения и направления русской литературы» (1919) впервые сделан обзор развития русской литературы. Кроме того, статьи «Л. Толстой и сегодняшняя Россия» Мао Дуна (1919), «Коротко об истории и характере русской литературы» Цзэнь Цзэндуо, «Краткая биография четырех русских писателей» Гэнь Цзизи, «Жизнь Ф. Достоевского» Ху Юйцзы и «Вступление к повести Ф. Достоевского “Бедные люди”» Лу Синя тоже были посвящены изучению русской литературы. С того времени имена М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Герцена, Н. Чернышевского, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького и других русских писателей стали входить в поле внимания китайских читателей.

В те годы среди китайских переводчиков и исследователей русской литературы выделялись такие писатели-переводчики, как Цю Цюйбай, Гэнь Цзизи, Чжоу Цзожэнь и др. Они не только переводили русские произведения, но и изучали их, делали сравни-

тельный анализ с китайской литературой, это значительно способствовало популяризации русской литературы в Китае.

В 30–40 гг. XX в. в Китае появились первые монографии о русской литературе. Например, «О творчестве Л. Толстого» Лю Даняня, «О жизни и творчестве И. Тургенева» Хун Юаня, «Биография М. Горького» Чэнь Даняня, «Семь литераторов России» Цзинь Фаня, «Биография А. Чехова» Сяо Сэй и другие книги. Кроме того, литературная критика Белинского, Чернышевского и Добролюбова начала привлекать внимание китайских критиков того времени.

Бурное развитие перевода и изучения русской литературы началось только после 1949 года, т.е. после создания КНР. С того времени издание произведений русской литературы постепенно приобрело небывалые масштабы. Многие русско-советские повести, романы и стихотворения были переведены и изданы большим тиражом, в результате чего не только русские классики XIX века, но и писатели и поэты XX века: А. Серафимович, К. Федин, М. Шолохов, А. Фадеев, В. Маяковский, М. Исаковский, А. Твардовский и другие – могли пользоваться большой популярностью среди китайских читателей. Но под влиянием доктрины «уделять больше внимания сегодняшнему дню, чем вчерашнему» романы русских классиков XIX в. в те годы переводились и издавались меньше, чем произведения писателей советских времен. А произведения С. Есенина, А. Блока, А. Ахматовой, М. Зощенко, А. Платонова, М. Булгакова и Н. Замятина и многих других вообще не переводились, потому что их литературное творчество у нас считалось не майн стримом (Main stream).

Во время так называемой «культурной революции», которая вспыхнула у нас в Китае в 1966 г., все иностранные литературы были «заморожены», поэтому и не было речи о переводе и изучении русской литературы.

С начала 1980-х гг., после проведения политики реформ и открытости в Китае, перевода русской литературы и ее изучения сняли все табу, пошли на путь здорового развития. С тех пор вплоть до сегодняшнего дня не только главные произведения русской классики (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Ф. Тютчев, И. Гончаров, И. Тургенев, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, А. Островский, Л. Толстой, А. Чехов и др.), но и многие произведения русской литературы XX века (М. Горький, И. Бунин, В. Маяковский, С. Есенин, М. Булгаков, М. Цветаева, А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Твардовский, В. Набоков, М. Шолохов, Ю. Трифонов, А. Солженицын, Е. Евтушенко, В. Астафьев, Б. Васильев, В. Распутин, В. Шукшин, В. Белов, В. Высоцкий, Бул. Окуджава, Ю. Бондарев, В. Маканин, Вен. Ерофеев, В. Ерофеев, Т. Толстая, Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Е. Харитонов, А. Варламов, Ю. Козлов, Г. Вадимов, М. Шишкин, Ю. Поляков, В. Сорокин, В. Пелевин и других) были переведены на китайский язык, теперь их книги издаются и переиздаются в Китае.

Здесь невольно спрашивается, каких критериев придерживались китайские переводчики в выборе и переводе русской литературы, ведь русских писателей и поэтов много, а их произведений бесчисленное

множество. Безусловно, прежде всего китайские переводчики выбирают писателя по его значимости в русской литературе и по художественному уровню его произведения. Но они не ограничивались этими критериями. Еще в некоторой степени имеет значение толерантность к русским писателям вообще и к их произведениям в особенности.

Это можно объяснить следующим примером. Ф. Достоевский – великий русский писатель XIX века. Его роль и место в русской литературе, даже в мировой литературе, не подлежит сомнению. Но у нас, особенно в 50–60 гг. прошлого столетия, оценка его личности и его произведений была вовсе неоднозначной. Некоторые его произведения (например, «Бесы») не только не любили, но и отрицали. Немало русистов считали, что их не надо переводить и знакомить с ними китайских читателей. Но тем не менее Достоевского в Китае в то время переводили и его книги издавались. Почему? Помимо ряда других причин, мне кажется еще есть одна немаловажная причина: китайские переводчики понимали Достоевского, не придирались к нему, даже терпели его. Они проявили свою толерантность в отношении к этому великому писателю. Под толерантностью подразумевается их доброе и простодушное отношение к самому Достоевскому и к его произведениям.

В доказательство хочется привести еще один пример. А. Солженицын является писателем мирового значения. Этот автор не только великий русский писатель, но и представляет собой феномен русской культуры XX века. Однако Солженицын в Китае далеко не пользуется однозначным признанием, особенно у китайских русистов. Некоторые китайские русисты-исследователи отрицательно относятся к Солженицыну как личности и решительно отвергают его творчество. Они считают, что Солженицын антикоммунист, что его повесть «Один день Ивана Денисовича» выражает антисоветскую политическую позицию автора» [1, с. 443], еще утверждают, что в «Архипелаге ГУЛаг», автор «преувеличивает масштабы и размах репрессий в 30-е годы XX века в Советском Союзе» [1, с. 447]. Они пишут, что Солженицын очерняет всю историю Советского Союза, потому что он называет первую в мире социалистическую страну темным царством, в котором везде разбросаны концлагеря, где огромное количество невинных людей гибнет, подвергается аресту и репрессиям» [1, с. 447].

Но несмотря на все это, произведения Солженицына в Китае переводятся и издаются. Например, его рассказ «Один день Ивана Денисовича» на второй год после выхода в свет в Советском Союзе был переведен на китайский язык. Потом ряд его произведений – «Матренин двор», «Случай на станции Кочетовка», «Для пользы дела», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛаг», «Раковый корпус» и другие – были переведены на китайский язык. Это объясняется тем, что в Китае толерантно рассматривают Солженицына и его творчество. Ведь толерантность учит китайских переводчиков прежде всего видеть достоинства Солженицына как человека и как писателя, а забывать его недостатки. Основываясь на этом, они переводили Солженицына и тем самым

помогали читателю постичь необычайно яркую, сложную и противоречивую творческую личность Солженицына, в которой отразилась вся сложность, трагичность и противоречивость целой эпохи XX века.

Следует заметить, что в переводе и изучении русской литературы в Китае всегда присутствует толерантность. Это особенно чувствовалось в 1960-е гг., когда в Китае проходила Культурная революция. Китайские переводчики терпели и толерировали... Потому что они прекрасно знали, что терпение нужно для мира и согласия, толерантность нужна для создания простора и пространства в переводческой деятельности. Именно толерантность помогала китайским переводчикам пережить тяжелые годы всемирной катастрофы.

В заключение хочется подчеркнуть, что у человека толерантность не рождается, а воспитывается, накапливается умом и знаниями, увеличивается постоянной работой над собой. Ее возникновение связано с чувствами человека, с его жизненными переживаниями

и с его образованием. Поэтому, чтобы быть переводчиком, обладающим толерантностью, надо постоянно работать над собой, нужно обогащаться всякого рода знаниями.

Переводчик художественной литературы, обладающий толерантностью, понимает писателя, умеет простить, увидеть его достоинства, тем самым приобрести уважение и у самого писателя и у читателя. А переводчик, не обладающий толерантностью, любит придирается к писателю и к его книгам, он не находит ни одного писателя для перевода и в конце концов становится никудышным для всех человеком.

Китайские переводчики – люди терпимые и толерантные. Может быть, это одна из причин того, что русская литература переводилась и будет переводиться в Китае.

Литература

Хуэйфань, Ли История русской литературы XX века / Ли Хуэйфань, Чжан Цзе. – Пекин, 1999.

Толерантность в контексте социальных отношений

Ю.А. Макаров
г. Санкт-Петербург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Каковы источники толерантности? Другими словами, откуда она, толерантность, берется? С биологической точки зрения, терпимое поведение в большей или меньшей степени запрограммировано в развитии любого стайного животного. Терпимое поведение обеспечивает биосоциальное развитие индивида, являясь элементом выживания и конкурентоспособности биологического вида.

В социуме мы можем наблюдать возникновение толерантного поведения вследствие, как минимум, трех факторов. Во-первых, страха разного генеза (страха неприятных последствий, наказания со стороны другого человека, администрации-начальства, общества и т.д.). В результате какого-то страха мы можем и не замечать, что наше поведение стало «толерантным», а дальше, дальше проявление терпимости в определенных условиях становится просто привычным, закрепляясь на поведенческом уровне. А через некоторое время человек относительно устойчиво и без серьезных «самоистязаний» начинает проявлять толерантное поведение. Правда, если толерантность не проникла на уровень внутренней убежденности, личностной позиции, эта устойчивость наблюдается только в рамках конкретной деятельности (профессиональной, например), специфических условий.

Во-вторых, под влиянием искусства и культуры, когда происходит индокринация, внедрение идеи терпимого отношения в сознание человека по большей части на эмоциональном уровне.

В-третьих, под влиянием общего «развития личности» на основе индивидуально-психологических характеристик-предпосылок (тут уж речь идет еще и об осознанном использовании идеи толерантности в «системе стиля жизни», относительно независимом от общества понимании содержания оптимальной толерантности и стабильном проявлении толерантности в поведении человека).

Все эти источники толерантного поведения действуют на человека в совокупности, однако доминирование того или иного – факт. Источники толеран-

ности можно назвать и средствами формирования поведения, так как они активно используются для коррекции интолерантности (чаще всего без вмешательства специалистов-психологов).

Не менее интересный вопрос о том, откуда берется интолерантность. Конечно, интолерантность может быть проявлением неких внешних негативных педагогических или идеологических воздействий и сформированных под их влиянием мысленных и поведенческих установок, ожиданий. Приведем пример: специфика нетерпимого к другим, иным семейного воспитания или попытки дестабилизации политической обстановки в стране (причем, как это следует из нашего понимания интолерантности, к такому эффекту приведет как катастрофический недостаток толерантности, так и ее избыток).

Другой источник – индивидуально-психологические характеристики самого субъекта, человека. Агрессия, высокая тревожность, рабская зависимость и отсутствие своего мнения, злоба, отсутствие навыков социального взаимодействия и эмоциональной саморегуляции и пр. Все то, что, собственно, и делает нас стабильно нетерпимыми не только к другим людям, но и ко всему происходящему вокруг.

Интолерантное поведение и интолерантные установки могут возникать и ситуативно и характеризовать отношение человека только к определенной группе людей, к определенному мнению, к определенной характеристике. Социально-психологические механизмы этого явления известны и давно описаны.

Коррекция интолерантного поведения предполагается, к примеру, в ходе идеологического воздействия с постоянным повторением и внедрением в сознание людей мысли о необходимости терпимого поведения (или абсолютно нетерпимого к чему-либо, какому-либо явлению, поведению, каким-либо мыслям и пр.) с демонстрацией модели желательного поведения. Не помешает для некоторой части «электората» и разъяснение, логическое обоснование необходимости требуемого поведения, знакомство с санкциями за нарушения принятого в

конкретном месте поведенческого кодекса.

Собственно психологические методы предполагают обучение навыкам эмоциональной саморегуляции от психофизиологических методик до попыток изменить самоотношение и отношение к окружающим через перестройку ценностной сферы.

Каковы перспективы внедрения идеи толерантности в нашей стране? В первую очередь, следует отметить тот парадоксальный, на первый взгляд, факт, что идея толерантности последнее время все чаще вызывает довольно негативные эмоциональные реакции в целом [3]. Почему? Вызывает отторжение идея абсолютной толерантности (интолерантности по сути) как на субъективно-личностном уровне, так и с позиций политической реакции общества (абсолютная толерантность, как показывает современная история, губительна для сообщества, государства). Мы можем предположить, что сама идея толерантности часто воспринимается как попытка разрушения этноса (саморегулирующейся социальной системы, в том числе и в отношении терпимости к иной культурной традиции) и как попытка разрушения мировоззренческой позиции каждого отдельного субъекта.

Чаще всего у людей, отвергающих толерантность, понятие ассоциируется лишь с вседозволенностью окружающих и запретом противостоять каким бы то ни было, физическим или психологическим внешним нападкам. Даже у некоторых ученых нет понимания этого явления как некоей необходимой, но обязательно нормативной, «оптимальной» составляющей развития.

Наши исследования межэтнической толерантности с 2003 по 2013 гг. показывают, что на протяжении всех этих лет внедрения идеи толерантности в отечественную ментальность, соотношение толерантных и интолерантных людей в российском обществе практически не изменилось. На 10 % по настоящему (оптимально) толерантных субъектов в обществе приходится 90 интолерантных (со слишком высоким уровнем толерантности или слишком низким). Даже в педагогической среде, где толерантность входит в число профессиональных требований, оптимальный уровень толерантности – 10 %, нетерпимость – 45 %, ситуативный уровень толерантности (частичный, кое-где) – 45 % [2].

Вероятно, есть некие социальные механизмы регуляции соотношения притяжения-непритяжения иного, другого. И в нашей изначально многонациональной стране они, похоже, намного сильнее, чем, скажем, в

западноевропейских странах, где сегодня политика жесткого и интенсивного внедрения толерантных идей привела к росту недовольства населения и требованиям перейти от абсолютной толерантности, к примеру, в области национальной политики, к жестким мерам противодействия иным культурным ценностям, традициям и пр.

Так нужно ли вообще активно вмешиваться в этот процесс? С позиций политики – нет. Тут максимально эффективно лишь противодействие граничащему с криминалом низкому уровню поведенческой интолерантности и создание условий для спокойной экономической, политической, психологической обстановки в стране, городе, районе и т.д. Наши изыскания с этой области показывают, что количество оптимально толерантных субъектов в России положительно коррелирует с экономическим благосостоянием граждан того или иного населенного пункта и их общим позитивным эмоциональным фоном. Причем экономическая стабильность и обеспеченность должны сочетаться с психологической устойчивостью, отсутствием тревоги и достаточно спокойным эмоциональным фоном. Если хотя бы один из этих компонентов «подкачал», то и количество настоящего толерантных людей неуклонно снижается.

А вот что действительно необходимо, так это кропотливая профессиональная психологическая и педагогическая работа по формированию оптимально толерантного поведения, мышления, мировоззрения на основе исследования механизмов и условий личностного развития.

Литература

1. *Ефимова, Д.В.* Межэтническая толерантность: проблемы, парадоксы, решения: Монография / Д.В. Ефимова, Ю.А. Макаров. – Saarbrücken, Deutschland/Германия, 2012.
2. *Макаров, Ю.А.* Идея, понятие и внедрение толерантности в российскую действительность: психолого-педагогический аспект / Ю.А. Макаров // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2011, № 3 (46). – С. 145–152.
3. *Макаров, Ю.А.* Общество, толерантность, теория и практика ее формирования / Ю.А. Макаров // Ананьевские чтения – 2009: Современная психология: методология, парадигмы, теория: Материалы научной конференции «Ананьевские чтения – 2009». Вып. 2: Методологический анализ теорий, исследований и практики в различных областях психологии; под ред. Л.А. Цветковой, В.И. Алахвердова. – СПб., 2009. – С. 316–318.

О.В. Козлова
г. Череповец

ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕЕ ГРАНИЦ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблема толерантности в общественных отношениях для современного мира является как никогда актуальной (хотя нельзя отрицать значения ее решения и осознания в любую историческую эпоху). Ак-

туальность данной проблемы обусловлена сложившимися особенно за последнее столетие реалиями межчеловеческих отношений, и тем, что, как показывает практика последних полутора десятков лет,

человечество не поняло, а те, кто поняли значение сложившихся новых реалий, не смогли найти адекватных способов ее решения. Последнее привело, на наш взгляд, к явно регрессивным тенденциям, ведущим к деструктуризации и разрушению сформировавшейся, еще хрупкой, постмодернистской культурной системы социальных связей мировых сообществ конца XX столетия.

Термин «толерантность» предполагает терпимость к инакомыслию, иной культуре, образу жизни, но, значит, и к иным действиям и поступкам. Или же только к инакомыслию, но не действию? Уже само это понимание содержит в себе противоречивость. Где черта, критерий такой терпимости, каковы должны быть ее границы? Или толерантность предполагает глобальную терпимость? Вопрос не такой уж праздный. Глобальная толерантность, в принципе, невозможна, так как это путь к катастрофической дестабилизации общества. Современный мир объявил толерантность принципом своего существования. И отрицать его значение для выживания столь сложного, поликультурного мира бессмысленно. Но при глубоком рассмотрении его сущности, тем более практической его реализации, нельзя не увидеть не только противоречивый характер, но и опасность для общественной относительной гармонии абсолютистского его воплощения. На фоне некоего оголтелого восприятия обществом принципа толерантности научным диссонансом является, на наш взгляд, довольно адекватный анализ данного феномена в работах таких ученых, как М.Б. Хомяков [4], И.Н. Петракова и А.Г. Троегубов [3], которые «говорят о том, что толерантность является одной из самых противоречивых ценностей современного общества («парадоксальная ценность» у М.Б. Хомякова), вплоть до невозможности ее существования ни как ценности, ни как добродетели, о том, что она возможна лишь как набор отдельных совершенно различных практик» [3, с. 33]. Полной противоположностью сложившейся гуманистической тенденции осмысления толерантности является идея П. Дж. Бьюкенен («Смерть Запада») о том, что толерантность есть позиция слабости, утраты жизненной энергии, силы и воли, отказа от истины и борьбы за нее именно Запада. Данный автор утверждает, что в серьезных вопросах толерантность, как и идея о равноправности цивилизаций, неприменима и гибельна [1].

Человек не единожды, осознав толерантность в качестве социальной необходимости, придумывал способы определить ее границы, найти некий консенсус, то расширяя пространство толерантности, то резко его ограничивая. Либеральные тенденции исторического развития, гуманистическая мысль способствовали развитию толерантности мышления и отношения людей к Иному, Другому феномену общества. Начиная с 80-х гг. XX века, эта тенденция привела к углубленному развитию политического плюрализма, идеологического разнообразия, интереса к культурной инаковости не с целью ее нивелирования, а с целью изучения и возможности мирного сосуществования в смешанном социально-культурном пространстве. Хотя теоретическое осмысление данной проблемы получает широкое развитие и

дискутируется в западной литературе уже с конца 60-х гг. прошлого века, интерпретируясь не столько как традиционная проблема западной социально-гуманитарной мысли (Ж.Ж. Руссо, А. Шопенгауэр, И. Кант, К. Ясперс, Ж.П. Сартр, А. Камю, Л. Витгенштейн, А.Н. Уайтхед), сколько как новая общая проблема глубоко и, как оказалось, опасно интегрированного мира.

Опасность процессов ускоренной глобализации человеческого мира основана, прежде всего, на неподготовленности сознания человека к их адекватному восприятию. Культивирование в культуре общества и личности таких ценностей, как доход, карьера, успешность, утверждение за их носителями права на вседозволенность, приводят к господству не столько толерантных принципов взаимоотношений, сколько обожающему способностям человека любыми средствами оказаться «наверху» социальной пирамиды. Массы людей пытаются использовать все возможности поиска лучшего места под солнцем, политики же за их счет решают проблемы своих государств (США, Великобритания), втягивая мир во все новые конфликты. Последние являются результатом либо не продуманной эмиграционной политики, либо с хорошо продуманной в собственных интересах, но имеющей катастрофические последствия для мира политики воспитания и формирования в сознании отдельных народов идей собственной избранности, превосходства и вседозволенности.

В теории толерантность интерпретируется как единственно возможный принцип организации человеческого сообщества на всех уровнях его функционирования. «В нем как в универсальной форме отношения к иным ценностям, смыслам, установкам усматривается не только желательный тип поведения, но и в некоторых случаях – императив» [2]. Все это верно. Однако, если исходить из наиболее утвердившегося в общественном сознании содержания термина «толерантность» как политерпимости, то возникают практически значимые вопросы. Массы должны быть толерантны к несправедливым по отношению к ним, но выгодным различным монополиям и государственному бюджету нормативно-правовым актам (постоянному повышению оплаты коммунальных услуг, налоговых ставок на собственность, столь высокому децильному коэффициенту и т.п.)? Толерантны к росту безработицы, сокращению рабочего оплачиваемого времени в условиях кризиса, наступление которого во многом связано с ошибками в области экономической политики правительства, финансовой некомпетентностью управления ЦБ? Толерантны к тому, что видимость интереса к мнению гражданина создается только в понимании его в качестве электората один раз в пять-шесть лет? Но подобная толерантность приводит к повторению и углублению указанных выше негативных явлений. Кроме того, толерантность, в конечном счете, определяется законодательством, действующим на территории суверенного государства, следовательно, и вмешательство в непривычную для иного государства толерантность возможно только в форме оценок и предложений.

В частности, можно вспомнить последние собы-

тия во Франции в связи с убийством террористами журналистов журнала «Шарли». Французские цивилизация и закон ставят свободу слова на первое место, поэтому подавляющее число граждан Франции поддерживают право человека на критику, шаржи, сатиру, полемику. В РФ принят закон, запрещающий затрагивать чувства верующих, который ограничивает свободу слова неверующих людей, давая больше прав верующим. (Иначе для чего принимать данный закон, если есть закон, запрещающий оскорбление человека? Значит, надо принимать закон о запрещении оскорбления чувств атеистов, в том числе). Поэтому в России, не поддерживая факт и право на убийство инакомыслящего, все-таки делают акцент в случае с французскими журналистами на критику их действий в качестве причины, приведшей к действиям террористов как следствию. Если исходить из правового поля и цивилизационных основ современной Франции, подобная реакция кощунственна. Поэтому, на наш взгляд, в первую очередь проблемы, связанные с противоречивым характером феномена толерантности на мировом уровне, могут разрешаться только в рамках Международного права, строгого

следования его нормам всеми государствами и контроля за их политикой со стороны сильных общественных структур, чего в современном политическом цивилизационном поле в настоящее время не наблюдается.

Литература

1. *Бьюкенен Патрик, Дж.* Смерть Запада / Дж. Бьюкенен Патрик. – URL:// mirknig.com...patrik-dzh-byukenen-smert-zapada.html
2. *Головатая, Л.В.* Толерантность как проблема философии образования: дис. ... канд. филос. наук / Л.В. Головатая. – Ставрополь, 2006. – URL: <http://www.dslib.net/religio-vedenie/tolerantnost-kak-problema-filosofii-obrazovaniya.html>
3. *Петракова, И.Н.* Философский анализ проблемы толерантности / И.Н. Петракова, А.Г. Троегубов // Известия Тульского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 33–41.
4. *Хомяков, М.Б.* Толерантность: парадоксальная ценность / М.Б. Хомяков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI. – Вып. 4. – URL: <http://www.jourssa.ru/2003/4/4aHomiakov.pdf> 26.09.2010)

М.Р. Арпентьева
г. Калуга

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Межнациональные, межэтнические конфликты, охватившие многие регионы бывшего Советского Союза, привнесли множество политических, экономических, социальных, национальных, психологических и других проблем, решение которых не может быть быстрым и простым. Долгие годы было принято считать, что национальный вопрос в нашем государстве решался успешно, страна шла по пути стирания различий между нациями и народностями, проживающими в ней, образования единой общности – советского народа. Происходящие в современном российском государстве перемены заставляют по-новому осмыслить межнациональные связи во всех его регионах. В условиях глобализации, нестабильности геополитической ситуации утверждение реалий многокультурного общества является одним из наиболее важных направлений государственной социальной политики, теории и практики непосредственной социальной работы (на социетальном, социосферном и конкретном уровнях социальной работы). Принимаются меры, способствующие утверждению толерантного сосуществования государств, народностей и наций на планете, а также социально-педагогической поддержке и защите всех людей и в особенности – маргинальных детей, детей мигрантов, беженцев. Важна реализация принципов мультикультурализма на уровне создания и развития специализированных организаций социально-психологической помощи (социосферном уровне) и конкретно-практическом уровне социально-психологи-

ческой помощи.

В отечественной постсоветской науке, в том числе в психологии, проблемам межкультурного взаимодействия отводится существенная роль в осмыслении практики психологической и социальной помощи, разработке конкретных методик. Наиболее перспективной сферой анализа кросс-культурных проблем психотерапии и психологического консультирования признается исследование возможностей, которыми в отличие от субъектов «не кросс-культурных» контактов обладают субъекты кросс-культурного взаимодействия. Возможностей, связанных с расширением их индивидуального опыта, т.е. становлением и развитием культуры толерантности, и, далее, становления и развития индивидуальной и общественной культуры мультикультурализма. Это предполагает:

- развитие способности каждого члена культуры к более полному, точному самопониманию;
- развитие способности к пониманию другого человека, прежде всего, как человека, принадлежащего как всему человечеству, так и конкретной этнокультурной группе или группам;
- построение с ним и с самим собой в ситуациях разной степени сложности (проблемности), конфликтности и/или неопределенности толерантного, принимающего контакта.

Однако, помимо оценки возможностей, речь идет также о необходимости исследования тех ограниче-

ний, трудностей и проблем, которые возникают в ситуации кросс-культурного взаимодействия. Особое значение данный вопрос приобретает в связи с ростом националистических и шовинистских установок во многих странах бывшего СССР.

Проблемы, возникающие в связи с попытками разрешения «этнического парадокса современности», включающего процессы глобализации наряду с процессами роста этнического самосознания, современные ученые фиксируют в исследованиях, посвященных проблеме толерантности и мультикультурализма. Мультикультурализм – один из ответов на вопрос о том, что будет происходить с отдельными национальными (этническими) культурами в эпоху глобализации.

В плане преобразования становления и развития индивидуальных и общественных мультикультурных установок, изменения национальной политики в стране должны быть связаны с рядом основных моментов:

а) с использованием новых подходов к организации комплексных теоретических и этнологических исследований объективных процессов развития наций и национальных отношений;

б) с освобождением теории и практики научного исследования этносов от догматизма и стереотипов прошлых лет, использования мирового опыта решения национального вопроса;

в) с изучением практических проблем, встающих перед обществом в целом и наукой, решение которых требует незамедлительного и решительного вмешательства на социальном и психологическом уровне;

г) с выработкой научно обоснованных рекомендаций для специалистов, работающих в сферах, где вопрос кросс-культурных аспектов взаимодействия – один из центральных.

Если говорить о современном этапе развития нашего общества, то наиболее очевидной главной причиной обострившихся взаимоотношений является его кризисное состояние, системный кризис, охвативший всю территорию бывшего СССР. Кризис экономики, нерешенность социальных проблем, обнищание народа, разгул преступности усугубили не только отношения между народами, но и привели, в конечном счете, даже к полномасштабным войнам и массовым миграциям в ряде регионов ранее единой страны. Одним из самых трудных вопросов, которые породили социальные и политические кризисы после развала советского строя, является проблема беженцев. Общим моментом успешного помогающего контакта является готовность консультанта и клиента к «понимающей коммуникации» – созданию условий, в которых возможно наиболее полное (непредвзятое, открытое) – толерантное понимание людьми друг друга – как людей, как специалиста и клиента и как представителей конкретных этнокультурных групп. Этнокультурной толерантностью называют способность не только к осознанию, но и принятию существующих между всеми людьми различий, принятию возможности изменений человека, в том числе своих собственных изменений, а также изменений ситуа-

ции взаимодействия с ним – ее правил и этических принципов.

Лингвисты понимают под толерантностью терпимость, снисходительность к чужим недостаткам. Политологи рассматривают толерантность как способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего. В определении, которое содержится в Декларации принципов толерантности, утвержденной в 1995 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО заложен несколько иной смысл: толерантность предлагается рассматривать как:

1) уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности;

2) отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждение норм, установленных в международно-правовых актах в области прав человека.

Толерантность как понятие имеет два важнейших измерения: устойчивость и терпимость. Устойчивость проявляется, прежде всего, как способность самоуправления, самосознания себя в кризисной, проблемной или неопределенной ситуации, например, в ситуации стрессов, порождаемых встречами с необычной или «отклоняющейся от привычной «социальной реальностью» в целом. Терпимость – это толерантность по отношению к людям (и самому себе), их отличиям. Возникает в момент встречи с «необычными», «отклоняющимися» или «проблемными» другими людьми (их действиями, высказываниями, личностными особенностями). Такая толерантность – это такой способ принятия межличностных различий, который исключает ксенофобию при решении проблем, возникающих в работе с беженцами, с людьми, находящимися в зоне военных межгосударственных и межнациональных конфликтов. В зонах напряженности особенно важным измерением толерантности становится ее свободный, добровольный или вынужденный характер: истинная толерантность выступает как добровольный и не связанный с какими-либо «усилиями» «шаг навстречу» другому человеку, стремление к принимающему пониманию другого человека (это еще не любовь и принятие, но уже – ее желание, часто обозначаемое, например, термином «плюрализм»). Здесь и становится возможна ситуация, когда все спорят и сомневаются, но не испытывают негативных чувств к себе и другим. На «социокультурном уровне» толерантность, таким образом, может рассматриваться как феномен человеческой морали (и, в этом смысле, более или менее свойственная разным культурам) или относится исследователями к одному из «рациональных» правил организации продуктивного повседневного взаимодействия. На личностном уровне толерантность часто выступает как особое «состояние души», сознания.

Вторичная толерантность, в отличие от первичной, основанной на исследовательской установке человека по отношению к себе и к миру, – приобретенное умение, связанное, в частности, с таким важным компонентом социально-психологической компетентности личности как поведенческий. Она тре-

бует сознательных и планомерных усилий по удержанию себя в позиции «принимающего» и «понимающего». Эта позиция требует определенного мужества, дающего возможность увидеть в себе и других людях общие и общечеловеческие черты, и, в этом смысле, «мужества почувствовать себя интегрированным», целостным человеком. Толерантность в неопределенных или неприятных ситуациях дает возможность переключиться с силовых решений проблем на разговорные, изменить суть проблем, сводящихся подчас к «элементарному» непониманию ситуации общения. В целом же толерантность связана с мерой понимания человеком себя и мира, а также с готовностью человека к развитию этого понимания, особенно ярким примером здесь является ситуация кросс-культурного консультативного контакта, в рамках которой феномен толерантности выступает во всей своей полноте. Толерантность предполагает высокий уровень «разбуженности сознания» человека, дающий ему возможность целостного понимания себя и мира, «ответственного видения людей». Толерантный человек обращен не на равнодушное или агрессивно-экспансивное («ты мне не нравишься и/или неинтересен»), а принимающее взаимодействие с людьми, отличными от субъекта толерантного отношения уже потому, что они – другие люди. Поэтому толерантность часто рассматривается как способность увидеть в себе и других людях общечеловеческие черты и в этом смысле почувствовать себя целостным человеком.

Таким образом, толерантность – психологическая или социально-психологическая характеристика индивидов и социальных групп, проявляющаяся в их взаимодействии с другими индивидами или социальными группами. Другой гранью, тесно соприкасающейся с толерантностью, но не сводимой к ней, является мультикультурализм. Мультикультурализм – комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т.д.

Можно выделить три измерения современной мультикультурной политики: культурную идентичность, социальную справедливость, экономическую эффективность. Первый пункт закрепляет за каждым

гражданином право на культурную реализацию (в том числе языковое и религиозное самовыражение), право на выбор культурной идентичности предоставляется всем гражданам. Второй пункт предполагает правовые гарантии равенства возможностей и отсутствия социальной дискриминации на основании расовой принадлежности, пола, конфессии и т.д. Наконец, третий пункт означает, что поощрение талантов граждан (независимо от их происхождения) – желательно с гуманитарной точки зрения и экономически полезно обществу. Таким образом, мультикультурализм представляет собой не просто психологическую особенность или этическую доктрину, но и определенную политическую программу, государственную политику, характерную для государств, стремящихся способствовать формированию открытого общества. Толерантность и мультикультурализм – тесно связанные, но не идентичные понятия.

Толерантность в отношении людей связана с желанием понять другого человека, не отказываясь и от понимания наиболее «странных», «неопределенных» и «проблемных» аспектов его поведения, высказываний, представлений и переживаний. Толерантность делает возможным продуктивное соотношение тенденций человека любить и понимать себя и других людей с тенденциями властвовать и принимать решения по поводу себя и других людей. Она уравнивает стремление человека внимать себе и миру и изменять себя и мир. «Насильственное познание» отличается от «ненасильственного понимания» мерой осознания насилия: степени вмешательства во внутренний мир и поступки другого человека, а также степени насилия по отношению к себе самому. Таким образом, толерантность предстает как одно из условий собственно человеческих – человеческих взаимоотношений людей, основанных не на «блаженной невинности» непонимания, но на глубоком осмыслении парадоксов человеческих отношений. Психотерапия с ее множественными взаимодействующими концепциями и психотехническими вариантами совершенствования личности и межличностных отношений, полифонией мнений о сути (природе и аксиологических основаниях, механизмах и техниках, путях (способах) осмысления) психотерапевтической помощи есть путь к развитию толерантности личности. Путь осознания существования иных точек зрения (ценностей), способов понимания себя и мира, возможностей и ограничений иных моделей общения и поведения, их осмысление.

Ю.Л. Балюшина
г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Социальным принято называть такое государство, которое обеспечивает своим гражданам достойные условия существования, равенство стартовых возможностей и необходимые социальные блага.

Бытие такого государства немислимо без соблюдения прав человека, ориентации на принцип гуманизма и толерантного сосуществования различных социальных групп: власти и подвластных, бизнеса и

наемных работников, мужчин и женщин, обычных людей и лиц с ограниченными возможностями здоровья и т.д. Соответственно, множественность интересов требует формирования особой способности личности вообще и человека, наделенного властными полномочиями в частности, терпимо относиться к зачастую полярным потребностям различных социальных групп и соблюдать их интересы в процессе обыденной жизни, реализации политического курса и стратегическом планировании государственного развития.

Однако перед тем, как анализировать роль феномена толерантности в процессе развития социального государства, необходимо четко определить его сущность. Согласно составителям Новой философской энциклопедии, толерантность – это «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостоинной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [3].

В зависимости от конкретного методологического подхода категория «толерантность» может иметь специфическое наполнение. В контексте данной работы актуализируется межгрупповая толерантность, здесь она понимается как способность властвующей личности и социальной группы уважительно относиться к представителям иногруппы и учитывать их интересы, что является одним из важнейших факторов социального консенсуса в обществе.

Основным принципом бытия социального государства является предоставление равных стартовых возможностей и обеспечение достойного существования всем категориям граждан. Однако, значительное количество необходимых для этого ресурсов находится в руках властной элиты, которая определяет стратегические направления развития государства. В процессе осуществления социального управления властная элита руководствуется определенными морально-этическими принципами и ценностными установками, важнейшей из которых выступает толерантность как признание права на достойное существование и уважение представителей прочих социальных слоев. При отсутствии указанной аксиологической установки в сознании элиты возникает высокий риск оценки среднего и низшего слоев общества как недостойных, слабых и бесперспективных. В результате чего последует переориентация социальной политики, проводимой в исторически конкретном обществе, на радикально либеральный курс. Это, в свою очередь, снизит стартовые возможности и еще более ухудшит социальное положение представителей названных выше групп. В отсутствие достаточной социальной поддержки и защиты, не имея при этом шансов на изменение сложившейся ситуации, низший класс или слой утвердится во мнении о воцарении несправедливости в обществе и утратит, в свою очередь, толерантное отношение к властной элите, несправедливо и неправомерно распоряжающейся имеющимися в ее распоряжении ресурсами.

Рассмотренная ситуация есть прямой путь к «десоциализации» социального государства. Поэтому крайне важно, особенно в условиях экономической нестабильности, сохранять толерантность как главнейшую общественную и индивидуальную ценность, культивировать ее как характеристику отношения личности к «другому».

Однако толерантность, как и любую другую ценностную или идеологическую установку, невозможно «поместить» в сознание путем принятия директивного указа или декрета, поскольку общественное сознание формируется исторически в процессе развития социальных отношений и параллельно с ними. Индивидуальное сознание, в свою очередь, формируется под воздействием общественной морали, идеологии, психологии и культуры, поэтому одномоментные глобальные изменения принципиально невозможны.

В истории философской мысли сложились два противоположных подхода к проблеме формирования данной черты личности: как «природно-детерминированной (Л. Фейербах, М. Монтень) или же усвоенной в процессе воспитания (З. Фрейд, Э. Фромм)» [2, с. 11]. В первом случае толерантность – есть естественное свойство человека, определяющее развитие общественного сознания. Во втором – обусловленное уровнем развития общественного сознания.

Автор настоящей работы, склоняясь ко второй позиции, полагает необходимым целенаправленное развитие данного качества личности путем совершенствования общественного сознания, воздействуя на общественную идеологию: «государство должно взять на себя <...> роль идеолога, «наставника», помогающего (а порой и принуждающего) человека следовать определенным нормам, моделям поведения, прививать взгляды, в наибольшей степени способствующие развитию «социальности» и гуманизации» [1, с. 129], толерантности во взаимоотношениях между людьми.

Необходимо отметить, что проблема формирования межгрупповой толерантности лежит несколько глубже: изначальное противостояние между властью и подвластными основано на доминировании сильнейших (властной элиты), которым не свойственно сопереживание слабым, то есть подвластным. Поэтому развитие социального государства, с позиций натурализма, противоречит естественным природным законам. Однако, современный цивилизованный мир весьма гуманистичен, а необходимость полноправной интеграции в мировое сообщество является своеобразным вызовом властной элите, что требует от нее признания прав и потребностей подвластных. Делая это на формальном правовом уровне, правящий слой ставит себя в определенные рамки, чем вызывает к себе более толерантное отношение подвластных, которые, в свою очередь, приобретают ощущение уверенности и осознают свои возможности, вследствие чего повышают требования и сужают рамки дозволенного власти. Названный выше процесс представляется возможным сравнить с раскручивающейся спиралью: он одновременно расширяется, охватывая все слои населения и каче-

ственно меняется, углубляется, затрагивая все новые аспекты социального бытия. С течением времени толерантное отношение к иногруппам закрепляется в сознании элиты и превращается в руководящий принцип ее деятельности.

Итак, современное социальное государство немислимо без развитого чувства межгрупповой толерантности, которое должно быть присуще главным образом политической элите общества, а первичным фактором его развития может стать отчасти вынужденное подчинение данному принципу, который следует директивно закрепить на уровне общественной идеологии.

1. *Балюшина, Ю.Л.* Социальное государство в России: история и современность / Ю.Л. Балюшина // Вестник КГУ им. А.Н. Некрасова. – 2010. – №1. – С. 126–129.

2. *Каменчук, И.Л.* Толерантность: подходы к проблеме / И.Л. Каменчук // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. – 2012. – Т. 12. – С. 11–14.

3. Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/3028.html> (дата обращения 04.04.2015).

О.Ю. Солодянкина
г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ / НЕТЕРПИМОСТЬ В СФЕРЕ ДОМАШНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ: ОПЫТ ДВОРЯНСКИХ СЕМЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Стратегию воспитания дворянских детей в Российской империи в абсолютном большинстве случаев определяли родители / опекуны, опиравшиеся на собственные мнения, здравый смысл, советы окружающих и, конечно, педагогическую литературу. Попытаемся выяснить, каковы были границы родительской терпимости / нетерпимости в отношении к домашним наставникам: гувернерам и гувернанткам.

Национальная принадлежность. В зависимости от смены доминирующих языков менялись представления о том, какую страну должны представлять воспитатели. Немцы преобладали значительную часть XVIII века, но затем их сменили французы, при этом бывали периоды, когда их считали опасными, рассматривая как потенциальных носителей революционных идей. Швейцарцы, большей частью билингвы, показались российским родителям подходящей заменой французам. В первую треть XIX века швейцарцы все чаще трудились гувернерами в русских дворянских семьях. Но не всегда благонадежными считались и швейцарцы. А.А. Блудова, в 1831 г. за границей подбиравшая сыновьям гувернера, ждала четких указаний мужа: «Я еще о гувернере спрашивала, потому что ты не говоришь, из какой нации ты хочешь его выбрать. Я думаю не Француза, а Немца; думаю также, что и Швейцарцы теперь не очень надежны. Дай мне знать; тогда я буду осведомляться и спрашивать» [13, с. 733]. Вполне могла возникнуть пикантная ситуация, когда воспитатель принадлежал к нации, неприятной хозяевам. В «Руководстве для гувернеров и гувернанток» родителям советовали: «Если гувернер ваш принадлежит к другой нации, к которой вы не симпатизируете, то советую вам, воздержитесь, в его присутствии, говорить об ваших воззрениях по этому предмету, каждое неосторожное слово затронет его за самую живую струну, оскорбит самолюбие и покажет вашу бестактность» [11, с. 18].

Болезни воспитателя. Все родители желали, чтобы воспитатели их детей были здоровы, но, привязавшись к тем или иным наставникам, долго и терпеливо сносили возникающие проблемы. Так, в семье Семеновых англичанка, m-lle Розе, была девушкой скромной, нравственной, но болезненной, почти постоянно страдавшей зубными болями и флюсом [9, с. 40], но никто не увольнял ее по этой причине. Мадемуазель Goré, французская гувернантка Вяземских, на которую возлагали большие надежды, неожиданно заболела летом 1824 г. Князь П.А. Вяземский писал жене: «Здесь у нас все идет изрядно, кроме плохого здоровья M-lle Goré. Кажется, ей очень хочется и очень нужно возвратиться во Францию. По возвращении своем из города нашел я ее очень упавшую духом, хотя <...> не приписываю того каким-нибудь неприятностям, а просто разстройству нервов» [12, с. 16]. Популярнейший врач Москвы Скюдери прописал больной немедленное возвращение во Францию, и Вяземскому оставалось только констатировать: «И в самом деле в том положении, в котором она теперь, то вредила бы себе, а детям не было бы никакой пользы, оставаясь у нас» [12, с. 18].

Наружность и манера одеваться. Эго-документы демонстрируют удивительное разнообразие внешностей, но при этом шанс быть уволенными был выше у молодых симпатичных гувернанток. Гувернантка Ростопчиных Луиза Ставска была уволена за следование моде. Как вспоминала ее воспитанница, «бедная Луиза провинилась окончательно: она осмелилась надеть розовое платье с полосками и длинной талией, как у осы! Эта парижская новость представилась бабушке опасной, как покушение на целомудрие и опасный пример для девочек. Она призвала своего сына, приказывая ему немедленно расчитать эту опасную особу. <...> Мы, дети, восхищались милой Луизочкой, не подозревая, что розовое платье скрывало погибшую душу!» [15, с. 180–

181]. Сообщений об увольнении гувернеров из-за слишком рьяного следования моде не зафиксировано.

Дурные привычки. Конечно, родители желали найти воспитателей без вредных привычек, что было совсем непросто, поэтому им приходилось быть терпеливыми. А. Дунин писал о двух гувернерах, служивших в Калужской губернии в 1815–1820 гг. в семьях мелкопоместных дворян, о похождениях которых рассказывали целые легенды, столь «образцовыми» гувернерскими пороками они обладали: 60-летний немец Карл Богданыч страдал запоями, а 35-летний француз Винтер был ловеласом [5, с. 187]. Гувернер Голицыных Ролен де Бельвиль, совративший минимум двоих воспитанников, был уволен далеко не сразу, а лишь когда в Петербурге открылся престижный пансион аббата Николая. Какое-то странное чувство щепетильности к эмигранту, шева-лье, представителю цивилизованной нации удерживало князей Голицыных. Как писал один из совращенных, Вигель, «но как невозможно было наконец не подметить безнравственности г. Ролена, так как совестились ему прямо отказать и затруднились в приискании ему преемника, то и решились отправить мальчиков в Петербург» [1, с. 50]. Женщинам дурных привычек не прощали. Гувернантка Софьи Скалон, старушка-француженка *m-me du Faue*, любила выпить, и была уволена, когда это обнаружилось [10, с. 295]. Е.И. Джиберти, французская гувернантка Дмитриевых, «оказалась не совсем благонадежного поведения, и ей отказали» [4, с. 40].

Языковой барьер и взаимоотношения наставники-родители. В ситуации XVIII века, когда число иностранных наставников было гораздо меньше числа дворян, желающих получить их услуги для своих чад, а русские воспитатели отсутствовали как таковые, необразованные родители полностью доверяли воспитание своих детей наставникам и к гувернерам и гувернанткам относились не как к слугам, а как «к друзьям дома» [8, с. 52]. Они, со своей стороны, «держали себя так, как будто они находились среди дикарей, кои должны почитать за счастье, что они живут у них и могут научить их сделаться людьми» [8, с. 52]. Английская гувернантка Клер Клермонт в 1824 г. писала своей подруге Дж. Уильямс: «Одна вещь заставляет меня предпочесть Россию Англии, если уж я должна быть гувернанткой. Здесь они (русские родители – *О.С.*) настолько неосведомлены и вульгарны, что, по крайней мере, я могу сказать, что мне нравится, в то время как, в Англии, я должна была бы руководствоваться их мнением, а не своим собственным» [16, р. 212].

Наличие документов. В идеале домашние учителя должны были иметь свидетельство на право преподавания своих предметов, что подтверждало их уровень знаний, но родители часто не обращали внимания на отсутствие документов такого рода. В одной Санкт-Петербургской губернии в 1824 г. оказалось 186 домашних учителей, не имевших свидетельств на право обучения. Мера борьбы была найдена паллиативная: Университет стал печатать в газетах списки тех наставников, что сдали экзамены и получили право преподавать в частных домах, а уж

родители вольны были или принять эту информацию к сведению, или проигнорировать ее [2, с. 80].

Характер воспитателя. Обычно родители ценили строгость и доброту, в меньшей степени ум домашних учителей. Но при недостатке кандидатур смирялись и с совершенно другими качествами. Наставник А.Т. Болотова немец Я.Я. Миллер был человеком «особливого характера, нрав имел строптивый и своенравный, не мог терпеть никаких шуток» [6, с. 54]. Учитель Г.Р. Державина, ссыльный немец Иосиф Розе, был «нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами» [3, с. 381]. Гувернер Протасьевых, также немец, был «человек грубый, можно сказать, жестокой» [14, с. 409].

Смерть. Казалось бы, здесь граница терпения была очевидной, но это не так. При определенных обстоятельствах родители могли делать вид, что гувернантка (или гувернер) живы. Граф М.Д. Бутурлин описывал трагический (с оттенком комизма) эпизод, связанный с его английской нянькой *miss South*, патологически опасавшейся Бонапарта: после Бородинской битвы семья стремительно перебиралась подальше от Москвы, в свое воронежское имение. «Испуганная приближением Французов наша мисс Саут умерла скоропостижно в карете, в отдаленности (как надо полагать) от какого-нибудь большого города, потому что пришлось везти ее тело в карете (конечно, отдельной), до места, где можно было прилично предать ее земле. Обстоятельство это сумели как-то скрыть от нас, детей, и мы о нем узнали много позднее» [7, №2, с. 240]. Чуть позже гувернер М.Д. Бутурлина Эген поехал ненадолго по делам в Москву и там неожиданно скончался: «обстоятельство это тщательно скрывали от меня, и я, случайно узнав о том полгода позднее, горько плакал» [7, №3, с. 397].

Итак, границы терпения родителей были весьма подвижны и менялись во времени и в зависимости от персональных качеств домашних наставников.

Литература

1. Вигель, Ф.Ф. Записки / Ф.Ф. Вигель. – М., 2000.
2. Воронов, А. Федор Иванович Янкович де-Мириево или Народные училища в России при императрице Екатерине II-й / А. Воронов. – СПб., 1858.
3. Державин, Г. Воспоминания / Г. Державин // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 1. От Петра до Екатерины II-й (1698–1761 гг.). – М., 1914.
4. Дмитриев, М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / М.А. Дмитриев; подготовка текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. Вступит. статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. – М., 1998.
5. Дунин, А. Гувернеры в старину в помещичьих семьях (Очерк) / А. Дунин // Исторический вестник. – 1909. – Т. 117.
6. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738–1794: в 3 т. – Т. 1. – СПб., 1871.
7. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. – 1897. – Кн. 1.
8. Из записок Д.П. Рунича // Русская старина. – 1901. – №1.

9. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. – СПб., 1900.

10. *Капнист-Скалон, С.В.* Воспоминания / С.В. Капнист-Скалон // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. – М., 1990.

11. *Лесгилье, А.* Руководство для гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к правам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России / А. Лесгилье. – СПб., 1870.

12. Остафьевский архив князей Вяземских: в 5 т. Т. V. Письмо князя П.А. Вяземского к своей невесте (княжне

В.Ф. Гагариной), 1811 года, и письма его к жене, 1812, 1824 и 1825 гг. – СПб., 1909.

13. Письмо А.А. Блудовой мужу в Петербург // Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. Гл. V. 1831 год // Русский архив. – 1874. – Кн.1.

14. *Протасьев.* Страницы из старого дневника / Протасьев // Исторический вестник. – 1887. – Т. 30. – № 11.

15. *Ростопчина, Л.* Семейная хроника (1812 г.) / Л. Ростопчина. – М., 1912.

16. Claire Clairmont to Jane Williams. 11. 09. 1824 // The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / ed. by Marion Kingston Stocking. – Vol. 1. 1808–1834. – Baltimore & London, 1995.

Е. В. Фафурдинова
г. Архангельск

«ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ДЕТИ»: ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРАКТИКЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО И ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Толерантность – понятие неоднозначное. В настоящее время оно вызывает большое количество споров в научных кругах и общественной жизни в целом. Дискуссионен, собственно не сам термин, а вопрос – нужна ли нашему обществу толерантность? Должны ли мы быть терпимы к различным проявлениям «инаковости», и какова, в данном случае, должна быть степень этой терпимости? Раскрыть актуальность этих вопросов поможет небольшой философский экскурс, имеющий целью более полно охарактеризовать сущность данного явления.

Толерантность в ее идеальном варианте – это своеобразная идеологическая установка. Она направлена на осознание и заведомое полное принятие всеми членами общества мысли о том, что каждый человек есть личность с индивидуальным набором свойств и качеств. Тем самым, в классической философской связке «индивид – социум» личность занимает непоколебимую главенствующую позицию. Общество становится антропоцентричным. Но в случае идеологии толерантности функционирование общества в значительной мере будет направлено на удовлетворение потребностей индивидов, которые в силу качественных характеристик не являются гомогенными по отношению к социуму, не в полной мере включены в него. Следовательно, мы наблюдаем логическую коллизию: может ли индивид, отличающийся по ряду признаков от большинства представителей данного общества, выступать в роли доминанты социальных интересов? Вполне резонно будет предположить, что с точки зрения социума это недопустимо. И во избежание подобных ситуаций общество изолирует носителей исключительности путем создания для них микросоциумов, работа которых непосредственно направлена на удовлетворение их интересов. В реальной жизни в их роли подобных «микросоциумов» выступает ряд государственных и частных учреждений медико-социального обслуживания. Таким образом, коллизия разрешается.

Это рассуждение достаточно наглядно характеризует положение дел на сегодняшний день. Становится понятным, почему общество с такой неохотой включает «исключительных» людей в свое повседневное функционирование. Одной из острых граней данной проблематики является вопрос о повышении уровня толерантности в образовательной среде. Достаточно показательным в этом вопросе может быть процесс внедрения форм инклюзивного и интегрированного образования. Принцип толерантности в инклюзиве является одним из главных и реализуется посредством полного включения в учебный процесс общеобразовательных заведений детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В данной статье этот официальный термин мы заменим понятием западной социально-педагогической практики – «исключительные дети» ("exclusive child").

В России данный термин был введен в научный оборот Всеволодом Петровичем Кашенко, открывшим в 1905 г. в Москве лечебно-воспитательное учреждение для «дефективных, нервных и трудных детей». Всеволод Петрович предпочитал называть своих воспитанников «исключительными», подчеркивая при этом, что врачи и педагоги имеют дело с аномалиями, обусловленными, прежде всего, социальными условиями [4].

Развивая мысль Всеволода Петровича, мы можем назвать исключительными всех детей, которые по разным причинам были выставлены за рамки общественного понятия «нормы». Их качественные характеристики не совпадают с характеристиками общей массы, и это обстоятельство вызывает значительные осложнения процесса социализации. И это не только дети, имеющие ярко выраженные девиации физического или психического здоровья. Это также дети с другим цветом кожи, другого вероисповедания, с отличным социальным положением, поведением, складом мышления и проч. В процессе включения в социальную среду они испытывают

аналогичные проблемы, коллектив не принимает их «инаковость».

Принцип толерантности в практике инклюзивного образования будет реализован только в том случае, если общество будет воспринимать исключительность индивидов как норму. Но для того, чтобы это произошло, необходимо проведение ряда мероприятий социально-организационного и административного характера, направленных на включение данных установок в общественное сознание.

Внедрение инклюзивного и интегрированного образования в России начинается в 1992 г., со старта проекта «Интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья». Нововведение носило экспериментальный характер и локально практиковалось в общеобразовательных учреждениях некоторых регионов РФ. Данное направление педагогики вызвало значительный интерес в научных кругах и достаточно быстро стало набирать популярность. Состоялось большое количество конференций, собраний, круглых столов, в изданиях появилось множество публикаций научных работ, посвященных тематике инклюзива. За прошедшие годы сеть учреждений, практикующих элементы включенного образования, значительно выросла и в наше время продолжает расширяться [1].

Однако, непредвзятый анализ результатов внедрения инклюзива показывает, что практические результаты очень далеки от идеальных теоретических планов. Основные проблемы стандартны независимо от региона:

— недостаточно высоко организованная «безбарьерная среда»;

— отсутствует необходимая квалификационная подготовка научно-педагогического и обслуживающего персонала общеобразовательных учреждений;

— эмоционально-психологическая неготовность родителей и обучающихся принять в свою среду ребенка-инвалида.

Все вышеуказанные проблемы имеют под собой одну основную причину. Она заключается в отсутствии подготовительного этапа в процессе внедрения форм включенного образования. Создается впечатление, что проект был запущен в то время, когда ни одна из сторон образовательного треугольника «педагоги – дети – родители» не была готова принять в нем участие.

В данном случае цель подготовительного этапа состоит не столько в предоставлении широкого круга образовательных возможностей, но развитии в участниках процесса навыков толерантного отношения друг к другу как залога дальнейшей эффективной коммуникации. На практике это достаточно легко реализуется посредством различных форм мейнстриминга.

Мейнстриминг является стратегией, в которой ученики с инвалидностью общаются со сверстниками на праздниках, в различных досуговых программах, а если они даже и включены в классы массовой школы, то прежде всего для того, чтобы повысить свои возможности социальных контактов, но не для

достижения образовательных целей [5, с. 38–39]. Формы досуговой деятельности могут быть достаточно разнообразны: от совместного посещения культурных мероприятий (концерты, выставки, мастер-классы по различным видам рукоделия и творчества) до проведения спортивных соревнований и организации других видов активного отдыха. Очень важно привлекать к этим мероприятиям родителей, так как они играют немаловажную роль в формировании мировоззренческих установок детей.

Подготовительный этап внедрения инклюзива в организационном плане важен еще и тем, что позволяет без спешки выполнить необходимые работы по модернизации помещений для нужд детей с ОВЗ, а также спланировать и провести необходимые мероприятия по повышению квалификации научно-педагогического состава, инструктаж и подготовку обслуживающего персонала, включения в штатное расписание учреждений сотрудников, призванных сопровождать образовательный процесс (сурдопедагоги, логопеды, тифлопедагоги, медицинские работники).

Процесс введения инклюзивных и интегрированных форм обучения во многих образовательных учреждениях России находится только в стадии развития и поэтому организаторам необходимо помнить, что пошаговое планирование и комплексный подход к проблеме серьезно повысят эффективность начинания. Идея толерантности, принятия индивидуальных различий как нормы, должна проходить «красной нитью» через все этапы изменений. Использование приемов, подобных описанному выше, поможет значительно упростить интеграционный процесс и снизить риски непринятия нововведений сложившимся коллективом.

Таким образом, толерантность как социальная категория достаточно глубока и многогранна. Незримо она присутствует во всех сферах жизни нашего современного общества, культивируя, развивая и поддерживая близкие ей принципы гуманизма, терпимости, эмпатии. Порой ее влияние в значительной степени нивелируется различными формами дискриминации, агрессии, экстремизма. И в этом ракурсе лишь пропаганда толерантности в педагогической практике поможет воспитать общество, лишённое предрассудков межличностного общения.

Литература

1. *Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)*. Инклюзивное образование в России: опыт реализации. – М., 2011.
2. *Жигунова, Г. В.* Исследование толерантности различных групп населения в отношении детей с ограниченными возможностями / [Г.В. Жигунова и др.]; под общ. ред. Г. В. Жигуновой. – Мурманск, 2008.
3. *Замский, Х.С.* Умственно отсталые дети: история их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Х.С. Замский; предисловие Н.П. Коняевой. – М., 2008.
4. *Кислинская, Т.И.* Исключительная школа для исключительных детей (лечебно-воспитательное учреждение В.П. Кашенко) / Т.И. Кислинская // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их ав-

торов и исследователей) / ред.-сост. Е.И. Соколова ; под общ. ред. д-ра педагог. наук Н.Л. Селивановой. – М., 1998. – С. 127–137.

5. Романов, П.В. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. – Саратов, 2006

О.В. Смирнова
г. Череповец

ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Принцип толерантности (от лат. *tolerantia* – терпение) означает терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, убеждениям. Первоначально он сводился, главным образом, к веротерпимости, к праву человека на личностное отношение к религиозной вере. Более широкая трактовка данного понятия возникает в эпоху буржуазных революций Нового времени. Одним из родоначальников концепции толерантности считается идеолог либерализма Д. Локк. Именно он в трактате «Опыт о законе природы» доказал, что каждый человек обладает способностью самостоятельно ориентироваться в проблемах, относящихся к его удовольствию и страданию, пользе и вреду. Всякая попытка решать за индивида, что для него выгодно, а что – пагубно, является морально несостоятельной. В своем знаменитом «Письме о веротерпимости» Д. Локк пишет: «... попечение о собственной душе принадлежит каждому человеку и должно быть предоставлено ему самому... Нельзя смотреть на вещи, которые человек должен искренне постигать в себе и достигать их познания путем рассуждения, исследования, изучения собственных стремлений, как на специальную профессию какого-то одного разряда людей...» [Цит. по: 4, с. 163–164]. В понимании философа никто не должен понуждать человека следовать каким-либо идеалам и ценностям, если он сам внутренне их не разделяет.

В сфере образования, на наш взгляд, принцип толерантности восходит к идее Сократа о том, что никого ничему нельзя научить, можно только научиться. Невозможно научить смелости, мудрости, справедливости, можно только развивать в себе эти качества, осознав и поняв их сущность. Роль учителя и состоит в том, чтобы через диалог с учеником помочь ему прийти к осмысленному знанию. Сегодня, к сожалению, система образования во многом утратила воспитательную функцию. Основной целью образования стало формирование компетенций, а не убеждений. Из учащихся готовят прежде всего профессионалов, специалистов в каком-то конкретном виде деятельности.

Согласно государственным стандартам, выпускник школы и вуза должен знать, уметь, владеть тем-то и тем-то (например: способностью понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы). Как быть, если человек не хочет и не может их понимать и анализировать? Управленцы от образования, очевидно,

искренне полагают, что если школьник сдал ЕГЭ, а студент написал ФЭПО, то они действительно обладают необходимыми для жизни и карьерного роста знаниями, умениями и навыками. Формальное усвоение некой суммы знаний не делает человека образованной, достойной личностью. Из арсенала педагогических средств воздействия на обучающихся практически исчезла такая форма как непосредственное живое общение. Современные информационные технологии выступают прежде всего как средство коммуникации, способ передачи информации. Дистанционное обучение, в частности, через образовательный портал, конечно, дает возможность донести до большого числа респондентов конкретные сведения, быстро проверить и оценить «качество знаний» студентов. Но они лишены сущностной черты общения – межличностного взаимодействия.

Одна из главных проблем образовательного процесса сегодня – неготовность его субъектов к диалогу. Сведения сами по себе не формируют знаний. Как писал известный отечественный философ Э.В. Ильенков: «Ум – («мудрость») – это не «знание» само по себе, не совокупность сведений, заложенных образованием в память, не информация и не совокупность правил сочетания слов со словами, терминов с терминами. Это умение правильно знаниями распоряжаться, умение соотносить эти знания с фактами и событиями реальной жизни, объективной реальности, и главное – самостоятельно эти знания добывать, пополнять...» [2, с. 22].

Не секрет, что в процессе выполнения домашних работ и аудиторных тестовых заданий при помощи компьютерных технологий вся «исследовательская деятельность» студентов сводится к работе с поиском в Интернете. Даже найдя нужную информацию, индивид не всегда может ее осмыслить, проанализировать, прийти к самостоятельному умозаключению. Еще большую трудность представляет устное изложение найденного материала на практических занятиях.

Непосредственное общение учителя и ученика, преподавателя и студента предполагает активное взаимодействие основных субъектов образовательного процесса, их реальный и заинтересованный диалог. А это требует умения и обоюдной готовности слушать и понимать друг друга. Как известно, лучший собеседник не тот, кто умеет хорошо говорить, а тот, кто умеет хорошо слушать.

Как отмечал испанский мыслитель Х. Ортега-и-

Гассет, слово, взятое само по себе, еще не имеет полного смысла, так как оно не имеет адресата, ни к кому не обращено. Язык лишь в процессе живого человеческого общения приближается к тому, чтобы быть выразителем внутреннего мира человека. Говорить и сказать не одно и то же. «Говорить» означает автоматическое пользование уже существующим языком. «Сказать» – значит пытаться, пользуясь языком, высказать нечто личное, то, что родилось в глубинах индивидуального существа и требует быть выраженным [3, с. 24].

Но трудно проявлять заинтересованность и обсуждать то, что лишено личностного смысла, что есть лишь повторение общих мест, либо чужих мыслей, не пропущенных через собственное сознание. Вместо реального общения, как духовной связи между людьми, возникает некий симулятор (видимость) взаимодействия субъектов образовательного процесса. Не случайно один из глубочайших современных российских философов Ф.И. Гиренок утверждает, что «в мире высоких скоростей невозможна искренность, непосредственность и теплота. А если нет искренности, то нет и условий для того, чтобы была истина, и вера... А значит невозможна и душа. Поэтому сегодня мы живем в мире теней, симуляций и пустоты. Никто не успевает воздействовать на самого себя... А если нет воздействия на себя, то нет и того, что могло бы называться нашей субъективностью. Антропологическая катастрофа лишает нас субъективности, превращая ее в нечто виртуальное» [1, с. 7].

Представляется, что одной из значимых этических проблем современного образовательного процесса является симуляция творческой активности, интеллектуальной деятельности всеми его участниками. Ученики делают вид, что учатся, учителя, что преподают, ученые, что занимаются исследованиями, чиновники, что управляют «качеством образования». Конечно, данное утверждение распространяется не на всех образовательных субъектов. Есть, несомненно, и творчески одаренные, яркие личности, которые искренне и добросовестно занимаются подвижническим трудом на ниве просвещения, но их, к сожалению, не большинство.

Нельзя забывать, что принцип толерантности в

образовании включает также чувство коллективной ответственности за свою деятельность. Но далеко не каждый готов взять ее на себя. Многие преподаватели нередко снимают с себя ответственность, заявляя, что студенты ничего не знают, не хотят учиться, им ничего не надо. Свои отговорки есть и у противоположной стороны: нам неинтересно, нам плохо объясняют, нам эта дисциплина не нужна и т.п. Барьерами толерантности в диалоге учитель – ученик могут быть разнообразные факторы, затрудняющие понимание и принятие позиции собеседника:

- возрастной разрыв;
- уровень общей культуры;
- система мотивации;
- языковые разночтения;
- информационное неравенство;
- несовершенство методики преподавания;
- психологические установки и т.д.

Мы порой забываем, что учеба – это сложный труд, требующий приложения интеллектуальных, волевых, моральных и организационных усилий как со стороны педагога, так и со стороны обучающихся. Эффективность этих усилий зависит от каждого участника, поскольку только мы сами определяем значимость каких-либо отношений и видов деятельности для нас. Никакой Закон об образовании или идущая сверху реформа не переломят ситуацию в российской образовательной системе до тех пор, пока качественное образование не станет действительной ценностью и для индивида, и для общества в целом.

Литература

1. *Гиренок, Ф.И.* Философия минималистских форм / Ф.И. Гиренок. – М., 2003.
2. *Ильенков, Э.В.* Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М., 1991.
3. *Смирнова, О.В.* Общение как социокультурный феномен / О.В. Смирнова // Смирнова О.В., Сухарева Н.П., Конева Н.Ю. Лингвофилософские категории и их отражение в английском и немецком языках. – Череповец, 2009.
4. *Соловьев, Э.Ю.* Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры) / Э.Ю. Соловьев. – М., 1991.

Лин Денг
г. Шанхай (Китай)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ

Данная статья Лин Денг – преподавателя Школы иностранных языков Шанхайского технологического института – посвящена выяснению важности толерантности для современного человека. По мнению исследователя, толерантность – качество, которое мы должны развивать, чтобы преуспеть, и этот инструмент был известен уже в древнем Китае. Толерантность – это и своего рода философия человеческих отноше-

ний, поскольку она позволяет нам прощать, приспособляться к нуждам и интересам других людей, а успешно преодолев острую фазу конфликта, мы станем мудрее, наш интеллектуальный горизонт расширится, мы перестаем быть излишне поспешными и переменчивыми. В соответствии с традицией даосизма, люди с такими качествами – люди воды, они всегда добры, самоотверженны, не жалуются на

других и глубоко уважаемы окружающими. По мнению Лин Денг, прежде всего преподавателям нужно обладать именно такими качествами. Справляться с большим классом (а в Китае на каждого преподавателя и учителя приходится относительно много учеников) – по силам только мудрым взрослым, помнящим о том, что они – наставники и советники студентов. Делясь эпизодами из собственного преподавательского опыта, Лин Денг пишет, что резкая критика даже в случаях, когда студенты однозначно заслуживают этой реакции, приводит к отрицательному эффекту в отношениях преподаватель – студент и негативно влияет на результаты обучения. Самовнушение, поиск альтернативных вариантов выхода из проблемных ситуаций в студенческой аудитории, юмор – вот рецепт Лин Денг как преподавателя английского языка. По ее мнению, гармоничная атмосфера в классе важнее всего, и толерантность преподавателя вносит соответствующий вклад в формирование этой атмосферы. Именно преподаватель является ведущим и показывает пример терпимости студентам. Однако и студенты должны учиться мудрости толерантного отношения друг к другу. Лин Денг заканчивает свои рассуждения жизнеутверждающим выводом: толерантность делает нас более сильными.

Tolerance is a necessity we need to survive this world. From the moment we come to the world to the moment we leave the world, we will inevitably go through ups and downs in almost every stage of our life. Every time we suffer from illness, pain, sadness, jealousy or frustration, we have to control ourselves and tolerate the annoying, difficult or depressing things that are part of our life, for we need to get over them and move on.

Tolerance is a quality we should develop to succeed. People who are able to tolerate failure, setbacks and difficulties will have patience, perseverance and develop a very strong personality, which are definitely required to achieve success. In China, an ancient Confucian philosopher Mencius once said, “When Heaven is about to place a great responsibility on a great man, it always first frustrates his spirit and will, exhausts his muscles and bones, exposes him to starvation and poverty, harasses him by troubles and setbacks so as to stimulate his spirit, toughen his nature and enhance his abilities.” Being able to tolerate the toughness and accumulate strength to stand up again is an indispensable factor for people to have great success, whether in history or at present. There is a very famous story in the Spring and Autumn Period (770 BC – 496 BC) in ancient China about tolerance. When the State of Yue was defeated by the State of Wu, Goujian, the King of Yue, swallowed all the insult and humiliation and took ten years to struggle and accumulate power to fight back. During those years, he forced himself to sleep on piles of straws and tasted a very bitter animal gall every day to recall the disgrace imposed by Wu troops. As a result, he led his army to attack the State of Wu and sealed its doom.

Tolerance is a philosophy for us to get on with people around us. There are always disagreement, disputes and conflict between us and others. They could be our parents, our children, our colleagues, our friends, or

strangers we just come across. If we are intolerant of opposition or conflict and cannot handle them calmly, it would be very possible for us to get irritated and hurt each other. In July 23, 2013, in Beijing, two drivers quarreled with a woman who was pushing a baby stroller at a bus stop for parking reasons. A driver named Lei Han beat the woman first, then took the baby out of the stroller and threw her down to the ground. The baby was seriously hurt and died. Lei Han was sentenced to death and was executed on Oct 31, 2014. The tragedy ended with the loss of two lives and the breaching of two families. If only they could calm down and tolerate others, the tragedy could have been avoided. Tolerance helps us to be forgiving and accommodating, mild and steady. When we step back from the conflict, we can see a much broader horizon and we can calm down ourselves and deal with problems in a more reasonable and rational way. Tolerance is a cultivation of our mind, which urges us to shake off fickleness and hastiness and be more peaceful in life. This is especially encouraged in traditional Chinese culture, in which calligraphy, *guqin* (a seven-stringed plucked musical instrument) and Tai Chi Boxing all contribute to the cultivation of tolerant personality. Taoism philosophy also advocates keeping being weak and the control of desire. According to Dao De Jing, the classic of Taoism, the greatest virtue is that of water. Water benefits all things and does not compete with them. It is tolerant, accommodating and peaceful. People with water quality are calm, profound and broad-minded. Neither do they complain about others nor do they compete for trifles. They are always kind, selfless and helpful to others and are greatly respected by people around them. In our daily life, we need to manage our emotions and learn to be tolerant, which in the end will reward us with peaceful and healthy mind as well as respect from others.

As a teacher, I think tolerance is especially important. In China, a teacher usually manages a large class and a group of students who vary a lot in their academic levels as well as in their attitudes towards study. In class, it is common to see students distracted. They might not be able to understand what teachers are lecturing, or they might not be interested in the knowledge they are learning. For whatever reasons, direct and rude reproach will always be of no use and will easily trigger confrontation and conflict between teachers and students. Recently, in a famous Chinese video website, someone uploaded a video in which a girl aged about 15 was fighting against her teacher in class. The reason was that the girl was disturbing the class and wasn't listening to her teacher's persuasion. Then they quarreled with each other fiercely, in the end the teacher was greatly irritated and beat her with a book. This video was clicked for millions of times and aroused a hot debate. People are criticizing both of them and are sadly aware of the increasing violence culture which is imposing more and more influence on teenage students. How to cope with this situation as a teacher? We need to calm down and be tolerant, we need to realize that we are mature adults and we are students' tutors as well as their advisors while our students are still in their adolescence. Rebellion and impulsion are their name cards. It would be better to stand from their point of view and try to find the reasons for their behavior.

Maybe we could understand them and take an inclusive and tolerant attitude to find solutions for them instead of abusing.

I've also encountered awkward situations in my class as a college teacher. Sometimes students give no response to my questions, sometimes several students sitting at the back are chatting with each other or doing something irrelevant to class. Sometimes even one or two students would sleep in class occasionally. In this case, I always find harsh criticism would create a more embarrassing atmosphere and students would more or less have counter-emotion, which exerts negative effect on the relationship between students and me and influences my teaching in the class greatly afterwards. So I always remind me of tolerance as a teacher. I would divide students into groups to encourage them to discuss and try to answer questions if they give me no response. I would walk towards and stand beside the students chatting or sleeping to give them a silent warning. I would tell them in advance about the evaluation of their class performance, which is largely decided by their self-discipline in class. Sometimes starting with a joke will also help deal with an awkward situation tactfully and bring close the relationship between my students and me. Harmonious atmosphere is always important in class and I think appropriate tolerance is an important factor contributing to the creation of good atmosphere. We, as teachers, need to take an encouraging attitude and help and guide students to behave correctly in class.

On the other hand, students also need receive setback

education to cultivate a strong character. They should learn that not everything is smooth for them, difficulties and setbacks are sometimes far more than success, especially when they step into society. They should learn to face and tolerate bad situations and stay calm to deal with them properly. They should learn to get on with different people harmoniously. One of my students once came to me and shared her troubles. She couldn't bear one of her roommates since the girl always came back to their dormitory late at night and made loud noise regardless of other roommates. They quarreled with the girl very often, which made the situation from bad to worse. I told her if they have to live in the same dormitory with that girl, they have to be tolerant and find an appropriate way to stay together with her. At last, she told me that they turned to a student advisor and talked with the girl openly and sincerely with the help of the advisor. They made an agreement on the time when the girl must come back and both sides made an apology for their previous hostile attitudes towards each other. She said to me that finally when they looked back at the confrontation troubling them for a long time, they understood it could have been settled easily as long as they could have more tolerance and stand from each other's perspective.

In a word, tolerance is not concession. It makes us calm, generous and rational, and we can achieve peace of mind and cope with problems with perseverance and toughness. Tolerance helps temper our mind and makes us stronger after the experience of frustrations and the process of anti-frustrations.

Н. В. Самойличенко

г. Вологда,

С. Г. Серебрякова

г. Санкт-Петербург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МОЛОДЕЖЬ

Современный глобализированный мир характеризуется интенсивными процессами экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Поэтому рано или поздно практически каждый человек сталкивается с новыми, непривычными, непонятными и даже, на первый взгляд, неприемлемыми для него ценностями, идеалами, традициями, проявлениями индивидуального поведения и т.п. В зависимости от направленности восприятия этих «чуждых элементов» в обществе возникают отношения солидарности или конфликтности, соперничества или кооперации, симпатии или антипатии...

Социально-психологический климат в обществе (коллективе) в значительной мере характеризуется наличием толерантных межличностных отношений в нем. Латинское слово *tolerantia* в Толковом словаре иноязычных слов трактуется как терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо. Толковый словарь В.И. Даля глагол «терпеть» трактует как

снисходить, допускать, послаблять, потакать, приноравливать, давать повадку. В современном русском языке в качестве синонимов понятия толерантность используются: либерализм, терпение, мягкость, терпимость, либеральность, невзыскательность, нетребовательность, снисходительность, снисхождение.

Приведенный экскурс показывает, что в понятии «толерантность» доминирует пассивное начало. Однако, в условиях мирового разделения труда и миграции, и, как следствие, неизбежного сближения и слияния культур разных народов, стирания границ, существующих в самых различных сферах общественной жизни, включая стереотипы индивидуального поведения, данное понятие приобретает социально-активное наполнение. Так, в ст. 1. Декларации принципов толерантности, утвержденной в 1995 г. на 28-й Генеральной конференции ЮНЕСКО (резолюция №5.61), указывается, что «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших

форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [2]. Другими словами, толерантность является социальной нормой гражданского общества, проявляющейся в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, в готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по убеждениям, обычаям и верованиям.

В Новой философской энциклопедии толерантность трактуется как важный элемент культуры общения и признается сегодня необходимым условием общественного единения людей различных верований, культурных традиций, политических убеждений. В этом плане она выступает как единство спонтанно-негативного восприятия другого (неприятие, осуждение) и позитивного действия в его адрес (принятие, допущение); толерантное принятие не тождественно снисходительности к другому или вынужденному примирению с осуждаемым явлением.

Толерантность является ключевым нравственным принципом гражданского общества, поэтому ее наличие у индивида может рассматриваться как условие успешной социализации, как умение интегрироваться в систему социальных отношений и жить в гармонии как с собой, так и с миром людей (микро- и макросредой). Важно отметить, что речь идет не о пассивном покорении мнению, взглядам и действиям других, а о готовности к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми из иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды. Сегодня ожидаемыми качествами толерантной личности считаются расположенность к другим людям, снисходительность, терпение, чувство юмора, чуткость, доверие, альтруизм, терпимость к национальным, религиозным и прочим различиям, умение владеть собой и не осуждать других, доброжелательность, гуманизм, умение слушать собеседника, любознательность, способность к сопереживанию.

Толерантность не является врожденным качеством, ее формирование начинается с раннего детства, но наиболее оптимальным специалисты считают юношеский возраст. Подросток, исходя из его психологических особенностей, характеризуется эмоциональной незрелостью, открытостью, внушаемостью, малым жизненным опытом, самоидентификацией не на основе общечеловеческих ценностей, а под влиянием коллизий в сфере культурных, национальных, социальных и других отношений. В этом возрасте начинается формирование чувства культурной идентичности, повышение интереса к вопросам культурной принадлежности и поиск приемлемых социальных ролей, возникает интерес к общению за рамками ближайшего социума и потребность во взаимопризнании и взаимопонимании с окружающим миром. На этом этапе происходит столкновение с иными культурами и социальными группами и закладываются основы дальнейшего социального поведения личности, в том числе способность к эмпатии или конфликтности, социальная изолированность, позитивное или заведомо нега-

тивное отношение к представителю другой нации [3].

Социологический опрос студентов 1–2 курсов очного отделения Вологодского института бизнеса, проведенный для целей данного исследования, показал, что все 100 % опрошенных студентов определили понятие «толерантность» как «терпимость к чуждым нравам, культурам, ценностям». При этом все респонденты готовы проявлять толерантность к иному вероисповеданию, традициям, вкусам, а также физической и умственной неполноценности людей. Многие отметили, что им интересны культуры иных стран и народов. Вместе с тем более половины опрошенных отметили, что испытывают чувство неприязни, неловкости, удивления и даже страха при столкновении с непривычными для них проявлениями социальной культуры и отношений.

На вопрос «С чем Вы не готовы мириться?» чаще всего отвечали: с насилием, терроризмом и гомосексуализмом. В свою очередь каждый из опрошенных студентов отметил, что неоднократно сталкивался с интолерантным отношением к себе со стороны других людей. Основными эмоциями, которые они испытывали при этом, называли негодование, обиду, злость, раздражение и жажду мести.

Что касается воспитания толерантного поведения в рамках школьного обучения, около 20 % опрошенных не смогли вспомнить каких-либо мероприятий, направленных на воспитание у них такого чувства. Большая же часть респондентов (82 %) смогли вспомнить тематические классные часы, тренинги, проводимые психологом, «День толерантности», спортивные мероприятия. Что касается обучения в вузе, то студенты сочли, что чувство толерантности воспитывается в результате изучения таких дисциплин, как философия, иностранный язык и экономика. Последняя указывалась в силу того, что при изучении данной дисциплины значительная часть занятий проводилась в форме групповой работы студентов над каким-либо заданием. И около 40 % студентов отметили, что толерантное поведение у них формируется в процессе самосознания, в результате просмотра кинофильмов и прочтения художественной и публицистической литературы.

Толерантность формируется на всех стадиях воспитательно-образовательного процесса подрастающего поколения, в том числе на стадии получения высшего профессионального образования. В основе современного российского высшего профессионального образования лежит компетентностно-ориентированный подход. Его преимущества по сравнению с предшествующими подходами состоят в расширении академических свобод вузов в целом, и в определении содержания образования в частности. Такой подход обеспечивает большую гибкость и адаптивность образовательных стандартов к местным, региональным и территориальным контекстам и, соответственно, более вариативное содержание образовательных программ.

В основе формирования толерантной личности лежит привитие способности к признанию или практическое признание и уважение убеждений и действий других людей. Таким образом, структура толе-

рантности включает в себя познавательный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты, которые взаимосвязаны и взаимозависимы, а воспитание толерантности является двунаправленным процессом. Его задачами является обучение способности формировать собственную активную нравственную позицию, с одной стороны, и привитие способности к сопротивлению стрессам, вредным воздействиям окружающей среды, собственному раздражению поведением другого индивида – с другой.

Толерантные формы поведения формируются во взаимодействии с людьми иных культур, взглядов, позиций, ориентаций. В рамках учебно-воспитательного процесса в вузе взаимодействие культур, взглядов, позиций *a priori* (изначально) представлено неоднородностью состава учебных групп. Задачей преподавателя является подбор адекватного поставленной цели содержания (учебного материала) и нахождение оптимальных форм его освоения, т.е. организация эффективного взаимодействия в рамках учебной группы. Исходя из нашей практики, воспитанию толерантности подрастающего поколения в значительной степени способствуют активные, творческие и гибкие формы обучения, которые в современной методике называют интерактивными методами. В настоящее время существует много интерактивных форм обучения (кейс-стади, оформление интеллект-карт, карт памяти, викторины, деловые и ролевые игры, дискуссии, работа над научным проектом, разработка творческих заданий и проч.). Более конкретные задачи преподавателя в рамках интерактивного обучения состоят в том, чтобы включить в учебный процесс максимальное количество студентов, побудить их к активной творческой деятель-

ности, связанной с обменом знаниями, идеями и способами их выражения, а также перевести имеющиеся навыки взаимодействия на более высокие формы кооперации и сотрудничества, параллельно воспитывая чувство толерантности, столь необходимое в современном обществе [1], [4], [5].

Литература

1. Грушина, О.В. Применение кейс-метода в преподавании бухгалтерского учета / О.В. Грушина // Многоуровневое образование и компетентностный подход: векторы развития: Материалы российской науч.-метод. конф. с междунар. участием, г. Вологда, 20 марта 2014 г. / под ред. д.э.н., проф. О.В. Лускатовой. – Вологда, 2014. – С. 267–273.
2. Декларация принципов толерантности. – URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения 01.03.2015)
3. Комаров, В.П. Воспитание толерантности у студентов университета / В.П. Комаров, О.В. Исаева // Вестник ОГУ. – 2003. – №4. – С. 112–118.
4. Самойличенко, Н.В. Интерактивные формы обучения как инструмент формирования навыков социальной коммуникации студентов / Н.В. Самойличенко, Е.Е. Самойличенко // Многоуровневое образование и компетентностный подход: векторы развития: Материалы российской науч.-метод. конф. с междунар. участием, г. Вологда, 20 марта 2014 г. / под ред. д.э.н., проф. О.В. Лускатовой. – Вологда, 2014. – С. 523–528.
5. Серебрякова, Т.В. Интерактивные методы в подготовке студентов-бакалавров / Т.В. Серебрякова, Е.Е. Самойличенко // Многоуровневое образование и компетентностный подход: векторы развития: Материалы российской науч.-метод. конф. с междунар. участием, г. Вологда, 20 марта 2014 г. / под ред. д.э.н., проф. О.В. Лускатовой. – Вологда, 2014. – С. 528–533.

М.М. Малышева
г. Москва

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

В связи с геополитическими вызовами, которые российское общество переживает сегодня, призыв к воспроизводству и сохранению традиционных культурных ценностей российского общества особенно остро стоит на повестке дня. Одним из основных институтов, призванных выполнять эту роль, является семья. Но тут возникает ряд вопросов: а насколько она в состоянии справиться с социальными ожиданиями общества, и что нужно сделать, чтобы институт семьи стал более эффективным?

Начнем с банального утверждения, что семья существует не сама по себе, а в определенных социо-экономических условиях. Она проходит через все испытания, через которые проходит общество, и вынуждена реагировать на все вызовы времени: на экономические кризисы, социо-политическую практику и риторику государства, динамику рынка труда, состояние здравоохранения и образования, об-

щую атмосферу толерантности или агрессии (в СМИ и в реальной жизни). Эта «среда существования» семьи уже четверть века претерпевает широкоформатные изменения, и как социальный институт она явно не успевает к ним адаптироваться. Ниш для стабильной и устойчивой жизнедеятельности, для рождения и воспитания детей не хватает. В результате воспроизводятся те негативные тенденции в жизни семьи, которые были присущи России раньше. Так, ООН признал Россию первой среди стран с самым высоким показателем уровня разводов. Их количество на 1000 человек у нас составляет – 5 % [1]. Абортами заканчивается примерно треть беременностей. По данным Росстата, в России на 1000 женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) приходится 29,3 аборта [4]. В масштабах России уровень рождаемости практически точно сов-

падает с уровнем смертности уже в течение нескольких лет [3].

Вышеперечисленные показатели говорят о том, что на поведенческом уровне семья как традиционная культурная ценность с ориентацией на рождение и воспитание детей продолжает терять свои позиции. Отсюда столь велико стремление со стороны церкви и законодателей запретить аборт, а со стороны государства повысить рождаемость при помощи различных мер демографической политики и предоставления «материнского капитала». Однако априори понятно, что решить этими мерами проблему не получится. Одного воздействия на семью *извне* совершенно недостаточно. Необходимо задействовать ее *внутренние* ресурсы. К таковым относится формирование толерантных взаимоотношений супругов в семье, уважение друг друга как личностей. Современные реалии таковы, что толерантности катастрофически не хватает как в молодых, так и в зрелых браках. Частые ссоры и конфликты стали повседневной реальностью, они нередко перерастают в домашнее насилие.

Приведем некоторые данные социологического исследования «Проблемы формирования новых моделей семейных отношений на Северо-Западе России» (Карелия), проведенного в ноябре 2014 г. в рамках проекта ИСЭПН РАН «Трансформация семьи в России под воздействием экономических, социальных и культурологических процессов».

Гендерные роли и гендерные представления в семьях Карелии

Принимая во внимание то обстоятельство, что домашнее насилие является международным феноменом, ученые всего мира пытаются «взвесить» различные факторы, влияющие на конфликтные отношения в семьях. Культурные ценности, как правило, считаются наиболее значимыми. Они имеют плот-

ную корреляцию с восприятием гендерного равенства в семье: чем более ровно распределены гендерные роли между супругами, тем более сбалансированными являются взаимоотношения. Обязательство беречь благополучие семьи и гибкое участие обоих родителей в воспитании детей, а также распределении домашних обязанностей рассматривается как решающий фактор стабильности брака. Наоборот, жесткие предписания относительно гендерного разделения труда в семье и требование к женщине принести свою социальную жизнь в жертву семейной жизни имеют сильное воздействие на конфликтное развитие отношений между супругами.

Имея это в виду, мы опрашивали респондентов на предмет их представлений о гендерных ролях. Так, задавался вопрос «Должны ли женщины больше заботиться о своей семье, чем о своей карьере?» 72,4 % респондентов сказали «да», т.е. почти ¾ опрошенных продемонстрировали традиционные взгляды. Но эти взгляды сталкиваются с реалиями, которые ставят женщин в условия необходимости добывать средства на жизнь наряду с мужчинами или активно быть представленными на рынке труда. Если верить официальным статистическим данным, то уровень занятости женщин в возрасте от 20 до 49 лет вырос за последнее время до 76 % (если брать значение от общего количества женщин в России указанного возрастного диапазона) [2]. В результате «функциональность» традиционализма оказалась под вопросом. Почти половина респондентов (49,2 %) сказали, что «мужчины должны в равной мере с женщинами участвовать в домашней работе». Но в реальности распределение домашнего труда в большинстве семей остается очень традиционным и женщины по сравнению с мужчинами выполняют почти всю домашнюю работу (см. таблицу). Это неизбежно порождает конфликты.

Таблица

Каким образом выполнение следующих видов домашних обязанностей распределяется между Вами и Вашим партнером?

Варианты	Почти всегда партнер – жена	Почти всегда партнер – муж
Стирка	96,0	4,0
Приготовление пищи	98,0	2,0
Уборка	95,9	4,1
Покупка продуктов	90,9	9,1
Покупка одежды, обуви, промышленных товаров	98,5	1,5
Покупка товаров длительного пользования	46,2	53,8
Ремонт квартиры	7,7	92,3
Ремонт автомобиля	3,4	96,6
Решение финансовых вопросов, хождение по инстанциям	43,4	56,6
Присмотр и уход за ребенком	93,0	7,0
Присмотр и уход за нуждающимся членом семьи (инвалиды, престарелые граждане, пр.)	93,3	6,7

Ответим еще один важный момент, который является «зоной напряженности» в семьях. Хотя большинство женщин выполняют почти всю домашнюю работу, около половины из них – 47,2 % – вынуждены регулярно или время от времени просить денег у мужа. Это означает, что в управлении семейным бюджетом они находятся в зависимом положении. Мужчины также иногда просят у жен денег, но это случается в 2,5 раза реже – только 19,5 % респондентов мужчин сказали, что это к ним относится.

Домашнее насилие и конфликты в карельских семьях

Более половины (51,4 %) респондентов сказали, что они сталкивались со случаями домашнего насилия в своих собственных семьях или в других семьях. Моральное и психологическое насилие (угрозы, оскорбления, запреты) доминируют: 37,2 % опрошенных считают, что они имеют место. Физическое насилие находится на втором месте: оно было упомянуто 35,7 % респондентов. Экономическое насилие (манипуляция деньгами, финансовая зависимость) стоит на третьем месте: 15,6 % сказали, что оно было. Сексуальное насилие занимает последнее место: только 3,7 % респондентов смогли засвидетельствовать такие случаи.

По мнению респондентов, основными жертвами в семейном конфликте являются женщины: 48,5 % опрошенных дали такой ответ. После женщин идут дети – 31,5 %. Третье место среди жертв домашнего насилия отдали престарелым людям – 14,8 %. Что касается мужчин, то только 3,2 % респондентов считают, что они также могут быть объектами морального, экономического или другого насилия.

Согласно нашим данным, 8,5 % респондентов знают семьи, где имеет место физическое насилие мужей. Насильственное поведение жен с применением физической силы случается очень редко: только 2,5 респондентов сказали, что они знают о нем; 6,9 % указали на взаимное физическое насилие супругов.

Наказание детей и насилие над детьми

Два отдельных вопроса в нашем исследовании касались наказания детей или определения степени толерантности родителей в их воспитании. Подавляющее большинство опрошенных склонны отвергать физические наказания детей. Только 4,3 % респондентов согласились с тем, что они приемлемы; 9,2 % респондентов считают физические и психологические наказания равнозначными; более половины респондентов – 55,4 % настаивают на том, что может использоваться только психологическое наказание. Вместе с тем, почти треть респондентов не имеет четкой позиции и не знает, что ответить.

Следующий вопрос прояснял, кто из родителей должен применять физические наказания, если они приняты в семье. Более половины респондентов считают, что оба родителя в равной мере должны применять физические наказания. Но более трети респондентов (38,8 %) настаивают на том, что это должен быть отец. Таким образом, традиционные гендерные представления, согласно которым мужчина должен быть более жестким, строгим и требовательным, сохраняются.

Социальное измерение домашнего насилия

Общие представления респондентов о том, кто виновен в домашнем насилии, имеют очень большое значение для понимания того, как ему противостоять. Наибольшая часть респондентов (37,7 %) считают, что в случае с насилием вина лежит на человеке, применившем насилие. Этот результат опроса опровергает распространенную точку зрения о том, что многие люди в нашем обществе склонны винить жертву. Согласно нашим данным группа, которая обвиняет жертву, в 2,5 меньше, чем группа, которая обвиняет насильника, и составляет 14 %.

Довольно заметная группа респондентов (30 %) считает, что именно плохое семейное воспитание вносит негативный вклад в насильственное поведение в семье; толерантность, терпимость и неконфликтное разрешение проблем в семье распространены недостаточно. Те образцы поведения, которые существуют между супругами, часто не могут служить моделью для молодого поколения.

Как мы упомянули выше, 14 % интервьюируемых считают, что именно жертва насилия виновата в случившемся. Это небольшая цифра, но тем не менее она превосходит число тех, кто считает виноватым в насилии общество (9,8 %) или слабость законодательства (5,6 %). Признание низкой вины общества или законодательства, на первый взгляд, выглядит как доказательство их эффективности. На самом деле за этими цифрами стоит понимание отсутствия тех ресурсных механизмов, которыми должен обладать социум в преодолении домашнего насилия. Среди них – специальные *превентивные меры*, имеющие юридическую силу, или специальный закон о предотвращении домашнего насилия, регулярные компании в СМИ, активная работа гражданского сектора. Ничего этого нет, поэтому люди ничего не ждут от государства и не считают, что оно может быть эффективным в предотвращении домашнего насилия.

Конечно, есть соблазн предположить, что население по-прежнему склонно рассматривать разрешение домашних конфликтов как их частное дело, куда не должно вмешиваться государство. Однако результаты опроса опровергают такую интерпретацию. Большинство респондентов считают домашнее насилие нарушением прав человека. Тех, кто так думает, 83,7 %. Вместе с тем 77 % респондентов не имеют представления о законах РФ, защищающих от домашнего насилия.

В конце нашего вопросника мы предложили респондентам список различных государственных учреждений, а также социальных служб и общественных организаций, деятельность которых так или иначе связана с решением проблем домашнего насилия, и попросили их назвать те из них, которые наиболее эффективны в городе или регионе. Первой в списке оказалась полиция. К ней за помощью обратились бы 51,3 % опрошенных. Остальная половина населения не знает, куда обращаться. Линия доверия упоминается в семь раз реже, чем полиция; 5 % респондентов назвали «Центр оказания помощи женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию» и такое же число респондентов упомянули регио-

нальные центры социальной помощи. Что производит особенно удручающее впечатление: надежды на церковь в защите от домашнего насилия оказались почти нулевыми.

Литература

1. Браки и разводы в России. Неутешительная статистика // Страна Мам. – 2014. – 24 сентября. – URL: <http://www.stranamam.ru/post/8440758/>.

2. В России существенно вырос уровень занятости среди женщин в 2014 году. – 2014. – 12 мая. – URL: <http://ipocredit.ru/novosti/s/v-rossii-sushchestvenno-vyros-uroven-zanyatosti-sredi-zhenshchin-v-2014-godu-10316257/>

3. Демография России // Руксперт. Дата обращения 04.03.2015. – URL: http://ruxpert.ru/%C4%E5%EC%E3%F0%E0%F4%E8%FF_%D0%EE%F1%F1%E8%E8

4. Треть беременностей в России заканчивается абортми // Экономика и жизнь. – 2014. – 23 октября. – URL: <http://www.eg-online.ru/article/261753/>

Т.Ф. Мишарева, Л.В. Воронина
Научный руководитель: Ю.Л. Балюшина
г. Череповец

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном мире наблюдается разделение общества на группы по ряду признаков: по национальности (русские, татары, башкиры), по отношению к религии (верующие и неверующие), по состоянию здоровья (люди здоровые и с ограниченными возможностями) и т.д. На фоне такой дифференциации неизбежно возникает множество разногласий между индивидами, причиной которых зачастую является нетолерантное отношение к обычаям, традициям, интересам, потребностям представителей других социальных групп, и, как следствие, несправедливость.

Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпимость) – это «качество, присущее человеку, являющееся основой отношения к другому как к равнодостоящей личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [3].

Толерантность зародилась в эпоху античности как позитивное восприятие, понимание и принятие других религий. С течением времени (в Средние века) она уходит в тень, но уже в период Ренессанса проявляется с новой силой. В истории становления данного феномена существенную роль сыграл кромвелевский период английской истории – XVII в. В это время в свободе и терпимости были заинтересованы и противоборствующие группы, которые входили в армию Кромвеля. Согласно взглядам пуританцев, «ни одно убеждение не может быть настолько непогрешимым, чтобы ему в жертву стоило бы принести другие убеждения, существующие в конкретном сообществе» [1, с. 10]. То есть ни один человек, ни одна социальная группа не имеет объективного права провозглашать свою позицию абсолютной, поскольку позиция оппонента не фальсифицирована, а, следовательно, она имеет право на су-

ществование.

Следует отметить, что изначально проблема толерантности возникла на религиозном уровне, получив распространение в других аспектах общественного бытия значительно позже. Сейчас выделяют различные виды толерантности, такие как межгрупповая, конфессиональная, физиологическая, возрастная, гендерная, расовая, национальная, личностная, социальная и ряд других. В данной работе актуализируется категория социальной толерантности.

Что же касается справедливости, то она волновала умы людей на всем протяжении существования человеческого общества. Под справедливостью подразумевается как равное отношение к каждому члену общества, уважение его прав и свобод, так и воздаяние сообразно вкладу в развитие социума. Впервые категорию справедливости затронул Аристотель. Древнегреческий философ выделил два ее вида: распределительную и уравнивательную. Распределительная справедливость реализуется в отношениях доминирования и подчинения в соответствии с определенными признаками, к примеру, когда в обществе кто-то занимает главенствующее положение, вследствие чего приобретает больший объем различных благ, чем нижестоящие. В качестве иллюстрации данного вида справедливости также возможно рассмотреть преступление и соответствующее наказание. Второй же вид справедливости характеризуется как равенство, уравнивательность, независимо от каких-либо признаков: равный труд, равное вознаграждение и воздаяние. В настоящее время авторы выделяют утилитарную, либертарную, либеральную, марксистскую, коммунистическую справедливость, а также ряд других [2].

Для нас особый интерес представляет проблема взаимосвязи толерантности и справедливости. Соответственно, целью работы является анализ реализации принципа толерантности в современном обществе в данном аспекте.

Сейчас вопрос о толерантности стоит особенно остро. Мы регулярно наблюдаем социальные конфликты, причинами которых становятся разногласия отдельных индивидов и социальных групп по поводу вкусов, интересов, убеждений, мировоззрений, обычаев и традиций. Люди иногда и сами не понимают, как несправедливо относятся к другим. Навязывая им свое мнение, они затрагивают интересы личности, посягают на ее автономный статус. По мнению авторов работы, подобная ситуация в цивилизованном мире недопустима. Каждому человеку следует уважать не только себя, но и окружающих, поступать так, чтобы не ущемлять их права, на этом и основан принцип толерантности. В данном аспекте толерантность близка понятию «справедливость». Это выражается в том, что человек относится одинаково ко всем вне зависимости от каких-либо признаков, обстоятельств и т.п. Например, в современном гражданском обществе существуют различные нормы, включающие законы, правила поведения, которые закрепляют справедливые отношения между людьми. К примеру, в Российской Федерации реализуются права и свободы человека, закрепленные в Конституции РФ. Эти права присущи каждому человеку от рождения, и никто не в праве их умалять. Это свидетельствует о том, что государство, наделяя каждого гражданина одинаковыми правами, толерантно ко всем его членам.

Чтобы узнать, действительно ли это реализуется в современном обществе, мы провели анкетирование, в котором приняли участие студенты вторых курсов Череповецкого государственного университета. Респондентам был предложен ряд вопросов, касающихся данной проблемы.

В результате было выявлено, что 64 % респондентов назвали современное общество несправедливым. 42 % опрошенных признали его не толерантным, 22 % назвали современное российское общество

во толерантным и 36 % не смогли определиться с ответом. При этом 60 % опрошенных выразили безразличие к тому, что рядом с ними живут люди другой национальности, а 14 % относятся к этому положительно. 68 % респондентов никогда не приходилось сталкиваться со случаями нетолерантного отношения к людям. 56 % признали необходимость оказания помощи другим народам (в частности, Донбассу).

Здесь наблюдается явное противоречие: признавая общество нетолерантным и несправедливым, участники опроса руководствовались умозрительными заключениями, не имея практического подтверждения своим выводам. То есть современный социум, вопреки отрицательным ответам респондентов на непосредственный прямой вопрос, скорее, толерантный, чем нет. Об этом свидетельствуют 60 %-й сектор безразлично относящихся к соседству с представителями других национальностей. По мнению авторов работы, толерантность и справедливость теснейшим образом взаимосвязаны. Толерантность представляет собой неперенное условие развития современного общества, где развитие есть движение по пути воцарения справедливости. Иными словами, толерантность является одним из основных условий справедливости.

Литература

1. Баева, Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии / Л.В. Баева. – Астрахань, 2009.
2. Балюшина, Ю.Л. Западные концепции социальной справедливости / Ю.Л. Балюшина // Проблемы социальной справедливости: Сборник научных статей / отв. ред. О.В. Козлова. – Череповец, 2010. – С. 19–28.
3. Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/3028.html> (дата обращения 10.04.2015).

С.С. Касаткина
г. Череповец

ГОРОД КАК КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-33-01341

Проблема толерантности в городе – вопрос актуальный во все времена. Жизнь современных городов подчинена законам развития общества как открытой динамической системы. Однако не все социальные структуры городского мира раскрываются в полной мере, есть масса закрытых вопросов, требующих государственного и даже международного внимания. Существует «Декларация принципов толерантности», утвержденная резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1995 г. В ее первых статьях за-

фиксировано понятие толерантности как «уважения, принятия и понимания богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности... Толерантность – это гармония в многообразии» [1].

Специфика понятия «толерантность» также заключается в некоем социокультурном контексте, выраженном во внешних проявлениях жизни горожан в их терпимости, лояльности, корректности поведения. Практики, связанные с отношением к толерантности

в городской повседневности, проявляются в религиозной и этнической сферах, в профессиональном русле, в контексте возрастных категорий, в культурных пристрастиях, материальном уровне и иных вопросах социальной стратификации горожан. Согласно философской позиции В. И. Самохваловой, «Толерантность – обозначение типа отношения, которое не предполагает взаимодействия и основано на сохранении и признании идентичности обеих сторон. В то же время такое отношение не есть взаимодействие, ибо оно принципиально не предполагает обмена (при обмене возможна оценка и согласие-несогласие, что может поставить под вопрос сохранение толерантности), но является лишь взаимно-параллельным сосуществованием. В отличие от взаимодействия в позиции толерантности сигнал одной из сторон может быть просто поглощен другой, оставаясь не отвеченным по сути. Создается впечатление своеобразной «черной дыры» эмотивно-смысловой информации, когда реакция не предполагается. Это безучастное равнодушие. Радикальной формой толерантности выступает безразличие, особенно там, где позиции трудносовместимы, и достижение понимания требует активного усилия при соответствующей установке на контакт и готовности к усилию. Таким образом, это, как правило, не диалог и даже не попытка понимания, а сосуществование монологов. <...> Подобное понимание толерантности позволяет не смешивать ее с вежливостью, воспитанностью, уважением, ибо это подразумевает интерес, оценку и т.п. Толерантность – это допущение существования другого без всяких эмоций, суждений, оценок по этому поводу, это принятие другого с одновременным признанием и сохранением незыблемости своей и его идентичности» [5]. Данное определение подходит под описание принципов толерантности в условиях городского мира. Город – это контекст толерантных и интолерантных практик, определяющих злостные проблемы социальной жизни современного общества.

Городские коммуникации полны противоречий. Именно их можно назвать практическими примерами вопросов толерантных отношений. Так, объективной реальностью считается, что во многих странах сложились замкнутые национально-религиозные кластеры. Существуют микрорайоны городов, где приезжие люди поколениями живут, отказываясь адаптироваться к новой среде, не говорят на языке страны пребывания. «Ответная реакция на такую модель поведения – рост ксенофобии среди местного коренного населения, попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места, социальные блага – от «чужеродных конкурентов». Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность» [4]. Вопросы толерантности в современных российских городах разного уровня численности включают в себя отмеченные национальные принципы. В малых провинциальных городах примеров отчуждения, агрессии к жителям иной национальности меньше,

либо они мягче выражены, нежели чем в крупных центрах, городах-миллионниках. Провинция уравнивает уровень жизни большинства населения. Большие города более обезличены, миграционные потоки там динамичны, уровень агрессии имеет высокую степень обострения.

Толерантность в духовно-религиозном ключе так же ярко выражена в российских городах. В городах функционируют религиозные общины, имеются храмы разных конфессий. Религиозная толерантность россиян более гармонична, нежели чем национальная. А.П. Мчедлов отмечает, что «благодаря традиционной религиозной толерантности в России, здравомыслию религиозных руководителей, их моральному авторитету во многом были нейтрализованы попытки полномасштабного использования религиозного фактора в преступных целях этнократически настроенными экстремистскими группировками» [3]. Положение о духовном сотрудничестве, религиозной терпимости нашли отражение в Основном Законе страны, формируя право россиянина на самоопределение.

Толерантность в культурных пристрастиях в среде многочисленного городского населения – вопрос противоречивый. Город в исторических условиях цивилизации всегда выступал как «лаборатория толерантности» [6, с. 98]. В пространстве города очень сильно выражена проблема тесноты межличностных контактов с одной стороны, и глубокое одиночество – с другой. Город – мозаика социальной стабильности культурных текстов, субкультур, индивидуальностей, которым порой бывает тесно на одном уровне городской среды. Попыткой поделить культурные пласты городского мира, высвободив свою часть для свободного самовыражения, можно назвать появление в западной культуре направлений "underground", "freelancer" и др. Основными ценностями городских субкультур обычно выступают свобода стиля, самовыражения, креативность.

В целом социокультурная стабильность в условиях городской жизни определяется уровнем толерантного мышления и практик горожан во всех сферах жизни. Данный вопрос является перспективным в комплексе современных социально-гуманитарных знаний, предполагает дальнейшее осмысление в контексте исторического, социально-философского, культурологического, философско-антропологического взглядов.

Литература

1. Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc (дата обращения 01.03.2015)
2. Касаткина, С.С. Российская городская повседневность в социально-философском контексте / С.С. Касаткина. – Череповец, 2013.
3. Мчедлов, А. П. Религиозная толерантность / А.П. Мчедлов // Информационный портал «Нравственность в

образовании». – URL: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2070 (дата обращения 01.03.2015)

4. Путин, В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин // Независимая газета. – 2012. – 23 января. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения 01.03.2015)

5. Самохвалова, В.И. О содержании понятия «толерантность» в современном культурном контексте / В.И. Самохвалова // Журнальный клуб «Интелрос». Философ-

ский журнал. – 2008. – №1. – URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5392-o-soderzhanii-ponyatiya-tolerantnost-v-sovremennom-kulturnom-kontekste.html (дата обращения 01.03.2015)

6. Черняк, М.В. Условия формирования толерантности в пространстве современной городской культуры / М.В. Черняк // Вестник КемГУКИ. – 2011. – №15. – С. 97–101.

Г.А. Ковалева
г. Череповец

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ КВИР-СООБЩЕСТВ

В современном мире процесс глобализации затрагивает каждого человека. Культуры, конфессии, традиции взаимопроникают друг в друга, при этом сложно обойтись без конфликтов при таком столкновении различных принципов. В вопросе нейтрализации таких конфликтов толерантность к «другому» играет одну из самых важных ролей в современном обществе. Согласно Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)» [6], становление демократического общества в России невозможно без «выработки норм толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия».

Важным методом исследования социальных феноменов является опрос, которым Е.Л. Луценко и Д.В. Ефимова [4], пользуются для изучения толерантности в молодежной среде. Они ставят задачу выяснить уровень толерантности к иным культурам и конфессиям в конкретной местности, а также его динамику за два года. Г.У. Солдатова и Л.А. Шайгерова [9] также обозначают индикаторы ВЦИОМ, используемые в опросах общественного мнения, как способы социологической диагностики толерантности. Кроме того, как подчеркивает В. Лапина [2], опросы общественного мнения, проводимые в современной социологической науке, измеряют отношение к представителям квир-сообществ, в частности, к гомосексуалистам не по всей совокупности аспектов, таких как: факт наличия меньшинств, отношение морали и религии, каминг-аут и публичные проявления однополых чувств, гражданские права представителей нетрадиционной ориентации, а только по выборочным сторонам данного явления. Также автор отмечает, что формулировки вопросов и альтернатив способствуют формированию негативных оценок вследствие своей тенденциозности.

В.А. Ядов [14] отмечает, что в современной науке все чаще используются качественные методы взамен традиционному опросу и другим подобным формализованным техникам. По его мнению, качественные методы способны раскрыть личностные смыслы деятельности индивида, могут помочь в формулировке гипотезы, поскольку своим результатом имеют обо-

значение исследуемой социальной проблемы. Поэтому, как считают, М.И. Тарарухина и М.В. Ионцева [11], метод опроса для изучения отношения к гомосексуалистам не подходит, ведь «исследование будет касаться представлений людей о сложных общественных процессах и явлениях, их установок и мотивов», а значит, невозможно проследить все индивидуальные смыслы, которые респонденты вкладывают в вопросы и ответы.

Анализ документов (количественный и качественный) различается в зависимости от степени формализованности процедуры. Качественный анализ документов помогает обозначить некоторые аспекты изучаемой проблемы, которые могли быть ранее не замечены исследователем. Однако при этом данный метод отличается большой субъективностью результатов, а также иногда невозможностью убедиться в достоверности источников и информации в них. Многие исследователи используют эти методы как дополнения к основным при изучении толерантности (Е.Л. Луценко и Д.В. Ефимова [3], Е.П. Непочатых [7] и др.).

Наблюдение как метод изучения толерантности к различным социальным группам может изучать только поведенческие стороны отношения, внешние его проявления, что хорошо дополняет иные методы, направленные на исследование мотивов и установок, поэтому его использование как единственного способа получения информации в данном случае не оправдано. Эксперимент в социологии подходит для проверки сложившихся теорий, для изучения толерантности, в целом, он пригоден. Но необходимо учитывать, что он не покажет масштабных отражений социальных процессов, поскольку его результаты являются следствием условий, созданных для изучения научной модели какого-либо феномена. Таким образом, невозможно использовать метод эксперимента в подобном исследовании.

Изучение толерантности осложняется тем, что в значительной степени имеет дело с анализом установок личности, связанных с субъективными представлениями о социальной реальности. Как отмечает И.И. Демидова, «толерантность можно отнести к таким эмоционально окрашенным, сложновербали-

зируемым феноменам индивидуального сознания, которые сложно адекватно изучить, применяя количественные методики» [1]. Поэтому чаще всего для изучения используются психологические методики в виде опросников. Сама И.И. Демидова, к примеру, предлагает использовать психосемантические методы, а именно: метод семантического дифференциала, который эффективен «в изучении содержания малоосознаваемых феноменов, описании аффективного уровня индивидуального сознания, а также различных смысловых образований массового сознания».

Стефаненко Т.Г. [10] описывает методику «Приписывание качеств», предложенную Д. Кацом и К. Брейли в 30-е гг. XX века. Респондентам предлагается выбрать из предлагаемых черт наиболее подходящие для исследуемых социальных групп (у авторов – для определенных этнических общностей). При изучении стереотипов, сложившихся по отношению к гомосексуалистам, данная методика может дать богатый материал. Методика биполярных шкал в целом похожа на семантический дифференциал и так же, как и приписывание качеств, изучает стереотипы, отличается лишь только избираемыми шкалами, именно поэтому у авторов исследования часто возникают сложности с точностью антонимов. Процентная методика и техника диагностического коэффициента более полно могут исследовать стереотипы о тех или иных социальных группах, поскольку они изучают количественные характеристики приписываемых им черт в обыденном сознании относительно черт других групп.

Тест репертуарных решеток Дж. Келли был впервые внедрен в 1950-х гг. Метод является очень индивидуальным и гибким, что является как его достоинством, так как дает возможность изучить субъективнее установки максимально, так и недостатком, поскольку отнимает много времени и не подчиняется, по мнению М.И. Таратухиной и М.В. Ионцовой [11], какой-либо гипотезе.

Шкала социальной дистанции Эмори Богардуса появилась в 1925 году. В ней изначально исследовалось, в каком качестве респонденты могут допустить участие в своей жизни представителей тех или иных этнических общностей. «Богардус предоставляет нам возможность исследовать социальное пространство, создаваемое вокруг изучаемых социальных групп, преобразовывая его в географическое», – считает В. Сергеев [8].

Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова [9] составили экспресс-опросник «индекс толерантности» для диагностики общего ее уровня. Вопросник В.С. Магуна, М.С. Жамкочьяна, М.М. Магуры [5] является модифицированным для старшеклассников вариантом индекса толерантности. Подобные опросники для изучения толерантности могут быть модифицированы с учетом любого изучаемого явления (в нашем случае по отношению к гомосексуалистам) и использованы в данном исследовании. Однако Е. Шлягина [12], считает, что такого рода техники работают с «операциональными установками», регулируемыми отношениями участников социального взаимодействия. Смысловые уста-

новки, определяющие поступки личности и «свидетельствующие об ее истинной толерантности», изучаются, по ее мнению, с помощью проективных методик, поскольку такая информация скрыта от самого испытуемого, а результаты исследования не могут быть рефлексированы респондентом, а значит, не станут социально-желательными.

Проективные методики в различное время изучали такие ученые, как З. Фрейд, К. Юнг, Л. Франк, Г. Мюррей, Г. Роршах, С. Эриксен и др. Проективные методики в силу своего разнообразия сложно поддаются однозначному определению. Наиболее общий термин для них впервые вывел Л. Франк [67]. Это по его словам, «понятие, введенное для объединения ряда психологических методик по общему для них принципу выявления специфических личностных особенностей в ситуации эксперимента, отличающейся неопределенностью стимульного материала». Но в то же время они имеют, как и любые методики, свои недостатки, которые необходимо учитывать при проведении исследования, о чем напоминает И.А. Шляпникова [13]. Поскольку тема гомосексуализма является довольно спорной и острой для современного российского общества, да и мирового сообщества в целом, некоторые аспекты отношения к данной социальной группе респондентам может быть сложно вербализовать, а также они могут подчиняться давлению социальных норм, вследствие чего принято решение использовать в исследовании сексуально-ориентированной толерантности данные методы в совокупности с некоторыми иными, которые призваны помочь составить всю картину в целом.

Таким образом, для изучения такого острого и щекотливого вопроса, как отношение к гомосексуалистам, нами принято решение использовать проективные методики, с использованием некоторых социологических (анализ документов и контент-анализ) и психосемантических. Только соединив в одном исследовании несколько разноплановых социологических и психологических методик, возможно достигнуть наиболее глубоких результатов в изучении социальных установок, поскольку каждая выбранная техника будет дополнять другие и нивелировать их недостатки.

Литература

1. Демидова, И.И. Методологические основы изучения этнической толерантности психосемантическими методами: автореф. дис. ... канд. соц. наук / И.И. Демидова. – URL: <http://www.dissercat.com/content/metodologicheskie-osnovy-izucheniya-etnicheskoi-tolerantnosti-psikhosemanticheskimi-metodami> (дата обращения 10.03.2015 г.)
2. Лапина, В. Изучение отношения к гомосексуальности в опросных исследованиях: проблемы методологии. Возможен ли «квир» по-русски? / В. Лапина // ЛГБТК исследования. Междисциплинарный сборник / сост. и ред. В. Созаев. – СПб., 2010. – С. 76–84.
3. Луценко, Е.Л. Толерантность в молодежной среде: социологические аспекты / Е.Л. Луценко, Д.В. Ефимова // СИСП. – 2012. – №11 (19). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-v-molodezhnoy-srede-sotsiologicheskiespekty> (дата обращения 02.03.2015 г.)

4. Маркин, А.Н. Проблема толерантности: история и современность / А.Н. Маркин. – URL: http://pravmis.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1531
5. Магун, В.С. Вопросник для измерения толерантности Психодиагностика толерантности личности / В.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура; под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М., 2008.
6. Правовой портал Консультант-плюс. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EX P;n=334050;dst=100011> (дата обращения 19.03.2015 г.)
7. Непочатых, Е.П. Социально-психологические аспекты формирования этнической толерантности учащихся городской школы: автореф. ... дис. канд. психол. наук / Е.П. Непочатых. – URL: <http://psibook.com/scholarly/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-formirovaniya-etnicheskoy-tolerantnosti-uchaschihsya-gorodskoy-shkoly.html> (дата обращения 24.02.2015 г.)
8. Сергеев, В. Социальная дистанция и национальные установки / В. Сергеев. – URL: http://www.teleskopjournal.spb.ru/files/dir_1/article_content124547934194294file.pdf (дата обращения 01.03.2015 г.)
9. Солдатова, Г.У. Экспресс-опросник «Индекс толерантности». Психодиагностика толерантности личности / [Г.У. Солдатова и др.]. – М., 2008.
10. Стефаненко, Т.Г. Методы изучения этнических стереотипов. Этнопсихология. Практикум / Т.Г. Стефаненко. – М., 2006. – URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype9.htm> (дата обращения 10.03.2015 г.)
11. Тарарухина, М.И. Техника репертуарных решеток Дж. Келли / М.И. Тарарухина, М.В. Ионцева // Социология 4М. – 1997. – №8. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/4M/8/Ionceva,%20Tararuhina.pdf> (дата обращения 03.03.2015 г.)
12. Шлягина, Е. Этническая толерантность личности: опыт эмпирического исследования / Е. Шлягина. – URL: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-etno.php?PrPage=VT> (дата обращения 14.03.2015 г.)
13. Шляпкина, И.А. Проективные методы психодиагностики: Учебное пособие / И.А. Шляпкина. – Челябинск, 2005.
14. Ядов, В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных / В.А. Ядов // Социология: 4М. – № 1. – С. 14–31. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/4M/1/Yadov.pdf> (дата обращения 27.02.2015 г.)

А.А. Никитинская

*Научный руководитель: Ю.Л. Балюшина
г. Череповец*

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Одной из особенностей современной эпохи является тесное взаимодействие множества народов, живущих на нашей планете. «Общие ресурсы, возникшие глобальные проблемы, информационное пространство, интернациональная наука и технология – это то, что, казалось бы, должно было остановить все войны, конфликты и противостояния, но этого не происходит» [3]. Мирному сосуществованию, конструктивному взаимодействию и сближению различных народов и социальных групп препятствует отсутствие стремления к диалогу и сотрудничеству, взаимному уважению и пониманию сторон, а также нежелание принимать ценности другого.

В обществе, которое представляет собой множество автономных личностей, решением данной проблемы можно считать формирование толерантного сознания и уважительно-доброжелательного отношения, необходимых для выживания, общения, развития, духовного возрождения народов.

Феномен «толерантность» находит свое отражение в работах мыслителей различных эпох, которые сформулировали ряд подходов, акцентируя внимание на том или ином аспекте: натуралистическом (Т. Гоббс, Ж. Ламетри, М. Монтень, Л. Фейербах); психоаналитическом (З. Фрейд, Э. Фромм); коммуникативный (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, М. Бубер, С.Л. Франк); этико-аксиологическом (Дж. Локк, И. Кант) [3], [6].

Обобщив результаты исследований природы толерантности, следует сказать, что наиболее интересно, по нашему мнению, определяет данный феномен А.Г. Амбрумова, трактуя его как «уважительное отношение к Другому: как к Другому человеку, так и к Другой культурной традиции. Кроме этого, толерантность предполагает признание за Другим ценности, равной себе, благожелательное отношение к присутствию Другого, его мнению, готовность к диалогу, понимание того, что существуют различные пути, ведущие к истине. Толерантность выступает как открытость человека для общения и взаимодействия с Другими индивидами и системами» [2].

Различные подходы к пониманию толерантности обусловлены также и тем, что она может иметь различные основания. Классификация типов толерантности связана с выделением межэтнической, межконфессиональной (религиозной), гендерной, сексуально-ориентированной, социально-групповой, экологической, педагогической, физиологической, политической, дипломатической, научной, административной толерантности. Как видно, понятие толерантности многоаспектно, но в нашей работе на мы обращаемся к физиологической толерантности, которая характеризуется как терпимое отношение к больным, инвалидам, людям, имеющим физические или умственные недостатки [3].

В настоящее время все чаще можно наблюдать

интолерантное, агрессивное отношение к Другому, причиной которого выступает психологическая установка на дистанцирование «своих» и «чужих», страх перед «чужим», как перед неизвестным и непохожим на себя. Источником подобной интолерантности зачастую оказывается интеллектуальная или нравственная ограниченность личности, которая проявляется в твердом убеждении в правоте своей и себе подобных. В подобной ситуации иные точки зрения не воспринимаются индивидом как заключающие в себе значительную долю истины и, соответственно, имеющие право на существование.

На сегодняшний день нежелание выслушать и неспособность понять оппонента – подростка с ограниченными возможностями здоровья – рассматривается как одна из причин возникновения суицидального поведения у данной категории лиц. Проблеме суицидального поведения, под которым понимают проявление суицидальной активности, включающее в себя суицидальные мысли, намерения, высказывания, угрозы, покушения и попытки, в последнее время уделяется особое внимание. По данным Всемирной организации здравоохранения около 20 % самоубийств в мире приходится на подростковый и юношеский возраст. Однако число суицидальных действий и намерений в этом возрасте отмечается гораздо чаще [1], [4]. По данным исследователей, подростки с ограниченными возможностями здоровья, состояние которых препятствует освоению образовательных программ вне специальных условий обучения и воспитания, относятся к группе риска по развитию суицидального поведения [5].

Необходимо знать и понимать, что подростковый суицид сложнее, чем может показаться на первый взгляд. В психологии подростковый период характеризуется как возрастной кризисный переход ребенка из детства во взрослую жизнь. Следует отметить, что подросток ребенком уже не является, но и взрослым еще не стал. У подростка наблюдается наличие собственного для данного возрастного периода новообразования – «чувства взрослости», т.е. подросток считает себя взрослым и хочет, чтобы к нему относились как к взрослому, но смыслов, ценностей взрослой жизни и форм взаимодействия во взрослом мире у подростка еще нет.

Сложный кризисный период характеризуется конфликтами подростка как со своим внутренним «я», так и с окружающим его миром. Миром пока еще непонятным, пугающим. И попытка войти в этот «взрослый» окружающий мир связана с проблемами, которые он не в силах решить самостоятельно, но и не в силах объяснить окружающим. Именно те проблемы, с которыми сталкивается чувствительный и импульсивно реагирующий на события подросток, могут привести к самоубийству – результату того, что крик ребенка о помощи не был услышан.

Причины суицидов весьма различны, ибо их можно искать в генетических, биологических, психологических и социальных сферах человека. С.В. Бородиным и А.С. Михлиным была предпринята попытка классификации основных суицидальных мотивов, в числе которых выделялись следующие: личное-семейные (семейные конфликты и развод родите-

лей, болезнь и смерть близких, одиночество и неудачная любовь, половая несостоятельность, оскорбления и унижения со стороны окружающих); состояние здоровья (соматические заболевания, психические заболевания, уродства); конфликты, связанные с антисоциальным поведением (опасение уголовной ответственности, боязнь иного наказания или позора); конфликты, связанные с учебной или работой, материально-бытовые трудности, иные мотивы [1].

Для подростков с ограниченными возможностями здоровья наиболее распространенной причиной ухода из жизни является состояние здоровья, провоцирующее окружающих на унижения и оскорбления в их адрес. Совершая суицид, подростки с ограниченными возможностями здоровья в большинстве случаев не предусматривают смертельный исход, целью является привлечение внимания. Находясь под гнетом своих душевных переживаний, чувства неполноценности, обусловленных неспособностью выразить эмоции и чувства из-за речевых, сенсорных, интеллектуальных нарушений, подросток с ограниченными возможностями здоровья испытывает желание уйти из жизни. Поэтому крайне важно проводить профилактику суицидального поведения, под которой принято понимать «систему государственных, социально-экономических, медицинских, психологических и педагогических мероприятий, направленных на предупреждение развития суицидального поведения» [2].

Обычно проводят первичную, вторичную и третичную профилактику. Первичное звено направлено на все общество и имеет своей целью профилактику факторов суицидального риска. Очень важным методом на данном этапе является пропаганда толерантного отношения к людям – подросткам с ограниченными возможностями здоровья. Вторичное звено заключается в помощи непосредственно суицидентам. Третичная профилактика – это реабилитация суицидента после выведения его из критического состояния, помощь близким и родственникам суицидента, которые также являются представителями группы суицидального риска; также формирование и закрепление толерантного отношения к лицам, совершившим попытку ухода из жизни для их благополучной адаптации в обществе [1].

Исходя из всего вышеизложенного, следует сказать, что формирование суицидального поведения в пубертатном возрасте во многом зависит как от особенностей личности суицидента (эмоциональная неустойчивость, повышенная внушаемость, сензитивность, эксплозивность, импульсивность), так и от интолерантного отношения к этой личности. Именно поэтому очень важно формировать физиологическую толерантность в обществе, подкрепленную профилактикой, с целью предотвращения суицидального риска у подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Литература

1. *Алимова, М.А.* Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция / М.А. Алимова // Методические рекомендации. – Барнаул, 2014.

2. Амбрумова, А.Г. Возрастные аспекты суицидального поведения / А.Г. Амбрумова // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. – М., 1989. – URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-14779.html?page=4> (дата обращения 05.04.2015).

3. Баева, Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии / Л.В. Баева. – Астрахань, 2009.

4. Бовина, И.Б. Профилактика суицида в подростковой и молодежной среде: размышляя над опытом западных моделей / И.Б. Бовина // Психологическая наука и образо-

вание. – 2013. – № 2. – С. 214–227. – URL: <http://www.psyedu.ru> (дата обращения 05.04.2015).

5. Куприянова, И.Е. Особенности суицидального поведения детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья / И.Е. Куприянова, И.С. Карауш, Б.А. Дашиева // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2013. – №2. – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 05.04.2015).

6. Юровских, Н.Г. Толерантность как личностный и культурный феномен: дис. ... канд. филос. наук / Н.Г. Юровских. – М., 2005.

И.Н. Воробьева, Н.Б. Бабаева
г. Череповец

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В настоящее время в России каждый десятый человек – инвалид, и численность инвалидов в стране постоянно растет. Инвалиды являются социальной группой, которой необходимо повышенное внимание со стороны общества, особая охрана их прав со стороны государства. Одним из важнейших факторов интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья в жизнь общества является толерантное отношение к ним.

Формирование толерантности к лицам с ограниченными физическими возможностями представляет собой серьезную социальную проблему. Существующая длительное время медицинская модель отношения к инвалидам, когда считалось, что понятия «инвалидность» и «человек с ограниченными возможностями» однородны понятиям «нетрудоспособность» и «больной», привнесла в общество восприятие инвалида как человека неполноценного, который должен быть в специализированных медицинских учреждениях, поэтому инвалиды по большей части оказывались изолированными и дискриминированными.

Проведенное фондом «Общественное мнение» исследование подтвердило, что лишь две трети наших сограждан (61 %) считают, что «с инвалидами надо общаться так же, как и с обычными людьми». Почти треть (30 %) считают, что инвалиды все же не такие, как все (и вольно или невольно дают им это понять). Каждый десятый (9 %) с ответом затруднился, т.е. тоже не считает равенство обычных людей и инвалидов очевидным и бесспорным. Четверть россиян (24 %) призналась, что в обществе людей с физическими недостатками ощущает дискомфорт [3].

«У нас по-прежнему стыдливо замалчивают детали, когда речь заходит об инвалидах. Общество жалеет их, но социально дистанцируется. Но жалость по отношению к таким людям является недопустимой, она «унижает личность этих людей», мешает обрести уверенность в себе и своих силах», – заявляет в интервью российской «Комсомольской правде» экономист и публицист Ирина Ясина, известная борьбой за права инвалидов [2].

«Ведь не воспитывалось в нашей стране правильное отношение к инвалидам. Большинство россиян не имеют понятия об их жизни, проблемах, достижениях. У нас в стране они раньше банально не могли выйти на улицу, чувствовать себя равноправными участниками нашей жизни, а сейчас получили уникальный шанс быть интегрированными во все процессы», – говорит президент оргкомитета «Сочи-2014» Дмитрий Чернышенко [5].

Появившаяся незначительное время назад социальная модель совершенно по-иному интерпретирует понятие «инвалидность». Согласно этой модели, инвалидность требует политического вмешательства, так как проблема возникает из-за неприспособленности окружающей среды, вызываемой отношением и другими свойствами социального окружения. Такая модель призывает к интеграции инвалидов в окружающее общество, приспособление условий жизни в обществе и для инвалидов, а также поддержание мер для трудоустройства в организации, обучение общества навыкам общения с инвалидами [1].

Важнейшим условием достижения целей социальной адаптации является внедрение в общественное сознание идеи равных прав и возможностей для инвалидов. До сих пор в российском обществе идею социальной адаптации инвалидов на словах поддерживает большинство, однако углубленные изучения выявили сложность и неоднозначность отношения здоровых к больным.

Адаптивный спорт и паралимпийское движение в целом направлено сегодня на разрушение прошлых стереотипов «немогущести» и «физической неразвитости». Адаптивный спорт как направление физической активности получил всемирное значение и стал подлинным социальным феноменом, которому по силам оказывать решающее воздействие как на личность человека с ограниченными возможностями, так и на его социальное окружение.

Сфера физической культуры и спорта выполняет в обществе множество функций и охватывает все возрастные группы и категории населения. Представляется чрезвычайно важным тот факт, что инва-

лидам нужен прежде всего шанс доказать себе и обществу право на активное существование в умственном и физическом плане. Для многих из них спорт стал связующим звеном с жизнью здоровых людей, средством борьбы с недугом и социальной изолированностью, а зачастую и с самим собой. Фактически не осталось ни одного из известных и популярных видов спорта, в которых не принимали бы участие спортсмены-инвалиды, чьи результаты иногда приближаются и к олимпийским рекордам. Однако не во всех регионах это направление деятельности функционирует на достаточном уровне.

Досуговая спортивная деятельность с инвалидами в Вологодской области первое время осуществлялась только на местах, где жители активно принимали участие во всевозможных спортивных мероприятиях и показывали отличные результаты. Появление первых организованных занятий физическими упражнениями и спортом среди лиц с ограниченными возможностями связано с образованием ВООО «Федерация физкультуры и спорта инвалидов Вологодской области» в г. Вологде в сентябре 2000 года. Основная цель организации – реабилитация людей с ограниченными возможностями средствами физической культуры и спорта.

На сегодняшний день Правительством Вологодской области реализуются меры по развитию адаптивной физической культуры и спорта лиц с ограниченными возможностями здоровья в регионе, разрабатываются планы действий по созданию необходимых условий для физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности на территории области, в особенности в Вологде и Череповце. Однако, несмотря на принимаемые меры, развитие адаптивного спорта тормозится в связи с сокращением бюджетной финансовой поддержки.

Второй явной проблемой развития адаптивного спорта, по мнению большинства экспертов, специалистов в сфере адаптивной физической культуры и спорта города Череповца, является формирование толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями, которому препятствует проблема преодоления существующего стереотипа о ненужности обществу. Приведем цитаты из экспертного интервью. «Каждому инвалиду нужен мир, который принимал бы его всего целиком и без всяких условий. Мы считаем каждого человека с ОВЗ личностью, обладающей своими особенностями», – утверждает Е. Силинская, специалист Комитета по физической культуре и спорту. «... необходима 100 % интеграция инвалидов в общество, начиная с детских садов. Интеграция, которая будет включать адаптацию людей с ОВЗ в общество и формирование отношения общества к людям с ОВЗ. Прививая культуру общения с такими людьми с детства, мы сможем сформировать толерантное общество», – считает М. Корнилов, руководитель городского координационного совета по делам детей и молодежи, член молодежного парламента г. Череповца.

Негативное и дистанцированное отношение и поведение взрослых людей к инвалидам в большинстве случаев вызвано недостатком информации и, проще говоря, навыка общения. Среди негативных

эмоций по отношению к инвалидам ключевую роль играет неловкость. Эта эмоция вызывает состояние пассивности по отношению к инвалидам, ограничивает желание помочь. Уровень информированности населения о людях с ограниченными возможностями на данный момент остается на довольно низком уровне. «Многие ведь живут, не сталкиваясь с этим, в окружении нет инвалидов, вот в голову и не приходят подобные мысли, а тут увидели, узнали, что, несмотря на физические ограничения, можно добиться успеха, можно полноценно жить», – отмечает Е. Силинская. «Развитие с детского возраста способности в каждом человеке видеть его особенности позволяет людям получать переживания и усваивать их на базовом, физиологическом уровне, минуя моральные, оценочные суждения», – подчеркивает Н. Веселова, председатель ЧГОО «Спортивный клуб инвалидов г. Череповца».

Сегодня адаптивный спорт ломает существующие стереотипы об инвалидах и продолжает убеждать, что настоящая сила человека кроется в характере, способном преодолевать любые сложности и испытания. Формирование толерантного общества с активным взаимодействием «здоровых» людей и людей, имеющих ограниченные возможности здоровья, возможно посредством вовлечения «здоровых» людей в спортивное движение инвалидов и информирование их о примерах фантастического жизнелюбия, стремления преодолевать порою очень тяжелые испытания.

В обществе необходима разработка современных подходов к воспитанию толерантного самосознания, начиная с дошкольного возраста. Основной целью должно являться не формирование самосознания детей как насаждение взглядов взрослых, а создание таких условий, при которых толерантность у ребенка проявляется как естественное качество их личности. А это возможно только в инклюзивной среде. Обучение и воспитание ребенка в инклюзивной среде делает его толерантным к любым особенностям нарушения здоровья. Такое воспитание направлено на преодоление чувства страха и отчуждения у детей и взрослых по отношению к другим.

Литература

1. Овчаренко, С.А. Медико-социальные проблемы реабилитации инвалидов с детства / С.А. Овчаренко // Материалы Межд. конгресса «Человек и его здоровье». – СПб., 1997.
2. Новое отношение к инвалидам: мир обсуждает Паралимпиаду. «Российская служба BBC». – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/sport/2012/09/120910_uk_paralymphics_world_press.shtml Дата обращения: 12.04.2015
3. Отношение к инвалидам в России // Российская газета. – URL: <http://progavrichenko.ru/invalidnost/otnoshenie-k-invalidam-v-rossii.html>. Дата обращения: 12.04.2015
4. Паралимпиада 2014: сломать лед недопонимания // Российская газета. – URL: <http://progavri-chenko.ru/olimpiada-v-sochi/paralimpiada-2014-sloamat-led-nedoponimaniya.html> Дата обращения: 07.04.2015
5. Писаревская, М.А. Формирование толерантного отношения к детям с ограниченными возможностями в условиях инклюзивного образования / М.А. Писаревская. – Краснодар, 2013

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ БАЗОВЫХ КАЧЕСТВ
СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

Понятие «толерантность» применяется во многих профессиях, связанных с работой с людьми, таких как: психология, социальная работа, социология, связи с общественностью и т.д. Толерантность в различных словарях определяется как «терпимость к чужим верованиям, мнениям, поведению, снисходительность к чему-либо или кому-либо». Сущность данного понятия, по нашему мнению, в полном объеме раскрывается в «Декларации принципов толерантности» – основополагающем международном документе, принятом ООН в 1995 году. «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести, убеждений <...>. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира. Толерантность – это не уступка, снисхождение или притворство, а прежде всего активное отношение к действительности на основе признания универсальных прав и свобод человека <...>. Наиболее эффективное средство предупреждения нетерпимости – воспитание» [1].

Таким образом, толерантность – сильное, объективно выгодное и положительное качество для самого человека. Толерантность – это не только уважение чужих норм и ценностей, когда отсутствуют собственные, но и позиция, с помощью которой происходит расширение мировоззрения за счет взаимодействия с людьми различных культур, ориентаций, позиций, взглядов.

Представление о толерантности формировалось многие годы и продолжает формироваться до сих пор. Понятие «толерантность» характеризуется широким спектром значений, который постоянно дополняется, пытаясь адаптироваться к действительности, преподносящей новые и многообразные проявления нетерпимости, требующие новых средств преодоления.

В научных исследованиях по толерантности данный феномен в основном рассматривается в плане межэтнических и межнациональных взаимодействий между людьми, поэтому большое количество работ посвящено данной проблематике. Однако, изучение толерантности в социальной сфере также актуально в современных условиях. Тем более, что модернизация в социальной сфере требует от специалистов знаний, умений и навыков работы с клиентами-семьями в больших количествах, учитывая все их особенности мировоззрения, не осуждая их поступки, быть способным и готовым учитывать личностные и социальные различия, прийти на помощь нуждающимся.

В условиях роста социального разнообразия имеет место быть опасной тенденция нарастания межэтнической и межпоколенческой нетерпимости. Поэтому так важно формировать и развивать толерантность у работников системы социальных служб, так как толерантность находится в тесной взаимосвязи с профессионально важными качествами личности, такими как альтруизм, наличие смысла жизни, восприятие и понимание неопределенности, способность к рефлексии, психологическая устойчивость, конфликтоустойчивость.

Толерантность считается признаком высокого интеллектуального и духовного развития специалиста любой профессии. Она полностью соответствует тем гуманитарным задачам, которые ставит новый XXI век, и необходима, если работник социальных служб стремится достигнуть открытых и доверительных отношений со своими клиентами. Толерантность специалиста основывается на принципе уважения каждого человека, признавая в нем личность, у которого есть право на свободу выбора, свободу действий и мыслей. Таким образом, наиболее важным в данной сфере является уважение человеческого достоинства, независимо от различия по этническому, расовому, возрастному, сексуальному, общественному, политическому, религиозному, социально-экономическому, языковому признакам или других личных характеристик, особенностей, статуса или состояния. Поскольку специалисты социальных служб различаются по своим личностным качествам и мировоззрению, важной частью работы является гибкость. Гибкость – это важное качество, необходимое для достижения нужного результата в различных ситуациях в работе с клиентом, а также способность легко переключиться с одной проблемы на другую.

Работать с клиентом, который находится в трудной жизненной ситуации, необходимо в атмосфере взаимного уважения и открытости. Иначе, как бы высоки не были намерения социального работника, его скрытность, нетерпимое и агрессивное поведение по отношению к человеку, который нуждается в помощи и поддержке, просто недопустимы.

Социально-психологические качества личности специалиста по социальной работе во многом определяют успешность его работы с клиентом и являются необходимым условием его профессиональной пригодности для этой деятельности. Формирование толерантности и моральных качеств происходит путем усвоения духовных ценностей общества, превращения их в процессе деятельности в убеждения и потребности.

Профессиональная деятельность специалиста по социальной работе многогранна, но ее основу со-

ставляет работа с семьями, которые находятся на различных этапах неблагополучия. Специалист по социальной работе как профессионал обязан работать как с семьей, так и с окружением семьи (родственники, работники учреждений, друзья и т.д.). Тем самым подтверждается то, что в этой профессии очень важно уметь принимать человека таким, какой он есть, без негативного к нему отношения и осуждения. А это возможно в том случае, если специалист в своей профессиональной деятельности руководствуется принципом толерантности.

Особенности социальной работы как профессиональной деятельности определяют специфику и сущность нравственно-ценностного регулирования деятельности специалистов, детерминируют требования к личностным качествам человека и тем самым обуславливают наличие толерантного работника. В связи с этим рассмотрим значение, а также сущностные и содержательные характеристики толерантности как профессионально-личностного качества специалиста по социальной работе на примере проекта «Служба поддержки ребенка в семье» благотворительного фонда «Дорога к дому».

Специфика проекта «Служба поддержки ребенка в семье» заключается в работе с семьями, находящимися на ранних стадиях семейного кризиса. Это те семьи, в которых только начались трудности, и сами семьи, как правило, не замечают этого. В таком случае ответственность специалиста по социальной работе очень велика, поскольку его задача заключается не только в том, чтобы оказать семье помощь, но и преодолеть сопротивление семьи, чтобы она пошла на контакт, увидела свои трудности, и тем самым установились доверительные отношения. В проекте приходится работать с разными категориями населения, такими как:

- одинокие мамы, у которых нет представления о полноценной семье;
- выпускницы детских домов, не приспособленные к самостоятельной жизни;
- иждивенцы, которые не работают и не хотят работать;
- семьи различной национальности;
- семьи, в которых родители зависимы от алкоголя;
- семьи, в которых насилие – это норма и др.

В таких семьях представление о нормах зачастую не соответствуют нормам и мнению специалиста. Но чтобы не унижить, не оскорбить и не показать свое отношение к происходящему, специалисту необходимо вести себя в рамках своей профессиональной деятельности, а именно: прежде всего, уважать, проявлять терпимость к ближнему, сочувствовать, искать в человеке положительное, понимать и принимать его. Таким образом устанавливаются доверительные отношения клиента со специалистом. Клиент видит в специалисте опору и поддержку, он понимает, что в него верят и он не одинок в своей проблеме. В данной сфере, как показал опыт работы с трудными семьями, важным фактором в решении проблем является человек, а именно – специалист по социальной работе. Это связано с тем, что в большинстве случаев, когда семья сталкивается с трудностями, от нее отворачивается весь мир, и если социальные службы не окажут эмоциональную поддержку и не проявят понимание, то семья может не справиться со своим кризисом. Так же, если специалист будет воспринимать все негативно, осуждать поступки клиентов, то возможен высокий риск эмоционального выгорания. Поэтому социальному работнику необходимо уметь абстрагироваться от проблем клиентов, подходить к работе с профессиональной точки зрения, уметь расценивать свои взгляды с помощью общения с различными людьми. Таким образом, толерантность является неотъемлемым качеством специалиста по социальной работе, которое так важно не только для клиента, но и для самого работника социальных служб.

Для современного общества чрезвычайно значимо понимание того, что толерантность – это не простое принятие мнения других людей. Это активное стремление к защите не только своих прав и свобод, но и прав и свобод людей, которые находятся рядом.

Литература

1. Декларация принципов толерантности от 16 ноября 1995 года // Толерантность – гармония в многообразии. – URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения 15.04.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексеев Сергей Александрович**, старший преподаватель кафедры истории и философии ГИ ЧГУ, учитель истории и обществознания МБОУ «Женская гуманитарная гимназия» (г. Череповец, Россия)
- Алексеева Надежда Викторовна**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Амброзяк Дарья**, канд. филол. наук, преподаватель Института славистики Опольского университета (г. Ополе, Польша)
- Андрощук Владимир Антонович**, канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Антонова Злата Владимировна**, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Аронов Дмитрий Владимирович**, д-р ист. наук, профессор ФГББОУ «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс» (г.Орел, Россия)
- Арпентьева Мариям Равильевна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» (г. Калуга, Россия)
- Бабаева Надежда Борисовна**, магистрант кафедры социологии и социальных технологий ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Балюшина Юлия Львовна**, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ(г. Череповец, Россия)
- Беженару Людмила Ефимовна**, канд. филол. наук, доцент кафедры славистики «Петру Караман», Департамента иностранных языков Ясского госуниверситета им. Александра Иоан Кузы (г. Яссы, Румыния)
- Булдаков Владислав Евгеньевич**, аспирант Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (г. Киров, Россия)
- Виноградова Мария Павловна**, аспирант кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (г. Ярославль, Россия)
- Воробьева Ирина Николаевна**, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Воронина Людмила Васильевна**, студент Факультета биологии и здоровья человека ЧГУ (г.Череповец, Россия)
- Вострикова Влада Владиславовна**, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой «Философия, история и право» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Орел, Россия)
- Гайкин Виктор Алексеевич**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН (г. Владивосток, Россия)
- Глотова Светлана Николаевна**, преподаватель гуманитарных дисциплин ГОБУ СПО ВО «Борисоглебский индустриальный техникум» (г. Борисоглебск, Россия)
- Гончарова Елена Николаевна**, аспирант ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород, Россия)
- Даренина Марина Сергеевна**, магистрант кафедры социологии и социальных технологий ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Добровольский Евгений Сергеевич**, аспирант кафедры истории и философии ГИ ЧГУ, учитель истории и обществознания МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №30» (г. Череповец, Россия)
- Жэнь Гуансюань**, профессор Пекинского государственного университета (г. Пекин, Китай)
- Егоров Андрей Николаевич**, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Егорова Юлия Сергеевна**, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и исторических дисциплин ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет» (г. Вологда, Россия)

- Ермаков Александр Михайлович**, д-р ист. наук, доцент, проректор по учебной работе (заочное отделение) ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (г. Ярославль, Россия)
- Исаков Алексей Александрович**, канд. филос. наук, доцент кафедры теологии и истории культуры историко-филологического факультета Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Арзамас, Россия)
- Касаткина Светлана Сергеевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Клименко Екатерина Владимировна**, канд. культурологии, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Клитцинг Елена фон**, сотрудница проекта Высшей школы искусства и общества Аланус (г. Ахен, Германия)
- Князева Светлана Евгеньевна**, канд. филол. наук, доцент РГГУ (г. Москва, Россия)
- Ковалева Галина Александровна**, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Козлова Ольга Валериевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Козловская Наталия Витальевна**, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра РАН (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Колокольчикова Римма Станиславовна**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Кузьмина Маргарита Владимировна**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт всеобщей истории» Российской академии наук (г. Москва, Россия)
- Лабутина Татьяна Леонидовна**, д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия)
- Лаврова Светлана Юрьевна**, д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Лин Денг**, преподаватель Шанхайского технологического института (г. Шанхай, Китай)
- Мальшева Марина Михайловна**, д-р эконом. наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (г. Москва, Россия)
- Макаров Юрий Александрович**, канд. псих. наук, доцент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Марков Евгений Алфеевич**, д-р полит. наук, профессор кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Мартюшова Екатерина Дмитриевна**, магистрант кафедры социологии и социальных технологий ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Мауль Виктор Яковлевич**, д-р ист. наук, профессор Нижневартовского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета (г. Нижневартовск, Россия)
- Мишарева Татьяна Федоровна**, студент Факультета биологии и здоровья человека ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Мухина Ирина Николаевна**, аспирант кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Никитинская Анна Анатольевна**, студент Института педагогики и психологии ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Новиков Алексей Евгеньевич**, канд. филол. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Пахолкова Татьяна Васильевна**, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Петелин Борис Валентинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)
- Прохоров Дмитрий Анатольевич**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Таврической Академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

(г. Симферополь, Крым, Россия)

Прохорова Татьяна Александровна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник научно-фондового отдела ГБУК «Национальный заповедник Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Крым, Россия)

Рыбакова Наталья Александровна, канд. филол. наук, доцент (г. Череповец, Россия)

Самойличенко Николай Владимирович, канд. эконом. наук, доцент кафедры экономики и управления НОУ ВПО «Вологодский институт бизнеса» (г. Вологда, Россия)

Седов Андрей Вячеславович, канд. филол. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)

Серебрякова Светлана Георгиевна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Смирнова Ольга Вениаминовна, канд. филос. наук, профессор кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)

Солодянкина Ольга Юрьевна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)

Сорвина Марианна Юрьевна, канд. искусствоведения, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия)

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета (г. Брест, Беларусь)

Сухарева Наталия Павловна, канд. филол. наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурных коммуникаций ГИ ЧГУ, учитель немецкого языка МБОУ «Женская гуманитарная гимназия» (г. Череповец, Россия)

Тихомиров Сергей Алексеевич, директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории (г. Вологда, Россия)

Тотьмянин Николай Дионисович, канд. ист. наук, доцент кафедры иностранных языков ГИ ЧГУ (г. Череповец, Россия)

Тумаков Денис Васильевич, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и философии ГБОУ ВПО «Ярославская государственная медицинская академия» Минздрава России (г. Ярославль, Россия)

Фафурдинова Елизавета Владимировна, ассистент кафедры социологии и политологии Института социально-гуманитарных и политических наук ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова» (г. Архангельск, Россия)

Федорович Максим Юрьевич, аспирант Московского государственного педагогического университета (г. Москва, Россия)

Хайлова Нина Борисовна, канд. ист. наук, доцент, научный сотрудник ФГБУН «Институт Российской истории» Российской Академии наук (г. Москва, Россия)

Хисматуллин Ильгиз Рафитович, магистр географического образования ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Башкортостан, Россия)

Христенко Дмитрий Николаевич, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета (г. Ярославль, Россия)

Эванс Эллисон, аспирант Университета Пенсильвании (Пенсильвания, США)

Янь Кай, преподаватель Шанхайского технологического института (г. Шанхай, Китай)

Яо Чуньюй, преподаватель Шанхайского технологического института (г. Шанхай, Китай)

Проблемы толерантности: история и современность

*Международная научная конференция
(г. Череповец, 16 – 18 апреля 2015 г.)*

Редактор: Н.Г. Мельникова
Компьютерное макетирование: Н.Г. Мельникова

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 27.05.13. Зак.
Тир. 100 (1 з-д – 29). Уч.-изд. л. 23. Усл. п. л. 18.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.